

СМЕНА

февраль

2002

- Александр Экштейн **Путь к Юпитеру**
- Борис Сопельняк **Последний предатель**

ИДЕАЛЬНАЯ ФОРМУЛА

Моторное масло ЛУКОЙЛ

ТОЛЬКО СЕРТИФИЦИРОВАН

Предельные температуры.
Экстремальные режимы.
Исключительная выносливость.

ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ
ФАСОВАННЫХ МАСЕЛ «ЛУКОЙЛ»
ОБРАЩАТЬСЯ ПО МНОГОКАНАЛЬНОМУ
ТЕЛЕФОНУ: (095) 973-7063

 ЛУКОЙЛ

www.lukoil-masla.ru

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

Главный редактор

Михаил Кизилев

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Данюшевский

Николай Левинев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела

литературы и искусства

Тамара Чинина

2002
февраль (1648)

Сдано в набор 20.12.2001.
Подписано к печати 17.01.2002.

Печать офсетная.

Заказ № 20

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

257-31-37 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: smena@gamet.ru

www.smena-id.ru

Проект разработан и поддерживается
студией веб-дизайна "Крон"

www.cron.ru (<http://studio.cron.ru>)

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Reg. № 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии

ООО СИД "Медиа-Пресса"

В случае полиграфического брака

обращаться в типографию:

257-42-29, 257-41-03

Журнал выходит

12 раз в год.

© "Смена", 2002.

42 *Андре Бюерке*
ТЯЖЕЛЫЙ ПОКЕР
Зарубежный рассказ

130 *Александр Экштейн*
ПУТЬ К ЮПИТЕРУ
Остросюжетный роман

244 *Михаил Казовский*
О, ЕЛКИН!
Иронический рассказ

4 *Александр Аннин*
**НА БРЕГЕ
СЕЛИГЕРСКОМ**

24 *Светлана
Бестужева-Лада*
ВЕНЕЦ НЕУДАЧИ

66 *Борис Хинир*
**КАК ЗОВУТ ВАШЕГО
ОТЦА?**

86 *Борис Сопельняк*
**ПОСЛЕДНИЙ
ПРЕДАТЕЛЬ**

206 *Андрей Ильин*
**КАК НЕ БЫТЬ
ИДИОТОМ**

214 *Игорь Гаманюков*
**НАЛЕТЧИКИ
ПОНЕВОЛЕ**

268 *Юлия Чепалова:*
**"МНЕ ЛЫЖИ ПАПА
СМАСТЕРИЛ"**

Февраль '2002

В НОМЕРЕ:

стр. 34

стр. 114

34 *Армен
Джигарханян:*
**"НА СЦЕНЕ ДЕЛАЮ
СО ЗРИТЕЛЕМ ВСЕ,
ЧТО ХОЧУ..."**

76 *Феодосий Евграфов*
ПУТЬ ХОДАСЕВИЧА

98 *Любовь Русева*
**КАМЕННАЯ
ЛЕТОПИСЬ**

114 *Владимир
Соколовский*
ЛАРСОН

224 *Алла Сурикова*
**ДЕСЯТЬ КАПЕЛЬ
ПЕРЕД СРЕЛЬБОЙ**

262 *Евгений Макаров*
**НАЦЕЛЕННЫЕ
НА УСПЕХ**

стр. 224

41 *Анатолий Коротков*

72 *Валерий Митрохин*

96 *Наталья Карагаева*

Хью Пентикост

МЕРТВАЯ КРАСАВИЦА

В написанном по канонам классического детектива романе известного американского писателя присутствуют все атрибуты жанра – и убийство, и ревность, и похищение, а главное – непредсказуемая развязка, когда из обширного круга подозреваемых виновным оказывается совершенно неожиданное лицо...

Сергей Смородкин **ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ**

Уверены, очерк нашего корреспондента о последних годах жизни автора «Горя от ума» Александра Грибоедова – настоящая сенсация. Журналисту, ведшему несколько лет кропотливое расследование, удалось получить поистине удивительные доказательства того, что Грибоедов не был убит в Тегеране во время известной резни в 1829 году, а провел остаток жизни под другим именем как простой смертный, порвав цепи, связывавшие его со светским обществом.

март 2002

АНОНС:

На берегу

Александр АННИН

Столица озерного края — так называют Осташков еще с довоенных времен, когда после отмены продовольственных карточек партия и правительство озаботились организацией достойного отдыха для советских людей. В постановлении Совнаркома почтили

и Осташков, объявив его центром туризма в средней полосе России. Начали было строить дома отдыха, да война грянула. А после войны Осташкову вновь "не повезло": немцы городок не занимали, поэтому и государственных субсидий на восстановление и развитие он

Николай Густов

селигерском

не получил. Несколько заводов, на которых еще теплится жизнь, как правило, ведут свою историю с времен дореволюционных. Да и население города практически не выросло по сравнению с 1913 годом — всего-то 23 тысячи оставшей живут здесь простой, нехит-

рой жизнью провинциалов. И туризм здесь по сей день по большей части диний, "неорганизованный": из года в год едут сюда москвичи да питерцы, чтобы вновь, как и много лет назад, раскинуть палатки на когда-то полюбившемся месте у Селигера-озера.

Впрочем, местные жители довольны тем обстоятельством, что сохранился стародавний, купеческо-монастырский облик Осташкова, его тихие улочки с тропинками вместо тротуаров, приземистые особняки торговых людей и избы с резными наличниками. И храмы православные почитай что все целехоньки, еще издали сияют крестами, хотя служат лишь в одном Знаменском соборе, а прочие приспособлены для культурно-просветительских нужд. Где — музей, где — галерея местных художников, концертный зал... А все ж таки не склад или контора, и то слава Богу.

Овеяно легендами возникновение Осташкова. Предшественником его был древний городок Кличен, это название содержится в жалобе литовского князя Ольгерда византийскому патриарху Филофею на московского митрополита Алексия: "Против своего крестного целования взяли у меня города Ржеву, Сижну, Луки Великие, Кличен". Жалоба датирована 1371 годом, и осташи почитают себя вправе вести отсчет своей истории с этой даты. В историческом очерке XIX века В.И.Понровский пишет: "Как главное селение местности, Кличен имел характер центрального пункта с полным устройством управления местными селениями и с церковью Георгия Победоносца".

Князь Ольгерд стерпел обиду, нанесенную ему московскими властями, отобравшими Кличен, но не стерпели новгородцы: в 1393 году они варварски разорили Кличен. Часть жителей перебили, других увели в плен. Набег был молниеносным, новгородцы быстро ушли с пепелища, и поэтому в живых ос-

тался рыбак Евстафий (в просторечьи — Астафий, Асташ, Осташка) — он был со своим семейством где-то на озере. Потом откуда-то прибыл сюда с домочадцами рыбак Тимофей, и появились на берегу Селигера две слободки — Осташковская и Тимофеевская. Улицы с такими названиями сохранились в городке и доныне: даже большевики, падкие на тотальные переименования, не решились посягать на дорогие сердцу оставшей имене. Правда, город и без того сплошь увешан табличками с фамилиями Урицкого, Володарского и иже с ними — вместо прежних названий улиц: Знаменская, Миллионная... Все эти партийные деятели отродясь в Осташкове не бывали, и мало кто знает, что уж такого выдающегося они содеяли. Зато переулок Андрианова — гордость оставшей, он назван в честь местного художника, автора государственного герба СССР, который жил и умер на этой земле.

"Нарядная бедность"

Сориентироваться в Осташкове нетрудно, если знаешь топонимический секрет этого городка. Дело в том, что по сложившейся традиции здесь с востока на запад тянутся "улицы" и "проспекты", а с севера на юг — исключительно "переулки". А вообще-то ни шириной, ни высотой проспекты от переулков не отличаются. Вот, к примеру, Гвардейский проспект, идущий в центр от вокзала. Вдоль дороги — поросшие травой тропинки, деревенские избы, местами крытые дранкой. Лишь кое-где высятся кирпичные коттеджи со встроенными гаражами, случается, мелькнет и серебристый

"мерседес"... Что ж, богатые есть всюду, где имеют хождение деньги.

Кстати, а есть ли в Осташкове "местная мафия"? Об этом я спросил у здешнего краеведа Александра. "Тут мы, конечно, не хуже других, и "братва" своя имеется, — говорит краевед. — Но какие-то они мелкотравчатые, идеями не богаты. Интересы низменные: купили иномарок, на большее фантазии не хватает. И по-настоящему здесь заправляют москвичи — кажется, солнцевские. Наканун, Осташков — туристский город".

А с центром города лично я так до конца и не определился. Наверное, это все-таки порт с белоснежными речными судами, с грандиозной набережной вдоль озера. А чуть выше — городской парк с колокольной, кинотеатром дореволюционной постройки, теннисным прудом. Пруд недавно расчистил и привел в божеский вид некий здешний бизнесмен, а на островке построил чудесное кафе-теремок. Придешь засветло — чисто, безлюдно. Расчеты хозяина, что, мол, сюда пойдет культурная молодежь, не очень-то оправдались. Днем тут искренне рады любому посетителю, а по вечерам... Блатные шлягеры, которые здесь крутят в любое время суток, дают вполне определенное представление о нравах завсегдаев.

Главной улицей считается Ленинский проспект. Дремлют приземистые хинины с заночленными ставнями, высятся вековые деревья. Еще недавно, вплоть до полного обветшания, над проезжей частью колыхался трогательный транспарант: "Чудесен край озерный!". Величественный Зна-

менский храм обнесен крепостной стеной с круглыми башенками, в одной из них торгуют мороженым. У церкви — чистенькие, благообразные нищенки. Их собратья мужского пола одеты в довоенные, опрятного вида пиджаны. На земле — картуз, и чудится, будто в нем поблескивают старые, добрые медяки...

Еще в XIX веке приезжие дивились, что бедность в Осташкове каная-то особенная: нарядная, благочестивая. Такая бедность, которая соседствует даже с некой гордостью. Мол, наши предки так жили, и мы так живем. Кормимся плодами рук своих. Осташи издревле были хорошими рыбаками и огородниками, умели разумно пользоваться лесными дарами. Вот и сегодня осташковский базарчик радует глаз: поленицами уложены мерзлые судачки и щуки, а не то так и угорька свежего можно принюхать. Хороший трехнилограммовый судачок стоит в пределах 80-90 рублей. А сушеные грибы, моченые ягоды отдают и вовсе по дешевке.

Рыбы в озере, как говорят местные жители, "пока много". Но... Появились пришлые браноньеры с электроудочками, да и местные мужики порой безбоянно гребут рыбу сетями. Кража чужих сетей, оставленных без присмотра — ходоковой промысел на берегах Селигера.

Мэр кладет печи

Городского голову в Осташкове испокон веков старались выбирать из вчерашних крестьян, торговых людей. То есть — из простонародья. В этом смысле и нынешний осташковский мэр продолжает традицию. Правда, он не фер-

мер и не бизнесмен, да и не считаются эти профессии сегодня "простыми".

Тяга ошастей к незамысловатости, видимо, сказала в том, что вот уже второй срок местную администрацию возглавляет сорокалетний Иван Васильевич Павлов. Да и сам мэр, посмеиваясь, не отрицает, что его "фамилия-имя-отчество" сыграли определенную роль в успехе на выборах. Но по-настоящему он люб ошастам своим простым жизненным укладом, своим характером. "Дельный мужик, да и головастый к тому же", — говорят о нем в народе. Жена мэра — воспитатель детского сада, и это тоже одобряется ошастами. А семилетняя дочка Аня уже вовсю занимается художественной гимнастикой, мечтает о балете.

Здесь, в российской глубинке, не совсем понимают, на чем строится личное благосостояние московских "публичных политиков". Откуда у них большие деньги? Вот Павлов — дело другое, он у всех на виду. И если что-то зарабатывает сверх положенного оклада, то не делает из этого секрета. Потому что трудится собственными руками. Все знают, что он работал геологом, потом — строителем. А попутно освоил и профессию печника — никто в городе не может лучше мэра сложить камин или печку. И немало ошастей вспоминают добрым словом Ивана Васильевича, согреваясь у камельна в зимнюю стужу.

Газовых магистралей в городе нет по сей день, и это — основная головная боль администрации. "Деревянный" Ошашнов отапливается, как и в старину, дровами, а "наменный" — паровыми котлами.

За год здесь сжигают оноло 30 тысяч тонн мазута, что буквально разоряет городскую казну.

К дровам в Ошашкове привыкли, и каждую зиму по утрам и вечерам морозный воздух пронизывают струйки дыма из печных труб. Вот и городской голова колло березовые поленья, когда я "запросто" нагрнул к нему в гости. Рубленый дом Павлова стоит возле самого Селигера. Строил его Иван Васильевич сам, со старшим сыном Павлом, студентом тверского политеха.

Мэр с любовью показывает мне свой дом, огород. Здесь много экзотических саженцев, но в особом почете — какой-то диовинный можжевельник, который хорош для банных веников. "Можжевельник у нас и в лесу растет, значит, экология хорошая, не испорченная, — радуется Иван Васильевич. — Но зачем, как говорил Есенин, "грабить лес", если можно самому вырастить?"

Ничего не скажешь, хозяйственный мужик, с руками. Но вот разговор наш переходит на городские дела, и добродушное лицо Ивана Васильевича слегка суровее. Кажется, Павлов с куда большим удовольствием продолжил бы банную или печную тему.

"Тянем-потянем мы ниточку газопровода, все вытянуть не можем, — говорит мэр. — Немного уж осталось, глядишь, через год-другой будет в Ошашкове свой газ. И не только в Ошашкове, а и в окрестностях. А это значит, что цена на землю по берегам Селигера резко может подскочить. Этого и ждут наши доморощенные земельные спекулянты. Когда лет десять назад началась массовая раздача участнов, дело

это как следует не контролировалось, и многие набрали себе земли то здесь, то там. Я все собираюсь навести в этом порядок, буду пересматривать в некоторых случаях права собственности".

Между прочим, мэр вполне серьезен: ведь "национализировал" же он недавно девять магазинов, которые были до этого в руках нерадивых арендаторов. Открыл там госторговлю, и дела пошли на поправку.

Большая морона — ситуация с многочисленными частными предприятиями, их в Осташкове порядка двух тысяч. То есть в среднем по одному на шесть трудоспособных жителей. "Как в высокоразвитых европейских странах", — смеется Павлов. Но шутки шутками, а налоги собирать надо. Хитрость в том, что практически все фирмы официально зарегистрированы как индивидуальные предприятия, стало быть, выплачивают копеечные подати. Хотя реально их владельцы имеют порой по несколько десятков наемных работников. Эта мысль не дает Павлову покоя.

Иван Васильевич, как и многие осташи, с настороженностью относится к пришлым инвесторам, сулящим всевозможные блага за право построить гигантские туристические комплексы. Да, развивать "организованный туризм" надо, но и прикинуть не мешает, кто способен сильнее навредить озерному краю — турист-шатун или, к примеру, пансионат. Здесь ценят такое хрупкое понятие, как экологическая чистота. И слово "патриотизм" на Селигере — не пустой звук. Город со всех сторон буквально "обложен" заповедниками и заказниками, их около сорока.

Есть даже своя природоохранная прокуратура, она обитает в старинном особнячке.

Прибрежные жители пьют воду прямо из озера, ее называют живой. А рыба изображена на гербе города, и именитых гостей встречают не традиционным хлебом-солью, а здешним рыбным пирогом.

"Сатанинское капище"

В общем, селигерским обывателям есть чем дорожить. И поэтому года три назад их чрезвычайно взволновало одно событие, так сказать, местного масштаба. Близ города, по дороге на Волговерховье, вдруг в одночасье появилось диокиновское сооружение — 22-метровая пирамида из сверкающего белизной стеклопластика. Ее построил московский предприниматель Голод. От такого известия веяло чем-то мистическим. Местные жители стали подмечать, что у пирамиды останавливаются машины, какие-то нездешние люди через маленькую дверцу загружают в утробу "марсианского" сооружения булочки, колдуют там над ними а потом разбрасывают по окрестностям. Рыболовы и грибники находили камни, помеченные белой стрелкой, по берегам Селигера, на исток Волги. "Эти стрелы направлены в самое сердце святой Руси" — подхватил народ брошенную кем-то фразу.

Набожные осташи объявили пирамиду сатанинским капищем, что и подтвердил с церковного амвона настоятель Знаменской церкви и наместник Нило-Столобенского монастыря архимандрит Вассиан. Некоторые мужики расценили слова уважаемого в наро-

де пастыря как благословение разрушить пирамиду и взялись за топоры. Но по местному радио прозвучало грозное предостережение: за порчу дорогостоящего "научного объекта" срок обеспечен.

А тут и сам Александр Голод приехал в Осташков, собрал жителей на сход. И наслушались там люди удивительных вещей. Дескать, радоваться надо, а не лютовать. На полном серьезе жителям было обещано, что в результате энергетического воздействия пирамиды значительно повысится урожайность, возрастут нади, вода в речах и озерах очистится и перестанет "цвести", воздух станет целебным. Прекратятся все мыслимые заболевания, сойдут на нет наркомания и алкоголизм. Суженная верность будет нормой жизни. И даже число автомобильных аварий резко сократится.

Даже простодушные осташи во все это не поверили, хотя Голод заявлял, что, согласно проведенным исследованиям, вода в Волге уже стала намного чище. Люди-то знали, что причиной тому — остановка производства на многочисленных заводах, которые раньше сливали в реку отходы.

Однако некоторых весьма заинтересовал один момент из "проповеди" Голода. Дескать, если, найдясь внутри пирамиды, капнуть лекарство в бутылку воды, то все содержимое бутылки превратится в означенный лекарственный препарат. И вот, вопреки антиалкогольным прогнозам, возник любопытный вопрос: а если вместо лекарства использовать водку? Получится из одной капли целая поллитра или нет? Многие пытались претворить воду в портвейн, вод-

ку, самогон, но чуда не произошло. И практический интерес к пирамиде пропал, тем более что не реализовались и все прочие из обещанных благ. Осташи прочно невзлюбили "марсианское" сооружение, а краевед Александр и вообще выдвинул теорию, что край Селигерский ожидает участь Египта, где, как известно, вокруг пирамид простирается безжизненная пустыня.

Накануне миллениума случилось то, чего ждали: кто-то поджег пирамиду изнутри, не пожалев бензина. Безвестного героя славили в Осташкове и окрестностях. "Жаль только, что он не догадался оношно прорубить для вытяжки, вот пламя и задохнулось", — сетовали мужики. Действительно, пирамида хотя и сильно пострадала, но уцелела и была реставрирована. А дальше произошло нечто странное: по словам мэра Ивана Павлова, тогдашний министр МВД Владимир Рушайло лично позвонил в Тверь и распорядился выслать для охраны объекта наряд ОМОНа. Через месяц "караул устал" и был снят с дежурства. Впрочем, и страсти вокруг пирамиды улеглись, и никто больше не посягает на целостность "сатанинского капища".

Архимандрит Вассиан ходил к мэру, стыдил его за то, что он разрешил строительство пирамиды. Павлов расстроился. Негоже ссориться с церковью, это здесь не принято, дурной тон. Так уж сложилось, что в любом деле успех во многом зависит от того, какую позицию займет отец Вассиан. С этим надо считаться. "Отче, не браните меня, — оправдывался Иван Васильевич. — Я же понимаю, что все обещания Голо-

да — это сказки для детей, но подумал: а, может, насчет надев он не врет? У нас ведь с мо- локом проблемы...

В разговоре со мной Павлов был посмелей и даже изволил шу- тить: "А что уж плохого в этой пи- рамиде? Между прочим, таной ни у ного в России больше нет, толь- ко у нас. Тоже ведь реклама края, привлечение инвестиций. Мне уж предлагают построить мотель "У подножия пирамиды", сувенирный магазин со всякими безделушка- ми, "заряженными" в ее утробе. Думаю тендер провести среди предпринимателей. Кстати, слу- чай смешной был: звонит мне тут из Лондона наной-то тамошний профессор и спрашивает: наной ерундой вы там занимаетесь, чего ради такие деньги во всякие псев- донаучные проенты вкладываете? А я ему: а для того, чтобы такие, как вы, нам со всего света звони- ли и интересовались"

Тоже своего рода патри- отизм...

Наследие русских купцов

Здесь, в Осташкове, любили бывать Алексей Толстой, Галина Уланова... Борис Гребенщиков, сказывают, именно на Селигере написал свою знаменитую песню: "Под небом голубым есть город золотой". Писатель Владимир Со- лоухин долгими вечерами вел степенные разговоры с отцом Васи- аном о судьбах России. Ирина Ар- хипова организовала в Осташко- ве ежегодный фестиваль "Музы- кальные вечера на Селигере", в минувшем году его вел Святослав Бэлза.

Душевное умиротворение ис- пытывает здесь человек, загнан-

Хрещенская иордань.

ный столичной суетой. Вот и едут в Осташков набраться сил писа- тели и художники, музыканты и скульпторы. Тихий город, привет- ливый. Но есть в Осташкове и различные заводы, которые сво- ими корнями, как и все вокруг, уходят в далекое прошлое. Вот, к примеру, кожевенный завод, когда-то знаменитый на всю Ев- ропу. Основан купцами Савины- ми аж в 1730 году — стало быть, это одно из древнейших предприятий России. С тех пор выпущено несметное количество кож растительного дубления — из опоека (молочного телянка) и

выростка (теленка повзрослей). В старину из этих кож потом шились цилиндры для петербургских и лондонских денди, сумочки для щеголих из высшего света. Директор завода Вениамин Лебедев с удовольствием рассказывал мне, что портсигар из осташновского опоека стоил когда-то дорожке серебряного, а на знаменитых парижских выставках конца XIX века кожи с берегов Селигера неизменно завоевывали медали.

Непревзойденные по качеству "осташи" — удивительно мягкие и удобные сапоги с единственным швом вдоль икры — шились из хромовых и юфтевых кож не только на савинском заводе, но и в многочисленных лавках-мастерских старого Осташкова. Если Голландию называли страной художников, то Осташков — городом сапожников. До революции здесь были сотни сапожных мастерских, теперь нет ни одной. А единственные "осташи" царских времен сохранились только в местном музее. И как ни куменают над ними нынешние специалисты, не могут разгадать секрет пошива. Утерян он, как и технология выделки кож.

Осташновские сапожники наладили полтора века назад бойкую торговлю с Канадой: поставляли сапоги тамошним китобоям. Но главным заказчиком в старые времена была русская гвардия: офицеры-то были по большей части из дворян, и для их благородных ног "осташи" подходили как нельзя лучше. А в трудных походах и вовсе были незаменимыми. Носили "осташи" и Кутузов, и Багратион, и даже сам царь Александр I. В 1821

году состоялся самый высокий за всю историю города визит в эти края: Александр Павлович приехал лично благодарить осташновских кожевников за их не слишком громкий, но столь неоценимый вклад в победу над Наполеоном. Растроганный приемом, царь объявил о начале строительства за казенный счет грандиозного собора в монастыре Нилова пустынь.

Но и в советское время осташновские кожевники еще могли при случае потряхнуть стариной. Здесь по спецзаказам выделяли кожу для космических сапог — благодарить осташей приезжал Герман Титов. Делали здесь кожу для обуви наших олимпийцев: Родниной и Зайцева, Пахомовой и Горшнова... Заказывало тонкие кожи и хозу Совмина: они шли на охотничьи сапоги для членов Политбюро и секретарей ЦК. Выделяли в Осташкове кожу для яхты и самолета Леонида Ильича Брежнева.

Теперь все это в прошлом. Во всяком случае, до поры до времени. Вениамин Лебедев, конечно, верит в светлое будущее родного завода, ищет пути для увеличения выпуска кож, восстановления утраченных технологий. Завод остается главным предприятием города, здесь трудятся примерно полторы тысячи человек. До перестройки было три тысячи... Но вот беда: государство в погоне за сиюминутной валютной полушкой примерно 80 процентов необработанных, "сырых" шнур экспортирует за границу, а потом мы ввозим оттуда готовую обувь и кожаную одежду. Коммерция в конечном итоге не в нашу пользу. Осташновский же завод, как и другие ему

подобные, сидит на голодном пайке — нет сырья. А ведь поставили сюда 10 лет назад дорогостоящее импортное оборудование, провели модернизацию производства. Зачем, если нынешняя экономическая политика будто специально направлена на удушение отечественных кожевников? Вот и простаивают линии, загружены лишь на четверть своей мощности. Обидно это Лебедеву, да и всем жителям города.

Еще при Горбачеве зачах Осташновский пивзавод — предприятие с двухвековой историей. Лишь пустые бутылки красуются в музее. А по соседству с бывшей пивоварней — хлебозавод, и его директор, 70-летний Владимир Афанасьев, вынашивает идею возобновления производства осташновского пива. Он-то, как ни странно, радуется переменам, происходящим в обществе — теперь открыта дорога инициативным людям. А, может, просто нрав у Афанасьева такой — неунывающий он человек, деятельный. Недавно вместе с коллективом отпраздновал 25-летие своего вступления в должность. Осташновский хлеб — тоже местная гордость. И это заслуга Афанасьева. Этот мощный дядька воинской закалки начал наводить здесь порядки еще в 1975 году — нещадно увольнял пьяниц и несунув, расставил всюду надежных контролеров. Вот в чем, по его словам, секрет неповторимого вкуса осташновского хлеба: здесь строго соблюдают технологию и рецептуру, не воруют муку. Прознав о служивом директоре, на хлебозавод потянулись отставные военные, brave парни, только что вернувшиеся из армии. За-

вод неизменно работает с прибылью, и это при том, что хлеб в Осташкове — на 2-3 рубля дешевле, чем, снажем, в Москве. А детский дом и сиротский приют снабжаются выпечкой на льготных условиях, получают подарки от Афанасьева.

К сожалению, эти сиротские заведения Осташкова переполнены, и порой детишки оназываются здесь при живых родителях. Плачет Галина Егорова, старейшая сотрудница родильного отделения местной больницы: "Я раньше только понаслышке знала, что бывают дети, от которых матери отказываются еще в роддоме, а начиная с позапрошлого года и сама с этим столкнулась". То и дело молодые мамы не хотят забирать вполне здоровых малышей. Для Егоровой, воспитанной в старых русских традициях, это дико. И безработица, расслоение общества на бедных и богатых тут, по ее мнению, ни при чем: в Осташкове всегда жили скромно. Просто у нынешнего молодого поколения появились другие интересы в жизни, далекое от векового семейного уклада. Дети многим не в радость. Вот и городок вымирает: если в 1986 году здесь появились на свет 523 малыша, то в минувшем — менее двухсот.

На улицах Осташнова все больше людей пришлых — из Прибалтики, Белоруссии, юга России. Вроде бы свои люди, русские. Но будут ли они так же, как коренные жители, радеть о возрождении Селигерского края, почитать местные святыни?

Пастырь добрый

О святынях окрестных мне много рассказывал 75-летний ар-

химандрит Вассиан, с которым мне посчастливилось познакомиться еще лет восемь назад. Служит здесь этот народный пастырь с 1956 года, когда после окончания Ленинградской духовной академии его назначили настоятелем Знаменской церкви в Осташкове. Пережил батюшка и хрущевские гонения на православную веру, и многочисленные вызовы в КГБ, и травлю в местной партийной печати. До сих пор хранит фельетоны и карикатуры, направленные против его служения. С каким-то детским задором показывает пожелтевшие газеты. И вообще относится к прошлому если не с юмором, то и без озлобления.

Отец Вассиан, без всякого сомнения, — самый уважаемый человек в городе. Оно и немудрено: за полвека своего церковного служения, почитай, в каждой семье кого-нибудь крестил, венчал. Освящал жилища. А уж скольких отпел, проводил в последний путь — про то один Бог ведает. Да и на исповедь идут к отцу Вассиану, просто за житейским советом. Одних только денег батюшка раздал бедным столько, что никакому скоробогатому спонсору мало не покажется. "Начальников много, а батюшка один", — говорят в народе.

Я и сам мог убедиться, каков авторитет у седобородого старца. Идем по рынку — и сразу, будто по чьей-то команде, прекращаются бранные слова, женщины стыдливо затапывают сигареты. Тут ведь не отмахнешься — мол, мне с ним детей не крестить. Вот именно, что крестить! Да, впрочем, не в этом дело. Батюшка добр ко всем — и алмашей, умер-

ших от запоя, отпевает, и бродяг милует.

Но уж если прогневал отца Вассиана своим житьем-бытьем, то давай исправляйся. Иначе жди беды — Бог накажет. Такое здесь сложилось поверье. Вот и идут к настоятелю церкви несчастные жены непутевых мужиков, как раньше шли в парткомы, да профкомы: припугните, мол, отца, моего дурана, а то с ним сладу нет.

Естественно, отцу Вассиану рады в любом начальственном кабинете. Не нужно ли чем помочь, спрашивают чиновники или директора. Между прочим, такое отношение стало одной из причин того, что в 1991 году батюшка был назначен заместителем Нило-Столобенского монастыря, возвращенного Православной Церкви. Он развернул здесь восстановительные работы, нашел спонсоров. Жертвователей привлекает не только сам монастырь, но и личность его заместителя.

Сидим мы недавно в "резиденции" архимандрита Вассиана, избе с потрескавшейся печкой, пьем чаек и неспешно так беседуем. О том, сколько замечательных храмов и часовен порушено в минувшем веке, сколько загублено, распродано за границу уникальных творений русских церковных мастеров. Но, как говорится, на Руси "было из чего вычитать" — слава Богу, кое-что дошло до наших дней. "Слышал когда-нибудь о фарфоровом иконостасе? — повеселевшим голосом говорит вдруг батюшка. — Один такой на всю Россию, и знать про него никто не знает. Полностью сохранился, как новенький. Ну-на, собирайся, поедем".

Затерянный шедевр

В село Голенково, что в Селижаровском районе, добираемся на батюшкиных "Жигулях" — с большана на проселок, мимо вымерших деревень. Отец Вассиан, несмотря на возраст, оказался лихим водителем, ему не привыкать колесить по ухабам и бездорожью.

Вот и Голенково. Возле нескольких притихших изб — вросшие в землю лодки. Безлюдно. Но перейдешь через мосток над ручьем, и взору предстает величественный Никольский храм на крутом холме. Это последнее напоминание о том, что когда-то, при царе, село было зажиточным, насчитывало больше сотни дворов. Тут же и полуразрушенная усыпальница баронов Ветлицев — до революции они были хозяевами здешних мест, строили школы, дороги, вели образцовое хозяйство.

Полковник Александр Ветлиц и его жена Ольга остались в памяти народной как люди добрые, благочестивые. Они-то и возвели на свои средства Никольскую церковь, заказав для нее иконостас на фарфоровой фабрике Матвея Кузнецова.

В день нашего приезда на приходском дворе была лишь певчая Галина, она же — что-то вроде церковной старосты. Строгая женщина с явной неохотой отпирает храм, и, чувствуя, не будь рядом отца Вассиана, нуновать бы мне тут пару дней в ожидании голенковского священника, бывшего на тот момент в дальней отлучке.

Под сумрачными сводами прямо передо мной — уникальное произведение русских мастеров.

Огромный иконостас голенковской церкви полностью выполнен из тонкого кузнецовского фарфора. Бесчисленные завитушки, ангелы, грозди диких виноградных гроздьев... Левый придел отливают синим кобальтом, правый — позолотой.

Из фарфора и лампы, и высокие подсвечники.

И чего только не писали о Матвее Кузнецове советские искусствоведы! Что этот "фарфоровый магнат" загубил наследие Гарднера, скупив и перевооружив его прославленные фабрики... Что кузнецовские изделия были рассчитаны на низменный вкус среднего и мелкого купечества, мецан... В классическом советском издании "Фарфор Вербилон — из истории русского и советского фарфора" нет и упоминания о голенковском иконостасе — возможно, творческой вершине кузнецовского периода. Зато много сказано о "полной художественной беспомощности", "чудовищной пошлости" изделий Кузнецова. Мол, творческий потенциал мастеров раскрылся только после Октябрьской революции. В общем, до боли знакомые формулировки.

Достаточно приехать в Голенково и своими глазами увидеть иконостас Никольского храма, чтобы представить себе подлинный уровень мастерства кузнецовских художников и технарей. Словами это описать невозможно.

Барон Ветлиц заказал иконостас в 1910 году, тогда же он был изготовлен на основе редкостной белой глины. Везли его по частям, монтировали уже на месте. Но, лишь стоя вплотную и пристально вглядываясь, можно различить стыки фрагментов.

Иконы, кстати, тоже выполнены необычным способом: вместо досок использовались пластины из медного сплава. Ветлиц старался на вена.

Отец Вассиан вполголоса рассказывает: в конце 30-х прибыл сюда взвод красноармейцев, чтобы закрыть церковь и описать ее убранство для последующей реквизиции. Но жители дружно встали перед входом и заявили, что позволят разграбить храм только ценой собственной жизни. И дрогнул командир перед таким бесстрашием простых сельских людей. А, может, он сам в душе был верующим... Как бы то ни было, но, всего лишь опечатав храм, взвод ушел восвояси.

В 1943-м церковь открыли вновь. Здесь полностью уцелело старинное убранство. По словам певчей Галины, подобных иконо-

Ночной ход в Нилову Густынь.
Литография XIX века.

стасов было на Руси всего четыре, целиком сохранился только этот. Благодаря подвигу неизвестных жителей Голенкова.

И то, что про этот шедевр не ведают в мире искусства, похоже, вполне устраивает местных жителей. Здесь привыкли постоянно опасаться за судьбу своей святыни, берегут ее от недобрых глаз.

Потому-то и встретила меня Галина с тревогой: растрезвонит журналист по белу свету, наное сокровище таится в захудалом приволжском селе, поведут сюда псевдоуче-

Шарфоровый иконостас в селе Голенково (фрагмент).

ные дядьки, станут цонать языками, обсуждать да замерять...

Но думается мне, что и молчать о шедевре Никольского храма у меня нет права. Тем более, что, слава Богу, времена изменились и святыне не грозит поругание.

Богат святынями край Селигерский. Здесь же, в Селижаровском районе, издавна почитается верующими чудотворный источник в селе Оковцы. В XIV веке, вскоре после Нуликовской битвы, явилась здесь на дереве икона Божией Матери, называемой с тех пор "Оковецкой". И забил из земли источник, незамерзающий даже в лютый мороз. Едут сюда исцеляться недужные во всякое время года. А недавно здесь, возле чудотворного источника, нача-

лось строительство каменного храма.

Строится он на средства местного сотрудника ГИБДД. Нам не удалось встретиться, и потому я не называю его имени — называют, что человек он скромный, и не ради славы затеял это Божье дело. Случилось у него большое горе — в одночасье погибла семья. И стал милиционер молиться за упокоение душ усопших своих родных, да и открылось ему, что должен он воздвигнуть храм в честь Оковецкой иконы Божией Матери. По словам святых отцов Православной Церкви, всякий, кто построит храм Божий, попадает в Царство Небесное, где вновь встретится со своими близкими.

Руководство ГИБДД стало следить за своим странным сотрудником, выяснять, на какие тание доходы человек строит церковь. Проверки проводили, с налоговиками консультировались, но ничего подозрительного не обнаружили...

Крестьянский крест

Люди продолжают по мере сил творить что-то доброе не только в церковной сфере. Во время моих поездок по Селигеру меня познакомили с фермерской семьей. От деревни Свапуще до "Медвежьего угла" — так именуют здесь усадьбу Чижевских — два десятка километров, и все мимо заболоченных лесных озер, редких деревенек без транспорта и электричества.

Чижевские — Клавдия Федоровна и ее сыновья Сергей да Игорь — в этих краях люди пришлые. Приехали в Осташков в 90-м году из Мариуполя с большими по тем временам деньгами. Тогда еще жив был глава семейства, отставной капитан дальнего плавания Владимир Антонович Чижевский (пять лет назад он умер от тяжелой болезни).

Морякам на Селигере — почет и уважение. "Хотите стать фермерами? — предложили им в исполкоме. — А то у нас в районе ни одного нет, а областное начальство требует отчитаться об успехах в фермерском движении".

Клавдия Федоровна рассудила здраво: а чем мы, собственно, рискуем? На радостях семье выделили аж 40 гектаров полей и лесов, прибрежные воды озера Стерж. Приехали Чижевские со своим скарбом на продуваемый ветрами берег, поставили ветхий

вагончик, расчистили поляну под будущий капитальный дом и хозяйственные постройки. А о них уже трубили в обкоме и райкоме партии, на съездах сельских руководителей. Местные геодезисты обрисовали план фермерских угодий: здесь вертолетная площадка, там — пристань, поодаль — тракторный стан, звероферма...

Запланировали ознакомительные поездки в Канзас и Йоркшир. А финансовое управление оформило безвозмездный кредит — 12 миллионов "советских" рублей. Их фермеры с берегов Стержа должны были получить в январе 1992-го...

Что произошло дальше, догадаться нетрудно. Буквально за пару недель до перевода средств на счет Чижевских сменилась власть в стране, да и сама страна распалась на "дружественные" государства. У властей всех уровней появились иные интересы, поддержка фермерства стала именоваться показухой и потемнинскими деревнями. В результате Чижевские так и остались в потемках — таной вот невольный наламбур. До сих пор в усадьбу не проведена линия электропередачи. Об остальных обещаниях фермерская семья вспоминает как о забавном эпизоде из своей жизни. И то, что несколько лет назад власти лишили Чижевских лесных угодий, не особенно печалит Клавдию Федоровну: управиться бы на полях и в теплицах. Ведь из техники у матери и сыновей — лишь старенький трактор да видавший виды "ГАЗ-53".

... Выруливаем на покатую поляну, стенающую к озеру — 20-километровый путь по лесным дорогам занял без малого час. А

осенью и весной, говорят, сюда вообще не добраться, разве что пешком идти.

Простой дом из потемневшего бруса, ряд высоких теплиц, загон для гусей, коровник, сеновал... Чуть поодаль рубленая банька у самой кромки воды, летняя кухня и столовая (горячее готовят на низенькой печке). В сарае возятся десятка полтора хрюшек с бесчисленным потомством.

Теплицы — что райские хоромы для нежных овощей. Огуречные плети тянутся по бечевкам выше человеческого роста, не отстают от них и помидоры. Эти овощи здесь собирают центнерами. "Хотели посадить для экзотики какие-то диковинные красные огурцы, прочли о них в журнале, — рассказывает младший сын, Игорь. — Специально искали в Москве семена, да так и не нашли". Выходит, получают фермеры журналы и в своем "медвежьем углу"? Да нет, почта сюда не доходит. И во время несчастных поездок в столицу Чиневские журналы берут в издательстве.

А вот кабачки-спагетти здесь прижились: отваришь их, и они сами распадаются на длинные вкусные макаронины. Балуются стерженские фермеры и дыньми с арбузами — эти "ягодки" при умелом уходе набирают до 4-5 килограмм. Напусту здесь выращивают до 15 сортов, включая самые деликатесные. "Луновицы у нас тянут на 750 граммов, а рекордные картофелины до кило двести доходят", — с нескрываемой гордостью говорит Игорь.

Летом для Чиневских транспортным средством, помимо ста-

реньной "Нивы", служат две моторные лодки, и братья, бывает, на ночь глядя отправляются "погулять" на другой берег озера: там притаилась турбаза подмосковного завода. Зимой выручает лошадь: только на ней и можно преодолеть неблизкий путь до шоссе, а там, если повезет, пересясть на автобус до Осташнова.

Долгими зимними вечерами семья обсуждает фермерские новшества, которыми пестрят журналы, мечтают, что новенького посадят предстоящей весной. Сидят у керосиновой лампы, а свою "электростанцию" — примитивный бензиновый движок — включают лишь в редких случаях. Например, когда уж очень захочется посмотреть телевизор или видео. Такой вот здесь XXI век...

Много "горючки" уходит на выработку электроэнергии для сепараторов: масло, сметана и творог производятся здесь в изобилии. Стадо коров хоть и небольшое, но удойное.

Продукцию свою Чиневские два раза в неделю везут в Осташков, на рынок, и это "черные" дни для прочих торговцев: конкурировать со стерженскими фермерами ни по качеству, ни по цене никто не в силах. В другом месте, может, и попржиали бы Клавдию Федоровну рыночные заправилы, но в Осташкове пока нравы не те — всяк волен торговать, как вздумается. Между прочим, охотно берут покупатели и цветочную рассаду, и это радует хозяйку фермы: надо же, и в наше тяжелое время люди не разучились ценить красоту!

А много ль дохода приносит Чиневским их нелегкий труд? Честно говоря, этого я у фермеров

не испытывал. Во всяком случае, семья все никак не может скопить на новую "Ниву", а об импортном мини-тракторе и говорить нечего.

И я вспомнил свою давнюю заграничную поездку на ферму к одному датчанину — его угождая, кажется, были примерно того же размера. Датчанин выращивал елочки для продажи к Рождеству, имел автоматизированное молочное производство. И мечтал лишь о том, как бы исколотать себе дворянство. В Датском королевстве это очень сложно, не то что в нашей президентской республике.

"Дворянство? Да зачем нам оно? — усмехается старший брат, Сергей. — Нам бы свет провести, тогда без всяких гербов князьями заживем" Но, по самым скромным подсчетам, прокладка линии электропередачи от ближайшей "цивилизованной" деревни обойдется в нереальную сумму — порядка 15 тысяч долларов.

За обильной крестьянской трапезой, когда мы выпили ядерной настойки на целебных травах, я спросил братьев: не тянет ли их в "большую" жизнь, где не будет ежедневного труда. Возни с "естественными" удобрениями и свиноматками, бесконечных зим среди хмурого леса... "Конечно, мир посмотреть хотелось бы, — согласились парни. — Можно и дело найти куда прибыльней — рубить дачникам срубы из "левого" леса, или скупать по дешевке у старинов молоко и овощи, а потом перепродавать их на рынке. Только не по душе как-то все это..."

Хоть и банально звучит, но люди желают всего-навсего про-

жить свою жизнь на собственной земле, со спокойной совестью и в достатке. А разговор наш между тем зашел уже о другом: о барсуках и лисицах, которые не перевелись в здешних лесах, о встречах с медведями на лесных дорожках, о вое волков зимними сумерками и купании в польньке после бани в Крещенскую ночь...

Обитель преподобного Нила

В год двухтысячелетия Рождества Христова закончилась "тяжба" между осташковскими жителями и Министерством путей сообщения: МПС все-таки переименовал номер поезда, курсирующего из Москвы на берега Селигера. Теперь он стал шестисот четвертым. А то ведь, говорят здешние старики, один срам был: будто в насмешку, поезду еще до войны присвоили номер 666 — согласно Апокалипсису, число антихристово. Слышал я и такую версию: якобы советская власть таким образом издавалась над многочисленными лаломнинами, стенающимися в Осташков на поклонение святым мощам преподобного Нила Столобенского.

Этот святой отшельник подвизался на острове Столобном в XVI веке: ископал себе замлянку под сосной, жил один трудами и молитвой. А через сорок лет после его отшествия ко Господу на острове возник Нило-Столобенский монастырь.

Преподобный Нил издавна почитается не только покровителем здешних мест, но и утешителем всех обиженных, по всей Руси. До революции монастырь по чис-

лу паломников занимал в православном мире второе место после Иерусалима. До двухсот тысяч ежегодно их собиралось в стенах обители.

Ну, а после революции монастырь постигла обычная для того времени участь: в 1927 году разогнали последних монахов и организовали здесь колонию для малолетних преступников. Потом, перед войной, за мощными стенами обители держали военнопленных поляков, которых в 1941 году расстреляли — числом несколько тысяч.

Был здесь и дом престарелых, и турбаза. Но вот уже десять с лишним лет, как в монастыре вновь поселилась братия под руководством архимандрита Вассиана. Шесть монахов, полтора десятка послушников да еще так называемые трудники — те, кто пришел сюда на время, помолиться и потрудиться во славу Божию.

Нет, не только от плохой жизни уходят в монастырь. Один иеромонах "в миру" был ресторанным певцом, другой — музыкантом в курортном городе, третий получил университетское математическое образование. А инок Манарий — профессиональный врач, работал когда-то на скорой помощи. Он и в монастыре продолжает лечить людей — и братию, и окрестных жителей. Оборудовал лазарет по современным стандартам, даже мирские медики, время от времени приезжающие в монастырь, завидуют.

В пять утра соборный колокол возвещает о том, что пора вставать. Насельники стеносятся на братский молебен к ране с мощами преподобного. Потом — рабо-

та, называемая здесь послушанием. Дел много: в последнее время полным ходом идет реставрация сразу нескольких храмов, озеленение острова. Да и о хлебе насущном заботиться надо. В обители есть своя пекарня, сыроварня, тепличное хозяйство. А для нескольких коров ежегодно заготавливается сено на близлежащих лугах.

Жизнь в монастыре тихая, покойная. Много болтать языком не принято. Вечером всенощное бдение, трапеза и — по кельям. Они расположены в старинных братских корпусах. Где-то топят печку, где-то обогреваются калориферами. Была в монастыре своя банька, отрада для души и тела, да, на беду, сгорела она. Теперь братия ездит в городскую баню — все не то, да и в озере после парилки не ополоснешься...

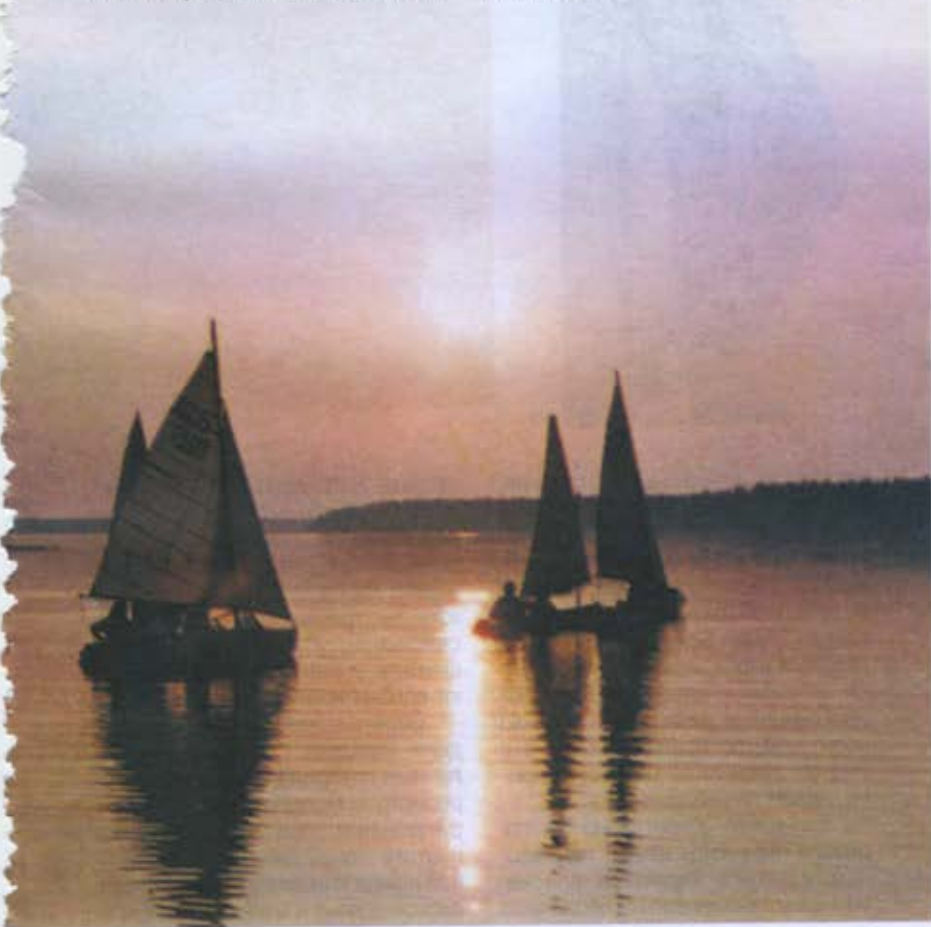
Послушник Леонид — из далекой Находки. Как-то получил известие из дому, что тяжело больна мать. Ехал, чтоб проститься, но выходил мать, поставил на ноги. А как обратно в обитель вернуться? Деньги, которые дал монастырский эконоом, вышли. Нанялся рабочим в порт, к осени пришел за расчетом, да его обманули — не заплатили ничего. И пошел Леонид в своем подряснике пешком через всю страну. Почти полгода шел. Днем спал, а шел в темноте: боялся ночевать в тайге. В деревнях и на хуторах нанимался помогать по хозяйству, чтоб получить пропитание. Иногда его немножко подвозили до ближайшего города. Вот так, молясь, и дошел до своей обители, где уж думали больше его и не увидеть.

Послушник Аленсандр приехал из Мурманска. Никогда ни-

чему не учился, а в обители быстро стал мастером на все руки. Он и поваром на трапезной трудился, и рыбным хозяйством заведовал, и хлеб выпекал. Теперь — "главный" по строительству, в его ведении все восстановительные работы на острове.

Каждый год 9 июня, в праздник преподобного Нила, осташи отправляются крестным ходом по святым мощам, на остров Столбной. По традиции плывут озером:

кто на теплоходах, где духовенство читает анафист преподобному, кто на лодочках. И духовный наставник селигерского края архимандрит Вассиан вновь возносит у резной рани молитву "о граде сем и верою и надеждою живущих в нем" Как и много веков назад, вновь звучит она над просторами Селигера, зажигая в людских сердцах "веру непостыдную, надежду несомненную и любовь нелицемерную". ■

Светлана
БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

Венец

Модные нынче гадания, привороты-отвороты и прочие "научные достижения", от которых порой ум за разум заходит, подарили нам, россиянам, еще одну красивую штучку, которая называется "венец безбрачия". Для тех, кто не в курсе, поясняю: рождается, к примеру, девочка, вырастает красавицей и умницей (по мнению родителей, по крайней мере), а с личной жизнью — полный облом. Ну, никак не складывается.

Раньше-то обязательно бы подумали что-нибудь насчет не слишком хорошего характера или неумения устанавливать отношения с

людьми. В крайнем случае, усомнились бы в объективности оценки родителей. А теперь все просто: она оказывается, на барышню надет "венец безбрачия". И венец этот, хоть ты тресни, не дает личному счастью осуществиться. Нужно снимать, а как снимать — это знают особые компетентные люди.

Верить в это или нет — личное дело каждого. Чем заниматься личным совершенствованием и пересмотром модели отношений с окружающими, проще, конечно, заплатить каной-нибудь потомственной жрице и смело заказывать свадебное платье и банкет. Ради Бога,

неудачи

медициной, как говорится, не возбраняется. Но...

Но меня все же изначально смущает вот что: почему, собственно, этот венец украшает только очаровательные женские головки? Неужели нет мужчин, которым тоже хронически не везет с подругами жизни, да и с личной жизнью вообще? Да сколько угодно! Но...

Но ничего такого мистико-нармического тут никто не усматривает. В крайнем случае, посетуют, что бабы нынче пошли напризные, избалованные, сами не знают, чего хотят, а мужини — страдай. Так? Примерно так. Сильный пол все-та-

ки значительно меньше склонен к сотрудничеству с потусторонними силами, чем пол слабый. И это, наверное, тоже нормально.

Я хочу вам рассказать историю хронически невезучего страдальца. С первого взгляда действительно может показаться: невезение, рок, судьба, фатум. Но если немного подумать... Впрочем, судите сами.

Центральное телевидение... С точки зрения посторонних — сказочный дворец. Сумасшедший дом с точки зрения тех, кто там работает или хотя бы один раз заглянул за кулисы этой "фабрики грез". Уди-

вить кого бы то ни было чем бы то ни было на телевидении практически невозможно. Но Владимиру Ивановичу. — назовем его так — это удалось.

В приемную одной из редакций крупной телекомпании явился мужчина средних лет, аккуратно, но без шика, одетый. Про женщину с такой внешностью назвали бы "со следами былой красоты на лице". О мужчинах, правда, так говорить не принято, но в данном случае надо произнести именно эти слова.

Интересовал Владимира Ивановича один достаточно пинантный вопрос: может ли он взыскать в судебном порядке компенсацию с одной из ведущих популярной передачи? Ибо она, ведущая, по его, Владимира Ивановича, данным, отнюдь не бедствует, скорее наоборот. А вот ему практически нечем кормить двухлетних девочек-близняшек...

Сразу: обычно с такими вопросами обращаются в суд. Или, по крайней мере, в юридическую консультацию. Но в данном конкретном случае "истец" пришел прямоком на работу к потенциальной "ответчице". Что ж, еще Остап Бендер рекомендовал в деликатных случаях обращаться в Лигу сексуальных реформ, да где теперь та Лига?

Естественно, главный редактор, что называется, онемел, выслушав неординарного просителя. Майя Михайловна, элегантная женщина средних лет, работала под его руководством четвертый год, и никаких признанов прибавления семейства у нее вроде бы не наблюдалось. А тут — двойня!

— Вы хотите сказать, — осторожно спросил он посетителя, — что Майя Михайловна оставила вас с двумя детьми и без средств?

— Да, фактически так и получилось, хотя мать этих детей — не она.

— То есть? Насколько мне известно, Майя Михайловна — мать взрослого сына и даже, простите, бабушка...

— Естественно! Она — мать моего сына, мы пятнадцать лет были в браке. Но шесть лет тому назад развелись. Причем, должен заметить, не по моей инициативе. Майя меня бросила.

— Но, простите, а мы-то при чем?

— Но она же сейчас работает у вас.

— А какое это имеет значение?

— Самое непосредственное! Если бы она по-прежнему работала в издательстве и получала гроши, вопросов бы не было. Но у вас она зарабатывает огромные деньги, а мне нечем кормить моих детей.

— Вы-то сами где работаете?

— В данный момент нигде. Наш НИИ расформировали, да и двое детей, сами понимаете...

— Простите, вы что, вдовец?

— С чего вы взяли? У меня молодая, здоровая жена, она, разумеется, не работает, сидит с детьми...

— На что же вы живете?!!

— Вот я и говорю: Майя меня бросила, я был вынужден снова жениться, родилась двойня... Все это произошло по вине моей бывшей супруги, пусть она компенсирует мне... ну, моральный ущерб, что ли.

— А ваш общий сын живет с вами?

— Нет, с Майей. Он женат, там маленький ребенок. Если Майя по-

могает им, то почему она не может помочь мне? Денег ей, по-моему, давать некуда. Купила машину, внука одевает во все заграничное, продукты для него покупает на рынке, сама ездила отдыхать на море...

— Откуда вы все это знаете?

— От сына, естественно. Мы с ним достаточно часто видимся. Мальчик нуждается в отце, вообще в мужской поддержке...

Этот диалог в стиле "театра абсурда" продолжался довольно долго и никаких конкретных результатов, разумеется, не дал. Если не считать совета, который дал главный редактор: не смешить людей и не отвлекать их от дела. Вроде бы, совет был воспринят. Но ведь каким-то образом Владимир Иванович пришел к мысли о том, что может получить от бывшей жены своего рода "пенсион". Или это какие-то психические отклонения? Заурядным, во всяком случае, такое явление назвать трудно.

Пущенное когда-то Львом Толстым выражение: "Все счастливые семьи похожи друг на друга, но каждая семья несчастна по-своему" давно утратило актуальность. Сейчас счастливые семьи вообще большая редкость, и у каждой, естественно, свой, уинальный рецепт счастья. Несчастливые же семьи — увы и ах! — похожи до безобразия и в девяти случаях из десяти по трем основным причинам: пьянство, лень, распушенность. Первое больше свойственно мужчинам, третье — женщинам, второе подходит всем.

Семья Майи и Володи первоначально была почти счастливой: отдельная квартира, жданный и желанный сын, интересная работа у

обоих. Правда, с рождением ребенка Майе пришлось не столько работать, сколько подрабатывать — перепечаткой, вязанием и т.п. Но зато Володя поступил в очную аспирантуру и через три года должен был стать кандидатом наук (замечу, технических!), а впоследствии — доктором наук, академиком. Так, во всяком случае, мечталось.

Прошел год, затем второй... Володя ходил в аспирантуру, как на работу: ежедневно к девяти утра и до позднего вечера. Майя безропотно переносила все заморочки, неизбежно сопровождающие воспитание ребенка, в том числе и болезни. Разумеется, ее место редактора в одном из столичных издательств давным-давно было занято, и вернуться туда было, мягко говоря, сложно. Пригодилось знание двух языков: Майя оформилась лаборанткой в один из медицинских центров и дома переводила для директора литературу для его диссертации. А с прежнего места работы регулярно давали рукописи для перепечатки. То есть на жизнь всем трем хватало, но не более...

Срок Володиной аспирантуры истек, и оказалось, что не написано ни единой научной странички. То есть опытов вроде бы было поставлено достаточно, результаты получались самые благоприятные и даже давали возможность получить как минимум два патента на изобретение. Но текста диссертации как танового не было. Майя предложила помочь.

— Володя, но ведь это чистая формальность. Я знаю, как пишутся стандартные диссертации. Дай мне материалы, отметь нужные места в нескольких книгах — для цитат. Все нужно только оформить, перепечатать.

— Ты спятила? — надменно осведомился у нее супруг. — Что ты понимаешь в моей проблеме? К тому же мне стандартная диссертация не нужна. Это будет бомбой, сенсацией, а не двести страниц тягомотины с цитатами. И не дави на меня, умоляю! Делать открытие, представь себе, труднее, чем переводы...

Майя махнула рукой. В конце концов, зарплата инженера в два раза больше стипендии аспиранта, а Володя устроился инженером в "почтовый ящик". Когда же сыночек Леня чуть-чуть окреп, Майя все-таки вернулась в родное издательство и работала не за страх, а за совесть: по вечерам, в выходные дни. Лишь бы не сократили из-за маленького ребенка.

Первый "подземный толчок" их семья ощутила тогда, когда Володя появился вечером дома мрачнее тучи и от него изрядно пахло спиртным. От вопросов жены отмахнулся, закрылся на кухне и просидел там до утра. С бутылкой. На следующий день выяснилось, что все материалы будущей диссертации оказались уже опубликованными в солидном научном журнале за подписью... бывшего научного руководителя Володи. Нужно было либо судиться с профессором, лауреатом Государственной премии, без пяти минут членом Академии наук, либо начинать все сначала, причем по новой теме. Володя выбрал третий путь, который месяц спустя привел его... в вытрезвитель.

Состояние Майи, наверное, описывать ни к чему: к сожалению, в такой банальной ситуации ежедневно оказываются тысячи женщин. И выход из положения она нашла не слишком оригиналь-

ный: устроила мужу скандал и поставила перед выбором: либо семья, либо выпивка. Володя снова выбрал нечто третье: пить не бросил, но в вытрезвитель уже не попал. То есть пил "с умом" — дома, в выходные дни. Или на даче у приятеля. Или в отпуске, который, как правило, проводил в другом городе у своих родителей. Там его понимали, жалели и даже сочувствовали. Там виноватой во всем считали Майю, которая "недоглядела", "не уберегла", "не поддержала"...

Майя же действительно "не поддержала" по очень простой причине: не хватало сил. Она по-прежнему была основным кормильцем, а чем старше становился сын, тем больше денег требовалось. А больше всего выматывали бытовые, досадные мелочи: перегоревший в самое неподходящее время утюг, вышедший из строя телевизор, сломавшийся диван. А еще — очереди в магазинах, пудовые сумки, монбланы грязного белья... Женщины все это и без меня знают, а мужчинам читать такие "страшилки" наверняка не интересно.

Володя же приходил домой ночевать, и только. А в выходные дни либо исчезал из дома в неизвестном направлении, либо лежал на диване и просматривал газеты за неделю. О том, чтобы помочь жене по хозяйству, даже речи не было: с детских лет Володя прочно усвоил, что кухня — не мужское дело. Равно как стирка и уборка.

К тридцати пяти годам Майя ощущала себя семидесятилетней старухой. Ей ничего не хотелось, она ничему уже не радовалась. Работа — дом — сын — приработок. В этом кругу она вертелась, как белка. В "награду" же получала

только замечания: любимая рубашка без пуговицы, в нухне тараканы, сын вновь принес из школы тройку по математике — весь в мать, бес-толочь.

— У других жены как жены, — неизменно зананчивал "инструктаж" Владимир Иванович, — а ты робот. У меня от стука твоей машинки уже невроз начался. Лучше бы ты вязанием занималась, от него шуму меньше.

— И денег тоже, — заметила один раз Майя.

И получила в ответ диний снандал за то, что посмела попреннуть главу семьи недостаточными зароботками. И это стерпела. Разводиться, размневать квартиру — нет, на это сил уже не было. А поскольку заниматься всеми формальностями пришлось бы снова ей, то... То все осталось по-прежнему.

Майя еще пыталась "растормосшить" мужа, вывести из состояния душевной спячки. Квартира давно требовала ремонта, а Володя при желании мог сделать все своими руками: еще до института окончил техникум по специальности "краснодеревщин-реставратор". Но ее планы наталкивались на полное отсутствие желаниа у мужа как-то украсит быт. Мотивировал он это очень просто:

— У нас же никто не бывает, мать моя. А я так устаю на работе, что у меня едва хватает сил посмотреть телевизор.

— Но ты же говоришь, что твоя работа ничего тебе не дает — ни денег, ни морального удовлетворения. Поищи другое место. Вернись к диссертации!

— В сорок лет? Нет, мать моя, уже поздно рыпаться. Мне лично ничего не нужно. На жизнь нам

хватает, а если тебя мучает тцеславие, поищи себе другого мужа, помоложе, с амбициями. И чтобы терпел твои вечные мигрени и ночные рыдания...

— Я не так часто жалуюсь тебе на головную боль. А плачу от усталости, а не от скверного характера. Я работаю...

— Ты работаешь в основном от жадности. И еще потому, что умеешь только стучать на машинке да переводить ерунду с одного языка на другой. Во всем остальном ты — полный ноль.

— Зачем же ты живешь со мной, если я такая плохая? Найди лучше.

— После того, как ты выпила из меня все соки? Раньше надо было думать. Конечно, ты рассчитывала на то, что станешь женой знаменитости, будешь разъезжать со мной по заграницам да тратить мои денежки. А теперь бесишься от злости, что просчиталась.

И вот когда Майя уже перестала надеяться на то, что в ее жизни возможны изменения к лучшему, произошла случайная встреча с бывшим однокурсником, а теперь сценаристом на телевидении. Они не виделись почти двадцать лет — со времени окончания филфана. Артем мало изменился, а Майю он признал с трудом. Она узнала его первой.

— Артем? — вопросительность интонации давала понять, что полной уверенности у нее не было.

И тут он вспомнил. Услышал голос — и вспомнил.

— Майя?! Нуда ты исчезла? Мы же собираемся иногда, нашей группой. А о тебе никто ничего не знает.

— А что обо мне знать? Работаю тут редактором, подрабатываю

дома машинисткой. Ничего интересного.

— Ты в институте писала не хуже других. Даже лучше, чем многие. Я же помню, канимы стенографы делали. А напустники! Ты же писала классные сценарии для напустников...

— Когда это было... Да и кому сейчас нужны напустники?

— Напустники всегда нужны. Слушай, а может, ты попробуешь что-нибудь написать для нас?

— В смысле — для телевидения? Что ты, Артем, кто меня туда примет? Да и менять работу в моем возрасте...

Но Артем уже загорелся. На телевидении всегда в дефиците "свежая кровь", а Майя действительно когда-то неплохо писала всякие сценки, сметки и даже пародии. В любом случае он ничем не рисковал: не получится так не получится, а попробовать можно.

— Вот что. Попробуй разочен вместо перепечатки чужих глупостей написать ма-а-ленькую пьеску. Максимум три персонажа. На злобу дня на сугубо бытовом уровне.

— Зачем?

— Есть такая идея: политика глазами обывателя. Как бы оценка того, что происходит, обычными людьми, условно говоря, на кухне. Если пойдет, сделаем еженедельную передачу. Минут на пятнадцать. Ну, давай, попробуем. Еще и подзаработаешь: все побольше, чем на машинке стучать.

И Майя согласилась. Написала одну "пьеску"-сценарий — приняли и действительно заплатили неплохо. То же самое произошло и во второй раз. А потом Артем предложил ей перейти в штат. Сначала на

полставки, по совместительству. А там видно будет...

Назалось бы, жизнь начала поворачиваться к лучшему. Но телевидение имеет свою специфику: там очень часто приходится работать и позже шести часов вечера. Когда Майя несколько раз вернулась домой около девяти часов, усталая, но, как ни странно, почти счастливая, супруг встретил ее ультиматумом: либо семья, либо гулянки.

— Я не допущу, чтобы моя жена шлялась по ночам неизвестно где. Постыдилась бы: взрослый сын, сама уже пожилая тетка, и ударились в богемную жизнь. Не дай Бог, мои родители узнают — их удар хватит.

Даже слабохарактерные люди иногда бывают способны на решительные поступки. Какой бес вселился в нее в тот момент, Майя так и не поняла. Но ответила мужу неожиданно твердо:

— Если ты так ставишь вопрос, то нам нужно разойтись. Своей жизнью ты волен распоряжаться как угодно, но с меня довольно. Я сама буду решать, где мне работать и как мне жить. Мнение твоих родителей меня совершенно не волнует.

— Ты завела себе любовника? Или сошла с ума?

— Да, завела. Да, сошла. В любом случае — с меня хватит! Есть один шанс изменить жизнь к лучшему — и я его не упущу.

— Ты пожалеешь.

— Очень может быть. Но если не рискну — точно пожалею.

Последующие полгода были сплошным кошмаром. Сцены, препри, попытки поучить жену умразуму не слишком гуманными методами, телефонные истерики свенрови...

— Ты не можешь меня бросить, — повторял он изо дня в день. — У нас же ребенок. Мы женаты черт знает сколько лет. Живи как хочешь, только не разбивай семью. У меня нет сил начинать все заново...

Кто знает, если бы сын встал на сторону отца, все бы и обошлось, и вернулось в прежнее состояние, точнее, в "застой". Но Леонид поддержал мать.

До скандала на суде, однако, дело не дошло. Владимир Иванович отступился и дал согласие на развод. Майя Михайловна отказалась от алиментов и сняла для бывшего мужа комнату. Да и сам он не очень настаивал на размене квартиры, надеясь, что супруга все-таки одумается и вернется к нему.

— Это у тебя климатерические изменения, — метнул он напоследок "парфянскую стрелу". — Перебесишься, поймешь, что потеряла, тогда вернемся к этому разговору. Если, конечно, не будет уже поздно.

Майя Михайловна не одумалась и не вернулась ни к разговору, ни к мужу. У нее действительно оказались незаурядные способности, и уже год спустя она стала на телевидении достаточно заметной фигурой. Затем пришел прочный успех ее программы у телезрителей, признание критиков. А следовательно — и деньги. И, главное, неведомое доселе чувство уверенности в себе.

Когда до Владимира Ивановича дошли слухи о том, что у его бывшей жены бурный роман, причем — о унасе! — с женатым мужчиной, он предпринял еще одну попытку реанимировать свою семейную жизнь. Больше всего его воз-

мущало не то, что избранник Майи был женат, а то, что она принимала от него дорогие подарки и даже деньги. И Леонид, сын, знал об этом!

— Ты соображаешь, что делаешь? — спросил Владимир Иванович экс-супругу, когда случайно столкнулся с ней во время очередного визита к сыну. — Ты же стала содержанкой! И мальчик все это видит. Твой хахаль бывает у вас в доме, общается с Леной, делает ему подарки. В голове не укладывается! Надеюсь, он здесь не ночует?

Майя чуть было не вспылила, но потом оценила прелесть ситуации и расхохоталась:

— Значит, если мужчина делает женщине подарки и помогает, то она шлюха? А если женщина содержит мужчину? Понимаю, тогда она — порядочная женщина и нормальная жена. Володя, поезд ушел, не лезь в мою жизнь. Лучше займись своей, по-дружески советую.

— Моя жизнь кончена! — с пафосом сказал Владимир Иванович. — Ты использовала меня и бросила. Хорошо, что я отдавал тебе лишь ползарплаты. Хоть на старости лет не буду нищим.

— А ты женись на богатой, — не без ехидства посоветовала Майя. — Мужчина ты видный, красивый, рукастый, за тебя любая пойдет, только помани.

— Напрасно смеешься. Не в моих правилах жить у кого-то на содержании. Гусары денег не берут!

— Ну так брось свою контору и работай краснодеревщином. Через год миллионером станешь и женишься на молоденькой красотке.

— Я — инженер, а не столяр. И вообще моя работа тебя не касается. Моя личная жизнь, кстати, то-

же. Я сам во всем разберусь, тебе дочитать не буду, не волнуйся.

Увы, он по-прежнему дочитал бывшей жене всевозможными просьбами и жалобами на трудную жизнь. И вдруг исчез, полгода от него не было ни слуху, ни духу. Ни просьб "подкинуть денюжат до полочки", ни стенаний на бытовые трудности, ни уже ставших привычными упреков.

Впрочем, Майю это не слишком беспокоило, тем более что сын виделся с отцом достаточно регулярно и никаких тревожных новостей не сообщал. Работает, вроде бы привык сам о себе заботиться, здоров. Чего еще? И вдруг Леонид сообщил матери сногсшибательную новость:

— А ты знаешь, что отец через неделю женится? На генеральской дочке. Ей лет тридцать, какая-то она никакая... Как серая мышка. Меня на свадьбу пригласили.

— Это что же, генеральская дочка будет жить в той комнате, за которую я до сих пор плачу?

— А разве ты все еще посылаешь ему деньги? Он давно получил комнату от своей работы. Сказал, что ты в курсе. Но жить они будут с тещей, там квартира большая. И дача, кажется, есть.

— А генерал не против такого зятя?

— А генерал в Москве не живет. А если честно — не знаю.

Выяснять отношения с бывшим мужем относительно ежемесячного "пособия" на жилье Майя Михайловна не стала. Лишь проверила, выписался ли он из их общей квартиры. И узнав, что выписался, вздохнула с облегчением: за такую новость не жалко было и переплатить.

Все это оказалось тем более кстати, что еще полгода спустя решил жениться сын Леонид. Сообщил он об этом матери с некоторой опаской, но, как оназвалось, бояться было нечего:

— Да делайте, что хотите, — сказала Майя Михайловна. — Хотите — расписывайтесь, хотите — венчайтесь, хотите — просто друга любите. Только предупреждаю: внуков нянчить не готова. Учитите это в своих творческих планах.

Так что проблем у молодых со свекровью не было. Майя Михайловна в их дела не лезла, советов не давала и вообще жила своей собственной, достаточно насыщенной жизнью, предоставив сыну и невестке возиться с ребенком самостоятельно. А потом купила себе однокомнатную квартирку не слишком далеко от прежней, руководствуясь старым житейско-арифметическим правилом: уровень любви между родственниками обратно пропорционален квадрату расстояния между ними.

Произошло это знаменательное событие года через три после неудачного визита экс-супруга Майи Михайловны на телевидение. Она уже успела благополучно забыть и о самом казусе, и о его непосредственном виновнике. Успела обставить квартиру и даже какое-то время понизить там в свое удовольствие, когда Владимир Иванович вновь объявился в ее жизни, но на сей раз не так экстравагантно, а просто позвонил по телефону. Поздравить с днем рождения их общего сына.

— Ты еще замуж не вышла? — поинтересовался Владимир Иванович после общих гладких фраз.

— С ума еще не сошла. Мне и так неплохо, даже хорошо.

— Ты всегда умела отлично устроиться, — горестно вздохнул Владимир Иванович. — Везет тебе. А меня словно кто-то сглазил.

— В смысле?

— Супруга моя драгоценная как с цепи сорвалась. Пошла работать референтом на какую-то фирму. По-моему, абсолютно мафиозная организация.

— Это откуда такие выводы?

— Деньги получает сумасшедшие, вот откуда. За честную работу такие не платят. Или собой торгует.

Майя Михайловна произвела в уме кое-какие нехитрые арифметические выкладки и развеселилась. Супруге Владимира Ивановича было не меньше сорона, торговать собой в этом возрасте было, мягко говоря, проблематично. Во всяком случае, за "сумасшедшие деньги". Этими соображениями она поделилась с Владимиром Ивановичем, но понимания как-то не встретила.

— Купила машину, получила права, — продолжал он скорбное перечисление. — Домой приезжает не раньше восьми вечера, а то и позже, причем даже не дает себе труда придумать какую-то правдоподобную причину. Она работает. Какое?

— Нормально. А ты где трудишься, если не секрет?

— А куда сейчас порядочный человек может устроиться по специальности? — ответил Владимир Иванович вопросом на вопрос.

— Значит, нигде не работаешь, — уверенно подвела итог Майя Михайловна. — Слава Богу, хоть не устаешь теперь. Телевизор-то смотришь?

— Издеваешься! — обиделся Владимир Иванович. — Это, конеч-

но, легче всего. А вот помочь человеку...

— Чем же я могу тебе помочь? — вздохнула Майя Михайловна. — Лишних денег у меня, представь себе, нет.

— Ты ведь, кажется, живешь одна? Вот если бы мы попробовали... Или найди мне хоть какую-нибудь приличную женщину...

Майя Михайловна осторожно, точно стеклянную, положила трубку на рычаг. Телефон тут же снова зазвонил, но она выключила звук и вернулась к прерванной работе над очередным сценарием. Но сосредоточиться ей мешало одно воспоминание. О ее семейной жизни, точнее — о самом ее начале. О том, как Володя за ней ухаживал, дарил цветы, водил в кафе-мороженое. Как они с его ближайшими друзьями-однокурсниками на свадьбе припомнили свой любимый тост: "Гусары пьют стоя!", и Володя пил шампанское из ее новой белой тубельки. И как эти друзья постепенно исчезали из жизни Володи один за другим.

А теперь вот снова с женой не везет, не складывается. Действительно, будто сглазил кто мужчину. Или порчу навел, теперь об этом во всех газетах пишут.

"Что такое "не везет" и как с ним бороться?" — второй по важности российский вопрос после "Кто виноват?" А, может, мы зря забыли о третьем вопросе: "Что делать?" И перестали искать ответ именно на него? Ведь списывать все неудачи на "венцы безбрачия" и наведенную порчу значительно проще.

А как вы думаете, дорогие читатели?

Армен

ДЖИГАРХАНИЯН:

**“На сцене делаю
все, что хочу...”**

Он прекрасно водит машину, любит путешествовать, страстный болельщик футбола. Красавцем-сердцем его не назовешь, но у него много поклонниц. Они видят в Армене Борисовиче настоящего мужчину, рядом с которым любая

женщина чувствует себя защищенной, как за каменной стеной. У него мудрый, строгий и слегка лунавый прищур глаз. Ничего напускного, ничего — напозаказ. Никакого высокомерия, снобизма, амбиций, свойственных творческим людям. Его любимая

фото: Анатолий Ильинский

со зрителем

роль — Сократ. Потому что мудрец жил так, как проповедовал. А это труднее всего...

— Армен Борисович, говорят, что вы не только на сцене, но и в жизни — философ. В чем заключается ваша жизненная философия?

— Один из персонажей пьесы "Беседы с Сократом" сказал фразу, которая может показаться опасной: "Я вслушиваюсь в свои желания и удовлетворяю их". Потом я читал у Пушкина: "и никому отчета не давать; лишь самому себе служить и угождать". Но,

▲ Телевизионный "Бенефис Людмилы Гурченко".

На съемках фильма "Убийца". ▶

конечно, на это нужно иметь право.

— Можно ли определить круг избранных, имеющих такое право?

— Как только мы с вами выведем такую формулу, совершим первую ошибку. Ведь природа создает всех очень разными. Один совершает подвиг, спасает людей, другой тоже совершает необычный поступок, тоже лидер, но он разрушитель, фашист. Поэтому формулы или правила существовать не могут. Когда Пушкин говорит, что он памятник себе воздвиг, никому в голову не приходит, что это нескромно. Потому что в

наших глазах он имел на это право. Пушкин написал "Моцарт и Сальери". Я думаю, что там все далеко не так просто, как иногда трактуется. Потому, в своем подавляющем большинстве, мы, конечно же, Сальери.

И всегда сталкиваемся с этим типом взаимоотношений. Существует театр, пришел новый режиссер, кому-то нравится, кому-то нет, что он делает. И возникает опять тот же рисунок... Хотя одинаковых рисунков в природе и просто в жизни не бывает. Я был потрясен, узнав, что ребенок зебры узнает свою мать по рисунку. Кстати, вы когда-нибудь задумы-

вались о том, что такое коллективное творчество?

— *Если честно, то нет.*

— Ну что ж, писатель или журналист может себе одиночество позволить. Перо, бумага, луна в окне, рядом кот на диване... А театр — это коллективное творчество. Я, как алкоголик или наркоман, нахожусь в постоянной зависимости от коллег, от режиссера. В театре ребенок рождается в результате коллективного творческого акта... Я должен приблизиться, прикоснуться, отдать и взять энергию. Лет десять-одиннадцать играл Сократа на сцене Театра Маяковского. Что дал мне Сократ? Трудно ска-

зать. Потому что каждый раз, на каждой репетиции что-то происходило. Это вот как мы сейчас сидим, беседуем, и что-то меняется каждую секунду: поза, ход мыслей...

У меня есть сиамский кот Философ, которого я обожаю. Смотрю на него и чувствую — он никогда не приспосабливается. Он ни за что не будет лежать в неудобной позе. Даже за кусок осетрины. А я сплошь и рядом приспосабливаюсь — к людям, ситуациям. Как-то был у большого начальника, и он выразил симпатию к одному популярному эстрадному певцу. Я улыбался и подкивал в ответ, хотя плохо знаю

этого певца. Но у меня были дела, просьбы, и мне пришлось так себя вести. Это ненормально, неестественно. Но что делать? Даже Диоген в своей знаменитой бочке не ощущал себя абсолютно свободным и приспособливался.

— Но как же вам удается обрести душевное равновесие?

— Меня выручает профессия. Если я сфальшивлю где-то в жизни, то потом отыграюсь на сцене. Если о чем-то не согласен, у меня есть возможность сыграть так, чтобы сказать, выплеснуть этот протест. И здесь уж никто не наступит мне на горло... На сцене я не угрожаю и делаю со зрителем все, что хочу.

— Вы хотели бы переписать свою жизнь на белом теперь, когда знаете, какие ошибки делали и как их исправить?

— Это моя жизнь, и я ни от чего в ней не отказываюсь. Те антибиотики, которые я принимал, когда мне было трудно, — мои личные дела. И об этом я не рассказываю. Зачем? Жизнь в чем-то похожа на дорогу, по которой мчишься. Все меняется... Я думаю, что самое трудное, самое важное, самое горькое, самое сладкое — это ехать, соблюдая правила уличного движения, никого не давить, но все равно ехать, как ты любишь, как умеешь, как считаешь правильным. Эйнштейн хотел предложить одиннадцатую заповедь. "Не бойся!" Хотя страх хватает. Не туда пойду, не туда сверну, сломаю шею, страх за родных и близких. И все равно — не бойся!

— Знаю, что даже в самые тяжелые моменты жизни вы выхо-

дили на сцену и играли. Это — тоже часть жизненной философии?

— Я никогда не навязывал, не тиражировал свое плохое или хорошее настроение. К примеру, пришел на встречу с вами. Может быть, у меня в этот момент болит голова или накануне украли деньги. Но это мои личные проблемы. И делиться ими имеет смысл только в том случае, если человек может помочь. Иначе — зачем я буду втягивать вас в свои неприятности? С этого начинается уважение друг к другу.

— А любовь? Как вы относитесь к любви?

— Любить трудно. Наверное, нужен особый талант. Удивительное космическое состояние, когда отдаешь все и не требуешь вза-

мен ничего. Страшная вещь. Возможно, многие просто боятся любить. У Михаила Булгакова есть ремарка к одной пьесе: "поднимаюсь в гибельные выси". Это — о любви. Между делом нельзя, в свободное от работы время — так не бывает.

— Вы можете о себе сказать, что любите всю жизнь — театр, одну женщину?

— Не знаю. Мне кажется, что да, но я могу заблуждаться. Ведь Лев Николаевич Толстой в свои восемьдесят с лишним лет бежал из дома... Нет прибора, который определяет меру и силу любви, преданности. Я могу принимать желаемое за действительное. Нужно уметь чуточку отстраняться. Между людьми должен быть

◀ На съемках фильма "Бинджони и Король"

На съемках фильма "Стреляющие ангелы" ▼

воздух, к пониманию этого приходишь, к сожалению, иногда слишком поздно. Не обязательно все знать друг о друге, лезть, извините за выражение, за пазуху к супруге или супругу. Есть некий закон таинства. Самое сложное, непреодолимое, что создал Бог, — это разницу полов, биологический антагонизм. Два совершенно разных мира, хотят — не хотят, объединены идеей продолжения рода.

— Но ведь случается, что мужчина и женщина в своих взаимоотношениях достигают гармонии?

— Очень редко. Чаще происходит компромисс. Я все больше уважаю это слово...

— А вам никогда не приходилось сомневаться в своем актерском призвании?

— Сомневаться можно во всем. Но осознавать такое — начало самоубийства. Время от времени мы все говорим "как жить надоело". Но это всего лишь пустые слова.

— А если бы вдруг вас лишили возможности выходить на сцену, запретили играть? Что тогда?

— Не могу, не могу такое представить. Но у меня ощущение такое, что мне все равно было бы интересно жить. Я люблю ходить по улицам, наблюдать и ощущать — лица, походки, запахи. Люди интересные везде — в магазине, на вокзале, в аэропорту. Наблюдать и размышлять, не будучи втянутым в интригу. Я столько раз бывал в экспедициях, на гастролях, и меня часто пытались научить играть в карты. Но так и не научили. Потому что мне было безумно интересно наблюдать, как играют другие, как меняются лица, двигаются руки. Люди в этот момент очень натуральны. Мне никогда не бывает

скучно и с самим собой. Я люблю уединенность.

Нота своего люблю, книги, природу. Вот в лесу как-то на белок смотрел, любовался... Читаю — с удовольствием — Довлатова, недавно под руку попала медицинская книга о гениальности. На тусовки не хожу. Неинтересно, неестественно. Антерский смех, богатая мимика...

— Один философ говорил, что живых людей можно разделить на живых и мертвых. Как вы думаете, что он имел в виду?

— Если человек способен испытывать боль сердцем, а не рассуждать "по поводу", значит, он живой. Если способен иметь свое мнение. Меня, например, нельзя угворить, что фильм хорош только потому, что получил одиннадцать "Оскаров". "Титаник", на мой взгляд, — плохая картина.

— А нание — хорошие?

— Хорошего не может быть много. Дидро говорил, если бы все было прекрасно, то не было бы прекрасного. Я люблю картины, музыку, людей, которые со мной беседуют. Не по типу "как там у вас зерновые идут". Знаете, в шахматах есть такое понятие "ненормативный ход". Это когда своего партнера считают за дурака. Слушая нынешнюю популярную эстрадную музыку, я думаю, что это ненормативно. Орут, кричат, фонтанируют. Нормально скажи — я постараюсь понять. Никогда не любил джаз. Мне нравится, когда со мной разговаривают. Но не сюжет рассказывают, а о своих ощущениях. Значит, диалог состоялся. Кажется, он и у нас получился... ■

Беседовала

Татьяна ХАРЛАМОВА.

Анатолий КОРОТКОВ

ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ

*Любовь и ненависть всегда шагают рядом.
И как гласит народная молва:
Один лишь шаг, и вместе с колким взглядом
Уже летят обидные слова.
Пишу о том совсем не понаслышке,
Все пережил и видел наяву:
С любви подростка в латаных штанишках
До зрелой страсти в ласковом Крыму.
Когда любовью правят только чувства,
А разум остается лишь для дел,
Порою нужно высшее искусство,
Чтоб ненависть имела свой предел.
В любви, как в жизни, могут быть ненастья,
Никто не даст прогноза наперед,
Люби, но помни: к каждой доле счастья
Есть где-то рядом злобный антипод.*

БЕССМЕРТИЕ

*Мы тяжело переживаем,
Когда земли живая твердь
В себя навечно принимает
Тела людей, познавших смерть.
А где же дерзкие стремленья,
И мыслей взлет и сгустки чувств,
Любви душевное томленье,
Земной порыв, восторг и грусть?
Ужель исчезло все бесследно,
В потоке бездны растворясь,
И жил усопший бесполезно,
Из праха в прах же возвратясь?
Я верю — смысл во все заложен,
А тайну знает лишь Творец.
Но мы себя продолжить можем,
Да и улучшить, наконец.*

Тяжелый ПОКЕР

Андре БЬЕРКЕ

Есть два вида тишины: мирная и злобная. Тишина падающего снега и тишина там, где взрывают скалу — в те мгновения, когда пламя бежит к динамиту по зажженному фитилю. Люди, играющие в покер с высокими ставками, иногда тихи, как снежинки. Но это иная, грозная, тишина — тишина зажженного фитиля, которая следует за истошным криком: «Эй, берегись! Шулер!»

Вот и теперь в дачной гостиной у доктора Хагена царит оглушительная тишина. Она прерывалась лишь легким шелестом карт о крышку стола. Сегодня сдавал хозяин вечера: карты бы-

ли быстро и методично поделены на четыре кучки. По пять в каждой...

Хаген взял в руку свою кучку. Ему было лишь чуть более пятидесяти, но выглядел он намного старше: опухшее, в красную крапину, лицо ясно свидетельствовало о том, что сам он не следовал медицинским предписаниям, которые давал своим пациентам. В его массивном бокале содержалось куда больше виски, чем содовой, и так было на протяжении многих лет. Но когда он сел к карточному столу, в глазах появилось выражение мрачной, беспощадной энергии, составлявшей разительный контраст с вялыми чертами лица. Он обращался с картами собственным, непревзойденным, профессиональным методом, как заправский крупье в казино. Большая груда фишек перед ним явно говорила о том, кому сопутствовала удача в этот вечер.

Он приподнял свою кучку и выкинул самую нижнюю карту. Затем кивнул остальным:

— Банк, господа. Валетное начало!

Мужчина, сидевший слева от Хагена, был его сверстником, но обладал внешностью более солидной и благообразной, носящей отпечаток его почтенной буржуазной профессии. Крон — оптовый торговец фармацевтическими товарами. Сегодня вечером он много проиграл, и его худое лицо превратилось в сплошную сеть горестных морщинок, а уголки рта повисли. Теперь он развертывал свои карты узким веером, открывая лишь уголки с обозначением достоинства. Ему не удалось скрыть приятное удивление: уголки рта взметнулись вверх, а морщины разгладились. Чтобы открыть партию, нужно иметь, как минимум, два валета, а этим он как раз и располагал. Наконец-то несколько приличных карт! Крон выбросил на стол круглую фишку:

— Приходится раскошелиться. Пять сотен!

Моллерюд, сидевший напротив хозяина, был заметно моложе трех остальных игроков, но и в других отношениях он также не вполне вписывался в эту кампанию. Выражение его лица было попеременно то слишком возбужденным, то совершенно отсутствующим. Бросив быстрый взгляд на карты, он стал смотреть в большое окно, словно пытаясь на несколько секунд высвободиться из-под нервного прессинга игры. За окном в саду сверкала листва больших каштановых деревьев. Только что прекратился ливень, и из-за облаков показалась луна. Навстречу слабому свету лампы устремился лунный свет из окна, вокруг ближайших к окну предметов появились двойные тени — оранжевые и голубые. Моллерюд всегда обращал внимание на такие вещи — даже во время игры в покер. Замечать их было неотъемлемой частью его профессии, ибо он был живописцем.

Воинственный возглас Крона возвратил художника к миру с более резкими контрастами. Он почесал свою пышную взлохма-

ченную шевелюру и отработанным движением бросил на стол пять длинных фишек.

— Да. Я в игре.

— И я тоже, — добавил четвертый участник партии Гюндерсен. Это был лысый, благообразный господин, вполне спокойно воспринявший происходящее. Его присутствие в таком обществе казалось несколько неожиданным, ведь его специальностью было страхование. Но, видно, и в человеческой душе образуются двойные тени, когда пересекаются свет лампы и свет луны. А контрастной тенью страхового агента как раз и является игрок в покер.

Хаген тоже был в игре, в связи с чем ставки повысились уже до 2000 крон. Он взял в руки карточную колоду: пришло время для «прикупа».

— Сколько карт, Крон?

— Три, пожалуйста.

— А тебе, Моллерюд?

— То же самое.

— Гюндерсен?

Страховой агент на мгновение замялся. Затем принял решение, отложил одну карту и буркнул:

— Мне еще одну.

Он не сразу посмотрел на нее. Сначала просто вставил в свой веер. Три пары глаз изучали каждый оттенок выражения на его лице. Ноздри выдавали разочарование, глаза сияли радостью. Подождем, увидим!

Хаген отложил колоду, раскрыл свой веер и глотнул виски с содовой из стоящего подле него бокала. Теперь взгляды были устремлены на него.

Моллерюд наклонился вперед:

— Ну, а ты сам?

— Мне не надо. У меня все в ажуре.

— Чтобы оставаться в игре, нужно каждый раз добавлять по пять сотен, — проворчал Крон.

Моллерюд вновь почесал голову. Он разглядывал свои пять карт с таким обескураженным видом, будто изучал надпись на незнакомом языке. Затем захлопнул свой веер и вынул одну из коротких фишек высшего достоинства: тысяча.

— Повышаю еще на пятьсот.

Наконец и Гюндерсен оценил свой прикуп, бросил быстрый взгляд на остальных, и карты с тихим шелестом упали на стол.

— Нет, этот покер слишком тяжел для меня.

— Ага! Страховой агент подает в отставку? — Хаген констатировал это со своей характерной любезной улыбкой, походившей на волчий оскал. Для него самого покер никогда не был тяжел. Теперь он выбросил целую пригоршню длинных фишек и добавил одну короткую. — Тогда еще тысячу!

— Итак, я должен поставить пять сотен? Пусть, — взволнованно проговорил Крон, и одна круглая и одна короткая прямоугольная фишки покатались через стол.

Моллерюд закусил нижнюю губу и испытующе взглянул на Хагена, который в ответ посмотрел на него без всякого выражения. Этот обмен взглядами вызывал ощущение громового раската. Художник вновь опустил глаза, словно испуганный столкновением с чем-то тяжелым и грубым, но не сдался и на этот раз. Подавив смятение, отсчитал фишки еще на две тысячи крон.

— Я тоже повышаю на тысячу.

Гюндерсен, превратившийся в пассивного наблюдателя, зачарованно смотрел на трех отчаянно сражавшихся игроков, это было настолько интересно, что он совершенно позабыл о горечи собственных потерь. Кон в центре стола буквально ломился от обилия разноцветных плоских кирпичиков — красных, желтых, зеленых и голубых.

— Еще тысячу! — Слова Хагена прогремели, как выстрел. И остров вырós.

Впервые за все время партии Крон не выглядел столь уверенным. Горящим взглядом он буравил обоих соперников. Кто из них опаснее? Затем с тяжелым вздохом произнес:

— Да, да...

И вновь были выложены фишки. Однако на этот раз Крон уклонился от повышения ставки.

Но и Моллерюд уже выдохся и воспользовался возможностью поставить точку в игре. У него оставалась только одна короткая прямоугольная фишка, он водрузил ее на самую вершину острова.

— Я понял вас. — На лице Крона вновь появилось самоуверенное выражение. Он открыл все свои карты — одну за одной. Пять многозначительных шлепков о крышку стола: валет — валет — валет — двойка — двойка. — Пожалуйста, «фул хаус»!

Хаген вновь осклабился с леденящей душу любезностью.

— Прошу прощения, но здесь есть кое-что и посильнее. — Он развернул свой веер быстрым взмахом. В нем была только одна червовая дама, а все остальные — восьмерки.

— «Каре» — четыре одинаковые карты! — со стоном бросил Моллерюд свои карты, не показывая их.

Через минуту Хаген уже подсчитал свои фишки, которые рядами возвышались прямо перед ним, как этажи небоскребов. Он сделал записи в блокноте и теперь был готов огласить итоги.

— Итак, результат сегодняшнего вечера следующий: Гюндерсен должен уплатить 5 400 крон, Моллерюд — 7 600, и Крон — 13 000.

Гюндерсен и Моллерюд вынули свои бумажники. Страхагент аккуратно развернул большие купюры и сложил их ровной стопкой, с достоинством и деловито, как будто выплачи-

вал страховую сумму при пожаре. Живописец швырнул пачку тысячных и сотенных бумажек, словно выбрасывал макулатуру в мусорную корзину. Казалось, он находился на грани нервного срыва.

— Мне всегда кажется, что на моих руках дерьмо после этих покерных партий. Пойду-ка умоюсь.

— Модные живописцы зарабатывают столько не облагаемых налогами денег, что их ни капельки не жаль, — сухо заметил Хаген и кивнул на дверь, ведущую в коридор: — Ванная там.

Моллерюд вышел из комнаты. Крон достал свою чековую книжку и уже приготовился писать в ней шариковой ручкой, но Хаген протестующе поднял руку:

— Нет, так не пойдет! Только наличными!

С видимой досадой Крон тоже был вынужден достать свой бумажник. Он уже передал деньги, и тут его внимание привлекли карты Моллерюда, плотной кучкой лежавшие у края стола. Он схватил их и повернул лицевой стороной вверх.

— Что же это такое? — Затем резко повернулся к Моллерюду, который в этот момент вошел в комнату. — Теперь я понимаю, почему ты чувствуешь дерьмо на своих руках. Куда делась твоя пятая карта? Здесь их только четыре.

— Четыре? — Молодой художник изобразил на лице удивление. — Разумеется, у меня было пять карт.

— А не засунул ли ты случайно одну из них в башмак? — У Крона уже начинали бледнеть скулы. — Или одарил Хагена одной из восьмерок? Как-нибудь под столом?

— Ну, знаешь ли! Это наглейшая... — Моллерюд нагнулся и подхватил с ковра "шестерку трэф", у самой ножки стола. — Вот она. Наверное, отлетела, когда в конце игры я бросил карты.

— Или, может быть, наш хозяин сбросил ее туда? Чтобы, скажем, не оказаться с шестью картами на руках в момент их открытия!

Обвинение в шулерстве привело к жаркой сцене между двумя господами. Хаген пока не вмешивался, но его и без того распухшее лицо вздулось еще больше. Гюндерсен был все еще молчаливым наблюдателем, но в его глазах появился новый, напряженный блеск.

— Слушай-ка, ты! — Моллерюд стукнул кулаком по столу. — Я же сам проиграл сегодня вечером 7 600 крон...

— Все это обратится в солидную чистую прибыль, когда ты и доктор начнете дележку! — отрывисто продолжал Крон. — Я уже заметил, что или ты, или Хаген неизменно оказываетесь победителями на наших покерных вечерах.

— Как ты смеешь клеветать на меня и обвинять в шулерстве!

Крик гулко раскатился в стенах, и с таким же звонким резонансом прозвучал саркастический ответ:

— Ну, я-то уж знаю, какую власть имеет над тобой Хаген. Он может заставить тебя делать все, что угодно!

Во время гвалта одна из дверей в комнате открылась, и в дверном проеме показалась женщина с усталым, строгим и печальным лицом. Коротко подстриженные волосы лежали в беспорядке, на ней были шлепанцы, брюки и короткий халат. Она бросила мимолетный взгляд на собравшихся, зажигая сигарету, и сказала:

— Нельзя ли потише? Мне бы хотелось хоть ночью отдохнуть.

Гюндерсен в ответ учтиво поклонился:

— Простите, фру Хаген, мы сейчас же разойдемся.

— Да, судя по шуму, вы так разошлись, что дальше некуда! — язвительно ответила женщина.

Хаген злобно и бесцеремонно зашипел на жену:

— Тебя это не касается. Марш в постель!

Она исчезла, но дверь оставила приоткрытой.

Теперь Крон наклонился к хозяину. Он говорил намного тише, но не менее угрожающе.

— Верни мне и Гюндерсену деньги, которые с нас взыскал!

Хаген похлопал себя по внутреннему карману:

— Наличка есть наличка, а игра есть игра, господин бизнесмен.

— Я немедленно пойду в полицию! — Оптовик был в ярости.

— А как ты докажешь свое обвинение? — спокойно спросил Хаген. — У тебя есть свидетели? — Он посмотрел на двух остальных. Гюндерсен пожал плечами. Моллерюд был нем, как рыба. У победителя вечера вновь появился волчий оскал. — Ступай, ступай в полицию. И донеси на себя самого — за клевету и оскорбления!

Крон рванулся к двери, ведущей в коридор.

— Ну, берегись! Ты еще у меня дождешься!

Дверь с шумом захлопнулась. Через несколько секунд слышался соответствующий хлопок наружной двери.

Хаген направился к окну с полным бокалом виски, распахнул его, сделал глубокий глоток из бокала и проворчал:

— Ух! Ему явно надо проветриться.

— Он, наверное, совсем рехнулся! — выпалил Моллерюд.

— В последнее время коммерческие дела Крона идут все хуже и хуже, — вставил Гюндерсен. — Это было, должно быть, большим ударом для него.

— Ты хочешь сказать, он заработал нервное истощение?

— Опухоль мозга — вот мой диагноз, — пробурчал Хаген и сделал еще один глоток.

Гюндерсен направился к нему, и, когда заговорил, в его голосе появилась новая интонация:

— Лучше бы ты позаботился о своем собственном здоровье!

— А, и ты мне грозишь? — прошипел Хаген.

— Вовсе нет. Меня беспокоит твое больное сердце.

— Считаешь, я слишком много пью? — Хаген подошел к столу и поставил на него полупустой бокал. — Спасибо, уж врач-то

знает свою норму. И у него есть скополамин в аптечке. Впрочем, я вполне подхожу под ту категорию, которая в твоей отрасли называется «хорошая жизнь». Ты ведь сам оформил превосходный полис по страхованию жизни.

Гюндерсен обернулся и посмотрел ему прямо в глаза.

— На этот страховой полис ты не имел права: ты — самая настоящая «плохая жизнь». Твоя медицинская справка — о, да! — в своем покере ты мастак.

— Не смей наводить критику на мою профессиональную этику! — рявкнул Хаген. — Лучше подумай о своей собственной. Кто бы мог представить себе страхагента в роли азартного покерного игрока?

Стенные часы пробили одиннадцать протяжных ударов. Пьяный врач, шатаясь, направился к стулу у окна и опустился на него. Он с нежностью обхватил свой бокал.

— Прощайте, господа, и спасибо за вечер!

Несколько мгновений спустя оба гостя уже стояли в прихожей, хозяин их не провожал. Они поторопились надеть на себя верхнюю одежду. Гюндерсен задержался на пороге, холодным взглядом окинул комнату и пробормотал:

— Да, это и есть плохая жизнь.

Последние гости покинули дом в начале двенадцатого. А час спустя Хаген был найден мертвым в той самой комнате, где проходила игра. Вскрытие показало, что смерть была вызвана отравлением, она, должно быть, наступила между половиной двенадцатого и четвертью первого. В ходе полицейского допроса было получено детальное описание того, что происходило во время игры в покер и последовавшей за ней сценой расплаты. Допросом руководил полицейский Монсен из криминального отдела на Виктория-террасе; ему сразу же удалось установить, что совершено убийство. На это ясно указывали все обстоятельства дела.

Во время первого допроса четверо участников события отчитались также в том, чем каждый из них занимался в критический момент — в полночь. Блокнот Монсена был испещрен пометками, и все вместе они сплетались в очень интересную ткань, но он все еще был не в состоянии полностью воссоздать ее узор.

Гюндерсен прямо отправился домой на своем автомобиле. Он проживал неподалеку от виллы Хагена, на той же западной окраине Большого Осло. Чтобы добраться туда на машине, требовалось несколько минут. Однако, оказавшись у своей холостяцкой квартиры, он обнаружил, что не может найти ключ от входной двери, хотя хорошо помнил, что положил его в правый карман пальто. Должно быть, в суматохе надел чужое пальто, и теперь ему придется вернуться и отыскать свое собственное. Он знал, что ни у кого из гостей такого пальто не было, стало быть,

он надел пальто хозяина. Когда Гюндерсен вновь вышел из автомобиля, он посмотрел на свои наручные часы: было четверть двенадцатого, Хаген, наверняка, еще не лег. Земля в саду перед домом Хагена была грязной и скользкой после недавнего ливня, Гюндерсен поскользнулся и упал. Поднявшись и стряхнув с себя самые крупные комья грязи, он позвонил в дверь. Открыла фру Хаген, на ней все еще были халат и брюки, и она курила сигарету. Гюндерсен объяснил, в чем дело, и она его впустила. В прихожей Гюндерсен снял пальто, показал свои руки, пояснив, что упал и выпачкался в грязи, и попросил разрешения умыться в ванной. Вернувшись, он извинился, что испачкал пальто Хагена. Фру Хаген нашла его собственное пальто и помогла ему надеть его, заметив при этом: «Ничего страшного. Этим пальто он почти никогда не пользовался». Но Гюндерсен настаивал, что пальто нужно развесить для сушки. Женщина указала ему на комнату, и он повесил пальто на спинке стула вблизи от электрической печки. Хаген храпел во сне на своем стуле за картонным столом. Перед ним стоял наполненный до краев бокал виски. После этого Гюндерсен откланялся, вышел и поехал домой.

Фру Хаген подтвердила показания страхового агента, но добавила кое-что от себя. Мытье в ванной продолжалось что-то уж слишком долго, ее это насторожило. В стене ванной комнаты имеется окно, которое обращено на лестницу, ведущую на второй этаж. С лестницы, на расстоянии нескольких метров, можно видеть угол внутри ванной комнаты. Женщина вышла на лестницу и увидела, что Гюндерсен стоит перед аптечкой на стене и копается в ней, казалось, он там что-то ищет. Вынимал ли он что-нибудь из пузырьков, она не видела, так как обзор загромождала дверца аптечки. Может быть, у него болела голова, и он искал аспирин? Ей вдруг стало стыдно, что она подглядывает, и она вернулась в прихожую.

На вопрос, была ли она с Гюндерсеном в комнате, фру Хаген ответила: «Нет, я туда не входила. Я всегда чувствовала отвращение, когда видела мужа в таком состоянии». Войдя, Гюндерсен закрыл за собой дверь. Когда он снова вышел, то сказал: «В комнате спит ваш муж». Она ответила, что он часто спит таким вот образом. Прощаясь, Гюндерсен попросил прощения за позднее вторжение, а она неожиданно для себя спросила: «Не нужно ли вам принять таблетку аспирина?» Услышав этот вопрос, он остолбенел, казалось, его хватил удар. Затем молча вышел и быстро направился к своей машине.

Рассказ женщины о том, что она увидела в окно ванной комнаты, подтвердился в ходе полицейского расследования. Отпечатки пальцев гостя были найдены на аптечке и на некоторых пузырьках, стоявших в ней. Гюндерсен жил один и не мог доказать свое алиби на критический промежуток времени.

У Моллерюда было алиби вплоть до половины двенадцатого — его видели кельнер и гардеробщица небольшого ресторана.

Часть его показаний во время допроса оказалась настолько важной, что Монсен ее даже застенографировал. Было записано буквально следующее:

«Та отвратительная сцена меня глубоко потрясла, я забежал в ресторанчик, находившийся у подножия холма, на котором стояла вилла Хагена, и влил в себя примерно пол-литра до его закрытия... Затем пошел к дому. Дождь кончился, и небо прояснилось, все вокруг было освещено великолепным лунным светом. Вдруг я увидел нечто необычное. На дороге остановился автомобиль, и я узнал его: «картина» Крона. Его передняя часть была обращена к вершине холма: Крон ехал к своему дому, но внезапно повернул обратно. Я спрятался в тени одного из деревьев. У края дороги стоял Крон и смотрел на виллу Хагена в бинокль. Я пытался рассмотреть объект его наблюдения, но дом находился выше того места, где я стоял, к тому же, я, увы, близорук. Все же я смог разглядеть, что свет в окне, обращенном в сад, был потушен, но само окно открыто... Вдруг Крон пошел к автомобилю и положил бинокль на заднее сиденье. Затем начал быстро подниматься наверх, а во время подъема неожиданно исчез за поворотом. Некоторое время я стоял и выжидал, но он так и не появился. Я отправился домой...»

Часть показаний Крона тоже была записана стенографически. Бизнесмен излагал вполне откровенно и обстоятельно.

«...Да, это правда. Я в самом деле поехал обратно: у меня в голове возник отчаянный план. Потеря 13 000 — это катастрофа для меня, и я был полон решимости вернуть деньги... Нет, я не считал это воровством, фактически, меня самого обокрали в шулерской игре. Я думал, как мне проникнуть в дом: увидел, что окно гостиной все еще открыто, но свет внутри погашен; ясно было, что все гости разошлись... Но тут произошло нечто удивительное. В темной комнате в оконном проеме показался человек. Он вылез из окна, спрыгнул вниз и побежал через сад, исчезнув в зарослях кустарника. Ну да, я узнал его. Светила луна, а у меня прекрасное зрение, и к тому же я смотрел в бинокль. Это был Гюндерсен... Я знал, что поблизости есть телефонная будка, и пошел ее искать, но прошло не менее десяти минут, пока я ее нашел. Глупо, конечно, можно было просто пойти и позвонить в дверь. Но, как я уже сказал, я был совершенно сбит с толку...»

Рассказ Крона о телефонном звонке и последующем визите на виллу подтвердила фру Хаген. Она мыла посуду, когда зазвонил телефон. Разговор был такой:

— Это фру Хаген?.. Говорит Крон, я звоню из автомата поблизости. Знаете ли вы, что несколько минут назад в вашем доме была совершена кража со взломом?

— Боже мой, что вы такое говорите? Несколько минут назад я слышала, как в комнате разбилось стекло, и в ней раздавался какой-то шум, но...

— Где ваш муж?

— Он сидел и спал на стуле после того, как вы разошлись. Мертвецки пьян... Ах, я так боюсь! Вы можете мне помочь?

— Я сейчас же приду.

Через несколько минут Крону отворили. Войдя в дом, он указал на дверь комнаты:

— Вы входили туда, фру?

Она очень сильно нервничала.

— Нет, я не решилась... Может быть, вы пойдете и посмотрите?

Он открыл дверь, зажег свет и вошел в комнату. Чуть позже послышался его голос:

— Можете войти, фру. Ваш муж мертв.

Хаген сидел в неестественной позе на стуле у карточного стола. Перед ним на ковре лежали осколки бокала. Фру чуть не упала в обморок, увидев это. Крон поддержал ее, затем нагнулся, поднял один из осколков, прикоснулся к нему кончиком языка и сказал:

— Станный вкус у этого виски... Посмотрите, есть ли прием бумажник.

Она стала искать в карманах пиджака Хагена. Бумажник исчез.

— Итак, убийство с целью ограбления. — Крон указал на разутые ноги трупа. — Ваш муж снимал ботинки?

— Нет, они тоже исчезли. Наверное, кто-то их снял.

Крон подошел к открытому окну и выглянул в сад.

— Я видел, как из этого окна выпрыгнул человек... Вероятно, он не хотел оставлять здесь следы своих собственных ботинок.

Женщина опустила на стул.

— Что нам теперь делать?

В этот момент раздался бой часов. Крон кивнул на циферблат.

— Полночь. Это время мы должны запомнить. — Затем прошел в прихожую к телефонному аппарату и набрал номер. — Алло... Это криминальная полиция?

Человек, которого, как утверждал Крон, он видел в бинокль, не был призраком, осталось много его следов.

С помощью вскрытия и химического анализа виски в осколках бокала была установлена причина смерти; осушив бокал, Хаген принял смертельную дозу скополамина. В очень малых дозах это ядовитое вещество принимается как лекарственное средство при сердечных приступах, но в больших количествах оно опасно для жизни. Хаген был сердечником, и смерть, должно быть, наступила мгновенно. Пузырек со скополамином находился в аптечке в ванной. Здесь, как на самом шкафчике, так и на некоторых пузырьках, были найдены не только отпечатки

пальцев Гюндерсена, но еще и Моллерюда: последний ведь тоже «отмывался» как раз сразу после той роковой партии.

Во второй половине следующего дня Монсен зашел к своему коллеге Клаусу Вангли. Тот сидел, углубившись в чтение газеты, и Монсен был неприятно удивлен, когда увидел, что она раскрыта на спортивных страницах.

— Что тебя здесь так заинтересовало?

— Перекидной способ. — Вангли указал на фото, запечатлевшее прыжок в высоту: прыгун преодолевал планку с помощью вращательного движения, обратив лицо к земле. — Красиво, не правда ли?

— Перекидной способ? — переспросил Монсен со вздохом.

— Я всегда интересовался спортивной техникой. А ты? — Вангли приветливо улыбнулся.

Его собеседник опустил на стул, он устал после напряженной многочасовой работы.

— Знаешь что, Вангли? Все же это Виктория-террасе, криминальный отдел. Чем ты занимаешься в рабочее время?

— Моим хобби.

Самоуверенный тон разъярил Монсена.

— Опять ты со своими хобби!

— Да, конечно. Мне они необходимы, по службе, разумеется. — Вангли вновь указал на фотографию с изображением прыжка в высоту. — Тебе никогда не приходило в голову, что некоторые преступления удивительно похожи на спортивные выступления?

Монсен на протяжении многих лет наблюдал и не мог понять методы работы своего коллеги, они были, мягко выражаясь, нетрадиционными. Сам Монсен рассматривал службу в полиции как серьезное и ответственное дело, работа здесь должна выполняться методично и основательно, в соответствии с предписанными правилами. Для Вангли же, как казалось, главное не предписания, а его собственные многочисленные хобби, которым он предан до самозабвения. Правда, Монсен был вынужден признать, что, пользуясь своими увлечениями для расследования преступлений, его коллега добивался ошеломляющих результатов. Он как бы играючи продвигался к раскрытию криминальной загадки, и, как это было ни удивительно, оно часто оказывалось правильным. Все это заставляло добросовестного служаку Монсена обращаться к эксцентричному детективу-хоббисту с особо сложными и запутанными делами. Так произошло и на этот раз.

Монсен вынул конверт из кармана пиджака.

— Ты говоришь, что преступления похожи на спортивные выступления? Пожалуй, иногда так и бывает. Например, в данном случае. Возможно, здесь мы имеем дело с искусным спортсменом.

— Ты имеешь в виду покерное убийство? — Вангли был уже полностью в курсе дела.

— Да, покерное. — Монсен вынул из конверта две фотографии и положил их рядом с раскрытой газетой. — Раз ты так сильно интересуешься спортивной техникой, вот тебе две карточки, впрямую относящиеся к твоей теме.

— Прыжок через лужу в саду?

— Именно. Но только прыжок не в высоту, а в длину. Что скажет наш спортивный эксперт?

Вангли стал изучать обе фотографии. На первой крупным планом было изображено место толчка: четкий отпечаток подошвы правого ботинка. Вторая показывала место приземления с отпечатками обоих ботинок, поставленных почти рядом друг с другом; на ней был особенно четко виден узор подошвы.

— Каково расстояние между толчком и приземлением?

— Два метра тридцать сантиметров.

— Значительно ниже национального рекорда Норвегии. Пока что больше ничего не могу сказать. — Вангли вновь обратился к газете, фотография перекидного способа была явно куда интересней.

Монсен посмотрел на часы.

— Я вызвал всех четверых для повторного допроса. Они будут здесь в половине пятого, а сейчас как раз около этого... Не желаешь ли принять участие?

— Н-да, я ведь тоже здесь работаю, как ты сам же мне напомнил. Почему же нет?

— Bravo. Мы устроим им перекрестный допрос. — Монсен вложил фотографии в конверт и снова засунул его в карман. — Убери эту несчастную газету — и за дело!

Первым допрашивали Гюндерсена. Он вел себя спокойно и сдержанно.

— Сегодня ночью, в то время, когда вы находились в ванной комнате, за вами наблюдала фру Хаген... Что вы искали в аптечке?

Страховой агент был готов к этому вопросу и ответил без запинки:

— Когда я умывался, то обнаружил, что дверца аптечки открыта. Мне показалось это любопытным. Я вспомнил, что Моллерюд побывал в ванной сразу же по окончании игры и выглядел очень возбужденным. Я заподозрил, что он лазил в аптечку именно за успокаивающими таблетками. Когда Крон выступил со своими обвинениями, он сказал, что Хаген имеет «власть» над Моллерюдом — как его лечащий врач — и может заставить того сделать все, что угодно. Итак, я искал в аптечке именно наркотики. Найди я их, это было бы доказательством того, что Крон правильно возмущался шулерской игрой. Я тоже был заинтересован, ибо сам потерял несколько тысяч крон...

— Вы нашли то, что искали?

— Нет.

Монсен поднял глаза от записной книжки.

— А сами вы тоже считали, что доктор Хаген обладает над Моллерюдом определенной властью?

Гюндерсен задумался.

— Да... Несколько недель назад я стал свидетелем одной интересной сцены. Мне нужно было проконсультироваться у доктора Хагена по поводу прострела. Вместе со мной в приемной сидел Моллерюд. Он выглядел очень возбужденным и нервным — точно так же, как и сегодня ночью после игры. Он вошел в кабинет до меня, а когда вышел вновь — был совсем другим человеком: веселым, почти неестественно радостным. Я заметил странный, жутковатый блеск в его глазах.

Монсен внезапно поменял тему. Он сообщил о том, что Крон, по его собственным словам, увидел в бинокль, стоя внизу у дороги. Гюндерсен с возмущением перебил полицейского:

— Нет, я не лазил через окно. Я вышел через прихожую. И сразу поехал домой. Меня не удивляет, что у Крона появились галлюцинации в том возбужденном состоянии, в котором он находился сегодня ночью.

— Во всяком случае, следы ботинок — не галлюцинация, — сухо заметил Монсен. — Их сфотографировали. Ну, к этому мы еще вернемся.

Вангли вставил:

— Вчера вы говорили с Хагеном о полисе по страхованию жизни. Какова величина страховой суммы?

— 200 000 крон.

— А кому была бы выплачена эта сумма в случае смерти Хагена?

— Жене.

— Какие отношения были между супругами?

Гюндерсен скорчил гримасу.

— В последнее время — более чем прохладные. Ее совсем не радовали его запои, а он, со своей стороны, рассматривал ее как приживалку. Думаю, что развод был не за горами.

— Разрешите задать вам под конец один нескромный вопрос, — проговорил Вангли с доброжелательной улыбкой. — Что общего человек с вашим характером и образованием может иметь с таким персонажем, как Хаген?

Гюндерсен был, видимо, польщен вопросом и ответил с предельной откровенностью.

— Мы друзья со школьной скамьи. Он был отличным парнем в прежние годы... Но в последнее время с ним стало твориться что-то неладное. Например, чтобы оформить у меня полис по страхованию жизни, он представил липовую медицинскую справку, и лишь недавно я узнал, что он страдал тяжелым пороком сердца... Но настоящий шок я испытал сегодня

ночью: даже не подозревал, что он превратился в пьяницу и шулера!..

Фру Хаген также была спокойна во время допроса, отвечая на вопросы бойко и деловито. Она привела себя в порядок по этому случаю и уже не казалась такой неряхой, как ночью, волосы были тщательно причесаны, жемчужно-серый выходной костюм безупречен. Конечно, когда мужчины собираются для расследования убийства, нужно быть одетой иначе, чем для их покерных сеансов.

Она отказалась поверить в то, что ее муж жульничал по время игры.

— Нечестным он никогда не был, хотя мог быть и грубым, и бесцеремонным, особенно когда пьян.

— Стало быть, вы оказались свидетельницей жестокой сцены, разыгравшейся после партии в покер, — вставил Вангли сочувственным тоном. — Как вы на нее реагировали?

— Я была глубоко потрясена. Казалось, что в воздухе витала идея убийства.

Она рассказала, чем занималась, когда гости разошлись. А потом нагрянул Гюндерсен за своим пальто.

Теперь настал черед Монсена.

— Как я понимаю, Гюндерсен был несколько минут один в комнате, где спал ваш муж, не правда ли?

— Да, конечно, после того, как побывал в ванной. Он находился в комнате, пока развешивал у печки испачканное пальто.

— Вы видели, чем он там занимался?

— Нет, он закрыл за собой дверь.

— Он потушил свет, когда вышел оттуда?

— Дайте подумать.. По-моему, нет...

— Следовательно, свет в комнате горел и после ухода Гюндерсена?

— Да...

— Спасибо. Продолжайте.

Женщина сняла перчатки и взяла их в правую руку. Затем достала зажигалку и портсигар из кармана костюма.

— Здесь можно курить?

— Да, пожалуйста. — Вангли пододвинул пепельницу.

Она зажгла сигарету и сделала глубокую затяжку.

— Когда Гюндерсен ушел, я продолжила мыть посуду. Несколько минут спустя из комнаты послышался какой-то звук. Я приложила ухо к стене и стала слушать. Вдруг раздался крик: «Пошел вон! Я сказал, пошел вон!» И я услышала звон разбитого бокала, который упал на пол...

— Эту деталь вы не упомянули во время ночного допроса, — заметил Монсен.

— Нет, я сначала не придавала этому значения, я часто слышала, как он разговаривает сам с собой по ночам.

— Почему вы не вошли к нему?

— Просто не осмелилась. Однажды с ним случился приступ белой горячки, и он был очень опасен. Теперь я понимаю, что в комнате с ним мог находиться кто-то еще... Было примерно без четверти двенадцать. А через семь-восемь минут позвонил Крон.

Тут вмешался Вангли:

— А когда Крон открыл дверь комнаты, в ней было темно?

— Да. Ведь он зажег люстру.

— Вы не входили туда после ухода Гюндерсена, тогда свет был зажжен. Стало быть, кто-то потушил его в этот промежуток времени?

— Да, конечно. — Она слегка поежилась, будто от озноба. — Наверное, убийца.

— Что вы сделали прежде всего, когда узнали, что ваш муж отравлен?

Она потушила окурок, вдавив его в пепельницу.

— Я пошла в ванную, так как имела определенное подозрение. В аптечке стояли сердечные лекарства, которые принимал мой муж. С самой нижней полки исчез пузырек со скополамином. Я видела его там до прихода гостей, следовательно, кто-то из них взял его.

Моллерюд вибрировал в полицейской конторе еще сильнее, чем во время дознания на вилле Хагена. Глаза бегали, руки не успокаивались ни на минуту. Казалось, он был на грани коллапса.

Но Монсен выглядел беспощадным.

— Отпечатки ваших пальцев найдены на аптечке Хагена, а также на пузырьках и мензурках. Вы что-то принимали, пока были в ванной?

— Да-а! — ответил допрашиваемый, задыхаясь.

— Вы видели пузырек с черепом на нижней полке?

— Нет... не могу вспомнить...

Монсен с инквизиторским видом перегнулся через конторку.

— Разве вы не помните, как попросту изъяли его и положили себе в карман?

— Нет! Нет! — панически выкрикивал художник. Он закрыл лицо руками на несколько секунд. Затем вновь показались глаза. — Я искал нечто другое... ибо мои нервы были... я пытался найти амфетамин.

— А что такое амфетамин? — Вангли сделал вид, что не знает этого.

— Один из барбитуратов — какие-то такие таблетки, которые применяются в медицине для лечения... нервных состояний.

Монсену часто приходилось иметь дело с наркоманами. Он имел нюх на этот тип людей, и такое узнавание не доставляло ему радости.

— Стало быть, вы лечились у доктора Хагена, и он давал вам это «успокаивающее» средство?

— Да-а!

— И постепенно вы впали в зависимость от пилюлек?

— Да, я уже не мог обходиться без них. — Моллерюд быстро прибавил: — Но теперь буду отвыкать.

Вангли посмотрел на него и кивнул с состраданием.

— Именно так доктор Хаген и приобрел власть над вами — власть, которой он злоупотреблял?

— Да, это так. — Ответ прозвучал произвольно, художник развел руками. — Но я не занимался шулерством сегодня вечером! Я бы никогда не пошел на это!

Вновь вступил Монсен:

— Никогда бы не пошел? А что же вас заставлял делать Хаген?

Моллерюд запнулся, но тут же нашелся:

— Он заставлял меня быть своим партнером на этих сеансах. У нас была секретная система оповещения, с помощью которой мы сообщали друг другу, какие имеем карты на руках...

— Система оповещения?

— Да — код, наподобие того, которым пользуются «телепаты», «читающие» чужие мысли. Столько и столько-то слов означают это и то, первые буквы в словах сообщают нечто другое и так далее. Когда один из нас имел особенно сильную карту, мы вместе старались поднять ставки. Таким образом или увеличивался выигрыш, или противник выбывал из игры.

— После чего вы и делили этот выигрыш? — Глаза Монсена стали узкими, как щелки. — Разве это не называется шулерской игрой?

Художник ответил сдавленным голосом:

— Да... мне самому это было не по душе, но такова цена Хагена за его таблетки.

Вангли переглянулся с коллегой: не было смысла добивать беднягу. Затем мягко спросил:

— Каково ваше впечатление об отношениях герра и фру Хагенов?

Моллерюд облегченно вздохнул после такой перемены в технике допроса.

— Отношения ледяные. Я был поражен, когда увидел, как она стоит в дверном проеме и чиркает спичкой, чтобы закурить. На руке, державшей спичечный коробок, отсутствовало обручальное кольцо.

Монсен наклонился вперед.

— Вы, должно быть, сохраняли завидное хладнокровие в самый разгар скандала, раз могли сделать такое наблюдение?

— Я художник-портретист, моя специальность — наблюдать человеческие руки. А на эту руку я обратил внимание: у нее та-

кие тонкие, гибкие, белые пальцы. Я бы с удовольствием написал эту руку, и...

— Благодарю вас, — оборвал его Монсен. — Ваши творческие идеи имеют, к сожалению, весьма малое отношение к делу.

Бизнесмен Крон стремился выдержать деловой стиль и во время допроса, его отчет был сухим, лаконичным и обобщенным, как маркетинговый анализ. Он мало что мог добавить к своим предыдущим показаниям. Но одна небольшая деталь заставила усомниться в достоверности его показаний, несмотря на «объективный» характер изложения.

Его попросили дать подробное описание того, что он увидел в бинокль, стоя внизу у дороги. Он рассказал, как человек наверху вылез из окна. Спрыгнув на землю, он на мгновение обернулся. Большая часть лица была закрыта широким шарфом...

Услышав это, Монсен вздрогнул.

— Шарф на лице. Почему вы не сказали об этом раньше?

— Потому что считал не особенно существенным. — Бизнесмен скрестил на груди руки, как бы стремясь оградить себя. — Все же я его узнал. Это действительно был Гюндерсен.

— Позвольте, но каким образом вы могли его узнать?

— По фигуре. По манере двигаться. И, конечно, я узнал его пальто.

— Да. Гюндерсен носил очень характерное темное пальто с широким кожаным воротником.

Вангли не смотрел на свидетеля, он следил за движениями мухи по оконной раме, тщетно пытавшейся проникнуть сквозь стекло.

— Разве вы не знаете, что у Хагена было точно такое же пальто?

— Нет. Я его никогда не видел.

— Понятно. Фру Хаген упоминала, что муж почти никогда не надевал его. — Взгляд Вангли переместился с суетящейся мухи на бизнесмена. — Но ведь когда вы вошли в комнату и увидели труп, вероятно, обратили внимание, что на стуле висит пальто рядом с печкой?

— Ну, если вы так говорите... — Выражение лица было уже не таким уверенным. — Да, там действительно висело пальто. Я не зафиксировал на этом свое внимание, в той ситуации и без этого было многое, о чем пришлось думать. Но теперь я припоминаю, что фру вынесла его и повесила на вешалку в прихожей, она сказала, что пальто высохло. Это было как раз в тот момент, когда я звонил в полицию — да, конечно. Любопытно... А почему сушилось пальто?

— Прошу прощения, но здесь мы задаем вопросы, — проворчал Монсен. — Господин Крон, вы оптовик по аптечным товарам, не правда ли?

— Да.

— Вам, вероятно, известно действие скополамина?

— Конечно. Я знаю свое дело.

Полицейский вновь угрожающе перегнулся вперед.

— Вы, вероятно, и были поставщиком этого вещества?

— В аптеки города Осло, да. Что вы хотите этим сказать? В моей деятельности нет ничего противоправного. Скополамин — общепризнанный лекарственный препарат. Департамент медицины...

— Спасибо, нам это известно.

Монсен перешел к следующему щекотливому вопросу. Крона видели внизу у дороги в 11.40. Телефонная будка находится совсем рядом, но он позвонил фру Хаген лишь через десять минут после того, как исчез на глазах у Моллерюда. Почему для этого потребовалось так много времени? Оптовик подтвердил свои предыдущие показания: он не сразу смог найти будку, она находилась в стороне от дороги, и сначала он заплутался. Записная книжка Монсена пополнилась еще одной записью: «К. мог залезть в дом, убить Хагена, а затем побежать к телефонной будке».

Вангли поставил заключительную точку в допросе:

— Осмелюсь спросить, были ли вы в ванной комнате в течение вечера?

— Надо подумать... — Крон манерно выставил свою холеную руку. — Да, был. Около девяти часов, мыл в ванной руки.

Когда последний свидетель ушел, Вангли подмигнул коллеге:

— Еще одно умывание рук. Обязательно занеси это в свой протокол.

Монсен перелистал весь исписанный блокнот.

— Так, так... Все четверо могли взять ядовитое вещество в ванной. Ни у кого из них нет безупречного алиби, и у каждого есть вполне определенный мотив для убийства. Возьмем жену: классический мотив, связанный со страхованием жизни. Моллерюд оказался в лапах наркоакулы: мотив — месть. У Гюндерсена и Крона Хаген отобрал большие денежные суммы. Все трое мужчин хорошо знали, какую сумму положил в свой бумажник победитель вечера. Он ободрал их на 26 000. Мотив — ограбление.

— Но мог ли кто-нибудь из четверых сделать это? — вставил Вангли. — Все ли имели возможность всыпать яд в бокал Хагена?

— Пока не знаю. — Монсен перевернул еще один листок блокнота. — Жена могла сделать это когда угодно: после ухода гостей или пока муж спал. Гюндерсен — когда вошел в комнату, чтобы развесить пальто для сушки. Моллерюд — еще до ухода... Вот здесь у меня запись. После ухода Крона Гюндерсен и Хаген некоторое время стояли и беседовали у открытого окна: хозяин поставил свой бокал на игровой стол. Они не видели, чем занимался Моллерюд за их спиной. Он мог...

— Стоп. Это совсем не то. — Ладонь Вангли протестующе взметнулась вверх. — В твоей другой записи говорится, что бокал был полупустой. Но когда Гюндерсен вошел в комнату, чтобы развесить пальто для сушки, он увидел, что Хаген спит, а перед ним стоит бокал, наполненный до краев, это ты тоже записал. Иными словами, Хаген выпил предыдущий бокал и налил себе новый перед тем, как заснул. Следовательно, никто из гостей не мог всыпать ядовитое вещество до ухода, ибо этот яд действует мгновенно.

— Умница! Вот это я понимаю, настоящий полицейский! — воскликнул со смехом Монсен, хотя и выглядел несколько сконфуженным. — Да, но у Моллерюда была возможность сделать это позднее. После того, как он покинул ресторан...

— Разве он не стоял у дороги и не видел, как на машине подъехал Крон?

— Так он говорит. Но сам-то Крон не видел Моллерюда. Художник мог вполне находиться наверху на вилле и увидеть приезд Крона из окна. Оно ведь было открыто, как ты помнишь. Да и у самого Крона был шанс проникнуть в дом через окно...

— Что-то уж слишком запутано. — Вангли потянулся. — Нам необходима разрядка, Монсен. Давай-ка пойдем в «Криммен» и попробуем расслабиться.

Маленький кафетерий располагался на несколько улиц ниже террасы, название «Криммен» он получил потому, что был любимым местом отдыха многих сотрудников криминального отдела. Двое полицейских выбрали себе удаленный столик в уголке, где могли поговорить без помех.

Монсен весь обставился тарелочками с деликатесами. Сейчас его нож и вилка были направлены на купол Колизея из итальянского салата. Его страсть к бутербродам хорошо знали в «Криммене», и он находился здесь на спецобслуживании.

А вот Вангли, наоборот, грустными глазами смотрел на маленькую чашку черного кофе, сиротливо стоящую перед ним.

— У тебя такой угрюмый вид, Шерлок. — Монсен был воодушевлен майонезом. — О чем ты думаешь?

— О том, что одежда и человек — это не одно и то же.

— Как так?

— Свидетельские показания Крона напомнили мне о мышьяковой драме в Хамаре. Помнишь очную ставку в Арвике?

— Да, конечно, что-то связанное с шубой.

— Один из самых грубых просчетов, допущенных норвежской полицией. Дама в шубе купила мышьяк в аптеке в Арвике. Во время суда все свидетели указывали на обвиняемую: полиция представила ее в шубе. Но искусный защитник свел на нет это вещественное доказательство: он смог сыграть на огра-

ниченности следователей, как какой-нибудь Ференц Лист на своем рояле. Он доказал, что свидетели опознали шубу, а не саму даму... Не повторить бы нам этой ошибки, Монсен!

— Ну уж нет, будь спокоен. — Улыбка из-за итальянского салата излучала уверенность.

— Н-да... Без смазки колеса явно не поедут. Попробуем освежить ассоциации с помощью кружки доброго пива, — угрюмо проговорил Вангли.

Монсен оторвался от майонеза и с упреком посмотрел на коллегу.

— Я не употребляю алкоголь. Ты же знаешь.

— Боже упаси. Когда я говорю «мы», то имею в виду «я». Милый Монсен-Ням-ням, мне хорошо известно, что ты борешься за трезвый образ жизни, ты ведь член партии «Венстре», короче, «левый»... — Его глаза вдруг широко раскрылись, взгляд стал одновременно отсутствующим и необычайно интенсивным. Казалось, что его взору предстало привидение. — Да, ты левый. И вот она, разгадка!

— Разгадка чего?

— Убийства! Покерного убийства!

Были такие мгновения, когда Монсену казалось, что его коллега страдает тяжелым психическим расстройством. Сейчас как раз наступило одно из них.

— Будь так любезен, изъяснись по-человечески, Вангли. Какое отношение имеет к делу тот факт, что я голосую за «Венстре»?

— Самое прямое! — Визионер встал из-за стола. — Ты раскрыл тайну для меня, а я не хочу остаться в долгу. Только сначала мне нужно отойти вон в ту телефонную будку. Как ты думаешь, Крон уже дома?

Монсен с недоуменным видом посмотрел на свои наручные часы.

— Наверняка, если только не уехал в город. Что тебе нужно от него?

— Получить ответ на вопрос, который мне не удалось поставить в свое время. Ты ведь вырвал у меня нить допроса, сбил со следа, когда с такой прытью накинулся на его малоприятную профессию... Подожди-ка!

Вангли вернулся через несколько минут. Он уселся на стул с выражением глубокого удовлетворения и щелчком пальцев позвал официантку.

— Пиво, фрёкен! Большую, холодную, пенящуюся кружку!

— Ну, — спросил Монсен. — Удачный разговор?

— О, очень удачный. Крон излишне суетлив, но с великолепной зрительной памятью — нужно только умело ею пользоваться.

— Что удалось вытянуть из него?

— Я попросил его описать более подробно, как выглядело пальто, которое он рассматривал в бинокль. Помимо цвета и ко-

жаного воротника — не заметил ли он еще что-то особенное? И тогда он сказал, что спереди на пальто были большие пятна грязи... Понимаешь, что это означает?

Теперь на вилке Монсена был бутерброд с говяжьим языком. Но вилка остановилась у его рта.

— Это означает, что... на человеке в саду было надето пальто Хагена.

— Именно. Два пальто похожи, как две капли воды: сам Гюндерсен перепутал их в спешке. И он упал в грязь в пальто Хагена, поэтому его и повесили сушить... Это в точности соответствует моему выводу.

Вилка разгрузилась во рту Монсена и направилась в сторону Вангли.

— А теперь изволь объяснить, при чем здесь «член партии «Венстре»?

Вангли подали его пол-литра. Последовала пауза, пока он наслаждался пивом. Мимика, сопровождавшая глубокие глотки, послужила бы прекрасной рекламой норвежским пивоваренным заводам. Затем он смахнул с себя клочья пены.

— Член партии «Венстре»? Это связано с моим интересом к спортивной технике... Ты, конечно, уже все понял.

— Абсолютно ничего.

— С этими хобби очень интересно, они так часто выручают. — Вангли откинулся на спинку стула с чувством максимального комфорта. — Ты смотрел телепрограмму «Политики на стадионе»? Ее показывали несколько дней назад.

— Нет.

— Так вот, они демонстрировали свои навыки в легкой атлетике: многие из партийных лидеров активно занимались ею в молодости. Сначала были соревнования по метанию диска. Я обратил внимание, что один из них метает снаряд левой рукой, это был как раз член партии «Венстре». Затем стали прыгать в длину. Все, кроме одного, отталкивались левой ногой, а у «левого» на бруске была правая нога. Тебе что-нибудь это говорит?

Задумчивый кивок.

— У того, кто левша...

— ... лучше развита правая нога. Развитие в теле происходит по диагонали. Левша отдает «предпочтение» правой ноге, которой и отталкивается при прыжке. А теперь обратимся к твоим фотографиям. Ты ведь положил конверт в карман пиджака?

Документы вновь легли на стол. Вангли указал на крупноплановую фотографию места толчка.

— Как ты видишь, человек, перепрыгнувший через лужу, отталкивался правой ногой.

Что-то, наконец, стало проясняться в голове у Монсена.

— Другими словами...

— ... мы имеем дело с убийцей-левшой. — Вангли поднялся и взял с вешалки пальто и шляпу. — За дело, господин полицейский чиновник. Пришло время для ареста.

Несколько часов спустя они вновь сидели вдвоем в кабинете Монсена. Хозяин выглядел удрученным и скованным. А вот его коллега, напротив, был в прекрасном расположении духа от своего очередного триумфа.

— Как ты умудрился заставить признаться убийцу?

— С помощью любезности. Убийца часто страдает от того, что ему оказывают недостаточно внимания. Запомни это хорошенько, Монсен. Чувство вины преступника — наш лучший союзник. Нужно уметь разбередить его больную совесть. За этим следует признание.

— Ну, знаешь ли! Что-то уж слишком просто.

— Ну да, я, конечно, дал понять, что у нас есть еще в запасе неопровержимые улики. Показал те два снимка. Фотографии отпечатков ног всегда производят впечатление на неопытного преступника: фотоснимки имеют странную доказательную силу... Во всяком случае, я вырвал признание.

— Вот тебе бы и надо играть в покер, — пробормотал Монсен. — Можешь теперь описать, как все это происходило?

— Это совсем не сложно. Фру Хаген стала свидетельницей сцены расчета после игры в покер; она сообразила, что у всех трех гостей теперь появился мотив для убийства ее мужа, если бы он был убит, именно они оказались бы под подозрением. Один из них подал ей идею способа убийства — когда она наблюдала его у аптечки в ванной комнате. Как только Гюндерсен удалился, она пошла в ванную и взяла пузырек со скополамином. Войдя в комнату, высыпала яд в стакан виски, стоявший перед Хагеном, после чего разбудила его. Таким образом ей удалось расквитаться с ненавистным супругом и одновременно получить в свои руки полис по страхованию жизни.

Монсена передернуло.

— Но каким образом она заставила его принять этот препарат?

— Очень просто. Она тормозит его, и он просыпается. «Ты бы прилег». Он прищуривается и смотрит на нее злобным взглядом: «Чего надо?» «Я прибираю после гостей», — говорит она и протягивает руку за его наполненным бокалом. Просто и гениально! Ни один муж-алкоголик не потерпит, чтобы жена вмешивалась в его питейные дела. Если она хочет заставить его осушить бокал, ей нужно всего-навсего сделать вид, что она забирает его. Хаген придвигает бокал к себе: «А ну-ка, не командуй! Я пью виски, когда мне это удобно». Он демонстративно подносит бокал ко рту и залпом осушает его. В следующее мгновение падает в конвульсиях на стул, а бокал оказывается на полу.

— И сразу же после этого она слышит, что внизу по дороге едет автомобиль, — подхватил Монсен.

— Точно. Неужели возвращается еще один гость? Она тушит в комнате свет и выглядывает в окно. Совершенно верно: это «картина» Крона. Он выходит из автомобиля с биноклем в руке, она останавливается и внимательно смотрит: его бинокль направлен вверх, на дом.

Фру Хаген — дама очень сообразительная. Лучшего свидетеля, чем человек у дороги, да еще с биноклем, и не придумаешь. План воплощается в жизнь молниеносно. Брюки уже на ней, недостает пары мужских туфель. Она стаскивает туфли с ног Хагена. На спинке стула висит пальто, похожее на пальто Гюндерсена; она быстро надевает его на себя. Остается только мужская шляпа и шарф: их можно найти на вешалке в прихожей. И вот она готова сыграть маленький спектакль для свидетеля с биноклем — в роли Гюндерсена. Фру Хаген подходит к окну и выпрыгивает на улицу.

Она возвращается в дом через черный ход, забросив башмаки в живую изгородь: демаскировка производится мгновенно. Она не забывает убрать бумажник мужа: ведь это и был главный мотив для игроков в покер, там лежали проигранные деньги. Пальто вновь вешается на спинку стула. И вот она уже готова взять трубку телефона, который в это время звонит в прихожей.

В спешке, однако, фру Хаген забыла о двух вещах: первое — пятна грязи на пальто, и второе — след, на котором она и попалась.

Трое игроков в покер были нормальные правши. А вот фру Хаген — левша. На это косвенно указал во время допроса один из свидетелей, а именно, Моллерюд, который видел, как она зажигает спичку. Он буквально сказал следующее: «На руке, которая держала спичечный коробок, не было обручального кольца». Обручальное кольцо, как известно, носят на правой руке. А если человек держит в правой руке коробок, когда чиркает спичкой, значит, это левша, не правда ли? Я также вспомнил, что во время допроса женщина переложила свои перчатки в правую руку, чтобы вынуть зажигалку и пачку сигарет из левого кармана костюма... Отпечаток ноги в саду окончательно разоблачил ее: она отталкивалась правой ногой, перепрыгивая через лужу, а это движение как раз и характерно для левши.

— Совсем не дурно, — проворчал Монсен. — Но убедит ли такое доказательство суд?

— Во всяком случае, если я лично приму в нем участие в качестве прокурора, — отозвался Вангли. — Очень интересное дело об убийстве. Преступление женщины было быстрой и ловкой импровизацией. Она превосходно владела движениями своей души, а вот произвольные движения тела оказалось куда труднее удержать под контролем. Наша левая рука не ведает, что творит наша правая нога...

*Перевод с норвежского
Владимира СОКОЛОВСКОГО.*

Как зовут вашего Отца

В течение всего прошлого года "Смена" публиковала наиболее распространенные имена и давала характеристики каждому. В процессе работы неожиданно возник другой вопрос: действительно, имя имеет важное, даже знаковое значение, но к каждому взрослому человеку принято обращаться не только по имени, но и по отчеству. Несет ли и отчество некую информацию, и влияет ли оно на формирование судьбы? В последнее время вышел целый ряд книг-исследований по именам, и мы решили обратиться к человеку, посвятившему 15 лет своей жизни изучению этого вопроса — автору таких книг, как "Власть имени", "Имя и профессия", "Тайна имени", "Имя вашего ребенка", "Он и Она", члену-корреспонденту Академии информации Борису Юрьевичу ХИГИРУ, занимающемуся редкой и малоизученной областью знаний — антропонимической психологией. Вот что он нам рассказал о влиянии отчества на характер и судьбу человека.

Когда все хлопоты, переживания, связанные с рождением в семье ребенка, позади, родители начинают задумываться: какое имя дать младенцу? Ведь выбором имени как бы “кодируется” его будущая судьба.

Люди отличаются друг от друга внешностью, характером, манерой поведения, наконец, особенностями психики. Однако, говоря об индивидуальных чертах личности, мы не можем сказать, что их числу нет предела. Многолетние наблюдения и дифференцированный анализ позволили прийти к выводу, что люди с одинаковыми именами, отчествами и временем рождения схожи друг с другом и по своему характеру. Конечно, при этом нельзя забывать о том, что заложено в нас генетически, а также в какой среде мы живем, воспитываемся, кто нас окружает. Трудно себе в полной мере представить, насколько взаимосвязаны имя, отчество, даже время года, когда родился человек, с его характером и судьбой.

Зимние натуры

Зима с ее суровостью щедро наделила рожденных в эту пору талантами, целеустремленностью и большой силой воли. Это, как правило, личности мыслящие и вместе с тем противоречивые, упрямые, самолюбивые. Они не щадят себя в труде и поэтому достигают высших резуль-

татов. Их трудно сбить с толку, так как они уверены в том, что делают. Но в личной жизни этих людей подстерегают трудности, и немалые. Им непросто живется в семье. Они подчас спорят по мелочам, доводя себя до крайне возбужденного состояния.

Если у человека зимнего месяца рождения имя и отчество мягкого звучания, например, Владимир Михайлович, Василий Владимирович, — он добр и прекрасен, с ним можно вершить любые дела. А если твердого звучания, Дмитрий Игоревич, Олег Андреевич, Николай Дмитриевич, — он жесток и решителен. Можно привести множество примеров тому, что если отчество человека, рожденного зимой, звучит твердо, значит, он очень сложный по характеру, обидчивый и легко ранимый.

Мужчины этого времени отличаются крутым нравом, не любят подчиняться, непредсказуемы в своих действиях, а порой и жестокими, что не является их сутью и приносит им самим страдания.

У женщин, рожденных зимой, сложнейший характер мужского склада. Они смелы, бесстрашны, всегда идут напролом, часто ли-

шены нежности. Поэтому советую девочек, родившихся зимой, не называть именами, ведущими начало от мужского имени — Александра, Валерия, Виктория, Евгения, Валентина. Как правило, судьба у них чаще всего не будет усыпана розами.

Весенние натуры

Родившиеся весной физически уязвимы, эгоистичны, нерешительны, брезгливы. Чаще всего это люди одаренные, но неуверенность мешает им стать лидерами. Они охотнее соглашались на роль ведомых, хотя мыслят правильно, каждое слово, каждый поступок взвешивают, внимательно выслушивают мнение собеседника. Это перестраховщики, которые трудно привыкают к переменам. Они упрямы, себялюбивы, осторожны, податливы на лесть. Весенние натуры проявляют гибкость в различных ситуациях, но мало кто из них имеет бойцовские качества. Они никогда не кричат, всегда готовы вас выслушать и искренне посочувствовать или помочь по возможности. Весенние люди очень похожи на своих матерей и близки с ними, поэтому материнская теплота оберегает их в жизни. У них много врагов, которые им завидуют. Они интуитивно опасаются зимних и осенних людей, так как бессознательно боятся за свое существование в этой жизни, и дружат в основном с теми, кто слабее их по характеру, терпеливо "проталкивают" в свои помощники и получают в свой адрес много благодарностей. Среди них много талантливых математиков, блестящих ораторов, есть и преуспевающие

спортсмены. Весенние девушки трудно выходят замуж — им мешают осторожность и страх перемен.

Летние натуры

Лето оказывает благотворное влияние на родившихся в такую пору. Натуры широкие, немелочные, готовые рисковать, чуждые карьеризма. Большое трудолюбие помогает добиться успеха в делах. Это очень эмоциональные, впечатлительные, импульсивные люди. Их доброта распространяется на чужих детей, животных, а вспыльчивость не перерастает в злопамятность. Они горды, отважны и настойчивы в достижении определенной цели. В то же время им не чужды лесть, умение приспособливаться к любой ситуации с выгодой для себя, избегая конфликтов.

Осенние натуры

Мудрая осень, ассоциирующаяся в нашем сознании со зрелостью, опытом, неспешностью, одарила и людей, родившихся в это время, соответствующими чертами. Они расчетливы и, прежде чем что-то сделать, долго думают. Среди них немало педантов. Дипломатичные и принципиальные, они усердны и старательны в работе, придерживаются четкой линии поведения, в делах настойчивы. Ясный и уравновешенный ум, устойчивый и легкий характер, преданность способствуют крепким бракам. Роденные осенью редко конфликтуют в семье, любят детей и животных. На каком бы посту они ни были, всегда берут своим обаянием и строгостью к делу, которому служат. Среди них много ак-

теров, архитекторов, философов, людей точных наук.

Вот человек родился, и его нарекли конкретным именем — первый фактор в дальнейшем формировании характера и судьбы, а второй, не менее важный, — это отчество.

Отчество несет в себе генную информацию, то, что заложено самой природой, это некий генный код, передаваемый из поколения в поколение. Оно символизирует принадлежность человека к определенному роду и дает ему дополнительное имя — по отцу. Ответ на вопрос "Как зовут вашего отца?" дорисует психологическую характеристику имени человека, расцветит его новыми красками. Отчество как бы корректирует сложившийся образ. Не изменяет его коренным образом, а уточняет, смягчает, или, напротив, обостряет некоторые черты, делает их более выпуклыми, "наводит на резкость".

Человек, по сути, носит сразу три имени: собственное, отчество и фамилию. Выбирая имя, нельзя забывать, что ему придется звучать в кругу этих "соседей" и самому превращаться в отчество, которое, в свою очередь, не должно диссонировать с фамилией. Имя должно легко образовываться в отчество, иначе это будет приносить страдания вашему повзрослевшему внуку. Хорошо, если в соединении с отчеством имя произносится гармонично — когда ударение в имени и отчестве приходится на одинаковый по счету слог, а на стыке имен и отчеств не появляется четырех согласных или двух гласных.

Многочисленные наблюдения позволили сделать вывод, что обладателям отчеств "жестких", твердой артикуляции, приходится в жизни труднее, чем их тезкам с отчествами более мягкими, спокойными: характер первых гораздо сложнее, неуступчивее.

К "жестким" отчествам относятся, например, Николаевич, Игоревич, Станиславович, Ростиславович, Эммануилович, Юлианович, Людвикович; к мягким — Михайлович, Сергеевич, Ефимович, Ильич, Игнатъевич, Владимирович, Петрович, Павлович, Макарович, Миронович, Яковлевич, Леонтьевич, Викторович, Назарович.

Когда вы задумываетесь, какое имя дать вашему ребенку, одновременно не забывайте, что оно обязательно должно быть созвучным с отчеством. И если вы серьезно отнесетесь к этому вопросу, у вас в тысячу раз уменьшатся проблемы, связанные с его воспитанием. И помните, что нежелательно называть детей в честь бабушек и дедушек, дабы не подвергать их заведомо тем же испытаниям и превратностям судьбы, что были у предков.

Более мягко произносимые имена и отчества принадлежат людям добрым, покладистым, умеющим легко общаться с окружающими. Таковы Михаил Иванович, Андрей Владимирович, Сергей Михайлович, Михаил Сергеевич, Владимир Иванович, Сергей Владимирович, Петр Сергеевич.

Человек с отчеством Александрович обычно импульсивен, сначала совершает поступок и лишь потом обдумывает его. Все

Игоревичи упрямы и жестки. А Николаевичи, хотя по натуре и добрые люди, ведут себя часто как грубияны. Они настойчивы в действиях, в экстремальных ситуациях ниного не щадят, в некоторых случаях очень противоречивы. С ними трудно найти общий язык. Обладателям всех мужских и женских имен с отчеством Николаевич-Николаевна это отчество придает повышенную эмоциональность, в какой-то мере противоречивость, и усиливает чувство независимости.

Стремление человека к независимости также связано с его именем-отчеством. Правда, стремящиеся стать независимыми не всегда бывают счастливы, им тяжело устроить личную жизнь, трудно наладить отношения в коллективе. Женщина по своей природе обладает более развитой интуицией, чем мужчина, и прекрасно умеет ею пользоваться. Отчество в сочетании с именем дополняет всегда характеристику человека и более четко определяет его психологию. Например, Елена Николаевна обязательно вмешается в разговор, выразит открыто свое недовольство, станет бурно отстаивать свое мнение. Елена Михайловна же, наоборот, обычно больше слушает человека, чем говорит сама, ниного не станет возражать и не будет стремиться обратит на себя внимание. Есть имена и отчества, которые сами по себе несут информацию независимого характера и раскрепощенности. К таким отчествам, как Эдуардовна, Владиславовна, Дмитриевна не следует давать имена Анжела, Владлена, Екатерина, Зинаида, больше им подой-

дут простые, общеизвестные: Наталия, Вера, Ирина. А более современные имена подходят к отчествам Михайловна, Александровна, Алексеевна.

Обратите внимание на то, что не следует давать детям и свои имена. Одинаковое сочетание звуков в имени и отчестве приведет к тому, что нервная система у этого человека будет крайне неустойчивой. Таких тонкостей многие люди не знают, но это очень важно для всей человеческой жизни и судьбы.

Независимый человек не склонен принимать чужое мнение как аксиому. Он свободен от предубеждений, самостоятелен и уверен в своих силах. Вместе с тем он и нравственный человек, его судьей является его совесть. Добиться от такого человека положительной реакции можно только заинтересовав его в чем-либо. Например, Дмитрию Станиславовичу подойдет работа, интересующая его как профессионала, но не требующая больших физических усилий. Он не выносит критики, поэтому дайте ему возможность самому обнаружить свои промахи и справиться с ними.

Существует также определенная связь между именем-отчеством человека и его способностью достигать тех или иных высот в своей профессии. Многие из них отвечают тому, чтобы человек преуспевал в деловом мире, особенно в наше время, время процветания бизнеса и финансов. Поэтому хочу привести маленький перечень имен-отчеств, которые принадлежат потенциальным кандидатам в удачливые предприниматели:

Александр — Александрович, Анатольевич, Андреевич, Аронович, Васильевич, Викторович, Витальевич, Владимирович, Георгиевич, Ефимович, Ильич, Леонидович, Михайлович, Николаевич, Павлович, Петрович.

Алексей — Иванович, Михайлович, Павлович, Федорович.

Анатолий — Александрович, Васильевич, Иванович, Константинович, Михайлович, Павлович, Петрович, Семенович.

Андрей — Александрович, Дмитриевич, Николаевич.

Борис — Алексеевич, Васильевич, Георгиевич, Леонидович, Иванович.

Виктор — Александрович, Алексеевич, Арсеньевич, Григорьевич, Дмитриевич, Иванович, Михайлович, Николаевич, Сергеевич, Федорович.

Владимир — Александрович, Владимирович, Георгиевич, Дмитриевич, Иванович, Леонидович, Николаевич, Павлович, Петрович, Сергеевич, Степанович, Юрьевич.

Геннадий — Васильевич, Иванович, Петрович.

Георгий — Георгиевич, Иванович, Михайлович.

Дмитрий — Алексеевич, Евгеньевич, Иванович, Петрович, Юрьевич.

Евгений — Александрович, Анатольевич, Евгеньевич, Иванович, Павлович, Сергеевич, Федорович.

Иван — Дмитриевич, Михайлович, Семенович.

Михаил — Александрович, Владимирович, Гаврилович, Емельянович, Матвеевич, Павлович, Харитонович.

Стоит отметить, что из перечисленных выше имен больше шансов у рожденных зимой, осенью и летом (особенно в августе).

Не следует забывать, что отчество — главный стержень в психологической структуре человека: имя можно изменить, отчество не изменишь, а также что многое зависит и от времени рождения, о чем говорилось выше, поэтому разные черты у людей с одинаковыми отчествами будут проявляться по-разному. Если имя человека несет в себе мягкость, доброту, уступчивость, противоположные качества, приносимые отчеством, будут нейтрализованы. Но если ха-

рактерные черты имени и отчества совпадают, тут уж ничего не поделаешь. Не расстраивайтесь, если на получившемся портрете вы выглядите не совсем так, как представлялись себе. Ведь предложенные вам характеристики обобщенные, а каждый человек индивидуален. А если не самые привлекательные черты все-таки есть в вашем характере, попытайтесь сделать для себя вывод — для того мы и смотрим в зеркало, чтобы выглядеть лучше. ■

Валерий МИТРОХИН

* * *

Мы не любим.
Лишь пригубим
Золотой нектар из чаши.
На краю её следа
Не оставят никогда
Губы наши.
Переполненный сосуд,
Что стоит посередине,
Пчёлы райские сосут,
Как разрезанную дыню.

* * *

Не умирает вечной розы куст.
Дичает он, становится шиповником.
Порой к нему является паломником
Птиц перелетных царь Сорокоуст.

Он, рая руки, ягоду берет.
Внутри плодов — зародыши иголок.
Они его сорокозубый рот
Щекочут миллионами наколок.
Как свечи у божниц и Райских врат,
Шиповник отражается в зарницах.
Очей любимых синий виноград
Созреет к августу во сорока языцах.

* * *

Поцелуй, словно розу, сорву.
О себе вдохновенно совру.
Выхожу, как младенец из чрева,
Вырастаю, как почка из древа:
Теснота, нагота, чистота.
Отзвучав, как пассаж виртуоза,
Этот рот, что сверкает, как роза,
Поразила любви немота.

* * *

Пляс нефритово-серых рачков. Верещанье цикад
и сверчков. Вереск, нерест, плывущий на север,
Поцелуев причудливый клевер. Кизилового цвета
креветки Приросли к можжевелевой ветке. Новый
Свет — виноградный завет. Белый Сурож
пятнадцати лет. Мокрых листьев ладошковый
плеск. Рябь морская — соломенный блеск.

* * *

Перемывая косточки лимона, Мы пили чай под сенью
анемона. Как поцелуй, струился кипяток На клевер
губ, готовых наутёк. Покрытая гусиной кожей
щедра, Нас освежала сочным дымом
цедра. Ошпаренная семечка лимона, Сама зарылась
в чернозем вазона. И там лежала, погружившись в
шок, Покуда занимался корешок. Теперь мы пьём своё
вино забвенья Под изумрудной, но бесплодной сенью.
В быту, как в развороченном стогу,
Я чада от иголок стерегу.

Субтропики, лимонные сады.
Горьки базаров золотые горы.
Былого запоздалые плоды
Мы добавляем в чай и разговоры.

Гоняют сердце крепкие чаи.
Цитронный запах источает крона,
Не оскорбляя горечью лимона
Воспоминанья сладкие мои.

Едва костёр зари потух.
По небу шествует пастух.
Ему не кажется ничуть
Стезёй тяжёлой Млечный Путь.
Изогнутое пламя свечки —
Мелькает месяц в облаках.
Они, как чёрные овечки...
Кто гонит их на Аю-Даг?

За стенкой постанывал глухо
Полуночный дождик Юрзуфа.
Лежали на дне декабря
Невидимых снов якоря.

Полуночный дождик Юрзуфа
Стучал, наподобие духа,
Крупой осыпая окно,
И пахнул, как в чае вино.

Ангину свою полоща,
Жалел, что ходил без плаща.
Болела гортань водостока.
Но не было мне одиноко.

*Под этот вселенский катар
Я думал о том и об этом.
Мне песенку пели дуэтом
Компьютер и самовар.*

СОН

*Весёлый, на весельной шляпке
Плыву меж Харибдой и Сциллой.
Ты рядом — босая, без юбки,
И дышишь любовной бациллой.
С тобой целоваться опасно,
Но сладко до звона в ушах.
Я вижу, что ты не согласна
На этот рискованный шаг.
Торопимся, как на пожаре,
Дрейфуем, свернувшись в кольцо.
Я слышу, как ядом кураре
Нам вечность дохнула в лицо.*

МАНГУП-КАЛЕ

*Гранатовое дерево цветёт.
Кукует на базилике удод.
Когда-то был тут маленький Царьград.
Когда-то Пётр стоял у этих врат.
Надёжно было заперто плато.
Войти с мечом сюда не мог никто.
В кровавой жиже заржавел замок.
На цитадели колокол замолк.
Когда однажды здесь случился ад,
Нектар стал горше, чем змеиный яд.*

*Господь опять ниспосылает рать,
Чтоб миловать одних, других карать.
Не может перепутать Серафим,
Где фимиам, где погребальный дым.
Труби удод. Малиновка играй.
Вам рукоплещет невидимка-рай.*

* * *

*Мы с тобой зажигаем на пляже.
Ты читаешь известный роман.
На его золотом фюзеляже
Шестибуквенный талисман.
Эту книгу писал имярек.
Это слово придумал грек.*

Вновь качается наш кораблик,
Полный белых и розовых яблок.
Развивается наш сюжет.
Уменьшается наш бюджет.
Не жалею, что прочитан роман.
Талисман не упрятать в карман.

* * *

Как не вкусен мне ананас,
Так не нравится мне ассонанс.
Рифмы точной разыскует сонет...
Слова сочный хрустящий ранет

Рифма точная — делаю метку я —
Есть стрела поразительно меткая.
Прямо в яблочко белый налив.
Я строку эту в горне калил
Я её из молчанья отлил.

Речи нашей Великий Могол
Станет рифмой, коль нужен Глагол.
Если стих безупречная ложь,
Ты глагольную рифму не трожь!

Я когда-то болел декадансом,
Отдал дань и романсам, и стансам.
Но, признаться, грешу ассонансом,
Словно старая дева пасьянсом.

* * *

Благодарю тебя, детка, —
Лавра цветущего ветка.
Плод золотистой айвы,
Помнишь, мы были на "Вы?"
Помнишь, как в дальней Галактике,
Был я когда-то на практике,
Что продолжалась так долго?
Так что, тоскуя, душа,
Каясь, и снова греша,
В слезном тумане проволгла
Но, возвратясь домой,
Фибры свои прожигая,
Кровью текла голубой.
Я не желаю нам Рая.
Все мы там будем, но тут —
Боже, продли нам приют.

Геннадий ЕВГРАФОВ

Путь Ходасевича

... душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак,
умрет и — оживет она.

Владислав Ходасевич.
«Путем зерна»

Modus mortem¹

Он умирал тяжело, вдалеке от России, на жесткой больничной койке, хранившей память о последних мучениях тех, кто отбывал на ней свой срок перед неизбежным. Он и представить себе не мог, что если в 1939 году на земле могла существовать преисподняя, то ею окажется парижский городской госпиталь Бруссе, в который его определили для того, чтобы поставить окончательный диагноз.

Стояли знойные солнечные дни, город задыхался от жары, а он мерз, нутался в старое казенное одеяло и не мог согреться. Его положили в узкую стеклянную клетку, занавесили ее простынями и отгородили от других больных. Медсестры оназались грубы и невнимательны, забывали про грелку и ленарства, а он стеснялся лишний раз их обеспокоить, чтобы не отрывать от других больных, к которым, впрочем, они относились с таким же безразличием. Иногда он терял сознание от слабости и боли, а тогда приходил в себя, все больше склонялся к мысли, что откуда ему уже не выйти.

Ольгу и Нину (как посетителей и к другим больным) пускали в середине дня всего на час. Бледный, худой и голодный, он с нетерпением набрасывался на нехитрую снедь, которую они приносили, на какое-то время оживлялся, а потом затихал, в изнеможении отидываясь на подушки. Он пытался еще спастись словом — шутной, иронией, но шутки выходили горькими, ирония — неуместной, слово на этот раз не помогало. Он смертельно устал и ждал только одного — диагноза, который бы

внес определенность в его неустойчивое бытие. Наконец врачи вынесли вердикт — рак. Это звучало как приговор, но он воспринял его спокойно — как близящееся освобождение. А врачи и близкие боролись за его жизнь до последнего. Было решено оперировать. Он подчинился и, превратившийся почти в старика, на несколько дней вернулся домой, чтобы хоть немного передохнуть перед операцией.

Он был поэтом, критиком и историком литературы, писал прозу и воспоминания. Он был литератором в пушкинском значении этого слова — знал литературу изнутри, знал, из чего она состоит, как делается и ради чего существует. И если художник — во что он истово верил — был послан Всевышним в мир для выполнения определенной миссии, то свою — он в этом не сомневался — пусть скромную — он исполнил. Да, временами он ошибался, да, нередко бывал необъективен и пристрастен в выводах и оценках, но ни в раннюю пору, ни в зрелую, ни в России доблестивистой, ни после, и тем более в свободной Европе, он ни разу не погрешил против совести и всегда искал не только правду, но истину. Вступив в 1904 году на этот путь, восприняв литературу не просто как искусство слова, а как служение и подвиг, он сумел не сойти с этого всегда гибельного пути. Поэт для него был еще и вестником, и ему никогда не было безразлично, что он возвещает. Прежде всего это относилось к себе самому, а затем к собратьям по цеху. Он мало дорожил своим литературно-жи-

¹ Образ смерти [лат.]

тейским «я», дороги были не стихи, а во имя чего они пишутся.

В понедельник его привезли в клинику, во вторник тело разрезали вдоль и поперек, но было поздно — рак оказался запущенным. Хирург шепнул близким — жить остается не больше суток...

Поэт Владислав Ходасевич, не приходя в сознание, умер в Париже в среду 14 июня 1939 года.

«Боясь, надеясь и любя...»

Он родился 16 (28) мая 1886 года в Москве. Его отец, Фелициан Ходасевич, был родом из обедневшей дворянской семьи и приходился дальним родственником Мицкевичу. Мать, Софья Брафман, — дочь известного общественного деятеля. Отец мечтал быть художником, а стал фотографом и даже фотографировал семью Толстого. Мать, с детства воспитывавшаяся в польской семье, выросла ревностной католичкой и учила маленького Владю читать по-польски «Отче наш», «Богородицу» и «Верую». Она же привила ребенку любовь к поэзии. Но поэтом он быть не собирался, в детстве больше увлекался балетом, чем поэзией.

Его первые сознательные литературные интересы проявились в 6 классе Третьей Московской классической гимназии — не мог оторваться от Пушкина, Боратынского, Фета. Первые стихи, по собственному признанию, — «ужасно плохие», в печати появились в 1904 году. Вместе с первыми стихами пришла и первая любовь. Марина Рындина происходила из богатой московской семьи, славилась эксцентричностью и экстравагантностью. Они оба были под

стать друг другу, в обоих было нечто декадентское, упадническое. Она, стройная, красивая, любила одеваться только в черные или белые платья, высокую прическу укрывала золотой диадемой, отделанной бирюзой с жемчугом, была одной из первых модниц Москвы. Держала у себя собак, кошек, ужа и обезьяну и никогда не расставалась с заморским попугаем. Он, худой, раздражительный, с изможденным лицом и темными глазами, поблескивающими через пенсне, во франтоватом студенческом мундире, в лакированных туфлях и белых перчатках был вылитый денди. Вечера просиживал в кафе и ресторанах за графином водки и четвертью «Мартеля», после закрытия бродил с другом по безлюдным улицам.

Два года, что прожил с Мариной, он не переставая писал стихи. Многие из них вошли в первую его книгу «Молодость», большинство было пронизано любовью к молодой жене, трагическим переживанием первого и потому особенно сильного чувства, душевной тоской, безнадежностью. Возможно, он предчувствовал скорое расставание. Книга вышла в издательстве «Гриф» в 1908 году, Марина ушла от него годом раньше, в 1907-м. Однажды осенью он уехал в Петербург по издательским делам, а когда вернулся, дома ее не оказалось... Случившееся переживал тяжело, но со временем освободился от первой любви, так же, как и от тесных одежд символизма.

В те годы, что прошли между первой и второй книгами стихов, он мучительно пробивался к самому себе. И в жизни, и в поэзии. И стал тем, кем суждено ему было

стать. Он продолжал идти своим путем — от безмерности к мере, от дисгармонии к гармонии, к выверенным традицией классической форме и содержанию, отвечающим времени, в котором ему выпало жить, и поэтому, ни к чему и ни к кому не пристав, остался в поэзии одиноким, но целостным и цельным. Тем Ходасевичем, чей голос будет слышим и различим на фоне Брюсова, Бальмонта и Блока, он станет в 1920 году после появления книги «Путем зерна», когда стих обретет классические прозрачность и ясность, четкость и точность.

Несколько лет он уже был женат вторым браком на Анне Гренцион, сестре писателя Георгия Чулкова. Работал в издательстве «Польза», писал стихи, переводил с польского, еврейского, французского. Вместе с Анной и ее сыном Гаррином жили в одной комнате, жили бедно и трудно. Он часто болел, был возбужден, плохо спал, нервы не давали покоя.

Вся Россия была возбуждена после 17-го года. Революция, которую поначалу он воспринял как очистительный огонь, превратилась в пожар, грозивший снечь всю Россию. Он никогда не примыкал ни к одной из партий, но готов был умом принять и хаос, и анархию, которые несла с собой революция, убедив себя, что нужно пройти и через это — чтобы прийти к новой России. Но с годами именно в этой новой России, отстраиваемой большевиками, хаос постепенно превращался в мертвый бюрократический порядок, анархия — в удушающую железную дисциплину. После отъезда за границу он с огромной жалостью будет наблюдать

за происходящим, душа слезы от бессилия, что никому и ничем не может помочь. А тогда он был молод, не был политическим человеком, и многое в Совдепии было ему по сердцу.

Вкус пепла

Большевики прервали связь времен и нарушили естественный ход исторического развития России — к этой мысли он пришел не сразу, а исподволь, в 1926 году. А в 1917-м, как и некоторые другие интеллигенты, искренне поверил, что революция всего лишь лихорадка, которая пойдет на пользу России. России не Рябушинских, Гучковых и Милюковых, которых считал сволочами и бездельниками, погрязшими в собственном барстве и хамстве, а России тех, кто трудится. Поэтому — пусть крепостное право, пусть Советы, и — к черту буржуев, кадетов, эсеров и прочую «демократическую погань». Не то что верил, был убежден — дай им волю, «учредят» республику, где «президент Рябушинский будет пасти народы жезлом железным, сиречь аршином».

С трудом приспособиваясь к новым порядкам и новым нравам, Ходасевич продолжал питать симпатию к большевизму. Его печатали, но платили как и всем — мало, денег не хватало даже на сносную жизнь. Он бы мог записаться в коммунисты, как записался кумир его литературной молодости Валерий Брюсов, но не пойти на этот шаг заставила самая обыкновенная порядочность и чистоплотность. Быть большевиком до 17-го года было и рискованно, и опасно. После 17-го — выгодно, а потому, по его мнению,

подло. Он, не разделявший гонений на ленинскую партию, когда она не была у власти, не мог примкнуть к ней, когда она, придя к власти, начала преследовать своих противников. О своем сочувствии большевикам говорил приватно, в письме к поэту Борису Садовскому, но никогда — публично, поскольку полагал это ланейством, а он был на это физически неспособен. И потому продолжал мыкать выпавшую на его долю житейскую и литературную судьбу. В первые послереволюционные годы служил в Театрально-музыкальной секции Мосновского совета и в Театральном отделе Наркомпроса, читал в Пролеткульте лекции о Пушкине и создавал писательскую Книжницу лавку.

Все болезни, копившиеся в нем с 1916 года — особенно туберкулез позвоночника — обострились в 1920-м. Но именно в этом году его признали годным к военной службе. От истощения он еле еле передвигал ноги, а военная комиссия посчитала, что 34-летний болезненный призывник вполне может защищать социалистическое Отечество. Помог Горький, велел написать письмо Ленину, которое сам и отвез в Кремль. Для проформы его освидетельствовали еще раз и отстали. Но осенью силы окончательно пришли в упадок, он был на грани отчаяния. «Ушли» стихи, он иснал любую литературную работу и не мог найти. Кроме Горького, обращаться в Москве ему было некуда и не к кому. Тот, любивший в нем не только поэта, но и человека, откликнулся и пригласил в Петроград, обещал помочь с работой и жильем. В декабре отвыкший от комфорта Ходасевич в международном вагоне, с но-

мандировочным удостоверением издательства «Всемирная литература», подписанным самим Горьким, вместе с семьей приехал в северную столицу.

Комнату Алексей Мансимович нашел, но она располагалась в бывшем антикварном магазине, не отапливалась и была мало приспособлена для жилья. Вскоре Ходасевичи переехали в Дом искусств, где жили писатели, ученые, философы. Здесь им преподнесли прямо-таки царский подарок — выделили две комнаты, да еще с чуланом. Одну занял он с Анной, другую, столовую — Гарриком. В первой комнате температура не поднималась выше 9 градусов, во второй — выше 12. Но зато теперь у него был письменный стол, кровать, диван и даже зернальный шкаф. На чай забегали Андрей Белый, Михаил Зощенко, Ольга Форш. Только только оправившийся от очередной болезни, большую часть времени он проводил за письменным столом. За месяц всего несколько раз выходил из дома, один такой выход кончился обмороком. Но постепенно пришел в себя — не столько «отъелся» (паек был в два раза меньше московского), сколько оттаял — душой.

Чтобы сносно жить, нужно было чуть ли не ежедневно читать лекции матросам, красноармейцам, милиционерам в 5-6 местах. Так делали Чуковский и Кони, так делали и другие, бегая и разъезжая по разным «культам» и «просветам», так делал и он, понуда доставало сил. С Пушкинским домом не заладилось, ему показалось, что от него несет тленом. У Горького не понравилось, решил, что от его любимого детища, издательства «Все-

мирная литература», попахивает спекуляцией. В Петрограде трудно жилось, но легче дышалось — в отличие от столицы, здесь было больше литературы, чем литературных скандалов. Писатели лучше относились друг к другу, не выносили непогрешимых приговоров, как это сплошь и рядом делалось в Москве, не были моралистами и не учили друг друга жить. В Петрограде меньше рассуждали о «высоких материях», больше пьянствовали и влюблялись. Здесь к нему вновь вернулись стихи.

*Глаз отдыхает, слух не слышит,
Жизнь потаенно хороша,
И небом невозбранно дышит
Почти свободная душа.*

И еще он писал:

*Перешагни, перескочи,
Перелети, пере- что хочешь —
Но вырвись: камнем из пращи,
Звездой, сорвавшейся в ночи...
Сам затерял — теперь ищи...
Бог знает, что себе бормочешь,
Ища пенсне или ключи.*

Здесь же, в Доме искусств закончил стихи о тульской крестьянке Елене Кузиной, которой был вскормлен, что давало ему право воскликнуть:

*И вот, Россия,
«громная держава»,
Ее сосцы губами теребя,
Я высосал мучительное право
Тебя любить и проклинать тебя.*

Все они войдут в «Тяжелую лиру», четвертую и последнюю на Родине книгу стихов, которую он издаст в 1922 году, через год после встречи с Ниной Берберовой. Армянская девочка, делавшая первые ученические шаги в поэзии, не вошла, — ворвалась в его жизнь. Увлечение превратилось в чувство, интерес друг к другу сме-

нился желанием быть вместе. Он расстался с Анной, расставание обоим далось нелегко, но Нина была все же поводом, а не причиной. Причины крылись глубже — то, что связывало его с Анной, оборвалось, и не имело смысла тянуть в будущее то, чего уже не было в настоящем. В письме он так объяснял — оправдывался? — ей причины разрыва: «Я звал тебя на дорожку легкую, светлую. Ты не поняла (давно уже это было). Теперь хожу я один, и нет у меня никого, ради кого стоит ходить по легким дорожкам. Вот и пошел теперь самыми трудными, и уже никто и ничто, даже ты, меня не вернут назад.

«Офелия гибла и пела», — кто не гибнет, тот не поет. Прямо скажу: я пою и гибну. И ты, и никто уже не вернет меня. Я зову с собой — погибать. Бедную девочку Берберову я не погублю, потому что мне жаль ее. Я только обещал ей показать дорожку, на которой гибнут. Но, доведя до дорожки, дам ей бутерброд на обратный путь, а по дорожке дальше пойду один. Она-то просится на дорожку, этого им всем хочется, человечкам. А потом не выдерживают».

Так все и произойдет (письмо оказалось пророческим) — Нина не выдержит и с «дорожки» его сойдет, но это произойдет в 32-ом. А в 22-ом жизнь с ним только начиналась, и не ему — ей назалось, что зовет он ее не на погибель, а в другую жизнь, потому что в старой уцелеть было невозможно. Пройдет более полувека, и из той, другой, жизни Нина Берберова в 83-м году будет вспоминать, как, сидя на скамейке Михайловского сада, под петербургским апрельским солнцем, Ходасевич сказал ей, что

перед ним сейчас две задачи — быть вместе и уцелеть. Быть вместе и уцелеть можно было только за границей.

Вкус пепла, который он чувствовал последнее время, становился все более нестерпимым, произвол, насилие и хамство терпеть больше не было сил. И тогда оба сделали выбор — он выбрал Европу, Нина — его. И оба спасли друг друга.

Когда в мае 22-го в Москве стали выдавать иностранные паспорта (железный шлагбаум еще не превратился в «железный занавес»), Ходасевич отправился хлопотать о разрешении на выезд. Нужны были причины, он назвал очевидную — необходимость лечения за границей. Им разрешили, ей, представленной его «секретаршей», выезд оформили как командировку от Наркомпроса. Они не собирались уезжать навсегда — предполагали вернуться через какое-то время. Но получилось — навсегда.

В июне 1922-го Ходасевич и Берберова выехали в Берлин.

Европейский скиталец

Отъезд скорее напоминал бегство — он не хотел, чтобы даже близкие знакомые знали, что они уезжают. Россия, «изнурительная, убийственная, омерзительная, но чудесная, как сейчас, как во все времена свои» (так он напишет чуть позже в Берлине), осталась позади. Германская столица встретила мелким летним дождем, мрачным зданием вокзала и... свободой. Теперь они были предоставлены самим себе и никому не нужны... кроме самих себя.

В пансионе Крампе, где остановились Ходасевич с Берберовой, проживали русские эмигранты, сплошь буржуа и богачи, успевшие унести ноги из России. Он эмигрантом себя не считал, даже не думал об этом, ходил мрачным и злым. Соседи раздражали извечным российским барством и хамством, нервировали не только видом — образом жизни, который ему был глубоко враждебен. Чтобы хоть как-то забыться от этого несусветного и беспросветного быта, ничего не оставалось, как пить и отвести душу в разговорах с настоящими русскими людьми. Что он и не преминул сделать, наговорившись вволю с Шаляпиным и Горьким, пропьянствовав с обоими целые сутки.

Но русский Берлин состоял не только из бывших губернаторов и вице-адмиралов или социалистов-революционеров. В Берлине 20-х жили и работали Набонов, Белый, Эренбург, Бердяев, Степун, сюда приезжали Пастернак, Есенин. Они выступали в кафе и клубах — одни на чем свет кляли революцию и большевиков, другие, рассчитывая вернуться, говорили о революции осторожно, третьи безудержно славили. Русский Берлин представлял собою клубок политических страстей, литературных симпатий и антипатий, человеческой любви и ненависти.

Он взял себя в руки, начал сотрудничать с многочисленными русскими изданиями, как грибы, плодившимися в Берлине, стал ближайшим сотрудником горьковской «Беседы» и в то же время продолжал печатать стихи в России.

В 1923 году русский Берлин враз и неожиданно опустел — соотечественники разъехались кто

куда: Белый вернулся в Москву, Шкловский — в Петроград, Ремизов и Зайцев уехали в Париж, Цветаева и Лосский — в Прагу. В Берлине сделалось тоскливо и одиноко, издательства закрывались, жить стало не на что, это был уже не его Берлин. Он и Нина колебались в выборе — не хотели ни возвращаться в Россию, ни окончательно рвать с ней, но и оставаться в Германии не имело смысла. Он отдавал себе отчет в том, что, не участвуя в новой российской жизни, на Родине делать нечего, а участвовать в этой жизни ему не хотелось. Оставались Париж, Прага, Италия. Но Париж был безумно дорог, Прага — провинциальна и больше всего заражена пещерным эмигрантским духом, и он выбрал Италию. Поближе к дешевой, подальше от эмигрантщины. Он все еще продолжал надеяться, что когда-нибудь они с Ниной вернутся на Родину. Итальянцы виз не дали, и пришлось ехать в нелюбимую Прагу. Там первую скрипку играли совершенно чуждые ему по духу «стариники» — Чиринов², Немирович-Данченко³. Там же томилась всегда далекая от него Цветаева. Они пытались зацепиться за Прагу, но когда Горький предложил им перебраться в Мариенбад, предложение приняли. В Мариенбаде была глушь, тоска, снег. Жизнь текла однообразно и монотонно: днем работа, вечером чай и разговоры с Горьким. Стихи не рождались, зато он дописал книгу о Пушкине. Когда

итальянцы все-таки дали визу, Ходасевич с Берберовой отправились в Венецию. Она была все такой же прекрасной, воздушной и легкой, как и в 1911 году, когда он, влюбленный в Женечку Муратову, бродил по городу и наборматывал ей свои стихи. Город не изменился, изменился он — стал другим. Пренного Влади не было, он исчез, растворился во времени. Был уставший, повзрослевший человек, русский поэт и европейский скиталец Владислав Ходасевич, не находивший себе места ни в Германии, ни в Чехословакии, ни в Италии, задыхавшийся от царившей везде «беспросветной подлости». Горькому писал, что «нужно очень большое напряжение воли, сознательное старание не растерять свое Я, чтобы не пустить себе пулю в лоб или не опуститься до общего уровня».

Мариенбад, Прага, Венеция... Названия звучали красиво, но переезды выбивали из колеи, он ощущал неодолимую потребность пристать к пусть чуждому, но берегу. Издательские дела заставили уехать из Италии в Париж, затем некоторое время они прожили у сестры Нины в Ирландии и вновь вернулись в Сорренто к Горькому. Перед отъездом уставший и издерганный, мучающийся от бессонницы, сказал Нине: «Здесь не могу жить и писать, там не могу жить и писать».⁴

В гостеприимном доме Горького они прожили полгода, Ходасевич все больше разуверился в большевиках, Горький — все больше склонялся к примирению с ними. Находиться с Алансом Максимовичем под одной кры-

² Евгений Чиринов — драматург, прозаик, входил в горьковскую группу «Знание».

³ Василий Немирович-Данченко — брат режиссера, основателя Московского Художественного театра.

⁴ «Здесь» — в Европе, «там» — в России.

шей делалось горче и горче, духовно невыносимо, и они оставили Сорренто.

В апреле 1925 Ходасевич и Берберова выехали в Париж.

Почва и судьба

Через год он принял окончательное решение не возвращаться в Россию. Иллюзии в отношении большевинов и «строительства новой жизни» кончились. Еще в 23-м он понял, что ждать от людей, желающих сделать политическую и социальную революцию без революции духа — нечего. Он ждал — по глупости, теперь поумнел и в 26-м пытался предостеречь других от еще больших глупостей — возвращение в лучшем случае грозило лагерем, в худшем — смертью.

На Родине о нем уже давно писали гадости, называли «вчерашним прихлебателем покойного Дома искусств», «бывшим лектором для литературных кружков, ныне певцом реакции и самодержавия», в подзаборном духе обзывали «черносотенцем и негодяем», ругали «мистином и индивидуалистом». Но и во Франции он чувствовал себя не лучше — в эмигрантской среде был скорее изгоем, нежели своим. Всегда исповедывал пушкинское: «Ты — царь. Живи один». Мало с нем дружил, но почти ни с кем и не ссорился. Его русский Париж был невелик — Зайцев, Осоргин, Ремизов... Бунин, Куприн, Мережковские были «вне него и вне себя от него». Неожиданно возник «литературный флирт» с Гиппиус, высоко ценившей его как поэта, но вскоре и он сошел на нет. Его общественная и литературная позиция вызывала резкую критику и «справа» и «слева», он фактически лишился рабо-

ты, а значит и средств к существованию, потому что не устраивал платных вечеров, не получал пособий и не пользовался помощью фондов, помогавшим русским беженцам. Как в Петрограде с Анной, так и в Париже с Ниной жилось худо и бедно. Он уже порывался было свести счеты с жизнью, но удержала его ответственность перед Ниной. Он продолжал «кричать и биться», обдираясь об острые углы. Но постоянно был на грани, особенно в Париже. Нина боялась надолго оставлять его одного — мог выброститься из окна, открыть газ, сделать, что угодно. Спасала работа. Не газетная поденщина, а стихи, биография Державина, воспоминания о тех, кто ушел, с кем когда-то, в другой жизни, был знаком, близок, дружен. Стихи были чисты и прозрачны, дышали мудростью и всеведением, и оттого немного горчили. Биография Державина читалась как классический роман-судьба, книга воспоминаний «Некрополь» воспринималась как прощание с веком, эпохой, самим собой...

Нина ушла от него в апреле 32-го. Сварила на три дня борщ, перештопала все носки, взяла чемодан с одеждой, ящик для бумаг и ушла. Она больше не могла выносить совместное существование. На улице ее ждал автомобиль. А он стоял, как распятый, в проеме окна на 4-ом этаже и безмолвно смотрел, как она уезжает. Ее уход он воспринял как крушение всей жизни. Цепляться больше было не за что. В июне он заболел и поставил крест на работе о Пушкине и на стихах. Нине, с которой сохранил родственные отношения, написал: «Теперь у меня НИЧЕГО нет». Вот тогда он и ска-

зал себе — хватит, решил жить и писать только для себя, полагая, что «одно хорошее стихотворение НУЖНЕЕ Господу и угоднее, чем 365 (или 366) заседаний «Зеленой лампы»⁵. Но после ухода Нины стихи были редкими гостями в его доме. Он остался один, и ему ничего не оставалось, как погибнуть. В 1933 году, в статье «Литература в изгнании» обобщил: «Судьба русского писателя — гибнуть. Гибель подстерегает их и на той чужбине, где мечтали они укрыться от гибели». Но в его частную судьбу вмешался случай.

С Ольгой Марголиной и он, и Нина были знакомы уже несколько лет. Ей было около сорока, она никогда не была замужем, жила с сестрой. Родом из богатой семьи ювелиров, в революцию потерявшей все свое богатство, в Париже Ольга зарабатывала на жизнь вязанием шапочек. Когда Нина ушла от него, она стала заходить чаще, помогала справляться с бытом и однажды осталась навсегда. «Навсегда» продлилось шесть лет. В конце января 1939 — он вновь тяжело заболел. Полгода боролся с болезнью, но на этот раз болезнь оказалась сильнее его...

«Наследник Пушкина»

Владислава Ходасевича любили и ругали при жизни, по-настоящему оценили только после смерти. Даже мало кого жаловавшая Зинаида Гиппиус высоко ставила автора «Путем зерна» и «Тяжелой лиры», а Владимир Набоков в кон-

це 30-х написал, что Ходасевич «крупнейший поэт нашего времени, литературный наследник Пушкина по тютчевской линии» и что «он останется гордостью русской поэзии, пока жива последняя память о ней».

Тема памятника в поэзии стара как сама поэзия, ни один крупный поэт не обходил ее стороной, начиная с Горация. Не обошел и Ходасевич. Свой *Exegi monumentum* он написал в Париже в 1928 году:

*Во мне конец, во мне начало.
Мной совершенное так мало!
Но всё ж я прочное звено:
Мне это счастье дано.
В России новой, но великой,
Поставят идол мой двуликий
На перекрестке двух дорог,
Где время, ветер и песок...*

С момента создания этого стихотворения прошло чуть больше 70-ти лет. Россия стала новой. Возможно, будет и великой. Не об этом речь. Пророчество поэта на этот раз не сбылось, памятник в стране, где властвуют «время, ветер и песок», ему так и не поставили. Но и это не суть важно. Зерна, щедро брошенные когда-то им в российскую почву и нероссийскую землю, проросли стихами и книгами и после долгого отсутствия вернулись в Отечество. Они-то и стали лучшим памятником замечательному поэту. Не круг — путь замкнулся.

Что же касается изваяний, то без них, во всяком случае, Владиславу Ходасевичу, можно и обойтись — не зря же он, снижая пафос, написал о памятнике себе как об идоле. Идолам поклоняются, поэтов читают, любят и чтут. И пока их читают и чтут, они — живые. ■

⁵ Культурно-просветительское общество, созданное З. Гиппиус и Д. Мережковским, в котором собирался весь цвет «русского Парина».

Последний

Шел 1954-й год... Еще не просохли горестные слезы, проливаемые всей страной из-за кончины вождя всех народов Сталина, еще миллионы зенов, томящихся в лагерях, не пришли в себя от радости из-за ошеломляющего сообщения о расстреле Берия, но всем стало назаться, что солнце светит ярче, что дети стали веселее, девушки — красивее, юноши — мужественнее и, самое главное, говорить можно не только о достижениях народного хозяйства, но и жить, не боясь ночных звонков и визитов мрачных типов в штатском.

Радовало и то, что всего год назад закончилась война в Корее, где американские империалисты и их сеульские прихвостни потерпели сокрушительное поражение. В газетах появились указы о награждении наших летчиков, моряков и танкистов за образцовое выполнение заданий командования — все понимали, что это были за задания: наши помогали бить американцев. Значит, Советская Армия крепка, значит, и нам никто не сунется, значит, нас бояться!

И вдруг, как гром среди ясного неба, сообщение ТАСС: 24 июня 1954 года чанкайшистскими военными кораблями захвачен со-

ветский танкер «Туапсе». Народ ушам своим не верил! Ладно бы, это сделали американцы — у них хоть атомная бомба есть, а тут — какие-то недобитые чанкайшисты, ютящиеся на острове Тайвань. Островок-то около 400 километров в длину и 140 в ширину. У них и армия-то — несолько дивизий, а туда же, лают на слона! Да их можно одним плевком стереть с карты Тихого океана, но... нельзя, на их стороне американцы, а это значит — третья мировая война, и которой мы пока что не готовы.

Вскоре газеты запестрели рассказами о том, как мучают и пытаются наших моряков, как бросают их в мрачные темницы, как подсаживают красавиц-китайнок, которые якобы арестованные коммунисты, а на самом деле агенты ЦРУ, пытающиеся выведать у ребят военные тайны. Но больше всего возмущало то, что советских патриотов вынуждают отречься от своего членства в рядах ленинской партии и комсомола и предлагают навсегда остаться на Тайване или перебраться в США. Променять советский паспорт на американский?! Это неслыханно, этого не было и никогда не будет, пусть хоть реки потекут вспять!

предатель

Надо что-то делать, надо спасти наших моряков. Надо обрушить на головы американских империалистов всю мощь нашего оружия! Писем с такого рода требованиями было множество, иногда их даже публиковали, но начинать войну из-за какого-то танкера нам-то не хотелось. А вот пропагандистскую кампанию развернули, если так можно выразиться, на всю катушку: был даже поставлен художественный фильм, рассказывающий о неслыхаемости наших моряков, подлом коварстве чанкайшистов и стоящих за их спиной американцев. Писем стало еще больше, а от желающих хоть сейчас десантироваться на Тайвань не было отбоя.

Как это часто бывает, на этом кампания по освобождению советских моряков практически закончилась, слегка вспыхнув вновь, когда через несколько месяцев 29 членов экипажа танкера во главе с капитаном вернулись на Родину. Остальные 20 были объявлены предателями, так как возвращаться в СССР отказались.

Больше об этом эпизоде не говорили, не писали, интервью у моряков не брали, по телевизору не показывали и всю эту историю постепенно забыли. Уверен, что

нико и никогда не вспомнил бы о судьбе членов экипажа танкера «Туапсе», если бы не обращение бывшего моториста Михаила Нарпова в Генеральную прокуратуру России. Он сообщал, что в Одесском порту хотят установить памятную доску с именами членов экипажа «Туапсе», но ставится заслон трем членам экипажа, осужденным за измену Родине. Двое из них, правда, реабилитированы, а вот бывший бухгалтер Николай Ваганов до сих пор считается изменником и предателем. Те члены экипажа, которые осуждены на Украине, недавно тоже реабилитированы. Так что не реабилитирован один Ваганов. Не пора ли, дескать, пересмотреть его дело и вернуть человеку его честное имя?..

Когда я узнал об этом письме, то несколько дней не находил себе покоя. Значит, история, начавшаяся в 1954-м, до сих пор не закончена? Значит, кроме 29 моряков, вернувшихся с капитаном, каким-то образом вернулись и остальные? Они вернулись, а их сочли предателями и посадили?! Но ведь такого рода обвинения чреватые не только тюрьмой, но и расстрелом! Значит, эти приговоры были вынесены, люди отсидели

свои срони и те, кто чудом уцелел, до сих пор не реабилитированы?

И тогда в архивах КГБ я и распотрошил толстенное трехтомное «Дело № 23» по обвинению Ваганова Николая Ивановича в преступлениях, предусмотренных пунктом «а» ст. 64 и ч. 1 ст. 70 УК РСФСР. Там столько лжи, мерзости и пакости, столько подтасовок и переделок, что не рассказать об этом просто нельзя.

КГБ против бухгалтера

Арестовали Николая Ваганова 20 ноября 1963 года в его собственном доме, причем в присутствии жены и маленького сына. Полгода его держали в одиночке, чуть ли не каждый день таскали на допросы и, наконец, 31 марта 1964 года два следователя и начальник Управления КГБ по Горьковской области подписали Обвинительное заключение.

«Ваганов, являясь бухгалтером танкера «Туапсе», следовавшего с грузом осветительного неросина в КНР и 24 июня 1954 года незаконно захваченного чанкайшистами в открытом море, в период нахождения на острове Тайвань и в США изменил Родине и до возвращения в СССР в апреле 1956 года занимался активной враждебной деятельностью против Советского Союза.

Поддавшись антисоветской обработке, проводившейся группой чанкайшистских разведчиков во главе с генералом Лу Дао-Мином и эмигрантом Соколовым, называвшим себя представителем США, Ваганов отказался от возвращения в Советский Союз и написал на имя Чан Кай-Ши заявление с просьбой предоставить ему

политическое убежище на Тайване с последующим выездом на постоянное жительство в США».

Два абзаца, всего-то два абзаца Обвинительного заключения, а сколько недомолвок, неясностей и несуразностей! Начнем с того, что почти два года Николай был то на Тайване, то в США, а потом вдруг вернулся в СССР. Почему? Как? Его похитили или он вернулся добровольно? Если похитили, то почему не посадили сразу? А если он вернулся добровольно, то, во-первых, почему американцы так легко его отпустили, и, во-вторых, не может быть, чтобы соглашаясь вернуться в СССР, он не получил гарантий от судебного преследования. Значит, или на эти гарантии наплевали, или... весь период с 1956 по 1963 год за Николаем велось тщательное наблюдение и он на чем-то «прокололся», выдав себя как агента ЦРУ.

К этому вопросу мы еще вернемся, а пока что снова обратимся к Обвинительному заключению. Почему-то следователей очень интересовало, кто из моряков как жил и что делал на Тайване. Чтобы прояснить картину, касающуюся Ваганова, пришлось допросить десятка полтора его товарищей. И вот что оказалось. Хитроумные чанкайшисты прежде всего принялись обрабатывать самых молодых пленников, в том числе и Николая, которому было всего 22 года. Как? Да очень просто. «Используя для этого угощение с выпивкой, женщин легкого поведения и другие подобные средства» — именно так написали следователи. А вот потом, когда Николай и другие молодые моряки на все это клюнули и «стали вести праздный образ жизни», их стали использо-

вать в качестве своеобразных вербовщиков, уговаривавших «туапсинцев» не возвращаться в СССР.

Кроме того, «за измену Родине, то есть за то, что написал заявление о невозвращении, Ваганов вознаграждался чаннайшистами: сразу после подачи изменнического заявления он получил 3 или 5 тысяч юаней и в дальнейшем получал от них каждый месяц по 2 тысячи юаней».

Странное дело, буквально на той же странице следователи пишут, что такие же суммы получали все моряки, решившие не возвращаться в СССР, но в вину это ставится только Николаю.

А вот еще один перл горе-следователей. «После получения политического убежища на Тайване Ваганов стремился к выезду в США». И, знаете, чем это доказывается? Никогда не поверите. Оказывается, именно с этой целью он изучал английский язык. Вот так-то, такая тогда была логика. Изучаешь английский — значит, стремишься сбегать в США.

Не могу не привести и еще одного чрезвычайно красноречивого и многое объясняющего высказывания комитетчиков. На дворе середина 1960-х, оттепель; разоблачен культ личности Сталина, идет массовая реабилитация жертв политических репрессий, в искусстве и литературе буйствуют «шестидесятники», преданы анафеме столымы с Лубянки, истово выполнявшие приказы Ежова и Берия, а между тем в одиночке парится молодой моряк, который после двухлетних мытарств сам вернулся на Родину и которого, помимо всего прочего, обвиняют в том, что он «дал письменное обязательство

проводить антикоммунистическую деятельность». Какое обязательство? Где оно? В чем выражалась эта деятельность в течение семи лет после возвращения из США? Да ни в чем. Но человек, два года проведенный за границей, просто не может не быть не шпионом — это люди с Лубянки знали точно.

«Доказательства» антисоветской деятельности все же нашлись: это вырезки из газет и журналов, распечатки выступлений по радио и т.п. Вот, скажем, как Ваганов «возводил клевету на советскую прессу». 15 сентября 1955 года в «Правде» было напечатано письмо членов экипажа «Туапсе», которые вместе с капитаном вернулись в Советский Союз. Николаю и другим морякам, добравшимся до США, показали этот номер «Правды», и они страшно возмутились напечатанной там ложью. Корреспондент «Голоса Америки» взял у них интервью, в котором они не оставили камня на камне от «правдинского» материала.

«Мы прекрасно понимаем, в каком положении находятся наши товарищи, вернувшиеся в Советский Союз, — сказал в прямом эфире «Голоса Америки» Николай Ваганов, — поэтому они говорили ту правду, которую от них ждали. Они пишут, что во время задержания судна китайцы нас били, пытали и даже грозили забросать гранатами. Ничего этого не было. На самом деле нас попросили пройти в красный уголок, где по паспортам проверили наши личности. А на Тайване ни в какой концлагерь нас не загоняли. Мы жили сперва в гостинице, а потом на загородной даче. И голодом нас никто не морил, и насильно оставаться на

Тайване не заставлял, и отказываться от возвращения на Родину не вынуждал. Мы сами выбрали свободу, но это не значит, что забыли Родину. Домой мы вернемся, но вернемся тогда, когда там будет полная свобода и демократия».

С позиции сегодняшнего дня ничего криминального в заявлении Ваганова нет, но тогда, в 1955-м, это было самой настоящей антисоветчиной. Напомню, что процесс над Николаем шел в конце 1963-го — начале 1964-го, и в эти годы высказывания почти десятилетней давности уже не казались столь резкими и на срок не тянулись. Надо было найти что-то более серьезное. И следователи нашли!

«В конце 1955 или начале 1956 года Ваганов, будучи вызван в Нью-Йорк к представителю американской разведки, выдал ему составляющие военную тайну сведения о военных объектах и учреждениях города Одессы, а также известные ему сведения о важных промышленных объектах города Горького и Горьковской области, в том числе и секретные».

Этот абзац с восьмой страницы Обвинительного заключения дорогого стоит: военная тайна — всегда военная тайна, и за разглашение этой тайны наказывали и будут наказывать во все времена. Но вот ведь в чем заковыка, а точнее, подлость: ни один эксперт, а в деле есть их заключения, не признал болтовню Ваганова военной тайной. Скажем, он с нескрываемой гордостью заявил, что на заводе «Красное Сормово» делают подводные лодки. Следователи уверяют, что Николай выдал военную тайну, а эксперты пи-

шут, что об этом знает весь город и эти сведения не являются военной или государственной тайной. Еще смешнее выглядит разглашенный Николаем секрет о том, что на заводе имени Сталина во время войны делали танки. Как оказалось, там делали не танки, а пушки, и о том, что за годы войны было сделано 100 тысяч пушек, писали в газетах...

Как видим, все дело Николая Ваганова шито белыми нитками и развалить его ничего не стоило, но Горьковский областной суд влил нашему горемычному морячку 10 лет колонии строгого режима.

Когда говорят, что пути Господни неисповедимы, это, конечно, верно, но еще больше неисповедимы пути властей предрекших. Судите сами. Вместе с Николаем Вагановым из США вернулись Михаил Шишин, Виктор Рябенко, Александр Ширин и Валентин Лукашков. Так вот их почему-то не тронули, хотя «изменяли Родине и клеветали на советскую действительность» они вместе. А вот вернувшихся в 1957-м через Бразилию и Уругвай Леонида Анфилова, Владимира Бенновича, Павла Гвоздича и Николая Зиброва тут же схватили и отдали на растерзание Военной коллегии Верховного Суда СССР. Люди там работали солидные и срони давали тоже солидные: Анфилову и Бенновичу дали по пятнадцать лет, а Гвоздичу и Зиброву — по двенадцать.

Но и это еще не все. Аппетиты нарателей той поры были так велики, а привычки так устойчивы, что без крови им жизнь — не в жизнь! И вот что они затеяли. В марте 1959 года собралась Судебная коллегия Одесского областного суда, чтобы рассмотреть

уголовное дело Виктора Татарникова, Михаила Иванькова-Николова, Венедикта Еременко и Виктора Соловьева. Так как никакими посулами заманить их в СССР не удалось и они остались в США, судить их решили заочно. Одесские судьи подняли с полки принятый по инициативе Сталина в 1950 году Указ «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам» и приговорили моряков-невозвращенцев к расстрелу.

Дело прекратить!

Вернемся, однако, к письму Михаила Нарпова, в котором он пишет, что все члены экипажа танкера «Туапсе», которые были осуждены за измену Родине, реабилитированы — остался один Ваганов. Так ли это? Снова лезу в Архив и вот что там нахожу.

Еще в июне 1990 года Пленум Верховного Суда СССР рассмотрел протест Генерального прокурора СССР по делу Леонида Анфилова и других, осужденных Военной коллегией Верховного Суда Союза ССР. Как оказалось, Анфилов, Гвоздик, Бенкович и Зибров «только потому сотрудничали с чанкайшистами и представителями различных антисоветских организаций, что хотели усыпить их бдительность и во что бы то ни стало добиться поставленной цели, а именно вернуться на Родину, что они и сделали в мае 1958 года, добравшись до СССР через Бразилию и Уругвай».

Выяснилось и другое. На суде Бенковича и Гвоздича изобличили в том, что они дали согласие сотрудничать с американской разведкой. Так вот теперь стало ясно, что «это согласие было лож-

ным, они не намеревались осуществлять свое обязательство, и по возвращении в СССР никаких враждебных действий против Советского государства не совершили». А раз так, Пленум Верховного Суда СССР постановляет: приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 14 мая 1959 года в отношении Анфилова, Бенковича, Гвоздича и Зиброва отменить и дело о них прекратить за отсутствием состава преступления.

Прослышав об этом решении, в бой ринулся и Ваганов. Но Президиум Нижегородского областного суда оказался куда принципиальнее Верховного Суда: в августе 1992 года нижегородские судьи признали Николая Ваганова обоснованно осужденным и не подлежащим реабилитации.

Что касается приговоренных к расстрелу, то им на всю эту возню с судами и приговорами, как говорится, наплевать, так как возвращаться на Родину они не собирались, а в Америке их не достать.

Значит, и на самом деле остался один Ваганов. Николай Иванович совсем было смирился с тем, что до конца своих дней останется изменником и предателем, но затея с памятной доской подтолкнула его к неординарным действиям: он решил обратиться в Генеральную прокуратуру России. В мае 2000 года он написал письмо, в котором как на духу рассказал о своих горестных похождениях.

«На сегодняшний день все осужденные «туапсинцы» реабилитированы, остался один я, самый злостный антисоветчик. Я уже далеко не молод, доживаю свой век с женой, сыном и двумя внуками. Сын — взрослый, и он

все понимает, а вот внукам иногда в глаза смотреть стыдно: ведь я же сидел, и никто не снимал с меня клейма предателя. Может быть, ради них, моих дорогих внучат, разберетесь в моей сложной судьбе? Только это дало мне смелость написать вам. Помогите, пожалуйста!»

Надо сказать, что в Отделе реабилитации жертв политических репрессий Генеральной прокуратуры России к письму Николая Ваганова отнеслись предельно внимательно. Тут же из ФСБ было запрошено его «Дело № 23», максимально придирчиво изучены протоколы допросов, показания свидетелей, публикации в советской и зарубежной прессе — и вот к какому выводу пришли в Отделе: «В действиях Ваганова состав преступления, предусмотренный п. «а» ст. 64 УК РСФСР, отсутствует». И далее. «Материалами дела доказано, что Ваганов действительно активно участвовал в антисоветской агитации и пропаганде, однако в соответствии со ст. 5 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» проведенная Вагановым антисоветская агитация и пропаганда относится к деяниям, не содержащим общественной опасности и не является уголовно наказуемой.

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 371 и 376 УПК РСФСР, прошу:

Приговор судебной коллегии по Уголовным делам Горьковского областного суда от 28 мая 1964 года и постановление Президиума Нижегородского областного суда от 27 августа 1992 года в отношении Ваганова Николая Ивановича отменить и дело прекратить

за отсутствием состава преступления.

Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации В.И. Давыдов».

Напомню, что Николай Иванович обратился в Генеральную прокуратуру в мае 2000 года, а уже в августе этот протест ушел в Верховный Суд, который в августе же рассмотрел это дело и приговор в отношении Ваганова отменил и дело за отсутствием состава преступления прекратил.

Все! Можно кричать «ура» и громогласно заявлять, что справедливость восторжествовала. Восторжествовать-то она восторжествовала, но, как иногда говорят, в пределах Садового кольца. Прошел сентябрь, октябрь, ноябрь, но ни в Нижнем Новгороде, ни в Арзамасе об этом никто не знал. И тогда роль гонца, спешащего с доброй вестью, на себя взял я. Не буду рассказывать, как добирался, как искал состоящую из пяти домов улочку, как с великим трудом ее нашел — главное, нашел.

Когда я сообщил, с какой прибыл вестью, Николай Иванович возликовал. Но когда сказал, что я не прокурорский работник, а журналист, бывший моряк заметно помрачнел.

— Ну вот, — буркнул он. — Будете расспрашивать, что да как, а я из-за своего длинного языка семь лет уже отсидел.

— Как семь? — не понял я. — Вам же дали десять.

— Повезло... Вышел указ о помиловании. А сидел я недалеко от дома, в Мордовии, это километров сто отсюда.

— И что вы там делали?

— Во-первых, сидел, — сострил он. — А во-вторых, работал.

Мы делали мебель и корпуса для телевизоров. Я был неплохим полировщиком и доводил доски до такого блеска, что любо-дорого смотреть. И еще я учился: именно в лагере получил аттестат зрелости, до этого-то была семилетка.

— А как вы стали моряком? — поинтересовался я.

— О-о, это целая история! А если кратко, то благодаря комсомолу. Родом-то я из Протопоповки, эта такая деревня под Арзамасом. Отец погиб на фронте, нас у матери пятеро, голод, холод, поэтому после семилетки я рванул в ремесленное училище: там не только кормили, но даже одевали и обували. Когда я уже был без пяти минут слесарем, комсомол объявил призыв на флот. Моря я никогда не видел, но книжки о морях читал, да и из нашей деревенской глуши хотелось вырваться. Так я оказался в Одессе. Через полгода должен был стать кочегаром, а тут вдруг набор на курсы бухгалтеров. Работать со счетами — это тебе не уголь лопатой бросать, я и записался на эти курсы. Окончил, ходил на торговых судах в Румынию и Болгарию, а потом попал на танкер «Туапсе». Так случилось, что мой первый рейс на «Туапсе» стал и последним.

— А что, собственно, случилось? Почему чанкайшисты повели себя так нагло и задержали советский танкер?

— Дело в том, что в это время была объявлена морская блокада коммунистического Китая и чанкайшисты досматривали все подозрительные суда. Скажем, незадолго до нас они задержали два польских сухогруза, но довольно быстро отпустили. А тут подошли мы с грузом осветительного керо-

сина, но чанкайшисты были уверены, что мы везем керосин не осветительный, а авиационный — об этом я узнал гораздо позже. Дело прошлое, но я так и не знаю, какой керосин мы везли на самом деле... Захватили наш танкер на рассвете. Никакой стрельбы, пальбы и тому подобного не было. Я, например, спал и ничего не слышал. А когда поутру вышел на палубу, там уже были вооруженные китайцы. Потом нас загнали в красный уголок, а у штурвала стал китаец.

— Вас били, пытали, оскорбляли, унижали?

— Ничего этого не было. Правда, когда мы объявили голодовку и уселись на палубе, сцепившись руками, китайцы применили силу и на берег нас буквально вытолкали.

— И что потом?

— Потом нас разделили на три группы и поселили в разных местах. Общаться между собой эти группы не могли. Жили мы вполне прилично, нас кормили, поили и даже давали деньги на карманные расходы и на приобретение приличной одежды: на нас были такие затрапезные обноски, что появляться в них в городе было неприлично... Ни оставаться на Тайване, ни перебраться в США ни у кого из нас и мысли не было. Но как удрать с окруженного водой острова? Официально — невозможно, ведь на Тайване не было ни нашего посольства, ни торгпредства, ни даже какого-нибудь журнала. Группе, которую возглавлял наш капитан, повезло: они смогли установить связь с французским консульством. Французы подняли страшный шум, поставили на

уши прессу, протестовали в ООН и добились согласия чанкайшистов отпустить домой группу из 29 человек.

— И вы об этом ничего не знали?

— Знали. Но мы были изолированы и добраться ни до французов, ни до капитана не могли. И тогда мы решили чанкайшистов перехитрить. Мы подписали письма с просьбой о политическом убежище и согласились переехать в США. На уме у нас было только одно: добраться до страны, где есть советское посольство и уже там обратиться к нашим с просьбой о помощи.

— А что вы скажете о контактах с ЦРУ?

— Да какое там ЦРУ?! На кой ляд им я, простой деревенский парень? Что я им мог сообщить? Что в Горьком делают подводные лодки? Так это и так известно. Сколько получает капитан и сколько моторист? Эта бухгалтерская тайна — тоже давным-давно не тайна, а позорный нас факт.

— Но как же вы все-таки вернулись?

— Как это часто бывает, помог случай. Дело в том, что под Нью-Йорком мы жили у белорусов, которые во время войны были угнаны в рабство, а потом освобождены американцами и перебрались в США. Один из них решил вернуться домой и обратился в советское представительство при ООН. Как я понял позже, сотрудники миссии искали нас давно, но американцы тщательно скрывали место нашего проживания. А тут вдруг появляется белорус, который говорит, что моряки с «Туапсе» живут у него. Дальше события развивались, как в каком-нибудь шпионском фильме.

Судя по всему, американцы пронохали о контакте белоруса с дипломатами и переселили нас на другой конец города. Теперь нашим хозяином был старый казак, которого мы звали дядей Васей. Но недаром говорят, что среди дипломатов немало профессиональных разведчиков, иначе как бы они вычислили наш новый адрес. Короче говоря, однажды вечером вваливаются к нам двое в шляпах: мы, мол, русские, давно здесь живем, прослышали о землянках и пришли вас проведать. Я подзываю Виктора Рябенко и говорю: «Сгоняй, Витек, за бутылкой, а то как-то неудобно, гости все-таки пришли». Витек рванул за бутылкой, а дядя Вася тут как тут: уселся, гад, у двери и глаз с нас не спускает. Но когда начали пить и поднесли ему полный стакан, он замахал руками, врачи, дескать, не велют, и убрался восвояси.

И тут мужики в шляпах доставили письма от наших родных. Были там и фотографии жен, детишек и престарелых родителей. Мы, конечно, растрогались, начали шмыгать носами, а мужики ставят вопрос ребром: поедете, мол, домой или нет? Мы сказали, что поедем. Тогда прямо сейчас, сказали нам гости. Мы быстро собрались — и ходу в советское представительство. Отсиживались там ровно два дня, а потом поехали в аэропорт. Только вошли в здание, к нам тут же подружили американцы, в том числе и журналисты. Добровольно ли, дескать, возвращаетесь на Родину? Не силой ли вас везут? Не запугали ли вас, не угрожали ли арестовать ваших близких? Мы сказали, что возвращаемся добровольно, а вам, американцам, за хлеб-соль спасибо. У вас, конечно, хорошо, но дома лучше.

— Лучше? — переспросил я. — Неужели вы не понимали, что в покое вас не оставят?

— Если честно, то я знал, что рано или поздно меня посадят. И, знаете, за что? За то, что приносился к другой жизни и невольно буду сравнивать ее с нашей. И хотя первое время все было нормально — я даже вернулся в Одессу, начал ходить в море, за границу меня не выпускали: говорили, что опасаются, как бы меня не похитили. Но я все понял и с морем расстался. Через некоторое время я вернулся на свою малую родину, женился, обзавелся домином, воспитывал сына. А вот с работой ничего не получалось. Только подберу что-нибудь приличное, только заполню анкету, как вдруг мне говорят, что это место уже занято или что должность сократили. Ясное дело, КГБ за мной следило и кислород перекрывало. Еле-еле устроился грузчиком, таскал ящики и мешки в магазине. А вскоре подоспел и арест...

— За что же они вас, грузчика-то?

— А за длинный язык! Шел 1963 год, в стране ни хлеба, ни сахара, ни мяса. Опять ввели карточки. А у меня знакомые спрашивают: в Америке-то, поди, тоже так? Я, конечно, лезу в бутылку и рассказываю, как сытно и вольно живут тамошние рабочие. А выборы? Рассказываю, какие там выборы, как много партий и кандидатов, а у нас — один вечный блок коммунистов и беспартийных. В общем, доминировался... А-а, ладно! — махнул он рукой. — Что было, то прошло. Главное, что теперь я чист, и ни один хмырь не сможет меня назвать предателем.

— Конец вашей печальной истории действительно счастливый. А что вам известно о судьбах ваших друзей с танкера «Туапсе»? Где они, как живут?

— Многие уже ушли в мир иной в силу преклонного возраста. Двое вернулись на Родину через 32 года — и их не тронули. Один повесился на Тайване. Иванов-Николов, который имел расстрельный приговор, несмотря на это вернулся, но к стенке его не поставили, а отправили в психушку. Четверо оставшихся на Тайване там и умерли. На Тайване же попал в психушку еще один наш матрос. Очень жалко совсем молодого парня, который вернулся домой и был жестоко убит какими-то бандитами. Так что судьба нашего экипажа трагична. Но мы, оставшиеся в живых, помним наших друзей именно. А если в Одессе появится памятная доска с фамилиями всех «туапсинцев», это будет не только справедливо, но и послужит хорошим уроком тем, кто еще только собирается выйти в море.

— Вы думаете, такая доска появится? — усомнился я.

— А как же! Ведь единственным препятствием был я — последний предатель Родины. А теперь можно смело свистать всех наверх и приступать к авральной работе по обтесыванию гранита. Когда же дойдет до полировки, могу подключиться и я: что ни говорите, а семь лет занятий этим делом, да еще под неусыпным оком надзирателей, чего-то стоят. Руки эту работу помнят. А вот голова... Как хочется, чтобы об этих годах когда-нибудь забыла голова! Но пона не получается... ■

Наталья КАРАГАЕВА

* * *

Говорят, мол, любви не бывает,
Если стукнуло сорок тебе.
Ну, а если друг друга встречаются
Двое, не покорившись судьбе?

Если сердце как в юности бьется,
Если нежность и счастье до слез,
Как это, скажите, зовется?
В сорок это, поверьте, всерьез!

В сорок это — забота и ласка,
Все, что было мечтой и сбылось
Недосказанной в юности сказкой,
Серебром еще пышных волос.

В сорок лет это — мудрая сила,
Это — опыт от прожитых лет.
Но остался таким же красивым
С другом встреченный вместе рассвет.

И еще впереди полдороги!
Пусть же гладкою будет она...
Кто любви устанавливал сроки,
Если в душу стучится весна!

* * *

Весна украшает листвою бульвары,
И в каждый воскресный и праздничный день
Оркестр играет. Шагают гусары
К площадке над Волгой, где липы и тень.

Оркестр играет, блестя яркой медью,
И вальсы, и танго, и марш, и фокстрот.
На звуки торопится, быстро иль медленно,
Народ пожилой. Интересный народ!

Идут ветераны, звенят их медали,
А рядом, застенчиво кутаясь в шаль,
Старушка. И следом без возраста дамы
В последней надежде на счастье. Их жаль!

И странная женщина, в черных перчатках,
С прекрасной фигурой, в темных очках,
Окутана тайной, томима печалью,
Качается чуть на больших каблуках.

*На стертом асфальте, ногами избитом,
Танцуют, как прежде, иллюзий полны,
Толкуют о прошлом, давно позабытом,
Как будто в нем не было слез и войны.*

*Оркестр играет, и кружатся пары,
В кольцо замыкают их толпы зевак...
Как видно, прекрасной бывает и старость.
В ней есть своя прелесть.*

И пусть будет так!

** * **

*О, как боимся мы любви!
И вот в слепое никуда
Уже уносят поезда,
Увозят милых корабли.*

*Нам кажется: то не беда!
Они, конечно же, вернуться
И непременно оглянутся.
На самом деле — никогда!*

*И мы протягиваем руки,
И обнимаем пустоту,
И любим не того, не ту
От боли, гордости... от скуки!*

*О, как боимся мы себя!
Бежим от слов, от чувств, от мыслей,
Боимся прошлое осмыслить,
А жить не можем не любя.*

** * **

*Кто сказал, что правды нет на свете,
Что она потоплена во лжи?
В этом мире правы только дети,
Это им она принадлежит!*

*Дети к взрослым так великодушны,
Им простят насилие и зло.
Кто сказал, что дети непослушны?
Это просто им не повезло...*

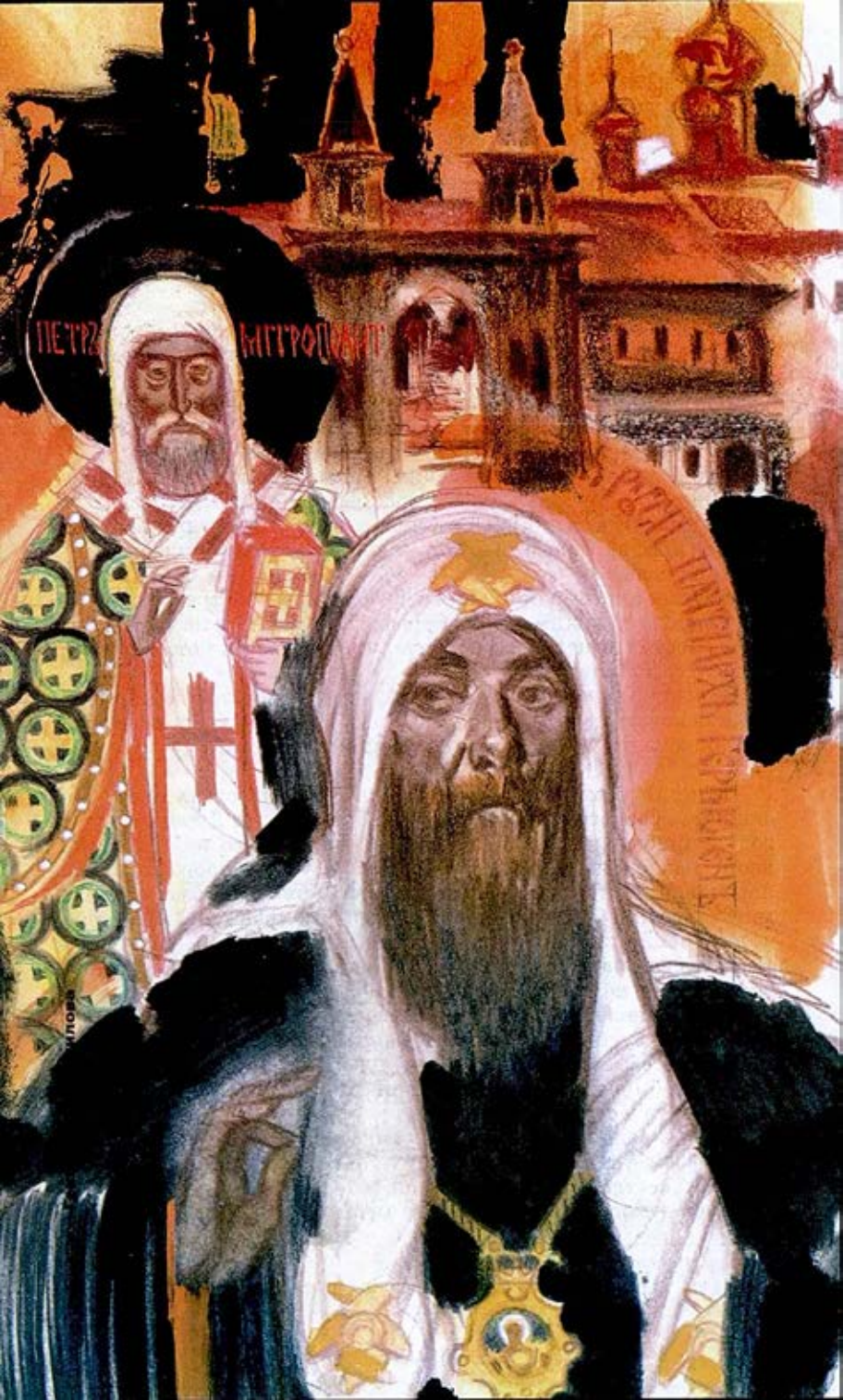
*Часто детям счастье запрещают,
Запрещают то, что по душе.
Взрослые в детей своих играют,
Потому... что взрослые уже.*

рисунок Геннадия Новожилова

КАМЕННАЯ ДЕТОШКА

Любовь РУСЕВА

— **О**х, и надоели мне эти монахи и монахини — больше всего они мне хлопот и неприятностей доставляют. Так и спуют по Кремлю в своих черных рясах. Вот и охраняй тут Кремль от проникновения чужеродных элементов.

— Павел Дмитриевич, вас что-то тревожит? — обратился к недовольному коменданту Ленин.

— Пока монахов из Кремля не уберут, я ни за что поручиться не могу.

— Давно пора очистить Кремль от этой публики, — заявил Яков Михайлович Свердлов, которому подчинялся комендант.

— Ну что же, я не против, — согласился глава правительства. — Выселяйте, только вежливо, без грубости.

Мальков тут же отправился в Чудов монастырь.

— Есть указание Ленина и Свердлова переселить вас всех из Кремля. Так что собирайтесь, — заявил он настоятелю.

Умное лицо епископа Арсения Жадановского оставалось непроницаемым, он ждал этого и прекрасно понимал, что спорить бесполезно. Когда комендант ушел, настоятель тяжело опустился в кресло. Сквозь выразительные его глаза сочилась невыносимая боль.

— Отче, для чего приходил сей господин? — с тревогой спросил вошедший архимандрит Серафим, помощник наместника.

— Настал конец Святой обители... Нас выгоняют... Пошли, Серафим, помолимся.

В соборной церкви святителя Алексия у богатой серебряной раки основателя монастыря дежурил иеромонах Варнава. Все трое опустили на колени пред мощами святого.

Великий князь московский Иван Кроткий стоял перед посланцем грозного татарского хана. Доверенный Джанибека сегодня прибыл из Орды и сразу же вызвал его на “Ханский двор”, расположенный в Кремле. Дело, из-за которого поднялся переполох, не терпело отлагательства. Три года назад ослепла мать¹ владыки Орды. Несчастную изводили невыносимые боли, а помочь ей никто не мог. Одна надежда осталась — патриарх Всея Руси. Слава о святителе Алексии широко распространилась, и даже не христиане почитали его как чудотворца.

— Я приехал за Божиим человеком, чтобы он помолился о царице Тайдуле. Великий хан Джанибек слышал, что по молитвам святого Алексия Бог творит чудеса. Если ты не пошлешь его в Орду и он не поможет царице, Джанибек придет к тебе с войной и разорением.

Скорбь наполнила душу Алексия, когда он услышал о грозном требовании. Не по силам ему такое дело. Но пред опасностью Отечества отступает личная безопасность. Собрал святитель все духовенство в Успенском соборе для общей молитвы.

¹ По другим источникам она была его женой.

Горячо молились они за исцеление Тайдулы и за избавление земли родной от разорения. В это время произошло чудо: зажглась у гроба святого чудотворца Петра (первого московского митрополита) свеча, и зажглась она сама собой. Это было доброе знамение — Господь благоволил святому Алексею и благословляет его в путь. Патриарх взял немного воска от самовозгоревшейся свечи, изготовил из него малую свечку и, уповая на милость Божью, отправился в Золотую Орду со всем клиром.

Еще до прибытия блаженного в ханскую столицу царица Тайдула видела его во сне в архиерейском облачении и в сопровождении иереев. Она повелела приготовить для долгожданных гостей драгоценные облачения. Хан Джанибек встретил русского патриарха с великой честью. Алексей сразу же начал службу и зажег малую свечку от гроба святого Петра. После продолжительных молитв он окропил освященной водой царицу — она тотчас прозрела.

— Проси, что хочешь.

— О, великая царица, осмелюсь просить я землю Кремлевскую, на коей стоит “Ханский двор”, дабы построили мы там обитель святую, где будем Господа благодарить за содеянное с тобой чудо.

Тайдула уговорила хана пойти на уступку, и это был самый бесценный подарок не только для Святителя, но и для всей Руси. С тех пор ни пяди земли нашей святыни — Кремля — не принадлежала ордынцам. В благодарность за исцеление царицы хан с великой честью и щедрыми дарами проводил чудотворца и его спутников в Московию.

Вернувшись, Алексей заложил на подаренной ему территории монастырь в честь чудесного события, произошедшего в IV веке во Фригии, близ города Иераполя. Там у целебного источника стоял храм во имя архангела Михаила. Язычники решили разрушить его. Соединив две горные реки в одно русло, они направили поток на святилище. По молитве святого Архипа, жившего при нем, явился архангел Михаил, ударом жезла он открыл расселину, в которую и хлынули воды рек.

Собиратель Земли русской

Святой Алексей, чудотворец московский, происходил из боярского рода. Родился он в Белокаменной при родоначальнике Московских князей — великом князе Данииле, сыне другого святого — Александра Невского. Отец его, черниговский боярин Федор Бяконт, служил Ивану Калите. Князь настолько благоволил Бяконту, что на время своего отсутствия поручал ему управление городом. Он же, еще при жизни отца, и крестил будущего Святителя.

Мальчик оказался чрезвычайно способным. Юношей он принял постриг в Богоявленском монастыре, где игуменом тогда был святой Стефан, брат великого чудотворца Сергия Ра-

донежского. При пострижении ему дали имя Алексей. Усердием и ревностью служения он снискал всеобщее уважение. Его любили и почитали митрополит Феогност и великий князь Симеон Гордый, назначивший Алексея наместником при митрополите, то есть главою церковного суда. Здесь он приобрел свой административный опыт, так пригодившийся ему впоследствии. Общаясь с митрополитом-греком, Алексей изучил греческий язык и перевел Евангелие, исправляя древний кирилло-мефодиевский текст. Именно эту рукопись использовали в XVII веке московские справщики для печатного текста Нового Завета.

После смерти Феогноста Алексей возглавил не только русскую Церковь, но и государство. Свои блестящие дарования епископ-политик направил на создание Московского государства и сделал для него больше, чем кто-либо из потомков Калиты. Умирая, Симеон Гордый завещал своим братьям:

— Слушайтесь во всем отца вашего и владыку Алексея!

Княжил после смерти Симеона слабый Иван Иванович, прозванный Кротким, на смену ему на московский престол вступил малолетний Дмитрий Иванович (Донской). При них Алексей был, в сущности, регентом-правителем. Он придерживался традиционной политики: концентрация национальных сил вокруг Москвы, мир с Востоком и борьба с Западом.

Через некоторое время после исцеления Тайдулы Алексею снова пришлось отправиться в Орду. Смерть Джанибека привела к междоусобице. Убив 12 братьев, власть захватил жестокий и кровожадный Бердибек, который стал готовиться к походу против Руси. Алексею удалось укротить ханскую ярость, и угроза нового нашествия миновала.

Вскоре скончался великий князь Иван Иванович Кроткий. Заботу о его девятилетнем сыне Алексей взял на себя. В то время ярлык на великое княжение выпросил себе в Орде суздальский князь Дмитрий Константинович. Несмотря на его уговоры, митрополит Алексей не переехал во Владимир, а остался при молодом князе Дмитрие, став его истинной опорой. Являясь мудрым и талантливым дипломатом, Святитель умело воспользовался междоусобицей золотоордынских ханов и вернул в 1362 году ярлык на великое княжение московскому князю Дмитрию Ивановичу.

Забываясь о благе и процветании Отечества, помогая князю управлять государством, Алексей не забывал и русскую Церковь. Среди многочисленных церквей он построил на берегу реки Яузы храм во имя Нерукотворного образа Христова, а при нем устроил монастырь, над которым поставил ученика Сергия Радонежского преподобного Андроника.

12 февраля 1378 года, почувствовав приближение своего последнего часа, 85-летний Святитель призвал Дмитрия Ивановича, простился с ним, благословил и завещал похоронить

себя в Чудовом монастыре, но не в церкви, а извне, за алтарем. Отпустив князя, Алексей отслужил литургию, причастился Святых Тайн, простился с окружающими и стал читать молитву об исходе души. Не окончив ее, он скончался. Великий князь, посоветовавшись с епископами, нарушил волю почившего: его тело похоронили в приделе святого Благовещения Пресвятой Богородицы храма архистратига Михаила Чудова монастыря.

Молящиеся поднялись с колен.

— Что же теперь будет с нашими святынями? — Варнава одной рукой утирал слезы, а другой бережно поглаживал раку с нетленными мощами Алексея.

Иеромонах вспомнил, как год назад, поступая в Чудов монастырь, он дал подписку. Глотая слезы, точно в бреду, он тихо прошептал те слова:

— Я, нижеподписавшийся, иеромонах Чудова монастыря Варнава, даю сию подписку в том, что свое послушание буду исполнять исправно, а наипаче всего буду исправным и внимательным к мощам Святителя Алексея, во время своего дежурства отнюдь не бросая их без всякого присмотра...

Настоятель молча перевел взгляд с одной святыни на другую. На верхней доске гроба Алексея писана замечательная икона Святого Алексея. На ней следы ножа еретика Фомы Иванова. Заразившись кальвинской ересью, он нанес их в 1682 году. В ногах чудотворца стоял его посох, в шкафу за стеклом хранилось его святительское одеяние из простого, с большими разводами, штофа. Подле раки основателя монастыря — его облачение, сделанное в восточном вкусе. Это подарок исцеленной им царицы Тайдулы.

На стенах церкви развешаны знамена, бунчуки и ключи от крепостей, взятых в русско-персидскую войну 1826-1828 годов. Их подарил монастырю император Николай I как самые ценные реликвии, свидетельствующие о первых военных победах его царствования.

Арсений подошел к алтарю и перекрестился. Он вспомнил, что эту святую святых соборной церкви в 1812 году маршал Даву превратил в спальню. Мощи святого Алексея были выброшены из раки. После бегства французов из Москвы их обнаружили среди различных тряпок и вещей в храме Благовещения. Да, немало натворил цивилизованный варвар, объявивший, что несет России освобождение от рабства. Да и средства к сему он избрал своеобразные: приказал выбросить в ров кремлевской стены архивы консистории и правительствующего Сената, расположенные в Чудовом монастыре, а уходя — взорвать разграбленный Кремль.

— Отче, надо бы сообщить сию скорбную весть нашей братии, — прервал размышления настоятеля Серафим.

— Вели Петру звонить в колокола да созови братию в храм во имя святителя Гермогена.

Епископ с архимандритом покинули церковь, а иеромонах остался на своем посту. Наместник направился в трехэтажный соборный храм Архангела Михаила, напоминавший по величине и архитектуре собор в Сергиевской Лавре. Под тяжестью трагического известия Арсений шел, еле передвигая ноги, точно древний старец. А “старику” (как называл Жадановского комендант Мальков) было всего 44 года.

Гулко раздавались по пустому храму шаги патриарха, спускающегося по узкой каменной лестнице в мрачные подвалы. Они были двухэтажные с отдельными входами. Арсений прошел верхний, свет сюда проникал слабо — сквозь малые оконные просветы. Держась за влажную стену, епископ продолжал сходить. Тьма в нижнем этаже подземелья была беспросветной. Попасть в него раньше можно было только через особое замурованное отверстие с помощью приставной лестницы. Именно здесь поляки замуровали патриарха всея Руси Гермогена. Когда подвал вскрыли, в нем обнаружили железные вериги и несколько человеческих черепов и костей. На этом страшном месте 13 мая 1913 года освятили новостроенную церковь патриарха Гермогена. Приземистые ее своды освещались маленькой лампадкой. Арсений прошаркал по каменному полу к иконам и зажег перед ними свечи.

— Неисповедимы пути твои, Господи, — тяжело вздохнул епископ. — Мог ли я предполагать, что так все обернется.

В 1904 году, когда он стал настоятелем Чудова монастыря, Россия торжественно праздновала 400-летие соборного храма архистратига Михаила. Основанный Алексием в 1365 году, он пришел в ветхость, и в 1501 году его разобрали, но уже 6 сентября 1504 года был освящен новый — каменный с пределом Благовещения Богородицы. Юбилейные торжества подготовил именно он, Арсений. Вновь назначенный настоятель расценил такую честь как благой знак Всевышнего. И ему же принадлежала не последняя роль в другом историческом событии. В год 300-летия дома Романовых патриарха Гермогена причислили к лику Святых. Николай II почитал великомученика как одного из покровителей императорской семьи. Ведь именно он во времена Смуты предложил на Российский престол молодого Михаила Романова. Хотя канонизация произошла только в 1913 году, память о подвиге Гермогена, являвшего собой образец “пастыря доброго, который полагает душу свою за овец своих”, всегда жила в сердцах россиян. Причисление к лику святых священномученика и чудотворца приняло народный характер. Появилось множество научных исторических исследований о патриархе, изданы были его рукописи. От ученых не отставали и живописцы. Изображения Гермогена особо выделяются на полотнах В.М. Васнецова.

Голос из подземелья

— Не запрещу Ляпунову ополчаться за Москву! Благословляю воинов на смерть за веру и на защиту Отечества! — вскричал патриарх.

Непримиримость Гермогена озлобила врагов, и его заключили в темную келью Чудова монастыря, где жестоко истязали. Но старик был непоколебим, ибо спасение Отечества для него дороже жизни.

— Бога боюсь и более никого! Да поразит гнев Божий изменников Отечества! — Твердость и решимость верного сына России спасли Отечество.

Священнический сан святитель принял в 50-летнем возрасте. До этого он был донским казаком, а затем настоятелем Гостинодворской Никольской церкви Казани. Именно ему выпала честь поднять вновьявленную икону Божией Матери Казанской, найденную после пожара 1579 года на месте сгоревшего дома стрельца Даниила Онучина. Вскоре после этого события Гермоген овдовел и принял постриг в Спасо-Преображенской Казанской обители, став вскорости ее настоятелем.

Ревностно взялся он за духовное просвещение населения края, недавно присоединенного к Москве. На месте обретения чудотворной иконы Казанской Божией Матери Гермоген возводит новые храмы. По его повелению с 1592 года в первую субботу после Покрова по всем церквам поминаются все русские воины, погибшие при взятии Казани. В этом же году он переносит из Москвы в Свяжск в Успенский монастырь мощи казанского святителя Германа (просветителя инородцев). А спустя четыре года открывает мощи казанских святителей-миссионеров Гурья и Варсонофия. Гермогену же мы обязаны сведениями о первых мучениках среди новообращенной паствы: Иоанне, Стефане и Петре.

Наступили тяжелые времена. Россия стояла на краю бездны. В феврале 1602 года из Чудова монастыря во вражескую Польшу бегут Григорий Отрепьев, священник Варлаам и Мисаил Повадин. Григорий Отрепьев, став Лжедмитрием I, ведет полки на Русь. В разгар войны скончался царь Борис Годунов. В Москве произошел переворот. Самозванец приближался к Москве. Он приказал боярам расправиться с семьей Годуновых и приготовить столицу к своему торжественному въезду. Но против нового царя восстал патриарх Иов. Расплата не заставила себя ждать. Боярин Басманов при стечении народа пред Успенским собором проклял его. С патриарха содрали святительское облачение и заточили в Успенском монастыре в Старице. Епископский собор утвердил смещение патриарха Иова, поскольку тот был стар и слеп. На его место избрали архиепископа Рязанского Игнатия. Новоиспеченный глава Русской Православной Церкви дал свое согласие на брак Лжедмитрия I с католичкой Мариной Мнишек. Настал черед митрополита Казан-

ского. Гермоген смело выступил против этого мезальянса, чем вызвал гнев Лжедмитрия I. Непреклонного митрополита удалили из Москвы и заточили в одном из казанских монастырей.

В начале мая 1606 года Самозванца убили, а Игнатия лишили патриаршества и заточили в Чудов монастырь “на покаяние”. Престарелый князь Василий Иванович Шуйский, став царем, вызвал из Казани мужественного 70-летнего Гермогена, и 3 июня 1606 года Поместный Собор Русской Православной Церкви избрал его патриархом Московским и Всея Руси.

А на Москву двинул полки Лжедмитрий II. К нему примкнули казаки и многие знатные русские бояре. Приспешники Тушинского вора возмутили против Шуйского Северную Украину, Рязань и Тулу. На защиту русского царя встал патриарх. Он разослал по российским городам грамоты, в которых сообщал россиянам, что царевич Дмитрий действительно был убит в Угличе, что Лжедмитрий — не царевич, а “враг Божий и наш губитель и веры христианской разоритель”, что “скарредное его тело предано огню, так что праха от скверного его тела на земле не осталось”. А “тушинский царик” — вор и злодей.

А смута полыхала пуще прежнего. Под Калугой 15.000 царского войска перешло на сторону Болотникова. Отряды польского воеводы Сапеги подступили к Ростову, и, захватив его, устроили резню. 23 сентября 1608 года польские войска и казаки осадили Троице-Сергиевскую лавру. 16 месяцев защищали ее герои под руководством келаря монастыря Авраамия Палицына. У поляков было 15-тысячное войско, у защитников — не более 2.5 тысяч. К концу осады в лавре оставалось в живых около 200 человек.

12 января 1610 года осаждавшие бежали — к монастырю подходили войска князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского. В Москве тем временем пытались свергнуть царя Василия Шуйского. Однако на его защиту встал патриарх Гермоген. Возмущенная бунтовщиками толпа потребовала на Лобное место царя и патриарха. Пламенная речь Гермогена успокоила народ и заставила заговорщиков бежать в Тушино. С этого момента патриарх обращается в своих посланиях к тушинцам: “... Узрите Отечество свое, расхищаемое чужаками и разоряемое, и святые иконы и церкви поруганные, и неповинную кровь проливаемую, которая вопиет к Богу, словно кровь праведного Авеля, прося отмщения. Вспомните, на кого воздвигаете оружие? Не на Бога ли, сотворившего вас, не на жребий ли великих чудотворцев и Пречистой Богородицы, не на свою ли единоплеменную братию? Не свое ли Отечество разоряете, перед которым многие орды иноплеменных изумлялись, а ныне вами же ругаемое и попираемое?..”. Современники называли его “вторым Златоустом”.

Лжедмитрий II бежал в Калугу. Но неожиданная и загадочная смерть молодого воеводы князя Михаила Васильевича Ско-

пина-Шуйского, разбившего войска самозванца и прогнавшего его из Тушина, снова всколыхнула народные массы. Молва обвинила Шуйского в убийстве народного любимца. Мятежники потребовали от царя отречения от престола, которое и состоялось 17 июня 1610 года. Смута вновь разгорелась. Низложением царя воспользовался польский король Сигизмунд III, осаждавший Смоленск. Он двинул войска на Москву. Одновременно к ней подошел и "тушинский царик". В Белокаменной воцарилось уныние...

И вновь взоры россиян обратились к патриарху, ставшему в лихолетье для них опорой и вдохновителем. Гермоген поднял знамя освободительной войны, он громогласно призвал россиян именем Бога очистить Отечество. Он благословил народ встать против иноземцев и изгнать их из Москвы.

Слова патриарха развязали народу руки: москвичи начали убеждать все города русские восстать на общего врага в защиту веры православной и Москвы с ее святынями. "Главный двигатель этого восстания, — писал историк С.М.Соловьев, — начальный человек в государстве в безгосударственное время, находился в Москве; то был патриарх, по мановению которого во имя веры восстала и собиралась земля".

Гермоген отказался подписать грамоты к польскому королю Сигизмунду с повторной просьбой дать королевича Владислава в цари. На следующий день он приказал собраться народу в соборной церкви и слушать его слово. Поляки испугались и окружили церковь войском. Некоторые из русских успели, однако, заранее войти в церковь и слышали проповедь своего архипастыря. Гермоген уговаривал их стоять за православную веру и сообщать о своей решимости в города.

— Здесь образ Божией Матери, заступницы христианской, который евангелист Лука написал, здесь великие святители и хранители — Петр, Алексей и Иоан чудотворцы!

После проповеди Гермогена взяли под стражу, лишив его чернил и бумаги. Но слова его разнеслись по русской земле, дошли они и до Рязани. Узнав обо всем, Прокопий Ляпунов написал боярам письмо: "Король не держит крестного целования; так знайте же, я сослался уже с северскими и украинными городами; целуем крест на том, чтоб со всею землею стоять за московское государство и биться насмерть с поляками и литовцами".

Ляпунов стал собирать ополчение для освобождения России от польского засилья. По мере приближения к Москве к нему из Калуги присоединилась вся Тушинская дружина во главе с князем Дмитрием Трубецким, Иоанн Заруцкий привел полки из Тулы, кн. Василий Литвин-Мосальский и Артемий Измайлов — из Владимира, Андрей Просвецкий — из Суздаля, кн. Федор Волконский-Мерин из Костромы, Иоанн Волинский из Ярославля, кн. Иоанн Козловский из северной Галицкой зем-

ли. В общей сложности очищать столицу шло более 100 тысяч человек.

Салтыков с боярами пришел в темницу к Гермогену.

— Ты писал, чтобы ратные люди шли к Москве; теперь напиши им, чтобы возвратились назад.

— Напишу, если ты, изменник, вместе с литовскими людьми выйдешь вон из Москвы. Если же вы останетесь, то всех благословляю помереть за православную веру. Вижу ей поругание, вижу разорение святых церквей, слышу в Кремле пение латинское и не могу терпеть!

— Если ты, — пригрозил Салтыков, — не напишешь Ляпунову и его товарищам, чтоб они отошли прочь, то сам умрешь злою смертью.

— Вы мне обещаете злую смерть, — ответил Гермоген, — а я не боюсь чрез нее получить венец и давно желаю пострадать за правду. Не буду писать — я вам уже сказал, и более от меня ни слова не услышите!

17 марта, в Вербное воскресенье, патриарха не пустили на традиционное торжественное шествие, но никто из народа не пошел за вербою: разнесся слух, что Салтыков и поляки хотят в это время изрубить патриарха и безоружный народ. Но резни в этот день не последовало, за что поляков упрекнул Салтыков.

— Нынче был случай, и вы Москву не били, ну так они вас во вторник будут бить, я этого ждать не буду, возьму жену и поеду к королю.

Во вторник ждали войско Ляпунова. Поляки стали готовиться к встрече. Они явились на рынок, пытаясь силой заставить извозчиков тащить пушки на башни Кремлевской стены. Извозчики отказались. Начались потасовки. Услышав крики, восьмитысячный немецкий отряд пришел на помощь полякам и ринулся на толпу. Началась страшная резня. В одном Китай-городе было убито 7000 русских.

Белый город ударил в колокола. По всем московским церквям раздавался набатный звон, призывавший русских к восстанию. Вся Москва поднялась, как один человек, а между тем народные ополчения втягивались в город с разных сторон. Первым на помощь восставшим успел князь Пожарский со своей дружиной. Он встретил поляков на Сретенке и ураганным огнем своих пушек отбросил их в Китай-город. Тогда оккупанты подожгли столицу. Говорят, что Михайло Салтыков первый зажег свой дом. Сильный ветер раздул пламя, начался пожар. Горожане моментально разбежались спасать свои дома. В городе бушевал огонь, но в облаках дыма между Сретенкой и Мясницкой улицами непоколебимо стояло войско князя Пожарского.

После пожара польский король благодаря предателю ворвался в Смоленск. Поляки захватили много русских городов, шведы — северо-западные земли Руси и Новгород. В разношер-

стной армии первого ополчения началась междоусобица. Казаки убили Ляпунова. Наступил самый тяжелый момент в истории нашего Отечества. Казалось, разоренной Москве и России уже неоткуда было ждать спасения.

И снова из глубокого подземелья громогласно прозвучало слово Гермогена. Ему удалось передать на волю свою последнюю грамоту. Она попала в Нижний Новгород, где произвела на жителей неизгладимое впечатление. Козьма Минин произнес перед согражданами пламенную речь, призывая откликнуться на призывы Гермогена. Россия ударила в набат. Собиралось второе ополчение. Под предводительством князя Дмитрия Пожарского оно устремилось к Москве. По дороге к нему присоединились казанцы, неся перед собой (по указанию патриарха) список с чудотворной иконы Казанской Божией Матери. Эти полки привлекали ополчение и из других русских городов: Ярославля, Владимира, Костромы.

Поляки, услышав, что в Нижнем по воззванию Минина собирается новое ополчение, потребовали от патриарха написать нижегородцам и приказать им оставаться в верности Владиславу.

— Да будут благословенны те, которые идут для очищения Московского государства. Да будет над ними милость от Бога и благословение от нашего смирения! А на изменников да изльется гнев Божий и да будут они прокляты в сем веке и в будущем!

За эти слова Гермогена окончательно замуровали, и 17 февраля 1612 года он скончался. Насильственная смерть патриарха всколыхнула Россию, она встала на дыбы, окончательно освободившись от захватчиков и восстановив свою государственность. 22 октября 1612 года был взят Китай-город, спустя месяц сдался и осажденный Кремль. С тех пор празднуется Русской Православной Церковью праздник иконы Казанской Божией Матери — 22 октября, в память освобождения Москвы от иноземных захватчиков.

— Приказываю в трехдневный срок очистить помещение Чудова монастыря всем проживающим здесь монахам. Прошу немедленно предоставить опись церковного имущества.

Канцелярист немедленно исполнил требования.

— Прошу передать ценности. Они являются народным достоянием и вывозить их категорически воспрещается.

— Выедем, тогда и принимайте, как вам заблагорассудится, — вмешался эконоом монастыря, — а добровольно согласия на передачу ценностей не дадим. Уступаем насилию. Тащить же никто из святых отцов ничего не утацит. Как бы ваши не стащили...

— Ладно, думаю, не хотите передавать добром, не надо...

Комендант Кремля Павел Мальков резко повернулся и ушел. После его визита Арсений собрал всю братию. Посове-

щавшись, решили обратиться к правительству. Написали два прошения — от старшей и младшей братии.

“В Совет Народных Комиссаров Российской Федеративной Советской Республики.

...Настоящим мы все оставшиеся двадцать человек покорнейше просим Вас не найдете ли возможным отменить вышеприведенные распоряжения Коменданта Кремля и оставить нас при Чудове монастыре для несения Богослужения при святыни и охраны ея. Все мы занимаемся только этим трудом но если явится нужным мы с радостью согласны заняться какой угодно общественной работой. Продовольствие мы приобретаем сами собственным трудом”.

Настоятель прощался с монастырем, который с конца XIV века стал крупнейшим центром русской культуры, рассадником духовного просвещения. В XV-XVII веках здесь функционировала книгописная мастерская. При Филарете в монастыре было открыто греко-латинское училище, называемое патриаршей школой. Позже оно было преобразовано в Славяно-греко-латинскую академию.

Сюда пригласили знаменитого Максима Грека для разбора рукописей. Здесь был архимандрит Павел, возвышавшийся своей ученостью над всеми современниками, впоследствии он управлял патриаршим престолом. Здесь был ученый иеромонах Евфимий, принадлежавший к ученому братству составителей и переводчиков книг, основанному при царе Алексее Михайловиче боярином Ртищевым. Здесь состоял учителем патриаршей школы Епифаний Славинецкий, воспитанник Киевской академии, бывший до призвания в Москву иеромонахом Киево-Печерского монастыря. Епифаний составил полный греко-славяно-латинский лексикон.

Все они погребены на этой святой земле. Арсений обходил надгробия, останавливался перед каждым, вспоминая о делах тех, чьи останки здесь покоились. Надгробные камни украшены красноречивыми надписями. Последняя надпись гласит о том, что здесь похоронен юродивый. “1731 года мая в 29 день при державе Благочестивейшей Великой Государыни нашей Императрицы Анны Иоанновны, самодержицы всея России преставился раб Божий Тимофей Архипов сын, который, оставя иконописное художество, юродствовал миру, а не себе; а жил при Дворе Матери ее Императорского Величества Государыни Императрицы, Благочестивейшей Государыни, Царицы и Великой Княгини Парасковии Федоровны двадесят осмь лет и погребен в 30 день мая”.

Этого юродивого любили и почитали не только сама царица Прасковья Федоровна (супруга царя Ивана Алексеевича), но и все ее приближенные. После его смерти любимица царицы Прасковьи, Настасья Александровна Нарышкина, полу-

чила в дар его бороду, которую хранила как святыню. По суеверному преданию рода с этой бородой было связано благосостояние всей семьи Нарышкиных, и с утратой ее должен прекратиться род Нарышкиных. В год исчезновения бороды один из старших Нарышкиных, Александр Иванович, вельможа времен Екатерины Второй, помешался и вскоре умер. После смерти его эта ветвь Нарышкиных действительно пресеклась.

Чудов монастырь стал царской купелью. В нем восприяли святое крещение царь Алексей Михайлович, Петр Первый, император Александр Второй. Последний здесь же и родился.

— Отче, как поступим со святынями? — К настоятелю подошли его помощник архимандрит Серафим и эконома иеромонах Аркадий. — Могилы отсюда не унести, а вот вещи чудотворцев надобно спасти.

— Верно, — поддержал эконома архимандрит, — для безбожников они всего лишь дорогостоящие безделушки, а для России...

— Попробуем кое-что увезти с нашим скарбом, — перебил помощника эконома. — Если получится...

— Ну что ж, с Богом.

Арсений тоскливо осматривал соборы монастыря, хранившие разрушения, нанесенные год назад. Осенью 1917 года в Москве гремели бои. Ленин приказал город немедленно взять, ибо судьба революции зависит от того, в чьих руках Первопрестольная.

1 ноября последовал следующий приказ: "Артиллерийскому отряду на Воробьевых горах Штаб Военно-Революционного Комитета приказывает прекратить стрельбу по Никитским воротам и перенести огонь на Кремль. Член Военно-Революционного штаба А.Аросев".

"... Тяжелое впечатление производит настоящий вид расстрелянного Чудова монастыря, — писал в книге "Расстрел Московского Кремля" епископ Нестор Комчатский. — Фасад с южной стороны пробит шестью тяжелыми снарядами. В стенах глубокие разрывы и трещины; выбоины достигают от 2-3 аршин в диаметре. В сильной степени пострадали иконная и книжная лавки. Двумя снарядами пробиты стены митрополичьих покоев... Внутри покоев полное разрушение..."

После разговора с монахами комендант Кремля Мальков никак не мог успокоиться: кто его знает, что у них там в соборах припрятано. Теперь наверняка ценности растащат. Он выставил в Троицких воротах наряд латышей и приказал обыскивать выезжающих монахов. Поднялся шум. Братия заартачилась.

— Коли так, никуда не поедем! — стали они на дыбы.

— Ничего, голубчики, поедете. Никто на ваше имущество не покушается, а тащить народное добро не позволю!

Но тут Малькова позвали к телефону. Звонил Бонч-Бруевич.

— Безобразия! Немедленно прекратите обыск!

— Нет, Владимир Дмитриевич, не прекращу, и вы не вмешайтесь: я подчиняюсь Владимиру Ильичу и Якову Михайловичу, а не вам, так что не приказывайте, — отрезал комендант и положил трубку.

Однако минут через 10 снова звонок. На этот раз звонил Свердлов.

— Что у вас с Бончем стряслось?

— Да ничего особенного. Просто я велел монахов при выезде обыскивать, чтобы они ценности не украли, а Бонч — против. Вот и все.

— Утащить они, конечно, что-нибудь утащат, но и обыск устраивать не следует, тут вы не правы. Это не метод. Да и незачем давать повод монахам поднимать лишний шум, так что отпустите их на все четыре стороны. А если что особо ценное украдут, потом отберем. Никуда они не денутся.

Пришлось отпустить монахов восвояси. Но через день после отъезда к коменданту пришли члены комиссии, проверявшие имущество по описи. Они предоставили список недостающего.

“А в списке и митра золотая с бриллиантами, патриаршья, изготовленная в древнейшие времена, и 15 золотых панагий (это были такие иконы, их на груди носили), и кресты золотые, большие и малые, и проч. И проч. В описи значатся, а на листе нет — украли таки “святые отцы”! — писал в своих записках комендант.

Мальков обратился к бывшему монаху Гришке, которого по его просьбе зачислили дворником. Комендант рассказал ему о пропаже и потребовал узнать, куда могли увести драгоценности. На это он дал дворнику три дня.

Гришка разыскал старых приятелей, с одним выпил, с другим подискутировал, с кем просто так поговорил. Узнал он многое, и все рассказал Малькову. Основная часть монахов, выехавших из Кремля, обосновалась на Троицком подворье, в резиденции патриарха Тихона.

— Есть там отец эконом, жулик, прости господи, каких свет не видел. Он и помещение это готовил загодя. Чуял, что при новой власти в Кремле не удержаться. Не иначе как он ценности упер. Монахи, кои видели, говорят, что в его келье подол сделан. Вот там, небось, все и схоронено.

С этой информацией Мальков отправился к Дзержинскому. Тот дал в помощь двух чекистов и прямо с Лубянки они отправились на Троицкое подворье.

— Не отдашь ценности добром, все в твоей келье вверх дном переверну, а докопаюсь, куда ты их спрятал, — грозил эконому Мальков.

Увидев под рукомойником тазик на табуретке, под которой был расстелен маленький коврик, комендант все отодвинул и обнаружил люк входа в подвал.

— Ну, святой отец, что теперь скажешь?

Бледного иеромонаха один из чекистов подтолкнул к зияющему входу, вынул из кармана электрический фонарь, и они спустились в глубокий сырой подвал. Здесь и обнаружили сундук, в котором находились и митра, и панагии, и другие ценности. Бросив бесценные реликвии в мешок, Мальков с чекистами и Аркадием поднялись наверх. Непрошенные гости поспешили покинуть Троицкое подворье, прихватив с собой и отца эконома, которого доставили в ЧК.

Чудов монастырь пустовал недолго. В 1919 году здесь разместились кооператив “Коммунист” и лудильная мастерская. Власти хотели устроить в Великой лавре санаторий, но работники музея добились отмены этого решения. Протестовали они и против того, чтобы под Алексеевской церковью устроили библиотеку-читальню, но тщетно.

На рассвете 17 декабря 1929 года мощный взрыв потряс Кремль.

Докладная

Москва. 17 декабря 1929 года. Мы, нижеподписавшиеся сотрудники Централных государственных реставрационных мастерских, научный сотрудник Г.О. Чириков, фотограф П.В. Лядов, практикант-реставратор С.С. Чураков, столяр А.Е. Шленский и специалисты по съемке фресковой штукатурки, реставраторы Н.Я. Епанченков, Н.Н. Дубков и А.И. Попов, командированные для продолжения производства работ в Московском Кремле в бывшей церкви — Чуда Архангела Михаила Чудова монастыря по съемке фресок, составили настоящий акт в том, что мы, явившись к 9-ти часам утра на работу, нашли храм взорванным и представляющим грудой строительного мусора. Оставленные на подмостях накануне, то есть 6 декабря, только что снятые две фрески святителей в кругах с алтарного абсида и прикрытые фанерой не найдены, а означенная фанера без фресок оказалась лежащей около развалин среди досок”.

Чудов-Алексеевский-Архангело-Михайловский Кафедральный монастырь исчез с лица земли. Взрывом уничтожена наша святыня — истинная каменная летопись Руси.

“Православные! — восклицал епископ Нестор. — Не щемит ли ваше сердце зияющая пред вами эта черная рана твоей родной святыни, разбитая глава твоего великого собора? Не стыдно ли вам за вашу Родину, когда вы слышите, как стоящий в толпе перед развалинами Кремлевских святынь чужестранец, серый китаец, изумленно глядит на развалины и бормочет: “Русский не хороший, худой человек, потому что стреляет в своего Бога!” ■

Лар

Ульф и Понтус. 1894.

Один из самых выдающихся художников Швеции Карл Ларссон был разносторонним мастером — портретистом, пейзажистом, художником-монументалистом, книжным иллюстратором... Но в историю мирового искусства он вошел прежде всего как автор живых и непосредственных картин семейной жизни, исполненных поэзии, оптимизма и подлинной гармонии.

Жизнь Карла Ларссона похожа на сказку. Выходец из самых бедных слоев, он со временем, благодаря своему дарованию, творческой и деловой энергии, ошеломляющей работоспособности, смог подняться на самую вершину художественного Олимпа в своей родной Швеции и приобрести мировую известность.

Родился художник 28 мая 1853 года на улице Престгата в стокгольмском Старом городе. Вскоре после рождения Карла семью вместе с детьми выбросили из занимаемой ими квартиры, и после

ССОН

Владимир СОКОЛОВСКИЙ

*Брита и я!
(Автопортрет с дочерью.)
1895.*

долгих мытарств они, наконец, осели в одном из самых бедных кварталов Стокгольма. Условия жизни здесь были ужасающие. Нормой считалось, если одну комнату занимали три семьи. “Такая среда — естественная основа для возникновения холеры”, — вспоминал позднее Карл Ларссон в своих мемуарах. И эпидемия действительно грянула — в 1866 году. Тот год и впрямь оказался роковым — неурожай и, как следствие, голод, болезни и потому свыше ста тысяч человек, в основном беднота, вынуждены были покинуть Швецию. Перебирались, конечно же, в благодатную Америку. Эмиграция продолжалась и позднее, так что к концу 1890-х годов бедняцкий квартал Стокгольма, в котором художник провел свое детство, практически обезлюдел. “Это казался сущий ад на земле, — писал Ларссон в своей довольно откровенной автобиографии, кратко озаглавленной “Я”. — Голод был самой маленькой из наших проблем, ведь со временем можно привыкнуть довольствоваться немногим... у нас постоянно вообще ничего не было... Свиристельствовала чахотка, вокруг вспыхивали кровавые драки, мы жили в окружении проституток, воров и убийц”. Отец Карла — человек грубый и неотесанный, не имел определенной профессии и подрабатывал разнорабочим. Ко всему прочему постоянно пьянствовал, кутил, дебоширил, и, естественно, его отовсюду гнали. Часто, особенно во время запоев, он заявлял маленькому Карлу: “Я проклинаю день, когда ты родился”. Сын простил эти слова, впоследствии отплатив отцу большим добром, но, как оказалось, все-таки не забыл, оставив свидетельство о них в своей автобиографии.

Весь дом держался исключительно на матери. Она бралась за самые тяжелые работы, чтобы обеспечить семье мало-мальский уровень жизни.

Художественная одаренность Карла проявилась рано. Родители часто отсутствовали и оставляли мальчика дома вза-

перти. Было скучно и тоскливо, и однажды ребенок нашел себе подходящее занятие. Роясь в убогой семейной библиотеке, он принялся вырезать из книжных страниц силуэты фигурок людей и животных. Как оказалось впоследствии, это не было случайностью. Его картины маслом и акварелью, исполненные уже в зрелом возрасте, отличались особой контурной четкостью.

Впрочем, было бы неверно думать, будто Карл занимался только тем, что делал вырезки из книг. Еще в раннем детстве его задействовали в хлопотах по хозяйству, он носил воду, колл дрова, счищал снег... В школе Карлу также приходи-

Именины. Между 1890 и 1899.

лось несладко. Его слишком строгий учитель — магистр Якобссон — за малейшие провинности с удовольствием награждал своих питомцев подзатыльниками. Частенько доставалось и Карлу. Впрочем, Якобссон, несмотря на свою, так сказать, “консервативную” методику преподавания, оказался человеком весьма дальновидным и проницательным. Он быстро разглядел в своем ученике многообещающий художественный талант и поспособствовал тому, что уже в 13 лет Карла приняли на подготовительный курс стокгольмской Академии художеств. Здесь, среди ста учеников, мало кто мечтал о профессиональной карьере художника. Амбиции боль-

шинства из них не простирались далее стремления просто завершить свое профессиональное ремесленное образование. К числу немногих исключений принадлежал Карл Ларссон, а также Эрнст Юзефсон, — впоследствии знаменитый шведский художник и поэт, одной из картин которого — “Водяной” — восхищался Винсент Ван-Гог, неоднократно упоминая ее в своих письмах к брату Тео.

Ларссон и Юзефсон подружились (как оказалось — на всю жизнь). Их вместе приняли в античный класс — первую ступень собственно академического образования. Здесь студенты занимались тем, что зарисовывали античные слепки, сначала

по частям — отдельно руки, ноги и головы, а затем всю фигуру целиком. Сухие и скучные уроки, в общем-то, болезнь почти всех академий того времени. Об этом периоде сам Карл Ларссон отзывался так: “Два моих лучших года — и только античные головы; главное — как можно точнее их воспроизвести, не получая при этом ни малейшего понятия ни о стиле, ни о мастерстве их исполнения. Ты ненавидишь их, презираешь, терпя их только в надежде на то, что однажды получишь возможность рисовать обнаженную натуру”.

Такую возможность он, наконец, получил в 1872 году, когда его перевели в модельный класс, там занимались рисованием живых моделей (хотя, опять-таки, в позе античных статуй). Ларссон весьма преуспел в занятиях, и год спустя получил малую медаль модельного класса. А еще через год — Большую золотую медаль за картину “Стен Стуре освобождает датскую принцессу Кристину из плена в замке Вальдес”. Эта награда давала право на получение стипендии и возможность продолжения образования в одном из европейских художественных центров. Важный этап — обучение в Академии — завершен, и Карл Ларссон устремляется на континент с его бурлящей художественной жизнью.

Впрочем, профессиональная карьера Карла началась еще задолго до окончания Академии. К этому времени он уже в течение пяти лет содержал своих родителей, зарабатывая хорошие деньги тем, что рисовал иллюстрации для сатирического листка “Каспер”, а затем и для “Новой иллюстрированной газеты”. Эти рисунки, выполненные с большим чувством юмора, стали первым ярким проявлением одной из граней дарования Карла Ларссона. Но обо всем этом чуть позже. Пока же Карл отправляется в Париж и со всей юношеской пылкостью окунается в его утонченную и эстетическую богемную жизнь.

Он прибыл в Париж в 1875 году. К этому времени уже совершили свой пленэрный прорыв импрессионисты, однако в парижском Салоне (а именно он тогда все еще задавал тон), господствовала академическая живопись. И обойти Салон не представлялось никакой возможности. А ведь только через него пролегал путь к подлинному признанию и успеху. И учитывая тот факт, что в Салоне ежегодно выставлялось до двух тысяч картин, попасть туда было крайне сложно. Но каким-то чудом Ларссону удалось пробиться в Салон уже в первый год своего пребывания в Париже. Правда, представленную им работу (небольшой портрет сокурсника по Академии Карла Сконберга; ныне картина находится в Национальном музее Стокгольма), как вспоминал сам Ларссон, повесили так высоко к потолку, что он обещал приз тому из своих друзей, кто первым ее заметит. Успех, конечно, оказался более чем скромный, но все-таки успех. Да и в самом Стокгольме о Ларссоне не забывали, вызва-

На прогулке. 1901.

ли из Парижа с просьбой завершить оформление Болиндерского дворца, так как работавший там художник заболел. Так состоялся дебют Ларссона-монументалиста, и, впоследствии, на рубеже столетий, он оказался одним из ведущих реформаторов в этом виде искусства.

Тем не менее, за три года с 1878 по 1881, когда Ларссон курсировал между Парижем и Стокгольмом, его постоянно преследовали то успех, то неудача. Парижский Салон пока давал ему отбой. Публика оставалась равнодушной. Зато знаменитый шведский драматург Юхан Август Стриндберг, прекрасно осведомленный о работах Ларссона в журналах, предложил ему проиллюстрировать свою книгу “Шведский народ в праздники и будни”, что Ларссон с удовольствием и сделал. И это положило начало дружбе двух великих художников. (В 1898 году Ларссон написал портрет Стриндберга, который до сих пор считается эталонным.) А в 1881 году основатель крупнейшей шведской газеты “Дагенс Нюхтер” Рудольф Валл приобретает натюрморт Ларссона, названный строками из одного французского стихотворения — “Судьбе покорность — в ней религия прошедших дней”. Этот натюрморт, изображающий шляпу фокусника (персонаж из предыдущих полотен Ларссона), череп и том “Ангела смерти” Валлена (книга, над иллюстрациями которой художник в то время работал) — горькая пародия на противоречивость жизненной ситуации самого Ларссона того времени. Ведь на парижском “фронте” (в отличие от стокгольмского) он тогда испытал одно из своих самых больших разочарований. Салон отверг его “Придворного художника” — картину, на которую он положил столько труда. Кстати, тогда же Салон не принял и картину Юзефсона “Испанские кузнецы”. В отчаянии Ларссон рвет полотно на части, раздавая по куску каждому из друзей. Юзефсон (надо отдать ему должное) поступил куда благоразумнее, сохранив свою работу, и теперь его “Испанские кузнецы”, справедливо считающиеся одним из его ранних шедевров, украшают Стокгольмский национальный музей.

У Ларссона совсем опустились руки. Но тут к нему на выручку совершенно неожиданно приходит его старый товарищ по Академии Карл Нордстрем, вызвав Ларссона в живописный французский городок Гре-сюр-Луан. Оказывается, здесь уже обосновалась целая колония шведских художников, которые встретили своего коллегу с распростертыми объятиями. И тут совершается чудо. Словно по волшебству, все полностью изме-

няется у Карла Ларссона — и в жизни, и в искусстве — причем уже навсегда.

Ларссон забрасывает аллегорические сюжеты с их усложненной символикой и выходит на пленэр, открывая свои картины потокам света и воздуха. Палитра высветляется. И во всем блеске начинает раскрываться талант Ларссона как колориста, способного тонко воспринимать всю нежность и воздушную прозрачность акварельной краски. Его акварельные этюды “Октябрь” и “Ноябрь” проходят “на ура” в парижском Салоне и получают медаль. Правительство Франции изъявляет желание приобрести обе работы. Но... оказывается недостаточно расторопным. Их успевают перехватить вездесущий Понтус Фюрстенберг, знаменитый купец, коллекционер и меценат. Он умудряется тайно купить их, не выезжая из родного Гётеборга, передав свое предложение по телеграфу.

Вне всякого сомнения художественному взлету Ларссона способствовало то обстоятельство, что именно в Гётеборге он встретил

свою “половину” — шведскую художницу Карин Бергёе, ставшую музой на протяжении всей жизни и моделью многих его произведений. Они обручились в 1882 году в Гре, но обвенчались и сыграли свадьбу только в Стокгольме. И вновь вернулись в Грe. Здесь, в августе 1884 года, родился их первый ребенок — дочь Сюзанна. Ларссон запечатлел сияющую счастьем мать и доверчиво прильнувшее к ее груди дитя в своей знаменитой картине “Идиллия в мастерской” или, как ее еще называют, “Материнская нежность”. Картину купил все тот же Понтус Фюрстенберг. (Позднее он подарил ее Национальному музею в Стокгольме.)

В 1884 году парижский Салон был ознаменован настоящей шведской экспансией. 36 шведских художников представили 51 работу, и Карлу Ларссону удалось тогда продать свою акварель “Плотина в Грe-сюр-Луан” французскому правительству. Именно в том же году он познакомился со своим благодетелем, остававшимся до той поры за кадром, гётеборгским купцом Понтусом Фюрстенбергом.

Столь пристальный интерес к Ларссону со стороны Фюрстенберга оказался не случаен. Он давно уже занимался коллекционированием скандинавской и французской живописи своего времени. Фюрстенберг принадлежал к богатому еврейскому роду, в начале XIX века перебравшемуся из Германии в Швецию. А с 1830-х годов Фюрстенберги обосновались в Гётеборге, где отец Понтуса занимался производством и продажей текстиля. Небольшого роста, очень живой и подвижный, Понтус Фюрстенберг с великолепным чувством юмора, сам был мастером пошутить и понимавший толк в шутках других. К моменту своей кончины Понтус Фюрстенберг овладел самым значительным в Швеции собранием скандинавского искусства. А также рядом произведений мастеров европейского авангарда того времени, в том числе Гогена и Бёклина, общей численностью 240 картин.

С Ларссоном Фюрстенберга связывали особые отношения. У Понтуса и его жены Гётельды не было детей, и говорили, что Ларссоны с их многочисленным потомством стали как бы их приемной семьей. Именно по заказу Фюрстенберга в 1889 году Ларссон исполнил большой триптих, предназначенный для шведского павильона на Всемирной выставке в Париже. Триптих состоял из трех больших холстов и представлял эпоху Ренессанса, Рококо и искусство Нового времени. С искусством Ренессанса Ларссон познакомился, побывав за три года до этого в Италии, особенно задержавшись в Риме, где он, по его собственным словам, “был готов припасть к ногам Микеланджело”, и в Венеции, восторгаясь фресками Тьеполо. На живопись же Рококо он достаточно насмотрелся в Швеции, где ее замечательные образцы создавались во времена правления короля Густава III (кстати, дальнего родственника русской императрицы Ека-

Идиллия в мастерской. (Материнская нежность.) 1884.

Рождественский сочельник. Оноло 1904 — 1906

терины П), ну и конечно, в самой Франции — родине Буше и Фрагонара. А искусство Нового времени — это и сам Ларссон, и все те художники, многих из которых он лично знал. Работа над триптихом — и в смысле емкости сюжета, и еще потому, что его нужно было вставить в особую рельефную раму, также спроектированную Ларссоном, оказалась весьма трудоемкой. Тем не менее, всё удалось завершить в срок, и триптих выставили на самом почетном месте. “Я должен был бы вне себя от радости пуститься вскачь через все бульвары Парижа, но я так измучен, что даже не могу этой радости почувствовать”, — писал Ларссон сразу после открытия Всемирной выставки.

Художнику требовался основательный отдых для восстановления сил. И летом 1889 года семья Ларссонов отправляется из Парижа сначала в шведский город Хальсберг, где жили родители Карин, а затем поселяются в Суннборне в местности Даларна. Там шурин Адольф Бергёе за год до этого подарил Карлу и Карин загородный дом с прилегающим участком земли, ласково-шутливо прозванный супругами "хижиной". Свои первые впечатления от этого места, которому в дальнейшем суждено сыграть решающую роль в его жизни и творчестве, Карл Ларссон описывал так: "Здесь свежо и красиво. Местность расположена на возвышенности, так что облака спускаются к вершинам елей. Наш домик стоит у самой речки, но она такая мелководная, что дети могут без особого риска окунуться в нее... раки вылезают на землю, так что их можно ловить руками за спинки. Сегодня на мостик выбросилась щука. Я разрубил ее поперек. У нас здесь два великолеп-

ных картофельных поля и одно бобовое, немного укропа и петрушки, десять красивых берез, кусты сирени, растущие длинными рядами, и два клена. Дом состоит из пяти комнат и большой кухни, а одна из прихожих оборудована под превосходную мастерскую". Именно Суннборнский дом и его обитатели — все возрастающая семья художника (у него было семеро детей), стали главной темой его широко известных акварелей. Он сам, его жена и дети запечатлены в самых различных жизненных ситуациях. Как в будни — отнюдь не серые, но озаренные светом любви и счастья, так и в праздники — именин и Рождества. Снабженные литературными комментариями, написанными

самим Ларссоном, а некоторые и в стихах, они изданы в виде иллюстрированных книг. Особую известность приобрели "Наш дом", "Ларссоны" и "Дом на солнечной стороне". В них — особый линейный стиль Ларссона, строившего художественное пространство с помощью ритмически чередующихся, ясных и ярких цветовых плоскостей, обведенных четким выразительным контуром. Вобравший в себя черты японской гравюры на дереве, восточно-азиатского рисунка тушью и пером и народной шведской живописи, стиль Ларссона стал своеобразным и весьма существенным вкладом в общеевропейский стиль модерн. И, в первую очередь, в то его "национально-романтическое" направление, которое, например, в России представлено искусством Виктора Васнецова.

Эти книги-альбомы быстро получили распространение по всей Швеции, а затем и за ее пределами. Первой издали "Дом на солнечной стороне" в Германии, в 1909 году. До начала Первой мировой войны тираж этой книги достиг в Германии отметки

197 тысяч, тем самым сравнявшись по популярности с бестселлерами ее собственных, немецких авторов. Когда в 1913 году Ларссон посетил Германию, то в письме домой, выдержанном в весьма характерном для него шутливо-ироническом тоне, он описал следующий эпизод: "Я... зашел в пивную и пристроился за столиком, неподалеку от которого сидели две немки. Они обсуждали "Дом на солнечной стороне" и восхищенно восклицали: "Такой

Нороль Густав III — покровитель искусств. 1896.

знаменитый мужчина!" Одна из них просто хохотала до слез, захлебываясь от восторга. И я считаю своим долгом черкнуть пару слов ее мужу".

В Европе Карл Ларссон получил прозвище "Солнечный человек". Начавшееся в те времена триумфальное шествие его акварельных альбомов по всему миру, в сущности, не прекратилось и до сих пор. Они переведены почти на все ведущие языки, в полном или сокращенном виде изданы в США, Канаде, Англии и почти во всех странах Европы.

Ферма. 1905.

Акварельные альбомы, еще их можно назвать “книжками с картинками”, — превосходные образцы литературы для детей. И даже оказали влияние на многих детских писателей, в том числе, и на Астрид Линдгрен, в чем она сама неоднократно признавалась. Но у этих альбомов-книжек была, несомненно, “сверхзадача”. Ее сам Ларссон определил как стремление “реформировать семейную жизнь и вкус”. Предложения Карла и Карин Ларссонов по части одежды, питания, дизайна мебели и интерьера предвосхищают концепцию целостного стиля жизни, которую последовательно развивали затем представители “Баухауза”, кстати, к их числу принадлежал и русский художник Василий Кандинский. Характерно, что влияние Ларссона на “Баухауз” признано в вышедшей в 1994 году книге немецкого искусствоведа Ренаты Пуфогель, специально посвященной суннборнским акварелям и рисункам Карла Ларссона.

Вполне естественно, что столь широкое распространение иллюстрированных книг способствовало росту общеевропейской популярности искусства Карла Ларссона в целом. В 1910-х годах работы Ларссона выставлялись буквально по всему миру. На состоявшейся в 1911 году выставке в Риме Ларссон предста-

вил свой известный автопортрет под характерным названием “Самокопание”, а также большое полотно “Завтрак в зелени”, на котором семья Ларссонов изображена в полном составе. И еще 30 акварелей, среди них — вся серия “Дом на солнечной стороне”. На выставке он получил первую премию, а галерея Уффици во Флоренции пожелала приобрести его автопортрет для своего собрания автопортретов выдающихся европейских художников.

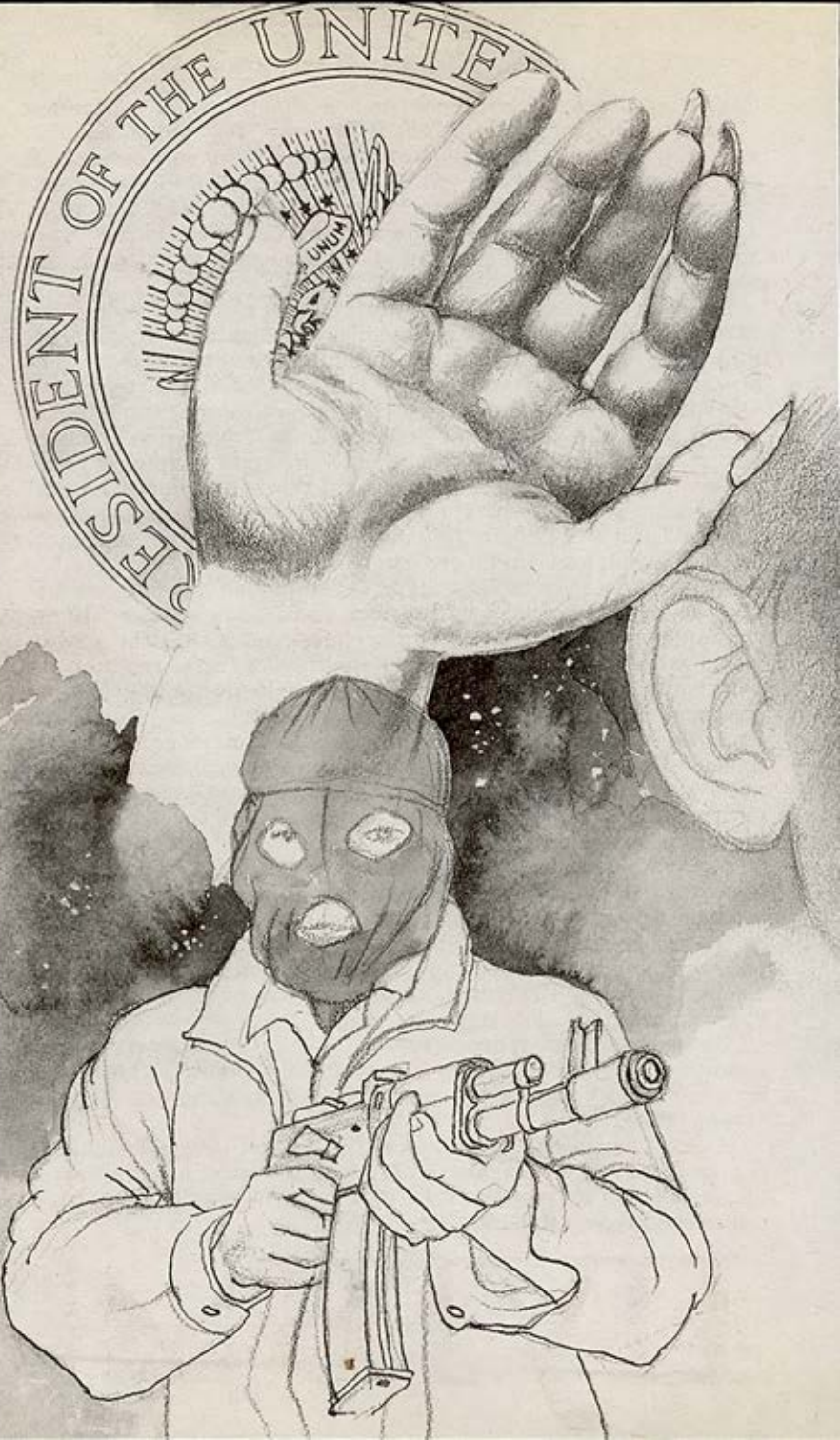
Велики достижения Карла Ларссона и в области монументального искусства. Среди наиболее выдающихся произведений следует отметить фрески в Национальном музее в Стокгольме, цикл стеновых росписей в Начальной школе для девочек в Гётеборге под названием “Шведская женщина на протяжении столетий”, плафон в Золотом фойе Стокгольмской оперы и плафон “Рождение драмы” в Стокгольмском драматическом театре. Замечательны и его портреты выдающихся современников — Сельмы Лагерлёф, принца Евгения, банкира Эрнста Тилиа — основателя одной из крупнейших стокгольмских галерей, названной его именем...

Последние годы жизни Ларссона омрачились спорами вокруг неоднократно переделывавшегося проекта фрески “Жертвоприношение во время зимнего солнцестояния” (1914) на сюжет древней шведской легенды о принесении в жертву короля ради блага его народа. Проект, предназначавшийся для стеновой росписи, так и остался неосуществленным, и, кажется, стал единственным произведением Карла Ларссона, не получившим признания при его жизни. Отклонение проекта оказалось тяжелым ударом для стареющего художника. Да еще прибавилась и быстро прогрессирующая болезнь, когда Ларссона, повелителя кисти, переставали “слушаться” руки.

Но художник не унывал и не роптал. “В Твои руки, мой Отец, я вручаю свою душу и свою судьбу”, — такими словами он завершил свою автобиографию “Я”, поставив точку в рукописи за два дня до смерти — 22 января 1919 года. А по поводу “Жертвоприношения” он сказал так: “Моя интуиция подсказывает мне, что когда-то в будущем, когда меня уже не станет, эта вещь будет удостоена подобающего ей места”.

Слова оказались пророческими. В 1987 году “Жертвоприношение” произвело сенсацию на аукционе “Сотбис” в Лондоне и продано одному японскому коллекционеру за миллион с четвертью долларов.

А семейный загородный дом в Суннборне, который еще при жизни Ларссона осаждали толпы туристов, после смерти мастера превратили в музей его имени, и ныне он один из самых посещаемых музеев Швеции. ■

Александр ЭКШТЕЙН

ПУТЬ

К ЮНШТЕРУ

рисунок Алексея Остроменцкого

Книга третья

Дождь. Рогатый труженик-троллейбус синего цвета, осторожно преодолевая наполнившиеся водой выбоины месяц назад отремонтированной дороги, пробирался к цели — остановке “Ружейный переулоч”. Кроме троллейбусной остановки здесь расположилась более серьезная, фактически судьбоносная остановка — городская тюрьма. В ней, на третьем этаже, в четырехместной угловой камере под номером шестьдесят семь, сидел подполковник Абрамкин Сидор Аврамович и говорил своему соседу по несчастью и деклассированности:

— Если ты честно и просто идешь к цели и на пути к ней становишься подполковником милиции, то обязательно столкнешься с завистью и недоброжелательностью какого-нибудь полковника по фамилии Самсонов и сядешь в тюрьму. Это неизбежно. Это как грозовой рассвет в Сочи, встречаемый человеком с громоотводом в руке на самой верхушке кипариса. Шарахнет молнией обязательно. Но я ни о чем не жалею, — предупредил своего собеседника потерпевший жизненную аварию подполковник, — мой кипарис дорогого стоит. Скоро двери этой камеры откроются для того, чтобы поспешно захлопнуться за моей спиной, когда я буду идти по коридору на свободу. За мной стоят мощные силы, понял, сутенерская твоя морда?

Камера номер шестьдесят семь по меркам тюрьмы была просторной, уютной и чистой. Вместе с подполковником Абрамкиным в камере находились братья Рогоняны и некий Виталик “Гастролер”, с нередкой для обитателя тюрьмы хищной доброжелательностью в чертах лица. Опытным рецидивистам достаточно одного взгляда на такого человека, чтобы стать скромными, услужливыми и предельно вежливыми в общении с ним. Но так как в камере шестьдесят семь опытными рецидивистами и не пахло, то Гастролера все, кроме Абрамкина, просто боялись.

— Я тебе говорю, я всем вам говорю, эти двери откроются, — подполковник ткнул пальцем в сторону двери, — и дежурный контролер скажет: “Абрамкин, с вещами на выход, ты свободен!”.

Абрамкин застыл с вытянутой в сторону двери рукой и, к своему удивлению, услышал, как в замке стал поворачиваться ключ, открывающий камеру. Дверь распахнулась, и в ее проеме возник открытый для дружбы со всеми заключенными начальник оперчасти таганрогской тюрьмы майор Пшеничный. Он молча обвел взглядом камеру и лишь после этого произнес:

— Хорошо вы тут устроились, меня прямо-таки завидки берет, глядя на вас...

Глава первая

1

— Продуманное присутствие тибето-арийской бессмысленности потрясает, — произнес Радецкий Виталий Халимович,

подполковник ГРУ, и, похлопав себя по складкам одеяния, похожего на халат, извлек мусульманские четки, одновременно поясняя: — Тибет выполняет роль тайны, не являясь таковой. Лхаса — это как Голливуд в Америке, только Голливуд для толпы, а Тибет для интеллектуалов и придурков с историко-аналитическим складом ума. И то и другое отвлекает человечество от настоящей тайны и смысла. Я давно убедился, что люди гораздо тупее, чем хотят казаться, особенно на высокоинтеллектуальном уровне.

— Когда-нибудь я угощу вас персиковым нектаром с вытяжкой из косточек высокогорной ягоды тату. Выпив этот сок, мужчины чаще всего превращаются в мертвых. — Коперник Саввич сидел на корточках возле каменной стены пещеры и, сощурившись, смотрел на лучи солнца, разбросавшие вокруг переливчатые пятна света. Лучи проникали в пещеру через трещины в потолке на высоте более ста метров.

— Я и не знал, — хохотнул Радецкий и лег возле теплой стены, — что у отравителей такое чувство юмора. — Он плотнее прижался к стене. В пещере было сухо, светло и тепло, так как за стеной проходили термальные источники. — Надоел ты мне, Кузьков, — зевнул Радецкий, — и вообще все надоело, особенно Тибет с его невозмутимой истерикой. Тоже мне, пупок Земли. Посадили в пещеру, словно мы гамадрилы какие-то, и держат без предъявления обвинений. Лучше бы в пропасть сбросили, — пришел он к неожиданному выводу и прикрыл глаза.

— Этот тибетец, похожий на монгола, притворяющийся японцем китайского происхождения, так и сказал перед тем, как нас замуровали. — Коперник Саввич поднялся с корточек и похлопал ладонью по каменной глыбе, на месте которой раньше был вход в пещеру. — С этого момента мы убиты.

— Ну не знаю, — открыл глаза бывший Ахмет Ветхалиль, — может быть, нас и убили, но пока я вылечил в этом пещерном КПЗ все свои косточки. Самое странное, что почему-то есть не хочется. Вполне возможно, что мы уже давно покойники, только не хотим признаваться в этом друг другу.

— А у меня, между прочим, — равнодушно сообщил Коперник Саввич, — конвоирующие нас сюда монахи сперли золотые часы, с бриллиантами и дарственной надписью “Кузькову от Ивана Селиверстовича Марущака вместо летнего отпуска”.

— Да-а, — посочувствовал ему Радецкий, — суровое у вас начальство. А монахам повезло, озолотились за твой счет. Эх, — огорченно вздохнул подполковник, — сюда бы еды, баб и пару-тройку ядерных бомб в угол положить, тогда можно было бы жить.

— А бомбы зачем? — вяло удивился Коперник Саввич.

— Да чтобы как-нибудь хорошим вечерком, — мечтательно произнес Радецкий, — взорвать весь этот Тибет к чертовой матери.

2

Тибетское плоскогорье, даже если бы там не было Лхасы, Поталы и далай-ламы вместе с его подданными, все равно представляло бы неутолимый интерес для спецслужб развитых в экономическом и научно-техническом плане стран, ибо где-то там, в горах Тибета, существует источник насмешливой тайны.

Откристаллизованная миллионами лет изощренного опыта, филигранная мудрость дуалистического мира тревожит и мускулисто-ядерные страны, сделавшие ставку на прогресс и науку, и строгое мировоззрение мусульманского мира, сделавшего ставку на диковато-эстетизированный фанатизм фатализма. Труднообъяснимый, нежно-неизбежный и вместе с тем затаенно-грозный окрик власти с буддистско-ламаистической стороны мир как бы инстинктивно угадывает, но не в состоянии поверить в него. Контур власти видят в той стороне лишь великие равнины мира, но их это не касается, у них другие цели и другие задачи. Они строят свой опыт не на земном времени, а на межзвездных расстояниях, в которых оно отсутствует.

На тибетском плоскогорье существуют места, где можно собрать иней с солнечного луча и утонуть в запахах жимолости, не погрешив ни в чем перед реальностью.

Тибет — это дверь в глубь Земли. Там расположены пещеры, коридорами которых можно идти до той поры, пока не выйдешь в Купол Скалы в самой высокой части Иерусалима, где находится тайное место. Попав туда, вы сможете перейти из нашего века в любой другой — прошлого и будущего. Вечный Жид совсем не метафорический образ, и там же, в Тибете, есть спиральные ходы в срединные страны, в которых живет настоящее человечество и те, кто его создал, то есть частично сохранил в более или менее здоровом виде.

Именно там, в горах Тибета, становится понятным, что гораздо проще и легче поднять псевдоумную железку на миллионы километров вверх, чем проникнуть на двадцать километров в глубь Земли, что гораздо легче освоить территорию Марса, чем дно мирового океана.

3

Русская разведка занимает в Тибете традиционно-сильное положение и обладает обширной агентурной базой, почти по всем пунктам обгоняя англичан и американцев, немного уступая лишь китайцам...

Тибет, где нет ничего, кроме монахов и туманных сюжетов, сжирает огромные средства из бюджетов США, Англии, России, Германии и Франции. Мы ни сном, ни духом не ведаем, что тайной расходной части бюджетов наших стран на так называемое "тибетское направление" выделяются суммы на

порядок выше, чем на оборону, культуру и социальные нужды вместе взятые.

Наиболее рационально поступил Китай, сымитировав оккупацию Тибета, который на самом деле является его неотъемлемой частью. Массовая бойня по отношению к тибетцам, в которой непосвященная часть мира до сих пор обвиняет Китай, на самом деле была большой чисткой, уничтожались агентурные сети атлантизированной технотронной цивилизации Запада. Инициатором оккупации Тибета и массовой бойни внутри него были тибетские ламы и сам далай-лама. Настоящий, конечно, Великий, а не ныне разъезжающий по миру.

Разведки всего мира единодушно решили: "Мировой толпе о настоящих тайнах Земли и Тибета в частности, ради ее же спокойствия, знать не положено". Политики высшего ранга вбросили в массы лукавый лозунг: "Чуда нет, есть только временно не разгаданная наукой тайна бытия". Хотя та же наука на Женевском форуме ученых-аскетов вполне однозначно высказалась устами старейшего ученого планеты, аргентинца Солана Пруена, лауреата Нобелевской премии в области танатологической астронавтики. Он сказал в своей речи на закрытии форума: "Мы все отлично понимаем, что вокруг нас много такого, что мы не сможем понять никогда, пока живы". Но на такие заявления человечество редко обращает внимание.

Русская разведка никогда не оставляла Тибет. Вся агентурная сеть России в Тибете и Китае состояла из военных разведчиков, часть которых во времена реформирований была прикомандирована к ФСБ. Команду телохранителей далай-ламы, "лунных бабочек", возглавил великий палач Тибета Кабнг Омпа, он же Талгат Петрович Волин, сын русского и уйгурки, пришедший когда-то в Тибет лейтенантом КГБ и дослужившийся до генерала ФСБ и посвящения в ранг Ламы Багровых оттенков в монастыре Эшер. Он стал самым доверенным лицом далай-ламы, а китайские спецслужбы считают его своим генералом и лучшим китайским разведчиком всех времен и народов. Иногда Талгату Волину хотелось потосковать по Родине, но, начиная ностальгировать по России, он всегда обнаруживал себя в центре тоски по Алой вселенной и вечно осуществляющимся потокам бесконечности. Профессиональное общение с прищуренным Востоком и тибетскими ламами высокого ранга не могли не оставить свой след в его мироощущении.

Когда великий палач Тибета говорит, что он кого-то казнил, то не обязательно имеется в виду убийственная экзекуция, а подразумевается чаще всего изоляция.

Вскоре Талгату Волину были переданы золотые часы с бриллиантами Коперника Саввича. Прочитав на часах над-

пись “Кузькову от Ивана Селиверстовича Марущака вместо летнего отпуска”, он поморщился. Волин хорошо знал отраженного элохима Ивана Селиверстовича Марущака, как и всех остальных отраженных элохимов, некогда действующих в многочисленных подразделениях МОАГУ и вне его. Более того, Талгату Петровичу было глубоко наплевать на них. Ему уже сообщили, что Коперника Саввича, оставшегося без дела после ликвидации “УЖАС”а, пристегнули в напарники к одному из самых беспринципных и высокопрофессиональных разведчиков ГРУ, подполковнику Радецкому, кумиром которого еще в спецшколе ГРУ стал Яков Блюмкин, расстрелянный в сталинские времена за чрезмерную инициативность и антибюрократические действия. Теперь вот ГРУ, в лице генерал-полковника Дождь, предлагало “найти возможность для незаметного исчезновения Радецкого и Кузькова в Тибете и такого же их появления в России, ибо... Радецкий и Кузьков переживают острую фазу неадекватного восприятия своей действительности”.

“Легко сказать, — подумал Талгат Петрович, — незаметно найти возможность в Тибете. Это же не Москва. Здесь все под наблюдением и не только моим”. Он тяжело вздохнул, но приказ есть приказ: “Незаметно помочь исчезнуть в Гималаях и неслышно доставить в Россию”.

4

“Прав был небритый старик, бытие определяет сознание, — подумал подполковник Абрамкин на третьи сутки своих блужданий, — умнею не по дням, а по часам”.

Третьи сутки подполковник Абрамкин пытался попасть в Нахапетово с тыла — огородами. Он бы похож на дезертировавшего из армии мародера, страдающего хроническим алкоголизмом. На нем была сетка пасечника, купленная в ростовском магазине “Пчеловод”. Абрамкин прорезал в ней отверстия для глаз и рта. Камуфляжный комбинезон был увешан гранатами РГД-5, к поясу прикреплен десантный нож “Катран” и спецназовский баллончик со слезоточивым газом. За спиной в виде комка грязи висел изрядно похудевший рюкзак. Вообще-то, на комок грязи и полувисохшей тины был похож и сам подполковник, а эксцентричная маскировочная маска на лице придавала ему схожесть с гоголевским Вием, но подполковник не придавал этому значения. “Чудны дела твои, Господи, — думал он, бредя по колено в гнилой воде среди камыша, — даже материться не хочется”...

От Ростова-на-Дону до села Нахапетово с пригородного автовокзала два раза в день ходил рейсовый автобус, рано утром и ближе к вечеру. Скромно притулившись в уголке полупустого вечернего автобуса, подполковник добрался до села и покинул автобус на самом въезде в него, не доезжая до первых

домов двести метров. Оставшись один на дороге, он пристально и строго оглядел село с пригорка. В домах уже начали зажигать электричество. "Надо войти огородами, — подумал Абрамкин, — с тыла".

С западной стороны к Нахапетово ластилось Азовское море, с восточной, вплотную к огородам крайних домов, подступали камышовые плавни. Со стороны Ростова простиралось пространство ковыля и шепота приазовской степи. Свернув с дороги, Абрамкин направился на восток — в камыши. Поравнявшись с огородом крайнего дома, он внимательно оглядел его. Дом как дом: во дворе бегала маленькая девочка с собакой, пожилая женщина сидела на низенькой скамейке возле крыльца и лущила руками початки кукурузы в большой эмалированный таз, доставая их из матерчатого мешка, стоящего рядом с нею. Пригнувшегося среди зеленого чакана Абрамкина не могли заметить, да и вечер, усугубленный пасмурностью, не позволял этого сделать. Надо оглядеть соседний двор, — решил подполковник, натягивая сетку на голову и делая два шага в глубь камыша, — и дождаться полной темноты...

Измощенный, голодный Абрамкин лежал на охапке камыша и раздраженно думал: "Он шел на Одессу, а вышел к Иркутску". Его слегка подташнивало от голода. Подполковник чувствовал себя обманутым и оскорбленным. Краем глаза он заметил возле левой руки какое-то движение и, слегка повернув голову, увидел большого и явно только что поужинавшего ужа, лежащего на поваленном камыше. Реакция подполковника была мгновенной. Раз! И уж меланхолично недоумевает в его руке. Два! И нож "Катран" отсекает ему голову и надрезает кожу. Три! Кожа снята. Четыре! И подполковник Абрамкин впивается зубами в еще продолжающее извиваться тело пресмыкающегося. Тут-то его тихо, осторожно и быстро нейтрализовал боец из спецгруппы "Рысь", приступившей к своим обязанностям по наблюдению за селом Нахапетово, источнику тау-излучения. Подполковник Абрамкин так и отключился с освеженным ужом в зубах...

Дознание, следствие, предъявление обвинения в "хищении локально-осколочного оружия с использованием служебного положения". Сидя в таганрогском СИЗО в ожидании суда и разжалования, подполковник неустанно удивлялся: "Что за безобразия в этом мире творятся".

5

— Слышишь? — Радецкий, лежавший на теплом полу пещеры, приподнял голову. — Кажется, шорох какой-то?

Он показал рукою в сторону ручейка, выбивающегося из-под северной стены пещеры. Ручеек пересекал пещеру переливчатой полоской по неправильной диагонали и скрывался под скальной стеной в южном конце.

— Мини-землетрясение, — даже не шевельнулся впавший в апатию Коперник Саввич. — Или горно-пещерные тараканы.

— Сам ты таракан. — Подполковник Радецкий вскочил и, подойдя к северной стене, приложил к ней ухо. — И вообще зараза апатичная. Послышалось... — Радецкий огорченно оторвался от стены и заходил по пещере, недоброжелательно поглядывая на Коперника Саввича, который, неестественно вывернув шею и раскинув руки в стороны, лежал на спине, подогнув одну ногу в колене, а вторую вытянув прямо. — Ты лежишь в контурно-меловой позе.

— Это как? — спросил Коперник Саввич, по-прежнему не шевелясь и глядя на Радецкого снизу вверх.

— Это когда труп с места преступления в морг отправляют, а вместо него обведенный мелом контур остается.

— А если я буду лежать в другом положении, какая это будет поза? — вяло отреагировал Коперник Саввич и выпрямил подогнутую ногу.

— Знаешь, — Радецкий снова стал ходить по пещере из одного конца в другой, — даже если бы ты был моим партнером по танго, я все равно бы видел в тебе меловой контур трупа, увезенного в морг.

— Интересно, — Коперник Саввич вернул выпрямленную ногу в прежнее положение, — почему все умные, энергичные и профессионально подготовленные к экстремальности люди при вынужденном безделье начинают мыслить как уголовники?

— Дурак ты, Кузьков, — развеселился Радецкий, не прекращая своего бестолкового хождения. — Все люди, рано или поздно, начинают мыслить как уголовники, просто не все это понимают. Я тебе говорю, шорох странный какой-то... — Он замер посредине пещеры.

— Мыши в амбаре, — предположил Коперник Саввич, но тоже приподнялся и прислушался.

Глава вторая

Великолепная и логически оправданная формула “мистика — лазейка для неучей” парадоксально неверна. Образование — это рельсы, ведущие в тупик безнадежности. У образованного и стянутого путами традиционного знания человека есть только одно преимущество перед неучем и дилетантом — он верит в иллюзорного бога науки так, как неуч не может поверить в Бога истинного и неоспоримого. На этом превосходство знания над незнанием и заканчивается. Грохочущий турбинами самолет современного знания летит к четко обозначенной точке Б из точки А, а птица незнания, испуганная мощью летящего железа, все вьет и вьет гнездо для избегающего дорог совершенства...

Тарас Веточкин, Стефан Искра и полковник МУРа Хромов стояли возле ограждения Москвы-реки и пытались понять говорящего Миронова.

— Я чувствую, — Миронов ткнул себя указательным пальцем в лоб, — себя шизофреником.

— Красивое чувство, — поддержал его полковник Хромов, — я солидарен.

— С чем? — удивленно взглянул на него Тарас Веточкин и, достав из кармана брюк раскуроченный мобильник, бросил его за парашют в воду.

— Ну, здарсьте, — огорчился кто-то на воде за парашютом, — мало того, что весь вечер тут как дурак на лодке плаваю, так еще и на голову все подряд выбрасывают.

— Как водичка? — заинтересовался Веточкин, добродушно разглядывая рабочего на выкрашенной в оранжевый цвет лодочке. Рабочий обновлял белую линию уровня на каменной набережной.

— Все нормально, — буркнул рабочий, опасливо взглянув на четверых нетрезвых мужчин, разглядывающих его сверху, — мобильник не граната.

— Эх, — растрогался Миронов, — как точно сказано.

— Точно, — согласился с ним Хромов, — но не правильно. Мобильник может быть гранатой, а вот граната...

— Тоже может быть гранатой, — догадался Миронов и уточнил: — Логику еще никто не отменял.

— Эй, брат, — поинтересовался Веточкин у рабочего, — причем тут мобильник?

— Да я вот линию уровня обновляю, — поежился рабочий и неожиданно громко и очень серьезно, если не сказать профессионально, закричал: — Помогите!

— Тонешь, что ли? — сбросив пиджак на асфальт, Хромов стал перелезать через перила.

— Люди-и! — еще сильнее испугался рабочий, увидев рвущегося к нему на помощь Хромова, и, бросив в воду ведро с краской и кисти, оттолкнулся руками от стенки набережной.

— Ты куда? — удивился Хромов, сидя верхом на перилах и глядя вслед быстро удаляющейся от берега лодке. — Уплыл, — объяснил он, повернув голову к Миронову, который методично, с равными интервалами, встряхивал поднятый с асфальта пиджак Хромова.

— Слушайте, — воскликнул Веточкин, вглядываясь в циферблат наручных часов, — на моих часах двадцать три часа пятьдесят минут. Ночь, одним словом.

— Ну и что, — фыркнул Хромов, — на моих тоже, а они у меня самые точные в мире, точнее эталонных.

— Не пятьдесят минут, а пятьдесят три минуты двенадцатого, — уточнил Миронов, бросив взгляд на свои часы. — Они у меня спешат на три минуты. А в чем, собственно, проблема?

— Смотри, — кивнул головой в сторону ресторана на воде мгновенно протрезвевший Хромов. — Кажется, мы все стали шизофрениками.

Из ресторана “Таверна”, который недавно покинули друзья, высыпали люди. На шоссе, проходящем рядом, стали останавливаться автомобили, водители и пассажиры, как бы робея, покидали салоны и, переглядываясь, растерянно смотрели в небо. Из вблизи расположенных жилых домов повалили на улицу жильцы, стали открываться окна. Вокруг ресторана горели электрические гирлянды, у всех автомобилей были зажжены фары, из квартир через открытые окна ярко лился электрический свет. Почти физически ощущалось, что впервые за всю историю своего существования Москва испытывала растерянность.

— Стой, стой! — неизвестно кого стал останавливать все понявший Миронов. — Мы вышли на улицу, когда уже было темно, ночью.

— Вот именно, — мрачным голосом произнес Веточкин, рассматривая слезящимися глазами полуденное солнце над Москвою...

— Я никогда не доверял августу в Москве, — сообщил уверенный в делах американского посольства морскому пехотинцу, охранявшему двор, — а самой Москве не доверяю в любое время дня, месяца и года, впрочем, как и американской прессе. “Вашингтон-пост” сообщила, что меня назначают новым послом в России, а кончилось тем, что объявили персоной “нон-грата” и высылают. Теперь придется мерзнуть под кондиционером где-нибудь в экваториальной Африке.

— Да, сэр, — невпопад ответил уверенному в делах Либерману морской пехотинец, — странное солнце.

— Ах да, солнце, — спохватился озабоченный служебными перипетиями Либерман, разглядывая полуденное солнце над Москвою в 23.50 местного времени, и, пожав плечами, сказал, не столько охраннику, сколько себе: — Август, что вы хотите.

— Это называется — природный феномен, — терпеливо объяснял Борис Александрович внуку, стоя на лоджии восьмого этажа десятиэтажного дома. — Есть солнечное затмение, а есть наоборот.

— Тогда пошли в зоопарк, — предложил пятилетний Женька, решив использовать природный феномен на полную катушку. — Ты же сам говорил, что завтра пойдем.

— Сейчас — сегодня. — Дед показал на экран телевизора в глубине комнаты с появившимся циферблатом точного времени. — Почти двенадцать часов ночи. Ты уже давно должен спать.

— А солнце, — ткнул пальцем в небо внук, — почему светит?

— На то оно и солнце, — с досадой посмотрел на солнечную ночь Борис Александрович, — чтобы светить.

Всему свое место, свой час. Солнце всегда беспощадно к вечерне-ночному имиджу, а неожиданное солнце тем более. На улицах Москвы вдруг оказалось слишком много карнавального вида уродцев. Макияж женщин, юных и не очень, предназначенный для электрического света и ночи, под полуденным солнцем стал похож на грим, накладываемый на respectable публики, стекающей к ночным развлечениям — клубам, ресторанам, театрам, барам, казино, — под солнцем приняло нафталиново-паноптикумный отталкивающий вид. Бриллианты, застигнутые врасплох, потеряли драгоценное мерцание тайны и блудливо засверкали стеклянноплутовой фальшивостью. Казавшиеся умными, энергичными, оригинальными и сексуально-привлекательными вечерне-талантливые люди богемно-мажорного типа под лучами парадоксального солнечного полдня резко сморщились, помрачнели, умственно сникли и лихорадочно начали искать освещенную электричеством темноту...

“Интересно, — подумал директор ФСБ, разглядывая из окна кабинета солнечную ночь, — причастны ли к этому мои люди?”.

Он подошел к столу и соединился с секретаршей:

— Анна Сергеевна, какое время суток сейчас в США?

— Ночь, — коротко ответила ему секретарша.

Глава третья

1

Паники пока не было. Слишком грандиозным и неожиданным предстал перед человечеством феномен солнца. Ничего особо страшного не произошло, там, где ночь, воцарился день, там, где люди готовились к обеденному ланчу, обнаружилось, что они чересчур долго готовились и пора думать о глотке виски на ночь. Застигнутое врасплох дневное небо США и незаконно захваченное ночью население второй половины земного шара, включая наш Петропавловск-на-Камчатке, целых четыре секунды могли видеть в небе два месяца — один растущий, а второй убывающий, хотя на самом деле это был период полнолуния. Растущий месяц был цвета начавшей краснеть вишни, а стареющий, как Земля из космоса, был голубым. Через четыре секунды это недоразумение задернулось густой и низкой облачностью. Но паники по-прежнему не было. Лишь в Аргентине произошел случай коллективного суицида, застрелились пятнадцать членов астроно-

мического общества, но, как выяснилось позже, они были членами не астрономического общества, а тоталитарной секты Муна-третьего, и рано или поздно все равно бы застрелились, независимо от смены дня и ночи и расположения лун на небе.

Совершенно необъяснимо повели себя СМИ. Они молчали. Только по каналам СНН в сводке погоды улыбающаяся диктор сообщила: “Сегодня вы можете наблюдать облачную ночь вместо солнечного дня. Такое случалось и раньше. Еще Ницше говорил, что ночь — это тоже солнце. Такое явление очень естественно для Земли и происходит раз в сотни тысяч лет. А сейчас встречайте Лару Крофт, она вам объяснит разницу между женщиной в купальнике “змейка” и женщиной в купальнике модели “ультра”.

Контанио Джидо, конгрессмен, владелец “Вашингтон-пост” и ряда других авторитетных изданий Америки, дзог предварительного посвящения, отмахнулся от осаждающих его главных редакторов потрясающей фразой:

— Я вас всех уволю. Вы хотите ввести в заблуждение граждан США. Выгляните в окно, на улице ночь. При чем здесь день?

С этим трудно было спорить, и все владельцы мировых СМИ были солидарны с Контанио Джидо. Ночь есть ночь, а день есть день.

Директор ЦРУ переговорил по линии правительственной связи с директором ФСБ.

— У вас какое время? — спросил директор ЦРУ.

— Ночь, — коротко ответил ему Волхв, разглядывая через окно солнечный московский день.

— А у нас — день, — похвалился директор ЦРУ, включая настольную лампу.

Главы государств быстро обменялись своими мнениями по поводу неадекватного поведения дня и ночи и приняли общее решение: “Ничего не произошло”.

2

Бледные демиурги, гости из Рааая элохимы, дзоги и жители подземной страны гениев напряженно погрузились в ожидание. Они понимали, что смена дня на ночь и наоборот — это демонстрация силы “лунных бабочек”. Правители земной и человеческой цикличной жизни, аварийный экипаж звездной бригантин “Солнечная система”, понимающие, что для того, чтобы правильно жить, нужно научиться правильно умирать, были смущены. Демонстрация силы их впечатлила и озадачила вопросом: “Как действовать?”. Ведь еще не было даже известно, как поведет себя Черный Будда-Антихрист в условиях свободы и непредсказуемого мыслетворения. Мнение инертной, управляемой и жалко-похотливой шестимил-

лиардной толпы, по имени Человечество, хозяев Земли не интересовало, было лишь одно "но"... "Лунные бабочки" пришли не к хозяевам...

Само собой, возникновение дня посередине ночи и вхождение ночи в солнечный день было не пошлой демонстрацией силы аолизтных лаоэров, а жесткой производственной необходимостью. Таким образом открывались пульсационно-пространственные проходы и дисциплинировалось вторичное время поверхности. Стефан Искра понимал вдумчивый шок своих нетрезвых друзей, увидевших солнце в ночи, но был уверен, что этот шок будет недолгим.

— Тарас, — Хромов упер руки в бока и стал похож на профессионального скандалиста, — и ты, Стефан, — полковник с негодованием повернулся к Стефану Искре. — Опять ваши фэ-эсбэшные шуточки? Опять вы в стадии эксперимента? Куда подевалась ночь, я вас спрашиваю?

— Это белая горячка, — прямолинейно высказался Мионов и, сделав шаг в сторону Хромова, с чувством произнес: — Я с тобой, Леонид.

— Куда? — опешил Хромов, увидев в глазах Миронова готовность к подвигу, жертве и самоотдаче. — Я никуда не иду. И вообще, стой пока на месте, — посоветовал он пьяному другу и посмотрел на Веточкина, ожидая ответа.

— Ну знаешь, Ляня, — возмутился Тарас Веточкин. — Ты думаешь, что говоришь? Зачем ФСБ солнце среди ночи, если оно иногда даже днем надоедает?

Аргументы Веточкина не выдерживали никакой критики. Он сам это понял и поэтому, позаимствовав у Хромова позу профессионального скандалиста, стал рядом с ним, лицом к Стефану Искре, и с упреком посмотрел на него. Мионов, удивленный такой постановкой вопроса, тоже упер руки в бока и, повернувшись спиной к друзьям, с возмущением взглянул на желтоглазого, похожего на карточного шулера, кота, идущего по парапету Москвы-реки с видом респектабельного пройдохи. Но почему-то Мионов был похож не на профессионального скандалиста, а на флегматичного человека, который уложил свои сумки в багажник автомобиля, остановившегося перед ним под видом такси и сразу же уехавшего, оставив его без багажа, посередине шоссе.

— Видите ли, — сказал Стефан Искра, — я бы все объяснил, но в этом нет никакого смысла. Хотя, — пожал он плечами, — давайте попробуем.

Стефан Искра сделал полшага в сторону и словно бы вошел в стену, половина его тела исчезла, а половина осталась...

... — Пришли, — равнодушно произнес призрак-хранитель московского Кремля, сиренево-влажным лучом возникая посередине Георгиевского зала. — Я уже устал вас ждать среди этого занудства и скуки по имени Время.

— Катастрофа была неожиданной, грубой и странной, — ответил аолиэтный лаоэр, принявший образ в диапазонном времени призраков, — пришлось срочно накладывать пластырь времени, но скоро этому придет конец.

— Черный Будда, — вздохнул вест, — еще они его называют Антихристом.

— Уберем пластырь времени, посмотрим, как они подготовлены к его отсутствию. — Свет слов аолиэтного лаоэра отражался в паутинообразной сиреневой структуре кремлевского веста. — Слишком долгое прозябание в режиме добра и зла дезориентировало всех землян, демиурги и элохимы не исключение, тем более, что они не знают докатастрофного периода и всех узоров хаоса.

— Мне все равно, что время, что безвремяе, — бликующим шепотом проговорил вест. — Я устал от повторений и смыслов.

...— Белая горячка, — уверенно произнес Миронов, увидев половину туловища друга без второй половины. Он гордо вскинул голову, опустил руки по швам и, сделав шаг в сторону разделенного Стефана Искры, произнес:

— Я с тобой, Стефан...

3

Именно в этот момент встречи аолиэтного лаоэра с вестом, фантомопаутинообразным существом агнозийской власти седьмой параллельно-галактической степени, Стефан Искра вспомнил о прошлом так, как будто он с ним никогда не расставался, как будто смертельной контузии и вмешательства в его мозг и прошлое Алексея Васильевича Чебрака не было. Он вспомнил свое имя — Василий, фамилию — Корнеев. Вспомнил имя отца — Иван и родину своего детства — Алтай, маленькое село Ручейники. Память вернулась, но Стефан Искра не обратил на это внимания, ибо его, как аолиэтного лаоэра, больше интересовали возможные последствия для Земли после снятия с нее пластыря времени, и, как начальнику кадров ОМ ФСБ России, ему необходимо было изыскивать возможности взять ситуацию под контроль. Плюс ко всему, он стал понимать и видеть все наслоения транзитно-корневых жизней Земли, чаще всего уникально-сформированных, созидательно-опасных и разрушительно-благодетельных. Плюс к этому, он четко понимал свою исключительную власть над этими жизнями и столь же четко понимал, что ему, Стефану Искре, эта власть не подконтрольна...

— Хватит, — решительно помахал рукою видимой половине Стефана Искры вмиг отрезавший и сразу же сориентировавшийся в ситуации Тарас Веточкин, — выходи, ты не на службе. Теперь понятно? — обратился он к застывшему в позе оскандалившегося скандалиста Хромову с видом человека,

для которого такие мелочи не требуют никаких объяснений: — Такие явления объяснить невозможно, а ночь есть ночь, придет время, и она вернется. Сейчас, кстати, день, при чем здесь ночь?

— Ну да, — согласился с ним Хромов, доброжелательно глядя, как Стефан Искра выводит свою вторую половину из не известного ему пространства. — Я знаю, не первый день в МУРе работаю.

— При чем здесь МУР? Я тебе о дне среди ночи говорю.

— Нормальный день, — отмахнулся от него Хромов и вкрадчиво поинтересовался у полностью материализовавшегося Стефана Искры: — Слушай, Стефан, а слабо тебе узнать, кто заказал предпринимателя Рудакова из Кунцевского района и его бухгалтершу Соляковскую, или, — Хромов увлекся, — вот можешь сразу сказать имена, фамилии и адреса гадов, что вчера бомбанули хату коллекционера Бабкина на Тверской? А то меня начальство поедом ест, жизни никакой нет...

— Эй, мужики, — донесся до них голос подплывшего к паплету рабочего. Он держал в руке раскуроченный, но, как оказалось, настойчиво действующий мобильник Веточкина. — Вам звонят.

— Надо же, — Тарас Веточкин покачал головой и, наклонившись к рабочему, взял из его рук мобильник, — какая крепкая хреновина.

Еще в ресторане, после второй бутылки коньяка, Хромов поспорил с Веточкиным, что раздавит мобильник, сжав его в кулаке, и выиграл этот спор.

— Да, — осторожно поинтересовался Веточкин у телефона, бережно держа его двумя пальцами возле уха, — я слушаю. — Выслушав сообщение, он оглядел мобильник со всех сторон и решительно выбросил его в реку, тут же совестливо спохватившись: — Черт, надо было додуть его и в урну бросить, а не реку загрязнять. — Затем обратился к Хромову: — Забудь о смерти Рудакова и Соляковской, им это уже абсолютно до лампочки. Приказом министра внутренних дел, который выполняет распоряжения президента, ты переведен на службу в отдел модификаций ФСБ, и я, — Веточкин ошарашенно встряхнул головой, — твой начальник.

— И я с вами! — громко напомнил о себе Миронов.

4

Этому событию предшествовало секретное совещание в развернуто-лучевом комплексе "Ч".

— Интересная планета Юпитер, — задумчиво произнес президент России, склоняясь над картой звездного неба, выполненной в объемно-цифровом изображении на поверхности совещательного стола в бункерном кабинете на глубине две

тысячи метров под центром управления космическими полетами в подмосковном городе Королеве... Держа в руке стержень пульта, он "пододвинул" к себе участок "К-7" пояса астероидов между Марсом и Юпитером. — Забавно, что пояс астероидов возник, как разделительная полоса между Меркурием, Венерой, Землей и Марсом — планетами земной группы, и Юпитером, Сатурном, Ураном, Нептуном и Плутоном — планетами неземной группы. Кстати, — совершенно неожиданно вернулся на землю президент, обращаясь к министру внутренних дел, — разве МВД обязано заниматься океаном? Почему вы зачислили в штат океанологов Стронгина, да еще и на ставку начальника следственного отдела?

— Ну, это, как его... — От неожиданности министр внутренних дел развел руками и произнес нечто несуразное: — Если не мы, то кто?

— Ладно, — махнул рукою президент, — спасибо, что поддерживали ученого, а теперь пусть он идет под крылышко Михаила Григорьевича. Приказ я уже подписал. Океаном, Юпитером и антитеррористической деятельностью у нас будут заниматься Волхв и Дождь Николай Олегович.

— Вообще-то, он и у нас хорошо себя чувствовал, — попытался сохранить "выход на океан" в своем ведомстве министр внутренних дел, приводя способные обескуражить кого угодно доводы. — С полковником Хромовым Леонидом Максимовичем, лучшим оперативником России, сдружился, планы по Атлантике вместе с ним составляли.

— Хорошо, — пошел навстречу министру президент и почему-то кивнул головой директору ФСБ. — Пусть и Хромов переходит в отдел модификаций ФСБ, уговорили. — Он улыбнулся, склоняясь над настольными звездными картами, и вернулся к разговору о Юпитере. — Мне не совсем понятен принцип посадки на Юпитер. Если у планеты нет твердой поверхности, тогда что там есть?

— Газообразный водород атмосферы, — готовно ответил научный руководитель космических программ России, академик Борнео Наум Васильевич, автор теории о Солнечной системе как инженерном сооружении. — Постепенно он переходит в жидкую, а затем и в твердую, металлическую, фазу. Это абсолютно необычное агрегатное состояние водорода. Оно связано с резким увеличением давления по мере погружения в атмосферу планеты. Всего лишь на глубине 0,9 радиуса планеты давление достигает сорока миллионов атмосфер. Магнитное поле Юпитера на много порядков превосходит земное при обратной полярности, но... из всех планет земной группы лишь одна Земля имеет радиационный пояс планеты неземной группы — Юпитера. Это говорит о родственности Юпитера и Земли. Мы как бы сильно ослабленная копия его, фантомная частица, ибо радиационный

пояс Юпитера в десятки тысяч раз интенсивнее земного. Из всех планет Солнечной системы лишь только на Юпитере и Земле наблюдаются полярные сияния, связанные с прорывом заряженных частиц из радиационных поясов в атмосферу, и лишь только на наших двух планетах существуют грозы.

— Майские грозы Юпитера, — восхитился президент. — Интересно было бы посмотреть и послушать гром и молнию планеты-гиганта.

— Тогда нужно предположить, что на Юпитере вечный май. — Опытный Наум Васильевич одновременно настоял на истине и сделал реверанс в сторону главы государства. — Там ось планеты почти перпендикулярна к плоскости ее орбиты и нет смены времен года.

— Вечная весна, — прищурил глаза глава ГРУ Дождь Николай Олегович. — Как хорошо вы знаете Юпитер, черт бы вас побрал, заодно бы и объяснили, почему у нас по ночам светит солнце?

— Вот именно, — покивал головой президент, то удаляя, то приближая пультом к себе галактики и созвездия настольно-объемной карты. — Только вы как ученый высказываете свои предположения, а не как особа, приближенная к императору. Вы представляете, — глава государства обвел взглядом присутствующих, — в ту ночь, когда наступил день, мне восемь человек из администрации сказали, что таким образом меня приветствует небо. — Взгляд президента стал жестким. — Я их всех уволил, даже не смотря на то, что солнце среди ночи в предвыборный год — действительно неплохая пиар-акция.

— О, поверьте мне, — понимающе улыбнулся Наум Васильевич, — в этом явлении нет ничего удивительного и сложного. Есть всего три варианта, способных вызвать такой феномен: или прекращение вращения Земли вокруг своей оси, или проявление самостоятельности Солнца, решившего покинуть свое место и застать теневую сторону врасплох, или третий вариант, паранаучный, но я, как представитель официальной науки, отвергаю его с порога, даже несмотря на то, что первые два варианта также невозможны, хотя, — Борнео глубокомысленно вздохнул, — возможно все.

— Вот! — неожиданно оживился присутствующий в бункер-резиденции министр финансов, вскакивая с кресла и тут же падая в него обратно, неловко зацепившись карманом пиджака за деревянный подлокотник выполненного в стиле аскетического соцреализма кресла. — Такие у нас в науке дела. Просят выделить им на развитие девять миллиардов рублей в год, а сами мозги людям такими вот фразочками пудрят. Да я за девять миллиардов в год, — вновь разволновался, вскакивая с кресла и снова падая в него, министр финансов, — столь-

ко таких слоганов придумаю, что ой-ой-ой. Например, вкладывая в развитие науки рубль, взамен вы получаете возможность вкладывать в нее сто рублей и так далее, пока какой-то идиот с воспаленными от гениальности мозгами не разберет людей на запчасти для обслуживания биороботов, которые при создании избежали знакомства со сперматозоидами. — Министр как заговорил неожиданно, так неожиданно и замолчал.

— Он у нас консерватор, — объяснил ученому президент, — за государственную копейку удавится.

— Да он и за свою удавится, — стараясь, чтобы его никто не услышал, буркнул глава СВР.

— За свою он не удавится, а удавит, — поправил его Дождь и постарался произнести свою фразу еще тише.

— Ему без разницы, за чью копейку, свою или государственную, удавливать, лишь бы удавливать, — вмешался в разговор Волхв.

— Умники, — повернул к ним голову президент, — помолчите, пожалуйста. — Он обратил взгляд к Борнео: — Ну и что говорит об этом явлении паранаука?

— Она говорит, что таким образом проявляется зеркальная параллельность, искажающая время и пространство, — попытался объяснить необъяснимое смутившийся Борнео.

— Понятно, — кивнул головой президент, — давайте лучше поговорим о реальном. Нужно ли России самостоятельно готовиться к полету на Юпитер, что чревато падением уровня жизни граждан государства, или осуществлять совместный проект с американцами?

5

Президент России знал ответ на этот вопрос. На него ответил сам ход развития космической отрасли. Самостоятельно страна могла действовать, лишь напрягая свои экономические, научные и психологические мышцы, да и то на уровне околоземной орбиты и “закладывания” к планетам солнечной системы то искаженно слышащее “ухо” наподобие АМС (автоматического спутника) “Магеллан”, осуществившего радиолокационные съемки поверхности Венеры, то далеко не зоркого “глаза”, наподобие космического телескопа имени Комарова, принцип действия которого полностью скопировали американцы для своего КТХ — космического телескопа имени Хабблa. Качественный рывок во Вселенную Земля могла осуществить, объединив все силы. Но для этого необходимо обрести спокойствие, унять амбиции неразвитых стран и народов, хотя бы путем их уничтожения, создать единое системное государство из развитых стран мегаполисного типа, вывести новый тип биоэлектронного человека... “Жутковато-заманчивая перспектива, — подумал президент, глядя на Бор-

нео Наума Васильевича в ожидании ответа, который он знал. — Все как будто правильно, глобализация на уровне науки и техники необходима для познания Вселенной, но кажется мне, что это будет ложным познанием”.

— Юпитер в одиночку взять невозможно, — ответил президенту Наум Васильевич, — но на уровне подготовительного этапа самостоятельность необходима, хотя бы для того, чтобы избежать общих ошибок.

— Я понял вас, Наум Васильевич, садитесь, — произнес президент.

— Вот видите, уже Юпитер, — наконец-то вышел из шока министр внутренних дел, — а вы у меня Хромова хотите в ФСБ перевести, одного из самых лучших сыщиков планеты.

— И Стронгина, — напомнил ему президент, — лучшего океанолога земного шара.

Глава четвертая

1

В подземном научно-промышленном комплексе “Янки” кипела работа. Творцы “Хазара” были так одержимы ею и так привыкли к подземному существованию, что их не волновало поведение дня и ночи на поверхности...

— По-моему, сейчас должен быть день, — пожал плечами Джон Карри, — но мне сказали, что вернулась ночь.

— Ах, — вздохнула Клэр Гатсинг, — я бы с удовольствием вернула ту ночь в Акапулько.

— Какую ночь? — с недоумением посмотрел на нее Джон Карри. — Мы не были с тобою в Акапулько.

— Милый, — вновь вздохнула Клэр Гатсинг, — при чем здесь ты?

— Ты права, — охотно согласился Джон Карри, — я здесь ни при чем, тем более, что ночи в Акапулько, говорят, слишком душные. Пойдем в альфа-ангар, — предложил он Клэр Гатсинг. — Арчибальд Соукс уже там, сегодня принимаем центральный отсек “Хазара”.

— Арчибальд Соукс, — задумчиво проговорила Клэр, — я вся в экстазе от этого сенатора и вся в экстазе от службы национальной безопасности, заявившей, что у них нет полномочий для разработки сенатора США.

— Арчи хороший парень. — Джон Карри уже признал в Соуксе коллегу и поэтому считал его вне критики. — Хотя, — засомневался он, — в нем, конечно, есть нечто непрочисляемое.

— Юпитер, — Клэр Гатсинг редко тратила время на выслушивание своего жениха и начальника, ставшего первым, благодаря второму, — и наш “Хазар” нужно проверить на совместимость.

— Полетим и проверим, — не стал вдаваться в подробности Джон Карри.

— Джон! — властно одернула его Клэр Гатсинг. — Без меня ты никто, поэтому разговаривай со мной внимательно...

Да, Клэр Гатсинг была человеком-гением и экстремально-сексуальной женщиной. В ней было что-то от грехопадения, без которого не осуществилось бы творение. Над ее мыслями, телом и словами властвовала затаенная и чрезвычайно эмоциональная неудовлетворенность. Если она брала в руки бокал шампанского и, подержав его, уходила, оставив на столике, вошедший после нее в кабинет мужчина, не ведающий, что здесь только что была Клэр, возбуждался при виде бокала и в панике бежал на прием к штатному психосексологу объекта "Янки". Эта особенность Клэр так приглянулась СНБ, что они взяли ее под свое покровительство. Впрочем, Клэр Гатсинг покровительствовало не только СНБ. О ее здоровье и настроении регулярно спрашивались президент США и народ Америки. Она была символом всех феминистских организаций мира и отнюдь не за то, что могла возбуждать мужчин и женщин при помощи предметов, побывавших в ее руках, нет. Истинную славу и блеск Клэр Гатсинг составляли ее гениальность и изощренная исследовательская отвага. Это Клэр предположила, а затем и доказала глупость нашего разделения времени на прошлое, настоящее и будущее. Оказывается, время напоминает однородный стеклянный шарик, вокруг которого океан безвременья, экспериментирующего со временем. В однородности времени прошлое и будущее может быть только настоящим. Предаваясь воспоминаниям о своем детстве, юности, мы попадаем, благодаря памяти, в ложную зависимость от ложного течения времени, а моделируя будущее и предполагая в нем свое умирание, мы умираем не спустя некоторое время, а здесь и сейчас. На самом деле мы не рождаемся и не умираем, это все шуточки безвременья. Одним словом, Клэр Гатсинг додумалась до того, до чего может додуматься только женщина, наполненная гениальной неудовлетворенностью.

Эта теория была бы голословной. Но Клэр Гатсинг, используя грубые достижения современной цивилизации, попробовала измерить пространство внутри человека на клеточном уровне с помощью прибора "Актуалий" биоэкранирующего действия. Этот прибор, выращенный Клэр из психосубстанции-информационной мли-клетки мироокеанного планктона, уже более десяти лет применяется в науке и считается наиболее точным и быстрым в определении объемно-безлинейных расстояний. Запущенный в младенца через рожницу, спутниковый зонд "Актуалий" вживился в шифры клеточно-генетических пространств человеческой плоти и начал выводить их постепенную расшифровку через разведспутник ЦРУ на монитор в кабинете Клэр Гатсинг. Через пять лет после рождения ребенка молекулярный спутник-

зонд "Актуалий" наткнулся на скопление клеток, поглощающего притяжения, и, передав сигнал бедствия, исчез, но информации было уже более чем достаточно. Самое потрясающее, что клетки человека хранили в себе память своего возникновения, и эта память, в полном смысле этого слова, была "обжигающей".

Оказывается, когда-то, в своем невообразимо первичном существовании, человек, то есть все мы, возникли при температурном режиме в 666 тысяч кельвинов. Клетка запомнила это навсегда, и "Актуалий" бесстрастно зафиксировал вид этой памяти, напрягшей всю мировую науку настолько, что восемнадцать лауреатов Нобелевской премии, среди которых были биологи, химики и физики, отказались от служения науке, отреклись от своих имен и ушли в глубины своих вероисповеданий. Но это было еще не все. При таком температурном запечатлении памяти клетки человека уже не могли воспринимать земную информацию. Нельзя, побывав в центре Солнца, реагировать на пламя спички. Это говорило о том, что наша память о вчерашнем дне абсолютно недостоверна. Но самым необыкновенным и обескураживающим в открытии Клэр Гатсинг было то, что запечатленная (неподвижная) информация, считанная с человеческой клетки, напоминает фотографию Большого Красного Пятна на Юпитере. Более того, НАСА владеет информацией о том, что температура вблизи центра Юпитера достигает 666 тысяч кельвинов, а в самом центре 999 тысяч кельвинов. Еще в 1979 году АМС "Вояджер-2" дал возможность ученым рассмотреть некоторые детали атмосферы Юпитера, но вещество, находящееся под облачным слоем планеты-гиганта, так и осталось недоступным наблюдению и пониманию. Тем не менее, ученым доподлинно известно, что Юпитер излучает в два раза больше энергии, чем получает от Солнца, а это говорит о том, что планета обладает собственным источником энергии. Но даже не это толкнуло российскую и американскую космонавтику на подготовку полета к Юпитеру, а то, что человек тоже выделяет в два раза больше энергии, чем получает от Солнца, и, следовательно, в каждом человеке спит Юпитер-память о нем.

— Клэр, прости меня, конечно, но как можно проверить "Хазар" на совместимость с Юпитером без его встречи с ним?

— Никак, — удивленно посмотрела на Джона Клэр Гатсинг. — С чего ты взял, что это возможно? Мы, кажется, говорили о странной трансформации дня в ночь и об Арчибальде Соуксе, который ждет нас в альфа-ангаре, где сегодня принимают центральный отсек "Хазара".

— Ах да, ночь, — задумчиво проговорил Джон Карри, — Клэр, это очень серьезное явление, это невозможное явление.

— Конечно, — кивнула Клэр Гатсинг, — нас о чем-то предупреждает Провидение.

Она так произнесла “нас о чем-то предупреждает”, что любому стало бы ясно, что она имеет в виду не человечество, а себя лично.

2

Арчибальда Соукса не было в альфа-ангаре. Его вообще не было в подземно-научном городе. Он находился в шестидесяти километрах от охраняемой зоны “Янки” и в десяти от федерального шоссе Эйч-Ю и рассматривал звездное небо, несвоевременно раскинувшееся над удивленной пустыней штата Аризона. Здесь не успевшая приспособиться к внезапно нахлынувшей ночи пустыня была похожа на глухонемое вдохновение еще не родившегося музыканта. Она звенела от переполненности мелодиями небесных сфер, звуки которых мы называем тишиной. Арчибальд Соукс поднял к небу лицо и, став аолиэтным лаозром, шагнул из аризонской пустыни в Ростовскую область, Неклиновский район, село Нахапетово. При этом он слегка потревожил нервную систему двойниковой параллельности, которая волнообразно, словно в ознобе, вздрогнула, и вместе с нею вздрогнули все эмпирически-вдохновенные женщины Земли, связанные звездной судьбой с Лисоокой Ундиной. Были сброшены с неба на землю два военных истребителя в Италии, один в Белгородской области России, пассажирский лайнер со ста двадцатью пассажирами в Индии, началось землетрясение в горах Афганистана и вновь заработало сердце у московского пенсионера, отравившегося некачественным алкоголем, Зигфрида Булгаковича Травкина, и он пережил страшные мгновения вторичного умирания на глубине чуть более полутора метров в песчано-глиняной почве, так как несколько часов назад был оплакан и похоронен женой, сыном и двумя дочерьми. А так же пришли в неописуемое волнение все астрономы мира, ведущие наблюдение за звездами из своих обсерваторий. Вселенная на мгновение приобрела другую форму, цвет и структурность, но мгновение было настолько мимолетным и не фиксируемым фотосистемами обсерваторий, что все ученые подавили в себе это волнение и постарались забыть, дабы не быть обвиненными в профессиональной некомпетентности. Лишь автоматика околосемного телескопа имени Хаббла выдала в Хьюстонский центр сигнал “Аномальный сбой”, но тотчас пришла в норму и заработала в обычном режиме.

3

До “Великой Катастрофы” на месте нынешнего пояса астероидов в Солнечной системе существовала еще одна планета. Располагалась она между Марсом и Юпитером и называлась планета — Янус, а около Земли еще не было Луны. И вообще, все было несколько иначе. Периоды вращения Земли, Марса,

Януса и Юпитера вокруг своей оси совпадали с их обращением вокруг Солнца. Янус был всегда обращен к Земле и Марсу одной стороной, а к Юпитеру другой и был схематически-парадоксальной планетой, которую можно было отнести к планетам земной группы (Меркурий, Венера, Земля, Марс) и к планетам неземной группы (Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун и планетарный астероид Плутон). Это было хорошее время для Земли и всей Солнечной системы. Не было цикличности, не слышалось неотвратимого “тик-так, тик-так”, все было светлым и радостным, все было безначально-первородным и улыбочиво-свежим. Никто не знал о существовании зла по имени “Начало” и беспросветной неизвестности по имени “Конец”. Всем этим нас заразило чужеродное безначалие. Мы пересеклись с орбитой чужого творца бесконечности. Мы уже забыли, как выглядит лазоревая гавань, из которой выплыла наша звездная бригантина “Солнечная система”, но если бы вы знали — люди! — какими мы были лучезарными в первоисточнике...

— Ничего себе, современная цивилизация, — возмутился Чигиринский, рассматривая Нью-Йорк с восемьдесят восьмого этажа небоскреба “Пауэл-Твикс”, компании “Спейс-Компакт”, выпускающей продукты питания для астронавтов НАСА и кухни президента США. — Даже кофе, — он с отвращением посмотрел на пластиковый стакан с кофе в руке, — и то приготовить не могут.

— Ладно тебе, Фима, — шевельнулся в кресле худощавый человек хасидской внешности. — Демонизирование жизни и разума не оригинально. Этим начали заниматься еще во времена эллинов.

— Эллинов? — скептически переспросил Ефим Яковлевич. — Надо же, а я думал, что это прерогатива имов, то бишь фараонов.

— Там владели первоисточником на элитарном уровне, а греки осознали это на уровне демоса. Такое знание делает демона даже из ангела.

— Забавно, — хмыкнул Ефим Яковлевич, — демоны Эллады переориентировали ангелов Европы, начав с Рима, дабы римский бык таранил им дорогу к христианству, основному элементу глобализации...

Чигиринский бросил взгляд в сторону “Нонкома”, два года назад ставшего культовым небоскребом Америки и всего мира. Триста пятьдесят метров сплавно-структурного бетона, стекла и obsидиановой стали, взметнувшихся ввысь. Со свойственной для США манией к эпатажной безоглядности, периодически сменяющейся строгой предусмотрительностью, одну сторону “Нонкома”, повернутую к “Пауэл-Твикс”, отдала распятию. Иезуит-дизайнер, получив благословение нынешнего Папы Римского, объемно, по-голливудски броско и кра-

сочно, “распял” изображение Иисуса Христа на всех трехстах пятидесяти метрах небоскребной высоты, и возведенный в ранг человекоподобной божественности образ Закона Взаимосвязи с мучительно-печальной насмешливостью взирал на самоуверенную обреченность Нью-Йорка.

... — И ты и я знаем, что не все так однозначно. — Человек в кресле шевельнулся и совершенно необъяснимо перестал быть похожим на хасида. — Как хорошо и трогательно было бы делить все сущее лишь на добро и зло — курорт был бы, а не жизнь.

— Конти. — Чигиринский отошел от окна и насмешливо посмотрел на своего собеседника. — Ты еще расскажи мне об угрозе Западу со стороны России и геополитических интересах США. Тебя сделали главой ЦРУ не для добра и зла, а для того, чтобы ты следил за процессом на подведомственной тебе территории Северной Америки. Ты же не ловишь мышей. Куда исчез Арчибальд Соукс, сенатор США, между прочим, прямо из суперохраняемого полигонно-промышленного космодрома “Янки”?

— Фима. — Собеседник Чигиринского, оказавшийся директором ЦРУ с тайным именем Конти, поднял руки. — Я, кажется, сошел с ума. Во всем виновата перетасовка дня и ночи. Соукс поднялся на поверхность и куда-то пропал. Да так пропал, что даже не хочется распространяться на эту тему.

— Говори, говори. — Чигиринский с недоумением посмотрел на директора ЦРУ. — Что значит, куда-то пропал? Разве имеющие допуск в “Янки” не облучены для глобального контроля?

— В том-то и дело, что облучены. — Конти так разволновался, что продолжал держать руки поднятыми вверх. — Когда Соукс вышел на поверхность, офицер-оператор зафиксировал время — пятнадцать часов пятьдесят минут. А через минуту спутник, фиксирующий перемещения людей, имеющих допуск в “Янки”, выдал на монитор информацию, что седьмой объект, сенатор Соукс, находится в квадрате “Эйч-Ю-Азов”.

— Дурдом какой-то, — опешил ничего не понявший Ефим Яковлевич. — Опустите руки, — посоветовал он главе ЦРУ, — и говори нормально. “Эйч-Ю-Азов” — это название бара?

— Нет, — отрицательно покачал головой Конти. — Это на юге России, в районе Азовского моря. Из Аризоны туда за две минуты даже во сне не добежать. Спутник врет.

— Спутник не врет, он честный парень, это Соукс шустро передвигается.

— Что? — не понял директор ЦРУ, с недоумением глядя на Ефима Яковлевича.

— Ничего, — отмахнулся от него Чигиринский и на всякий случай объяснил: — От Азовского моря до Одессы — рукой подать.

Глава пятая

1

Время песка, время пространства, время Тибета. Глубокий вздох гор и нечто хрустально-шарообразное возникло посередине пещеры. Подполковник ГРУ Радецкий пытался проснуться, но это было невозможно, потому что вокруг его сна был еще один сон, густой и звонкий, словно призрак тысячи серебряных колокольчиков внутри обычной галлюцинации.

Радецкий обреченно вздохнул во сне, принял позу эмбриона в чреве матери и тут же столкнулся с обескураживающе грубой и хорошо знакомой ему реальностью, не имеющей ничего общего с чудом сновидения.

Разведчики спецгруппы ГРУ "Рысь", осуществлявшие наблюдение за селом Нахапетово, не стали размышлять о причинах появления человека в странном одеянии, а приняли его за демаскировавшегося противника, которого нужно нейтрализовать и задержать до выяснения личности. Их немного удивил профессионализм сопротивления, оказанного человеком, только что лежащим в позе "колени в подбородок". Он мгновенно распрямился, откатился, вывернулся, нанес удар и утихомирился. Спецгруппа "Рысь", в конце концов, не оцепление внутренних войск, занимающихся проверкой документов...

Вскоре Радецкий оказался в областном УФСБ города Ростова-на-Дону. На вопрос следователя: "Какого черта вас занесло в плавни под Нахапетово?" — он брякнул первое, что попало на язык: "Ужей ловил на продажу".

Радецкий решил притворяться кем угодно, даже блуждающим ужеловом, пока не разберется в ситуации. Все-таки заснуть в пещере под Лхасой в Тибете, а проснуться в плавнях под Нахапетово требует неспешного и глубокого осмысления.

— Еще один ужелов, — почему-то обрадовался следователь, и, вызвав конвой, отправил задержанного в камеру, напоследок задав вопрос, который он должен был задать в первую очередь: — Как ваша фамилия, имя, отчество?

Радецкий, с самого начала понявший, что следователь никакой не следователь, а спецслужбовский "яйцеголовый" интеллект, готовый кастрировать собственного отца и сына ради науки, с достоинством ответил:

— Зовите меня просто Виталиком "Гастролером"...

Как ни странно, но в оперативных ориентировках по Ростовской области действительно проходил под многочисленными фамилиями некий брачный аферист Виталик "Гастролер", в последний раз "подженившийся" в Таганроге на Вострещевой Алле Юрьевне, владелице ателье "Мечта", и оставивший ее без золотых украшений, тридцати пяти тысяч долларов и веры в мужскую порядочность.

Из УФСБ Радецкого передали в руки уголовного розыска и перевели в ростовское СИЗО. Во время следствия обнаружилась прямая, можно сказать, демонстративная, связь между подполковником Абрамкиным и бесфамильным Гастролером. Об этом говорило совершенно необъяснимое, но явно указывающее на общие дела совпадение интересов. Во-первых, и тот и другой были задержаны в плавнях под Нахапетово, один с ужом в зубах, а второй только охотился. Во-вторых, когда по такому случаю Радецкого этапировали в таганрогское СИЗО, произошло невероятное событие. Алла Юрьевна, приглашенная в управление внутренних дел города для опознания "экспресс-мужа", опознала его.

— Виталик, — с укором сказала она обалдевшему разведчику и диверсанту, — зачем ты это сделал?

— Что? — попытался прояснить ситуацию Радецкий, начиная подозревать, что он продолжает спать в тибетском зиндане. — Что я сделал тебе, женщина?

К слову сказать, Алла Юрьевна действительно была женщиной. У нее все было плавным, объемно-гибким и стремительно-энергичным, с легким налетом скрываемой испушенности.

— Я помню, что вы со мной делали по ночам, — неожиданно для присутствующих на опознании Самсонова и Басенка разоткровенничалась обычно сдержанная Алла Юрьевна. — Ты и Абрамкин. Они в паре работают, — сообщила она Самсонову и, всплакнув, добавила: — Особенно ваш Абрамкин.

2

— Баба врет, как реклама по телевизору, — сказал полковник Самсонов Степе Басенку, когда они остались в кабинете одни. — И слава Богу. Я тут вижу руку провидения. Пришла шифровка из Москвы, чтобы задержанных в районе Нахапетово под любым, пусть даже вымышленным, предлогом содержать под стражей до особого распоряжения.

— Это же правовой беспредел, — на всякий случай возмутился Степа Басенок.

— А у права и не должно быть предела, — строго заметил Самсонов и объяснил свою позицию: — Пусть сидят, какая разница. Дело-то необъяснимое, с чертовщиной. Глядишь, и мы кое-что разузнаем о судьбе Савоева. Если не мы, то кто его судьбой заниматься будет, не Москва же?

— Надо этого Виталика с Абрамкиным в одну камеру посадить и оснастить ее подслушивающим устройством, — мгновенно проснулся в Степе энтузиазм.

— Книжек начитался, — остудил его пыл Самсонов. — Во-первых, санкцию на прослушку не дадут, но это фигня, а во-вторых, нет денег и людей. И вообще, в этом деле много мороки. Лучше задержи Рогонянов и посади их до моего особого

распоряжения в камеру к ним, путь поработают подслушивающими устройствами, хлеб свой сутенерский отработают.

Глава шестая

1

Кузькову Копернику Саввичу приснился сон — будто он должен оказаться в Москве и применить эльфовые яды группы “Успех длиною в жизнь” к целому ряду не знакомых ему людей московской ориентации. Самым трудным в этом неизвестно кем порученном задании было то, что Коперник Саввич не знал, как этих людей определить, более того, не знал, как ему попасть в Москву, несмотря на то, что во сне он находился прямо в ее центре, лежал в углу подъезда номер четвере дома 10 “А” по К-му переулку. Ему снилось, как к нему подошел и наклонился, вглядываясь в лицо, подросток лет семнадцати с чертежным тубусом в руке и самозабвенной отвлеченностью в глазах. Подросток вежливо потыкал его ногой в плечо, проверяя на жизнеспособность, и, наклонившись, снял с руки Коперника Саввича золотые часы с бриллиантами, подарок Ивана Селиверстовича Марущака. “Скотина безмозглая, — мысленно осудил поступок молодого человека Кузьков, — они уже украдены в Тибете, а ты их пытаешься украсть в Москве”. Подросток внимательно рассмотрел часы и удивленно вскинул брови, затем отстегнул от пояса мобильный телефон и кому-то позвонил, положив часы в карман. “Мог бы и в мой карман положить, — подумал Коперник Саввич, нежась в сладостной истоме ласкового сновидения, — стервец меркантильный”. Подросток продолжал стоять рядом с телом валяющегося в подъезде Коперника Саввича. Из лифта вышел солидный мужчина мускулистого телосложения в спортивном костюме и с выражением скептического недоумения на лице. Слова не проникали в пещерно-тибетский сон Коперника Саввича, но картинка была четкой. Молодой человек вытащил из кармана часы и, протянув их подошедшему мужчине, кивнул головой на тело Кузькова. “Интересно, — подумал Коперник Саввич, плывя в темноте и блаженстве сна, — чего это я тут разлежусь, как алкаш обесточенный?” Мужчина вгляделся в надпись на часах и кивнул головой подростку, беря у него из рук мобильник. В это время Коперник Саввич услышал скрежет надвигающегося пробуждения, почувствовал сквозняки реальности и жесткость бетона в московском подъезде.

— Я что, — сообщил он обрушившимся на него звукам, — не туда попал?

— Возможно, — сообщил мужчина в спортивном костюме, с любопытством глядя на Коперника Саввича сверху вниз, и представился: — Полковник Хромов, московский уголовный розыск, в смысле ФСБ. Вы можете объяснить, откуда у вас зо-

лотые часы с бриллиантами, насколько я разбираюсь в этом, стоимостью более двухсот тысяч долларов каждый?

Хромов вспомнил. Эта фамилия с дурацким именем, выгравированные на часах, уже попадались ему по ходу расследования уголовного дела об отравлении известного всей Москве преподавателя МГУ. Он даже сообщал о Кузькове Веточкину, и тот отнесся к этому очень серьезно, но затем как-то все замялось и забылось, из-за происшествия в гастрономе “Елисеевский” и других, не менее судьбоносных, событий.

— Это подарок, — сказал мужчина, садясь на пол. Убедившись, что на нем, кроме снятых с рук часов, нет ни клочка одежды, он уточнил: — Судьбы.

— Куда его, господин полковник? — В подъезд ввалились Саша Стариков и захваченные им на всякий случай двое патрульных. — В стриптиз-бар?

— Да нет, — задумчиво протянул Хромов, воспринимавший свой перевод в ФСБ как кратковременную командировку. — Вези в МУР. Я сейчас переоденусь и приеду. Перевезу его на Лубянку. — Хромов повертел головой и крикнул вслед входящему в двери лифта подростку: — Спасибо, Толик!

2

Анатолий Лаперуза, сосед Хромова по лестничной площадке, на самом деле был не семнадцатилетним юношей, а двадцатидвухлетним потомственным москвичом, представителем неистово-разумного поколения прагматиков, плюющих на идиотическое проявление романтизма в своих не приспособленных к современности родителях и увлекшихся наркотическим андеграундом, попсой и социально-агрессивным роком сверстников. Еще в десятом классе он сказал свое “нет” расхлябанной богемности родителей, они были актерами Ленкома, и наркотически-экзальтированный беспредел их жизни сидел у него в печенках. Анатолий сразу же решил, что жизнь должна быть качественной, с лейблом дорогой фирмы, который не обязательно демонстрировать. Качество должно быть скромным и не бросающимся в глаза не ведающим о нем. Свой интерес он направил на новые технологии и уже в восемнадцать лет стал заколачивать приличные “бабки” на Интернете, спокойно определив, что новые технологии неизбежны, но смысла жизни не объяснят, поэтому их нужно просто подмять под себя и употребить. Толик Лаперуза считал, что человек не обязательно должен быть культурным, но обязательно должен правильно вести себя в жизни, выполнять законы общения, принятые в среде деловых людей. Он давно понял, что можно быть носителем высокого искусства и пошлого хамства одновременно, стоит только увидеть артистов, когда они уверены, что их никто не видит. Толик ограничил свою культуру умением правильно подбирать мужской парфюм и просмотр-

ром качественного порно, а также уделил внимание корректности и точности в общении и стиле жизни. Чтобы не забивать себе голову поиском денег, он решил, что их у него должно быть много.

На данном отрезке жизни Толик Лаперуза обучался в МГТУ имени Н.Э.Баумана информатике, экономике и менеджменту, попутно осваивал коммуникативную методику изучения иностранных языков и посещал платные курсы по психологии общения, технике речи и риторике в закрытой для “не своих” спецстудии “Останкино”, то есть был молодой, конечно, но далеко не глупый. Он только не знал пока, да и не мог знать имени своего хозяина.

Прагматизм прагматизмом, но артистические гены и молодость тоже не шутка. В Толике Лаперузе, несмотря на его современный цинизм и серьезные отношения к ступеням карьеры, жил непредсказуемый и насмешливый дух любознательности, граничащий с активизированным любопытством на уровне “А что вы здесь делаете?”. Это толкнуло его в объятия журналистики, подруги стукачества и младшей сестры разведки. И то и другое предполагают в своей работе внедрение в опасность продаться. Журналист, хочет он этого или нет, всегда является информатором спецслужб, журналистика всегда под их опекой. Если один журналист обвиняет другого в сотрудничестве с КГБ или ФСБ, это говорит лишь о том, что он получил благословение на это от ЦРУ или еще какой-нибудь МИ-5. И наоборот...

Толик по молодости лет был далек от двусмысленных сложностей. Ему просто захотелось попробовать себя в этом. Журналистика не самая плохая школа жизни.

— Ладно, — сказал ему редактор отдела расследований газеты с восемьсотшестидесятитысячным тиражом, — попробуем. Значит так, — редактор в профиль был похож на карточного шулера, привыкшего к своей безнаказанности, а в фас на человека высоких принципов, которого неожиданно уличили в краже сливочного йогурта из супермаркета, — если выполнишь первое задание, так что у меня зашевелятся на голове волосы от восторга, я буду биться не на жизнь, а на смерть, чтобы тебя зачислили в штат газеты. Если выполнишь так, что у меня ни один мускул на лице не дрогнет, тоже ничего страшного, походишь годик внештатником и мягко вольешься в коллектив нормальных профессионалов, яркие таланты газете не очень-то и нужны, мы работаем в диапазоне усредненности. Но если, — редактор отдела мечтательно улыбнулся, прикрыв глаза, и стал похож на пьяного Вольтера, — я предложу тебе выпить со мною рюмку коньяка, значит, ты просто гений, и делать тебе в журналистике нечего, поступай в консерваторию главным продюсером.

— Понятно, — кивнул головой Толик. — А каким будет первое задание?

— Это сам решай, — редактор развел руками, — ты не в штате, я тебе не имею права его давать.

3

Войдя в подъезд своего дома и увидев голого бородатого человека, лежащего на полу под почтовыми ящиками в позе “идите все на фиг, я еще в животе у мамы”, у Толика не возникло никаких особых эмоций, кроме спокойного предположения: “труп, что ли?”. Но выражение покоя и счастья на лице лежащего изменило его мнение настолько, что он подошел поближе и увидел, что человек крепко и с удовольствием спит. Толику бросились в глаза часы на руке “придурковатого йога”, тут он не мог обмануться, у него был врожденный нюх на настоящее. Часы были именно такими, какими любили обзаводиться арабские нефтяные миллиардеры, умопомрачительно дорогие и не пошлые. “Криминал, — вывел резюме прагматик Лаперуза, потрепав “араба” ногою по плечу, — надо позвонить соседу, пусть разбирается”. Он снял с великовозрастного “эмбриона” часы, поразившись их благородной тяжести и удивившись странной пульсации, как будто что-то живое перелилось из часов в его руку. Впрочем, он не обратил на это внимания и позвонил Хромову...

Глава седьмая

1

Саша Углокамушкин сидел на крыше магазина “Охотный ряд” на Манежной площади и, не вставая с лавочки, объяснял трем патрульным, что он просто-напросто дышит ночным свежим воздухом и сочиняет стихи, выйдя два часа назад из своей квартиры номер 47, по Тверской 18, без документов.

— Можете, конечно, забрать меня в отделение, — разрешил Саша обескураженным патрульным. — Более того, вы обязаны меня забрать, — неожиданно стал настаивать он. — Документов-то у меня нет, мало ли кто я такой.

— Да пошел ты! — Старший группы мазнул рукой, приказывая подчиненным двигаться дальше. — Дышишь — дыши. Мы тебя задерживать даже без документов не будем, раз такое дело. — Потеряв интерес к Саше Углокамушкину, патрульные двинулись в сторону улицы Герцена.

— А почему? — крикнул вдогонку заинтересованный этим феноменом Саша.

— Да у тебя, — оглянулся в его сторону сержант, — на морде штамп стоит — “москвич”.

Саша остался один на один с по-осеннему холодной московской ночью.

Подняв воротник пиджака, Саша стал отжиматься, упершись руками в лавочку. Раз-два-три, отжимался он от деревянных полос, прикрепленных к гранитному основанию. Фонтаны, граница между Александровским садом и зарывшимся в землю магазином, бросали вверх подсвеченные струи воды. Саша бросил упражняться и вдруг заметил, что в ночном пространстве центра города что-то изменилось. Нет, все было по-прежнему, но все равно не так. Он взобрался на стеклянный купол-крышу магазина и подумал: "Сейчас что-то должно случиться".

2

Москва, конечно, не город Счастье в Луганской области, а нечто более весомое. Если посередине ночи в центре Москвы, в двух шагах от Кремля, выкинуть фортель, как это сделал Саша Углокамушкин, то обязательно что-то случится. Первое, что бросилось ему в глаза с вершины купола, это не один, а два милицейских патруля, торопливыми шагами спешащие на randevу с ним, а второе было столь значительным, что Саша мгновенно забыл о первом. "У меня глюки, — решительно подверг он себя критике, — синдром алкоголика". Он увидел, как за кремлевской стеной возникло и стало расти шарообразное свечение, словно бы кто-то стремительно наполнял яркостью воздушный шар из прозрачной пленки. Светоносный шар, охватив всю территорию Кремля по периметру, вспыхнул ярким светом, взмыл в ночное небо над столицей и почти мгновенно исчез из виду.

— Спускайся, тверской поэт, — услышал Саша знакомый голос подмосковного сержанта, — мы передумали — ты заслужил задержание.

— Слезать — не залазить, — сообщил сверху Саша, подавленный своим галлюциногенным видением, — лишь бы толк от всего этого был.

— Будет, — пообещал ему сержант, — можешь поверить.

Вздохнув, Саша спустился в объятия власти и вздрогнул от вопроса одного из патрульных, который сопровождал его не совсем корректным прикосновением дубинки между лопаток:

— Так по какому адресу ты проживаешь на Тверской?

— Тверская 18, у меня там трехкомнатный кабинет со всеми удобствами, — злым голосом сообщил Саша, раздраженный машинальностью, с которой его ударили дубинкой.

Власть в России всегда бьет своих граждан машинально, не задумываясь о последствиях, которых никогда для нее не бывает.

— Хорошо живешь, — восхитилась вторая дубинка в руках другого носителя формы, спускаясь с ягодицы Саши Углокамушкина, — нам так не жить.

— Ну ладно, — приняла решение третья дубинка, повторяя межлопаточный путь первой, — пошли.

— У нас хотя и без удобств, — вернулась к ягодицам вторая дубинка, — зато коллектив хороший...

— Мальчики, — вдруг раздался женский голос с властно-бархатными интонациями, — что за странная манера общения среди интеллигентных людей? Разве можно избивать безоружного юношу в двух шагах от верховной власти?

Милиционеры прервали беседу и повернули головы на голос. Саша, морщась от боли, тоже посмотрел на говорившую. В первое мгновение ему показалось, что он видит Капу, Капитолину Витальевну. Сходство было даже не в облике дамы из ночи, а в сути. Иронично-стервозное спокойствие нервной уверенности исходило от женщины, вмешавшейся в то, во что редко кто вмешивается не то что в ночное, а и в дневное время. В следующую минуту Саша признал в даме свою соседку по купе поезда "Новороссийск-Москва", Степаниду Грунину, прогуливавшую на поводке китайского мопса. На ней был деловой костюм с брошью и шляпка в стиле "Маргарет Тэтчер", на руках тонкие черные перчатки "с искоркой", на ногах салон-туфли комбинированного, черное с белым, цвета на высоких каблуках.

— Ты кто? — скорее от растерянности, чем от нажитой в процессе службы грубости, спросил молодой милиционер блудливо-официальным голосом.

Женщина вздохнула, переложив поводок из правой руки в левую и, сделав шаг, залепила милиционеру пощечину. Судя по силе удара, пощечину запросто можно было причислить к боковому резкому хуку в челюсть. Милиционера развернуло, и, если бы не подхватившие его товарищи, он упал бы на землю.

— Иногда вежливость гораздо безопаснее грубости, — изрекла Степанида Грунина, возвращая поводок в правую руку. — Тем более с женщиной.

3

— Женское и мужское начало, инь и янь, в каждом человеке — это насильственная акция экспериментального действия. Он и она — разделение очень и очень условное. Мы все — Оно. Факты лежат на поверхности. Скоро все поменяется. Наука доказала, что женщина может воспроизвести потомство без мужчины. Клетка, взятая у женщины или мужчины, вводится женщине, выполняя роль мужского сперматозоида. В итоге на свет появляется ребенок — девочка. Мужчин таким способом воспроизводить невозможно, — Степанида Грунина подлила Саше Углокамушкину чая, — но в этом, по большому счету, и нет необходимости. Мужчины пока еще не понимают и не чувствуют своей рудиментарности в эволюционном про-

цессе. Но, думаю, что им скоро придется расстаться с иллюзиями о своей главенствующей роли. Первые результаты клеточного оплодотворения обнадеживают. Исчезли признаки двуполости уже на стадии развития плода, женщина рождает только женщину. Эра мужчин заканчивается. — Она заботливо пододвинула к Саше банку с клубничным вареньем и свежие булочки.

Саша Углокамушкин, Степанида Грунина и Юрий Бориславович, муж Степаниды Исаковны, завтракали на кухне. Одиннадцатичасовое утро размазывалось с той стороны окна дождевыми каплями.

Саша Углокамушкин даже не удивился, когда еще ночью выяснилось, что Степанида Грунина проживает по случайно выдуманному им для милиции адресу. Он давно смирился со своим латентно-протекающим даром провидца.

— Я тебя угадала, на все сто процентов, еще в поезде, — сказала Степанида Грунина. — Ты редкий кадр, если даже я на тебя не подействовала. У меня еще не было таких курсантов, так что будешь учиться.

— Ну уж нет, — отрицательно покачал головой Саша Углокамушкин. — Только не учиться. Я домой, в Таганрог, мне вчера видение было, светящийся шар оторвался от Кремля и улетел в космос. Это призрак величия через катастрофу.

— Катастрофа? — удивился Юрий Бориславович. — Чепуха! Нас катастрофами не испугаешь.

Муж Степаниды Груниной заслуживает описания. Во-первых, это совершенно неопиcуемый мужской экземпляр. Если вы можете представить белокурого мужчину ростом два метра десять сантиметров с голубыми глазами, мастерски, на высоком уровне танцующего партию Спартака в одноименном балете, то представляйте — это Юрий Бориславович. Все остальное — непредставимо.

— Дорогой, — нежно оборвала мужа Степанида Исаковна, — займись лучше стиркой, но прежде вымой посуду и убери в спальне.

Полковник ФСБ, преподаватель, ведущая курс "Альфонсы" в закрытой высшей школе службы внешней разведки, Степанида Исаковна Грунина была, что называется, феноменальной женщиной. Окончившие курс Степаниды Исаковны разведчики в течение пятиминутного разговора могли подвигнуть на любовную авантюру любую женщину, любого социального статуса и моральных принципов. Но не ради просто женщины затевался этот курс. "Альфонсы" иногда могли подчинить себе даже эмпирически-вдохновенную женщину, ведьму, а это уже был высший класс, ибо за каждым мужчиной, взобравшимся на Олимп земной власти, всегда стоит ведьма, изо всех сил старающаяся выглядеть тихой и нежной

овечкой... В деле сотворения специалистов класса "Альфонс" существовала всего одна трудность — дефицит кандидатов на обучение. Из трех миллионов кандидатов, отобранных по всей России в течение года кадровиками ФСБ и СВР для обучения в высшей школе, тестовый отбор прошли всего сто четыре человека, из которых только семеро подошли для курса "Альфонсы". Дефицит разведчиков этого класса ощущают все разведки мира, и поэтому курс полковника Груниной считался привилегированным даже в привилегированной высшей школе СВР.

Глава восьмая

1

Капитолина Витальевна Шадская посмотрела на доллары, оставленные Сашей Углокамушкиным. Как и он, Капа не видела особого смысла пользоваться их благосклонностью. В неожиданно и легко пришедших деньгах чаще всего кроется затаенное и мстительное коварство. "С деньгами всегда так, — подумала Капа и пачку за пачкой перебросала доллары из кожаного кисета в большую плетеную корзину, — среди них нет ни одной незаговоренной купюры".

Она положила в корзину поверх денег снятые со стены вязанки фиолетового лука и отнесла корзину на чердак, поставив среди корзин с яблоками и морковью, пересыпанную сухим песком. Сделала она это не для того, чтобы спрятать деньги, а чтобы убрать с них недобрую энергетику. Донской фиолетовый лук мог справиться с этой задачей как никто другой. Его вешают на стены своих домов, особенно на юге России, женщины эмпирического вдохновения — ведьмы. Всю жизнь Капитолину Витальевну сопровождали вязанки этого лука. Когда ей было двенадцать лет, родители переехали из села Троицкое, что рядом с районной Неклиновкой, в Таганрог. Мать Ефросиния, умирая, в самый последний момент подзвала дочь и сказала:

— Дай мне в руки луковицу из вязанки над кроватью, а затем заberi из рук обратно и съешь после того, как меня похоронят.

Так родовое наследство Шадских, ведьмовство, перешло к Капе...

Капитолина Витальевна спустилась с чердака в дом, взглянула на себя в старое зеркало на столе и взяла лежащие рядом с ним семьдесят стодолларовых купюр, вытащенных по одной из семидесяти десятитысячных пачек, дремлющих на чердаке. Она хотела выяснить природу темной силы, заключенной в этих деньгах. Проведя деньги перед зеркалом, стараясь, чтобы в нем не отразились ее руки и лицо, она положила их в сумочку и, покинув дом, направилась на премьеру спектакля "Дреды для моей жены", поставленного таганрогским режис-

сером Фагодеевым-Ступинским. Режиссер был влюблен в Капитолину Витальевну, но это не волновало Капу Шадскую. Она манипулировала мужской влюбленностью по желанию, когда надо “включая” ее, а когда надо — “выключая”.

Фойе театра, впрочем, как и буфет, было полным. Премьера спектакля — значительное событие в жизни оригинального, ни на кого не похожего, театрально-промышленно-морского города. Таганрог всегда был и будет городом амбициозно-честолюбивого вдохновения, ибо в его основание заложено именно оно — имперское вдохновение Петра Первого.

Капитолина Витальевна вошла в фойе и сразу же почувствовала себя в своей тарелке. Она, как и театр, была демонстративной личностью. Как всегда, на премьеру вместе с мужем пришла Стефания Алексеевна Самсонова. Сам Самсонов стоял возле широкой лестницы, ведущей в ложи, и разговаривал с председателем ОАО “Мегаком” Иваном Земляком и генеральным директором ООН “Торговый дом “Мегаком” Павлом Редереевым. Оба бизнесмена тоже пришли с женами и тоже, судя по выражению их лиц, не являлись завзятыми театралками. Капа отметила, что еще не появился мэр Рокотов, но зато прибыл с супругой генеральный директор металлургического завода Сергей Видаш, с лицом человека, входящего с инспекционной проверкой на склад готовой продукции цеха горячего проката. Преподаватель судомеханического колледжа Рокецкий мелкой рысью трусил за широко шагающей супругой. Сама же Танечка Литвинова, радостно улыбаясь, поспешила навстречу Капе и начала сообщать городские новости:

— Капочка, ты представляешь, Алена Дыховичная, чтобы у нее стояли груди, приподняла их бесцветным особо клейким скотчем.

— О Боже! — Капа даже прижала ладони к щекам от испуга. — У нее же шестой размер.

— Вот и я говорю...

Танечка столь неожиданно и резко остановилась напротив Капы, что не сумевший повторить ее маневр Рокецкий активно набежал на нее.

— Ой! — взвизгнула журналистка, вскидывая руки, и, чтобы не упасть, устремилась вперед. Капа едва успела сделать шаг в сторону, пропуская падающую подругу, которая все-таки рухнула, хватаясь руками за галстук только что вошедшего мэра Рокотова. Галстук, как и выдержка готового ко всяким неожиданностям мэра, оказался на высоте. Татьяна Кировна приняла диагональное положение, упиравшись ногами в голову рухнувшего вслед за нею на пол Рокецкого и двумя руками держась на весу за галстук главы города под самым горлом. Рокотов стоял как глыба, удерживая повисшую на нем журналистку, и даже пытался делать вид, что ничего не заме-

тил. Стоящая рядом с ним супруга, Литиция Егоровна, печально вздохнула, увидев, как начинает краснеть от удущья лицо мужа, и певуче проговорила:

— Танечка, разожмите пальцы, и вам станет гораздо удобнее.

Растерявшаяся от неожиданного совета Литвинова разжала пальцы и сменила диагональное положение на горизонтальное, уткнувшись носом в блестящие как зеркало туфли мэра. Позади нее невозмутимо лежал решивший пока ничего не предпринимать Рокецкий. Зрелище было потрясающим, куда там театральной премьере. Рокотов повертел головой и, не теряя спокойствия, произнес:

— Артисты есть артисты, а журналисты — так вообще забавники.

Он взял Литицию Егоровну под руку и, осторожно переступив через лежащую и тоже решившую пока ничего не предпринимать журналистку, направился к спешащему ему навстречу художественному руководителю театра.

— Вставай, — поспешила на помощь подруге Капа. — Видишь, как опасно держать мужа на слишком близком расстоянии.

— Черт! — стремительно вскочила на ноги Таня Литвинова. — Я прическу не испортила?

— Танюша, с твоими дредами под спектакль голову можно даже в урну совать, все равно красиво будет.

— Спасибо. — Таня злобно посмотрела в спину Литиции Егоровны и, присев на корточки, нежно погладила по голове затаившегося мужа: — Вставай, Федюша, поговорить надо.

— Рокотов молодец, — прокомментировал ситуацию Самсонов. — Бабы так и виснут на нем.

— Ага, — покивал головой Редерев, — обаятельный мужик.

— При чем тут это, — вклинился в разговор Иван Земляк. — Скоро у нас в городе вавилонское столпотворение начнется, битва гигантов за право разработки месторождения “бафометина”. Интересно, кто выиграет — “Лукойл”, “Юкос” или Абрамович, а, Семен Иосифович?

— Следствие, — профессионально пошутил Самсонов и уточнил: — Мне-то какое дело, хотя бы и Абрамович, лишь бы войны рядом с Таганрогом не было. Ты лучше туда посмотри.

Посмотреть было на что. Из буфета по лестнице спускалась супружеская пара Дыховичных. И если полуреабилитированный Илларион Кузьмич выглядел как всегда щеголевато-импозантным, то его жена, Алена Кондратьевна, вызывала у мужчин оторопь. Вечернее платье из ткани “голубой лед” было пошито с таким амбициозным вдохновением, что Алена Кондратьевна стала в нем похожа на что-то такое, чему еще не

придумали названия. Нечаянно затесавшийся среди сливок городского общества Шах-Исмаил Мулинбек, капитан турецкого сухогруза, стоящего в ожидании погрузки в таганрогском порту, увидев Алену Кондратьевну, зажмурил глаза, затем прижал к ним ладони и, натываясь на людей, покинул театр. С тех пор его больше нигде не видели, ни в городе, ни на сухогрузе, ни в Турции.

— Алена обалдела, — вновь прокомментировал ситуацию Самсонов. — По-моему, так не бывает.

— А вдруг, — не захотел расставаться с мечтой Иван Земляк, — а вдруг это все настоящее?

— Я думаю, все-таки Алекперов, у него инвестиции и хватка профессионала, — высказался Павел Редерев. — Тем более что я с ним знаком, видел по телевизору. Хотя кто его знает, — вдруг засомневался он, — может, я Абрамовича недооцениваю.

Самсонов переглянулся с Земляком, пожал плечами и дипломатично произнес:

— Может быть.

Алена Кондратьевна была красивой женщиной всегда, но это “всегда” приближалось к черте “когда-то”. Было хорошо заметно, что ей трудно удерживать в повиновении свои устремленные вперед груди. Одним словом, это выглядело как 180 см (180-100-120) под куполом цирка без страховки.

Вскоре в фойе появилась Любочка Кракол в сопровождении режиссера Фагодеева-Ступинского. Капитолина Витальевна “сделала стойку” и “мурлыкающей” походкой направила им навстречу.

— Капа! — Любочка поцеловалась с Капитолиной Витальевной. — Фагоша только что мне рассказывал, как ты его преследовала, чтобы оженить, но он чудом избежал этой участи.

— Э-ээ, — остолбенел режиссер, не ожидавший от своей пассии такой прямолинейной откровенности, не принятой в среде порядочных людей. Он с трудом сглотнул слюну и, внимательно посмотрев в глаза Капы, признался: — Ну вот такой я брехун, Капа, что поделаешь.

— Угм-руу, — промурлыкала Капитолина Витальевна, беря Любочку под руку и поглаживая ее по кисти. — Я не обижаюсь. — Она открыла сумочку, вытащила оттуда семь тысяч долларов и протянула их режиссеру: — Это тебе на постановку нового спектакля, спонсорская помощь от моего друга-бизнесмена. Он просил не называть его имени, но твое творчество ему нравится.

— Спасибо, — растрогался и расшаркался Леонид Лавадевич Фагодеев-Ступинский, пряча доллары в карман. Он чуть не всхлипнул от умиления, но вовремя удержался. — Очень кстати, у меня грандиозный замысел.

— Люди боятся необъяснимого, шарахаются в сторону от несерьезного, придают своей жизни ложную значительность. Даже произнесенное “Мы” — это всего лишь плохо замаскированное “Я”. Он, Она, Они без понятия “Я” — бессмысленны. Казалось бы, невероятный простор для развития индивидуальности, свобода для личности, но черта лысого. — Мурад Версалиевич достал из кармана халата оторванный карман от другого белого халата и, тщательно высморкавшись, выбросил его в форточку. — Так о чем это мы говорили? — спросил он у своего напарника, такого же, как и он, санитаря загородной психиатрической больницы Дарагановка Шлыкова. Екатерина Семеновна решила, что это объединение обязанностей хорошо для практикующего врача и в материальном, и в профессиональном плане.

— О людях, — равнодушно напомнил ему Шлыков.

— Люди, — хмыкнул Левкоев. — О них говори — не говори, меньше их все равно не станет. Куда ни взгляни, всюду люди и собаки бродячие. Вчера повел в баню на хоздвор третью палату, так меня укусила сука какая-то.

— Да, — посочувствовал Шлыков, — суки — они такие. Вот ты, Левкоев, на мой взгляд, тоже сука. — Шлыков рассматривал извлеченный из шкафчика белый халат с оторванным карманом. — Удовлетворил свое “Я” за счет моего кармана и думаешь, что после этого я дам тебе развиваться как индивидуальности и освобожу как личность, так, что ли?

— Конечно, — удивленно взглянул на него Мурад Версалиевич. — Развитие “Я” остановить невозможно. Оно все время самоудовлетворяется. Допустим, ты сейчас за свой карман меня топором по черепу шарахнешь и тем самым удовлетворишь свой внутренний мир, свое неповторимое “Я”.

— А как же в таком случае твое “Я” самоудовлетворится? — Шлыков взял халат санитаря другой смены, а свой повесил на его место.

— Да, но ведь ты же меня, а не себя по голове стукнешь, — удивлялся непонятливости напарника Левкоев.

В глубине больницы, в той стороне, где был кабинет главврача, зазвенел звонок, затем звонки распространились по всей больнице — в буйном, хроническом и алкогольно-бытовом отделениях.

— Хрущица пришла, — запаниковал Шлыков, — скорее одевайся.

— Да, да, — Мурад Версалиевич натянул на голову белый колпак, — я готов.

Санитары выскочили из раздевалки и помчались на ежедневную планерку у Екатерины Семеновны Хрущ...

Екатерина Хруц во времена своей весенней свежести закончила культпросветучилище в городе Ростове-на-Дону и поэтому обожествляла культуру в любом ее проявлении, от вежливого “вы” в общественном транспорте до режиссера Фагодеева-Ступинского, время от времени укрывающегося одеялом в ее постели. Не выдержав испытания художественной самодеятельностью, которую она должна была организовать при ДК “Красный котельщик” города Таганрога, Екатерина Семеновна поступила в медучилище и с отличием закончила его.

— А-а, пришли, — помахала она рукой Шлыкову и Левкову, — заходите, присаживайтесь, докладывайте.

Надо отдать должное Екатерине Семеновне. После того, как Мурад Версалиевич был уличен в “финансовых махинациях с бюджетными средствами, выделенными на нужды больницы”, “латентном гомосексуализме с привлечением сексуальной энергии пациентов своей больницы”, “чрезмерном непрофессионализме, повлекшем за собой самоубийство талантливого художника”, “невыполнении приказов руководства” и “отчуждении в свою пользу жилплощади хронических одиноких больных”, его чуть не отправили в места лишения свободы, но Екатерина Семеновна легла грудью и отстояла у правосудия Мурада Версалиевича. Грудь у Екатерины Семеновны были что надо, и она не только отстояла Мурада Версалиевича, но и села на его место в кресло главврача. Психиатрия, как наука и развивающаяся медицина, осуществляется лишь на уровне столиц и крупных секретных стационаров. На уровне провинции врачу-психиатру достаточно знать перечень из пяти сумеречных лекарств и обладать навыками интеллигентного человека, волею судьбы и образования выполняющего режимно-охранные функции. Так что должность главврача в загородной больнице Дарагановка была по плечу Екатерине Семеновне Хруц.

Мурад Версалиевич и Шлыков — бывший директор таганрогского клуба железнодорожников, прославившийся в городе тем, что повез замминистра путей сообщения показывать “объект культуры”, возглавляемый им, и полтора часа блуждал по городу, разыскивая место своей работы, достали из карманов брюк двадцатичетырехлистные тетради и приготовились к ежедневной церемонии доклада. Надо сказать, что и Шлыкова Екатерина Семеновна Хруц тоже отстояла своей грудью от уголовного преследования. Сделала она это, по ее же выражению, “из-за ушедшей юности”. Шлыков и она в свое время закончили одно и то же ростовское культпросветучилище.

— Значит так, — прокашлялся Александр Александрович Шлыков, — по графику на этой неделе подлежат негласному наблюдению временно выписанные из стационара Шмага

“Бублик”, по паспорту Татьяна Антоновна, и “Гад” Васильевич, то есть Гилькин Марат Васильевич.

— Этих не будем обсуждать, — постучала карандашом по столу Екатерина Семеновна, — уже осень. К ноябрю родственники снова отправят их к нам, но уже по увеличенным расценкам. Инфляция. Ну ладно, давайте дальше, Александр Александрович. Удалось ли обнаружить ярко выраженных потенциалов?

— Нет, — покачал головой Шлыков, — шизофреников полно — каждый четвертый, но ярко выраженных и готовых к стационару нет.

— Мурад Версалиевич, что у вас? — Екатерина Семеновна взглянула на Левкоева с легким оттенком доброжелательной насмешливости во взгляде.

— Негласно наблюдаемых хроников двое: Масютина и Банзюк. Масютина в понедельник повесилась, так что в полку суицидников ubyло, а Банзюк есть Банзюк. Его брат опять квартиру продает, где он прописан, значит, скоро нам придется защищать в суде интересы нашего недееспособного больного.

— Понятно, — опечалилась Екатерина Семеновна, — защитим, конечно. Увидишь Банзюкова брата, пришли ко мне. Дальше.

— Обнаружены потенциалы, — оживился Мурад Версалиевич. — Двое — преподаватель музучилища Шадская Капитолина Витальевна и Дыховичный Илларион Кузьмич.

— Шадскую не трожь! — вдруг гневно возбудилась Екатерина Семеновна и ударила кулаком по столу так, что лежащее на нем толстое стекло дало трещину. — А то мы тут все в потенциалов превратимся. Вы же не придурок, Мурад, а психиатр, — укоризненно посмотрела она на Левкоева. — Еще великий Сербский говорил, если психиатр видит женщину с темными глазами, в которых заметны на зрачке зелено-яркие точки, то он должен всячески отказываться от желания видеть ее своей женой, любовницей и пациенткой. Капа — стопроцентная ведьма, — вдруг перекрестилась Екатерина Семеновна. — Кому как не психиатрам знать, чем это чревато.

“Сама ты ведьма”, — подумал Мурад Версалиевич, а вслух сказал:

— Нет так нет, а как насчет Дыховичного? У него явные симптомы эмоционального ступора, особенно после последнего происшествия в театре.

— Насчет Дыховичного нормально, — согласилась с кандидатурой зававтобазой Екатерина Семеновна. — А что произошло в театре?

— Я тоже знаю, — влез в разговор Шлыков. — Жена Дыховичного свои фугасы жутких размеров скотчем, чтоб стояли, приклеила, а они оборвались, вывалились наружу прямо перед режиссером Фагодеевым...

— Ой, мамочка родная! — вдруг зашлась смехом Екатерина Семеновна. — Вот пассаж. Представляю лицо Фагодеева, ха-ха-ха!

— Он упал, скатился по лестнице вниз, хе-хе, — подхихикал начальнице Левкоев, — и сломал ногу и руку. Сейчас лежит в больнице, хе-хе...

— Хватит! — сразу стала серьезной Екатерина Семеновна. — Нельзя смеяться над чужим горем. Ну, — она посмотрела на Мурада Версалиевича, — а при чем здесь Дыховичный?

— А он как схватился за спинку стула в этот момент, так и не отцепился до сей поры. Дома с выпивенной из него деревяшкой сидит и в одну точку на стене смотрит.

— Это ступор, — согласилась Екатерина Семеновна. — Ставлю двести рублей на две недели.

Невинная забава главврача и двух санитаров заключалась в том, что в свободное от работы время они определяли потенциальных клиентов и делали ставки на небольшие суммы, угадывая, созреет ли клиент до стационара или нет. И если созреет, то через какое время.

— Неделя, — буркнул Шлыков, доставая из кармана купюру и кладя ее на стол.

— Сто на сто, что все пройдет без последствий, — сделал ставку Мурад Версалиевич.

— Если все, — Екатерина Семеновна смела купюры в ящик стола, — то приступаем к работе.

— У меня сегодня странная встреча произошла, — лицо Мурада Версалиевича отобразило недоумение, — но вполне возможно, что я обознался. Видел на остановке возле кладбища странного бомжа, похож на Аскольда Иванова, помните банкира, председателя Азово-Черноморского банка? Говорили еще, что он Серегу Васильева убил и сам застрелился?

— Тебе показалось. — Шлыков направился к выходу из кабинета. — Я Аскольда знаю, его Хомяком в молодости дразнили. Жив он или умер, не знаю, но бомжом он по сути не может быть, натура такая. Ты у него все заberi, посади в тюрьму, сделай инвалидом — все равно, гад такой, выкрутится и “мерс” себе купит. Я бы таких расстреливал.

Шлыков, как и все культурно-просветительские люди, кормящиеся на третьих ролях в социальной иерархии, считал, что людей, живущих более чем на пять тысяч рублей в месяц, нужно сажать в тюрьму и ежедневно бить по морде.

— Может, и показалось, — охотно согласился Мурад Версалиевич. — Я его плохо знал, всего лишь несколько раз видел.

3

Бомж в классическом виде — это не социальное, а философское явление. Всегда находились на Руси люди, очарован-

ные грязным и вонючим обаянием бродяжничества, которое в большинстве случаев является загибом гордыни, клинической картиной высокомерия. В России обыватели не до конца понимают, то есть совсем не понимают, что такое бродяга-БОМЖ, рассматривая его лишь с позиции “фу, какой противный и вонючий”...

Аскольд Иванов вылечился от непреодолимого отвращения к жизни и людям. Не то чтобы он воспылал христианской любовью к последним, но в нем очнулось от шока чувство собственного достоинства и тяга к преодолению трудностей. Ему надоело забвение и обитающий на обочине жизни контингент. Тем не менее, благодаря этому контингенту он стал снисходительней к поступкам людей, находящихся на острие общественно-политической жизни. Где-то там, на дне социума, он понял, что “теплотрассный” бродяга выполняет очень важную общественную функцию. Люди, готовые опустить руки перед обстоятельствами, наталкиваясь взглядом на “человека помойки”, находят в себе дополнительные ресурсы и вновь вступают в бой за достойное существование. На счету каждого бомжа десятки тысяч спасенных от падения на дно жизней. Один вид грязного бродяги стимулирует волю и лечит отчаяние у обывателей.

Бомжи Санкт-Петербурга дали Аскольду Борисовичу кличку “Фонарь”, то ли наделяя его сократовским высокомерием, то ли придавая этой кличке обыкновенный российский смысл. Они сразу признали в Аскольде Иванове бомжа от нечего делать, хотя Аскольд Борисович превосходно знал, что делает. Он сбивал масть...

Сбивать масть — это великое искусство, которое иногда называют “корректировкой кармы”, но это как раз и есть то, что называется “фонарем”. Искусством сбивать масть владеют единицы, и Аскольд был из их числа. Он с одинаковым совершенством чувствовал удачу и катастрофу, и с одинаковой безукоризненностью овладевал первой и до возможного максимума смягчал последствия второй. Еще тогда, в Сочи, сразу же после появления перед Ирочкой Васиной карикатурного вида человека с черными и голубыми цветами, он услышал в пространстве своего мира щелчок приближающейся катастрофы, но на тот час он слишком долго находился в финансово-социальном благополучии, и зековские инстинкты в нем притупились. Аскольд не придавал значения щелчку, и ее Величество Неудача приговорила его к смертной экзекуции. Разрыв с другом детства Сергеем Васильевым и его страшная гибель, два беспредельных задержания и водворения в КПЗ, клевета в прессе, предательство московских друзей и утеря покровителей, отречение от него родителей и их почти одновременная смерть — полный цейтнот во всем. Но только в Санкт-Петербурге, увидев перед собой упавшую в героиновую яму Ирочку

Васину, он понял, что следующим будет он, и, наконец-то, вспомнил об уроках тюрьмы и первой заповеди игрока: "Если не везет — сбей масть". В этот же день, среди промозглого петербургского марта, захватив лишь документы и не взяв ни копейки, он вышел из квартиры Ирочки в никуда. Уничтожил документы и поспешно, в режиме аврала, без имени, без адреса, без биографии, скрылся на дне жизни.

Судьба искала его и там. Несколько раз приближалась, принюхивалась. Шрам от удара ножом до сих пор побаливает перед непогодой. Но постепенно все затихло и покрылось тинной забвения. А месяц назад, вычесывая из бороды вшей, Аскольд услышал в пространстве вокруг себя щелчок — это вышла из комы Удача, и Судьба поменяла свою ориентацию. Карма скорректировалась.

4

Легкий, словно предутренний ветерок, бес поэзии овладел Степой Басенком в тот момент, когда он входил через центральный вход на городское кладбище. "Я странник, — зазвучали стихи, — приходя и уходя, я на волну похож, на тихий шаг миров, шаг еле слышный, едва иду, чуть-чуть касаясь шага".

Степа направился к зданию администрации кладбища и еще издали увидел возле входа сидящего на лавочке могильщика Ноткина, по кличке "Валера-Оптимист". Увидев Степу, Ноткин поднялся и пошел ему навстречу с лучезарным выражением неведения на лице.

— К нам? — обескуражил он Степу Басенка вопросом.

— Мимо, — сплюнул Степан через левое плечо. — Говори, что там у тебя?

— Хомяка видел, — продолжал улыбаться Ноткин. — Сидел возле могилы своих стариков, водки не пил. Вид у него зачуханный, сразу видно — черт по жизни, ездил тут весь в белом по городу на карете, козлиная.

— Заткнись, — посоветовал ему Степа. — Точно Иванов или тебе с дури примерещилось?

— Да ты на меня! — развеселился Оптимист. — Он, конечно. Сосед. От могилы родителей пошел на могилу друга, Сереги-десантника, и тоже водки не пил, сидел, козлиная.

— Заткнись, — равнодушно отреагировал Степа. — Дальше.

— Все, — радостно развел руками Оптимист. — Посидел, подумал и ушел спать куда-то на помойку.

— У родителей же дом, кажется, остался, — удивился Степа, — почему на помойку?

— Не-а, не остался, — расхохотался Оптимист. — Они мне его завещали. Я же в сарае раньше жил на огороде, как козлиная.

— Ну ладно, — Степа похлопал Ноткина по плечу, — иди работай. Никто не обижает?

— Не-е! — согнулся, не выдержав собственного смеха, Ноткин. — Кто же гробокопателя обидит, козлину такую?

— Гробозакапывателя, — улыбнулся Степа Басенок. — Ладно, смотри, проверяй, звони.

Идя к выходу, где его ожидал Стромов на своей "Оке", он вновь почувствовал цокот рифмованных копыт в своих мыслях: "Слегка печали на причале, чуть-чуть тоски, и, будто по ошибке, застыть в улыбке"...

Прибыл, ну и прибыл. Уголовный розыск лишь зафиксировал появление Аскольда Иванова в городе. Вне денег и банка он не представлял никакого интереса для оперативников, сыщики упавших не добивают.

— Если не будет нарушать закон в этом статусе, — подвел черту Самсонов после доклада Степы Басенка, — то и ладно, пусть живет на родине возле родных могил.

Возвращение везения — действие неспешное. Это как выздоровление после тяжелой болезни.

Как-то так получилось, что могильщик Ноткин "случайно" наткнулся на Аскольда Иванова возле вещевого рынка, где тот с глубокомысленным видом эпикурейца приглядывался к картонной таре для своего ночного ложа.

— Ну ты даешь, Аскольд Борисович. — Ноткин расхохотался от восторга. — Наверное, думаешь, что я, козлина землеройная, — он вытер выступившие от смеха слезы, — прямо даже не знаю, почему домой не идешь?

Ноткин, как и все ушибленные головой с рождения, обладал простоватой и глубинной нравственностью, чем-то похожей на инстинкты животного. Ежедневное участие в отправке человеческих тел на утилизацию выработали в нем презрение к социальным статусам. Какая разница, кем ты был, если с самого рождения понятно, чем ты станешь? Одним словом, Ноткин был неизлечимым придурком и поэтому чувствовал, что с Аскольдом что-то такое произошло, и так просто это не кончится.

— Домой? — переспросил Иванов, отметив в мыслях уже непривычное "Борисович". — А у тебя семья есть?

— Ты знаешь, — обрадованно изумился Ноткин, — есть. Жена у меня умная, заразюка такая, а двое детей так вообще малахольные. Но дом большой, да и не мой, хотя и мой по всем бумагам. Одна половина с входом из сада пустая, как барабан внутри. Я туда все вещи, мебель, всякие там мелочи, бумаги, все, что после твоих стариков осталось, сложил и закрыл на два замка. Вот ключи. — Оптимист достал из кармана два ключа и протянул Иванову.

— Угу, — поблагодарил Аскольд Ноткина и взял ключи. — Вход во двор по-прежнему и с улицы и с переулка?

— Да, — расхохотался Ноткин. — Все по-старому, и вообще, я уже про тебя милиции рассказал, чисто по-свойски, я же осведомитель кладбищенский, тайный агент, козлиная не-сусветная.

— Молодец, — похвалил его Аскольд. — Только никому больше не рассказывай, зарежут.

— Ну ты даешь, — ухватился за ограду рынка, чтобы не упасть от смеха, Ноткин. — Кто же могилщика зарежет, где же ты таких врагов самим себе найдешь?

Мимо них все шли и шли таганрожцы, входя на рынок и выходя из него, с любопытством поглядывая, как городской придурок Ноткин разговаривает с каким-то бомжом, который, как это ни странно, был чем-то похож на, — страшно подумать, — “известного таганрогско-московского банкира Иванова, убившего когда-то капитана десантника Васильева, застуканного в Сочи милицией и только что выпущенного из тюремной спецбольницы”. В своем умении видеть и запоминать в человеке только хорошее Таганрог ничем не отличается от Москвы, Парижа и совсем странного города Амстердама. Но это уже не влияло на узор жизни “сбившего масть” банкира. Перышко благосклонности, сброшенное пролетевшей над судьбой Аскольда Иванова птицей Удачи, сразу же апеллировало к Закону Взаимосвязи, и неспешная энергетика корректировочного возмездия наполнила действием его дальнейшую жизнь...

Глава девятая

1

Толик Лаперуза не знал, что, снимая золотые часы с голого человека для передачи своему соседу по лестничной площадке полковнику Хромову, он вместе с ними снял маленькую частицу безвременья и слегка заразился им. Хромову в руки попали лишь золото и бриллианты, окаймляющие механизм занудливых “тик-так”, безвременье осталось на ладони Лаперузы...

— Слушай, пролив, — позвонила Ксюша Мармик, ведущая молодежной программы на дециметровом канале телевидения. — Где тебя черти носят, я звоню уже в пятый раз. У тебя нет мобилы?

— Есть, но я специально сигнал отключил. Не морочь голову, одним словом, что надо?

— Я морочу! В общем, все, до свидания, чао, неудачник! — Ксюша бросила трубку.

— Чао, чао, — равнодушно откликнулся в пространство квартиры Толик и, открыв дверцу шкафа, стал внимательно изучать его содержимое, время от времени почесывая ладонь.

— Слушай, ты, кусок географической карты, — снова позвонила Ксюша Мармик. — Где ты был?

— Устраивался на работу в журналистику, — объяснил Толик. — А что?

— Ты все-таки гад, пролив, скотина...

— Ксюха, не ори, — поморщился Толик. — У меня вот уже час ладонь правой руки чешется и ничего не могу поделать.

— Правая рука — к деньгам, ты мне зубы не заговаривай, я тебя час ждала, где ты был?

— Устраивался на работу в журналистику, — терпеливо повторил Толик. — Я даже наждачкой чешу и никакого покраснения, ладонь как армянский мрамор — теплая и белая.

— Запусти поиск на "Приметы" в нете, — посоветовала Ксюша Мармик, — или на кожных заболевания. Почему тебя не было, сволота ты, все-таки, обалдевшая, я ждала...

— Почему? — перебил ее Толик, с недоумением глядя на поведение компьютера. — Мы когда должны были встретиться?

— Десятого! Ты все-таки дебил! — взорвалась Ксюша.

— А сегодня, — Толик растерянно смотрел на монитор, — сегодня какое число?

Он говорил все это как-то отстраненно, его подрагивающая от зуда рука лежала на мышке компьютера, и Толик Лаперуза неожиданно почувствовал, что он каким-то непонятным образом стал диктатором Интернета, благословителем всех сайтов мира, гуру для всех пропавших в мировой паутине.

— Девятое, ты понимаешь, девя... — Ксюша замолчала и, тяжело вздохнув, добавила: — Одним словом, я по тебе скучаю, любимый. Что там у тебя с журналистикой и рукой, зуд прошел? Кстати, я сегодня познакомилась с одним челом, такой уматной, Саша, а фамилия и того страшнее — Углокамушкин. Будет у нас на канале репортером работать. Толик?

— Извините, — замороженно смотрел Толик на экран компьютера и свою руку на мышке, — позвоните, пожалуйста, попозже, я сейчас очень занят...

Все было как обычно: компьютер работал в режиме поиска "Приметы", разыскивая в чуланах мировой информации хлам предрассудков, но не был подключен к электрической розетке. А ведь эта модель компьютера не предусматривала автономного питания...

— Смотри-ка, — Ефим Яковлевич Чигиринский развернулся вместе с креслом к Петру Талгатовичу Волину, — в Москве диверсия, кто-то потрогал за вымя корову бессмертия.

— В Москве? — заинтересовался Петр Волин, подходя к мерцающим нитям галлюцигенной энергии, прихотливым узором вырисовывающихся на плоской поверхности ариэльного камня, внутри которого зрели настоящие алмазы, хранители фантомной парадигмы-осанны. — Если в Москве, это не-

приятно. Значит, у меня вышел прокол с транспортировкой Кузькова и Радецкого.

— Зря ты воспользовался пространственными проходами, — проворчал Чигиринский. — Это не тот номер, чтобы экспериментировать. Я сомневаюсь, что “лунные бабочки” допустили случайное упущение.

— А мне без разницы. — Петр Волин заворуженно смотрел на ярко-вишневую светящуюся жилку в густо-венозном переплетении галлюцигенной энергии. — Мне сказали транспортировать этих придурков в Россию, и я это сделал...

“Не может такого быть!” — не поверил в ситуацию Толик Лаперуза, но руку с мышки не убрал. Компьютер легко и плавно начал жить по другим, отрицающим рабскую зависимость от электроэнергии, законам.

— Привет! — На экране появилось лицо азиата ламаистской стилизации с дивной славянской отстраненностью от реальности в глазах. — Ты зачем часы украл у Кузькова?

— Да пошел ты... — машинальноотреагировал растерявшийся Толик и обреченно закрыл глаза перед лицом абсолютного непонимания происходящего.

— Сопляк, — хмыкнул азиат в компьютере, — открой глаза и пойдй закрой двери в квартиру, разговаривать будем.

— Вы, — Толик запнулся, — вы меня видите? — недоверчиво поинтересовался он, вставая с кресла и закрывая на ключ свою комнату.

— Если ты меня видишь, значит, и я тебя. Что за вопрос?

“Я, кажется, попал в приключение, — заблуждалась в мыслях Толика Лаперузы мальчишеская радость, — или сижу по самые уши в дерьме, — успокоил его живущий в нем прагматик из сословия “новых высокотехнологических интеллигентов”...

2

Петр Волин, прошедший школу монастыря Эшер, знал, что означает изменение времени суток. Хроники Акаши, хранящиеся в охранительных песчаных залах монастыря, были доступны ему, ламе Багрового посвящения — в одной ипостаси и генералу ГРУ — в другой. Одно не противоречило другому. Настоящие противоречия возникают лишь на уровне безмолвного созидания — все остальные ложны. В хрониках Акаши сообщалось о таком явлении, как “солнце ночью”, произошедшее два с половиной миллиона лет назад. Именно тогда что-то случилось во вселенной, получившее в хрониках название “Удар бича” и “Гея приняла в себя начало и конец”. Хроники Акаши бесстрастно сообщали, что “толкучесть внеземных (сириусных) цивилизаций на Земле возникла сразу же после катастрофы “Удар бича”, что “киты являются хра-

нителями планетарной памяти, и на них будет великая охота” и... Впрочем, это уже другая история.

Петра Волина сильнее интересовало сиюминутное действие. Вечность, Сириус и вселенский ураган “Удар бича” — это одно, а вот приказ главы ГРУ генерал-полковника Дождь — это совсем другое, родное и конкретное. Можно, конечно, было дать Радецкому по физиономии и отправить вместе с Кузьковым в Россию обычными путями, через Монголию. Но, во-первых, существовала опасность, что об этом пронюхают китайцы, и, само собой, у них возникнут вопросы к великому палачу Тибета, а во-вторых, Петр Волин, как и всякий уважающий себя профессиональный разведчик, решил испытать неожиданно-негаданно свалившуюся из запредельности возможность мгновенной транспортировки. “Если не получится, — оправдывал он себя в мыслях, — то и хрен с ним, с этим Радецким”.

Петр Талгатович рискнул: использовал видимые элементы Агнозии, галлюцигенную энергию и моделируемый извне искусственный сон. По большому счету — это была экспериментальная операция ГРУ, а не одного Петра Талгатовича, просто его назначили ответственным за нее. Медитация на уровне сомати и пражны вполне контактирует с достижениями современной цивилизации. Лишь только селла, самое слабое звено медитативной энергии, выполняет тренажерно-тренировочные функции в закрытых школах ГРУ и ФСБ, все остальные состояния медитации российских разведчиков в Тибете не столько апеллирование к истинному пониманию мироздания, хотя и это имеет место, сколько контакт со спутниковой разведсистемой “Сестрорецк-8” службы космического слежения ГРУ России. “Главное, — шутят операторы ГРУ, приемщики информации, — встретиться на одной волне”.

Состояние медитации для ламаистов — это почти то же самое, что красное вино для французов, гамбургер и хеппи-энд для американцев, возможность работать с утра до ночи для японцев и желание стать полноценными гражданами США для хорошо образованных русских. А спутниковая разведсистема “Сестрорецк-8”, используя последние достижения науки, работающей на обслуживание изошренного любопытства спецслужб, научилась, не без помощи возможностей Петра Талгатовича, перехватывать на короткое время медитативные потоки и вычленять из них нужную информацию. Именно для этого были внедрены в пространство Индии, Китая и Тибета молодые когда-то лейтенанты, ставшие к этому времени, как Петр Волин, генералами, состоящими на связи с бесконечностью...

3

Во время непонятого изменения суточных циклов, космическая разведсистема “Сестрорецк-8”, а это восемь спутников

на разных орбитах и с разными функциями, выдавала в центр космического слежения ГРУ такую информацию, что полковник Грюнвальд серьезно предложил министру обороны “утопить эти чертовы спутники где-нибудь в океане. Несут черт знает что, как будто на орбите не гордость научной мысли, а хронические алкоголики в стадии белой горячки”.

— Успокойтесь, полковник, — проговорил министр. — Не знаю, как спутники в океане, а вас в отставку — запросто.

— Да я пошутил.

— И я, вообще-то, тоже.

Тем не менее информация поступала аховая. Например, спутник “Василек” с орбиты 425 километров над Землей, оснащенный прибором “Ласточка”, передал информацию, что почти все источники тау-излучения систематизировались в России, и не где-нибудь, а в уже известном всем спецслужбам и правительству страны селе Нахапетово. “Василек” определил мощность тау-излучения по шкале Вартусова, как эквивалентное взрыву семидесяти сверхновых...

— Или у спутника все реле и кнопки полетели, — прокомментировал информацию полковник Грюнвальд, — или в Нахапетово кто-то умело сдерживает свои эмоции при беседе с тещей.

...Петр Волин зарядил часы Коперника Саввича галлюцигенной энергией Агнозии, которая представлена на Земном шаре в трех проявлениях: тайно-тибетском — Шамбала, липуче-болезненном — шизофрения и мерцающе-непредсказуемом — смерть. Более точно об Агнозии можно узнать из оригинала “Тибетская книги мертвых”, то есть не узнать никогда, ибо оригинал этой книги хранится под египетским сфинксом на глубине четырех тысяч метров в информационном отсеке космического корабля, в названии которого существует лишь один известный людям знак. Он называется “точкой” и выглядит вот так:

“ ”

Петр Талгатович дал часы далай-ламе, когда тот уходил в монастырь Наакал. Это была его первая попытка взять образец Агнозии для передачи в лаборатории российских спецслужб, и она могла окончиться для Петра Талгатовича трагически.

— Возьмите эти часы с собой, Святейший, — попросил он далай-ламу и уточнил: — Это нужно для дела.

Далай-лама не стал задавать вопросы своему высокопоставленному подданному, проверенному временем, а просто взял часы с собой в дорогу, тем самым поселив на их корпусе заряд галлюцигенной энергии, наполняющей подземные воды реки Шол. Вернувшись из Наакала очень мрачным, далай-лама вернул часы великому палачу и, не объясняя своей подавлен-

ности, удалился в затворничество молитвы, уронив на прощание фразу:

— Кромешное время пришло, Кобнг Омпа. Все, что было в прошлом до этого момента, потеряло смысл. Не думаю, что мы будем скучать по времени.

Петру Волину не надо было объяснять значение этой фразы. Кромешное время в Тибете означает почти то же самое, что вне его означает “Конец света”, только в тибетской транскрипции это слышится как “Конец времени”, ибо свет бесконечен.

...Новость, конечно, была грандиозной, и поэтому операцию по транспортировке Радецкого и Кузькова осуществили с элементами поспешности, что вполне закономерно отразилось на качестве. Для начала их усыпили. Затем Петр Волин вошел в пещеру и... Первым был Радецкий, вторым Кузьков. Медитативно-молитвенный поток Петра Волина-“Кобнг Омпа” был зафиксирован “Сестрорецком-8”, а закончилось все тем, что в службе космического слежения называют “несвоевременной утерей чемодана”, а если проще — “эффектом фактора”. Грубая фактура соприкоснувшегося с земным временем чуда в корне отличается от чуда в чистом виде. Прибор “Ласточка” системо-аномального действия на “Сестрорецке-8”, сфокусированный на медитативно-информационном потоке великого палача Тибета, словно бы синтезирует образ бесплотья с реально-чувственным пространством заданного квадрата на территории Москвы, где заранее установлены руно-шоковые стабилизаторы, генерирующие из микро-анигиляционных плюсчастиц стабильный фактор осуществления. То есть, современная научная мысль уже могла “взять” контейнер в Тибете и “поставить” в России. Могла взять и в Англии и где угодно, но ламы плохо вербовались, точнее, никак не вербовались, а самим ламой высокомедитативной культуры был один лишь Петр Волин, и он не мог мотаться по свету и медитировать там, где требовалось начальству, хотя, конечно... До Волина в Тибете и Индии работал только один российский разведчик такого уровня — Рихтер, но тогда еще не было “Сестрорецка-8”, и даже фантасты не предполагали появления прибора “Ласточка”... В общем, эксперимент прошел в целом очень удачно, шероховатости были не в счет. Радецкий “вывалился” в плавнях под Нахапетово, а Кузьков — в центре Москвы в цивильном подьезде, из-за того что “Сестрорецк” был сбит с толку тау-излучением в первом случае и галлюцигенной энергией в часах Кузькова во втором. Ничего не помогло, даже то, что Петр Волин снял с “очемоданенного” Кузькова всю одежду, дабы не волновать внешними раздражителями контейнер в часах.

Кузькова “ОМ” сразу же забрал к себе, оставив Радецкого на попечение его же конторы — ГРУ, которое решило, что для адаптации к России ему пока лучше посидеть в тюрьме.

— Тем более возле моря, — проворчал генерал-полковник Дождь. — Я бы и сам, при случае, там отдохнул.

... — Дело в том, парень, — ворчливо произнес, сияя выбритой лысиной, человек из компьютера, — что ты, не подумав, осложнил себе жизнь до полного безобразия.

— Да? — пока еще не мог отойти от шока Толик Лаперуза и поинтересовался: — А если я по компу молотком жажну?

— Мыслишь правильно, — одобрил его парадоксальный собеседник, — но бесполезно. В данный момент это ни к чему не приведет, жахать нужно по всей технотронной цивилизации, да так, чтобы перья во все стороны полетели. Думаю, кто-нибудь в ближайшие десятилетия озадачится этой мыслью.

— Вы кто? — решил познакомиться Толик с компьютерным ламой. — Я, например, Толик, фамилия Лаперуза, а отчество как бы пока и не надо для общения.

— А я для тебя — все, — решил смягчить свою позицию человек из монитора, — в том числе и отчество. Дело в том, что с этого момента ты хозяин и одновременно раб всех электронно-цифровых средств связи, включая и самые специальные, правительственные и шпионские. Ты можешь черпать информацию из всех источников. Можешь стирать эту информацию, изменять, брать у одних и отдавать другим, и тебя никто не сможет вычислить. Одним словом, ты суперхакер, а другими словами, тебе не повезло... Что, Фима? — Забыв о Толике, лама стал пререкаться с кем-то за кадром. — Я его не пугаю, Фима, я его воспитываю...

“Вот и все, — устало подумал Толик, — это галлюцинация, я заболел. Теперь дорога одна — психушка или петля”.

— Я уверен, — говорил кто-то за кадром, — он считает себя шизофреником. Усыпи его, Петр, ради Бога, пусть мальчик поспит, а ты во сне надиктуй ему правила игры и правила техники безопасности.

— По технике безопасности его надо содержать на глубине полтора метра в деревянном ящике...

Заявление лампы возмутило Толика, и он постучал по монитору:

— Простите, что вы имеете в виду?

— Спи, — повернул к нему лицо лама и, подмигнув, уточнил: — Деточка...

Нет, Ксюша Мармик была не из тех девушек, которые после слов: “извините”, “позвоните попозже”, не предпринимает никаких действий. Через пять минут после разговора ее юркая “хондайка” вишневого цвета уже мчалась по московским улицам в сторону дома Толика Лаперузы, игнорируя шоссе-но-мужской шовинизм отсылаемых ей вслед “факов”. Дабы

вернее нейтрализовать террористов, захвативших ее возлюбленного, она взяла с собой и нового репортера Сашу Углокамушкина.

— Кошмар! — сообщила Ксюша Саше, подрезая очень серьезный джип и на секунду закрывая глаза от страха. — Его захватили и, по всей видимости, надолго.

Она открыла глаза и пошла на обгон синего “глока”, но возмущенный “глок” не дал ей никакого шанса, и Ксюша стала в ряд.

— Ужас, — повторила она, — мы должны их нейтрализовать.

Подрезанный джип поравнялся с “хондайкой” и “поплыл” рядом. Впереди сидел седой мужчина с печатью мстительного высокомерия на лице и сверху вниз смотрел на Ксюшу. Увидев качество и пол водителя, он избавил свое лицо от мстительности, махнул рукой водителю, и джип рванулся на обгон.

Через двадцать минут “хондайка” остановилась у подъезда. Саша Углокамушкин, еще не адаптированный к проявлению столичной экспансивности в молодых девушках тележурналистской ориентации, был вполне адаптирован к девушкам вообще. Он вышел из “хондайки”, оглядел многоэтажный дом и коротко спросил у Ксюши:

— Где?

— Там. — Юная телеведущая схватила его за руку и потащила к подъезду. — Возможно, его уже убили.

В лифте Ксюша вытащила из кармана кожаного пиджака ключи и объяснила Саше:

— Это от его квартиры. Я открываю, ты заскакиваешь и кричишь, чтобы все ложились на пол лицом и не двигались.

— Ладно, — пообещал Саша, — заскочим...

...Степанида Грунина после целого ряда консультативно-организаторских действий привела Сашу Углокамушкина в очень незаметное здание под неброской вывеской “Регистрационно-полиграфическое бюро учета Мосводоканала” на заднем дворе Главпочтамта. Внутри здания, на входе, сидела за конторкой классическая бабушка и вязала что-то сиреневошерстяное и длинное.

— Ого, — подняла в изумлении брови бабушка, мельком взглянув на Сашу, — экземпляр а-ля гресе, Степанида, клянусь своей былой невинностью. Это же классика, дар пророчества плюс фотоясновидение с авантюрным подтекстом и дозированно-уместный наив хаотично проявляющегося мужества, регулярно перемежающегося всплесками инстинктивного испуга. — О чем-то вспомнив, бабуля мечтательно вздохнула и, строго взглянув на Степаниду, тоном приказа посоветовала: — Это индивидуал, натаскивай его на стресс-ведьму, не подпус-

кай к нашим и уж тем более к обыкновенному мясу — испортишь.

— Слушаюсь. — К удивлению Саши, Степанида Грунина подошла к бабушке, взяла протянутую ей руку и поцеловала один за другим все пальцы. — Я пойду?

— Иди, дорогая, — улыбнулась бабушка. — Иди и не забывай, что в Москве сейчас повелитель Лисоокой Ундины, наш царь.

На выходе Саша оглянулся и увидел, что бабушка совсем не бабушка, а нечто другое, непонятное и таинственное.

— Кто это? — спросил он у Степаниды, когда они отъехали от здания.

— Актонидия. Ведьма, которой не удалось умереть. Бывшая балерина, — объяснила Степанида Саше Углокамушкину. — Моя зазеркальная мама...

... — Ксения, тебе не кажется, что ты слегка с придурью? — вежливо спросил Саша.

— Потом поговорим. — Ксюша повернула в замке ключ, рывком распахнула двери и, крикнув Саше “Давай!”, завизжала громко и вдохновенно.

— Всем лежать на месте! — Саша забегал по четырехкомнатной квартире Лаперузов, в каждой комнате заявляя: — Лежать, а не то застрелю!

— Ну ты даешь, — удивилась Ксюша, входя в квартиру и закрывая за собой дверь. — Пряма-таки как сайгак по квартире прыгаешь, я думала, ты серьезней. Ну что, пусто?

Саша промолчал, прижимая палец к губам и показывая на закрытую дверь в одну из комнат, откуда раздавался чей-то голос. Ксюша и Саша прислушались.

— Фима, ты ничего не хочешь добавить этому впавшему в могущество ребенку?

— Нет, к тому, что ты сообщил ему, уже ничего добавить нельзя, пусть спит. Но это твоя ошибка, палач Тибета, мальчик ни при чем. Тебе следует стать его покровителем, если не хочешь, чтобы за ним начали охоту.

— Да, я знаю.

— Ничего себе, мальчик, — удивилась Ксюша и забарабанила в дверь: — Толя, открывай! Скотина ты бессовестная!

Дверь открылась, и на пороге комнаты возник заспанный Толик Лаперуза.

“Блин, опять это ощущение колючего света. — Саша почувствовал, как зябкие волны ясновидения нахлынули на него. — У этого парня две судьбы, и обе пересекаются с моей”.

— Мама! — вдруг закричала Ксюша Мармик и спряталась за спину Саши Углокамушкина: — Что это? — она показала рукой на левую руку еще не до конца проснувшегося Толика.

Саша и сам видел. Рука была еще та: большой палец, указательный, средний, еще один средний, указательный, боль-

шой. При этом вторая половина — средний, указательный и большой, была изящна, по-женски нежна и с ухоженными ногтями вишневого цвета. “Рука власти, — блеснула в мыслях Саши чужеродная догадка. — Какой-то не родившийся фараон сунул свою руку в руку этого парня. Что за фигня, блин, мне в голову лезет, я, часом, не долбанулся?”

— Это рука власти, — стал выплывать в реальность Толик Лаперуза и, глядя на Сашу, спросил у Ксюши: — Это тот новый репортер?

— Да, — испуганно ответила Ксюша, не спуская глаз с маникюренных ногтей жениха. — И если ты мне не скажешь, где такой лак для ногтей достал, я тебе изменю с ним.

— Она шутит, — на всякий случай отошел Саша от Ксюши. — И вообще, у меня жена каратистка.

— Это не лак и не ногти, — поднес свою уродливо-прекрасную руку к глазам Толик Лаперуза, — это грассуляровый бордомин.

Глава десятая

Катастрофа была страшной во всех лучевых направлениях. Ученые нынешней Земли, не имея возможности просчитать и сформулировать первоисточник катастрофы, придали ей статус Большого Созидательного Взрыва, образующего галактики, созвездия, планеты, пространства и разновидности белковой и других форм жизни. Эффект расширяющейся во все стороны от инерции Взрыва вселенной, по мнению ученых, закончится тем, что она с той же стремительностью начнет сужаться и... На этом предположении астрофизики умолкают и разводят руками: “А кто же его знает?” Их можно понять и даже, в какой-то мере, восхититься проницательностью науки. Пластырь пространства и времени, наложенный на прореху в корпусе неизбывного лазерного движения нашей солнечной бригантине, ученые назвали “темной материей”, вязкость которой удерживает мироздание в пока еще не понятном ими порядке. Космогонический наив постулата определил и состояние нынешней научной мысли и достижений. Все, к чему мы стремимся, накапливаем, выстраиваем и формулируем, на самом деле имеет четкое и лежащее на поверхности определение — Иллюзия. В психиатрии это называется “фактор, отвлекающий больного от депрессивного самоуглубления”...

— Я почему-то знаю имя Эхнатон. — “Улыбчивый” посмотрел в глаза “Малышке”. — Это был самый странный фараон, но я никогда не интересовался историей древнего Египта.

Муж и жена Волчанские, Григорий и Настя, стояли на открытой веранде своего большого дома за высоким забором в селе Нахапетово. Перед “Малышкой” качалась изящная колыбель-коляска немецкой фирмы “Кляйн”, в которой спал ре-

бенок. Поздний осенний вечер был прохладным и красивым. Небо над домом Волчанских казалось набитым звездами и тайнами.

— Этот фараон владел какой-то странной информацией из звездной системы Сириус. — “Малышка” с тревогой вслушивалась в пространство вокруг себя. — Он же являлся носителем Христова Сознания, когда о Христе еще не знал сам Христос. Но я не знаю, почему это знаю. Милый, тебе не кажется, что нам надо готовиться к бою?

— Нет, — мотнул головой “Улыбчивый”. — Нам не надо готовиться, мы всегда в состоянии боя, дорогая.

— Да, — задумчиво проговорила “Малышка”, — я знаю, милый. Но рядом с нами какая-то сила.

— В этой силе пока нет опасности, — успокоил жену “Улыбчивый”. — Ты слышала о подземном городе Тата?

— Это город есеев. Сейчас там остались одни женщины. Они бессмертны. Слушай, милый, нам кто-то о чем-то сообщает, с нами кто-то разговаривает.

— Да, — согласился “Улыбчивый”, — я слышу, любимая. Ты чувствуешь, как в мире что-то изменилось?

— Чувствую, — взволнованно прошептала “Малышка”. — Океан стал набухать, словно весенняя почка на дереве, скоро поменяется рисунок звезд на небе для нескольких человек на Земле, все просыпается и рассветает, Бог стал женщиной. Последний мужчина — царь, Антихрист, сконцентрирует в себе все мужское и тоже станет женщиной. Иоанн назвал это начало светоконцом. Но я, любимый, не знаю, почему это знаю.

— Это я сказал, мама, — произнес во сне ребенок, не открывая глаз. — Я сейчас в 1355 году до нашей эры и разговариваю с фараоном Эхнатомом. Он из созвездия Сириус, это недалеко от Земли, рукой подать.

Самые квалифицированные убийцы земного шара нежно переглянулись, улыбнулись друг другу и склонились над колыбелью сына.

— Проказник, — ворчливо произнесла “Малышка”, поправляя одеяло. — Будь осторожен, в Египте так много варваров.

Бойцы спецгруппы “Рысь”, подготовленные к любому проявлению неожиданности и контролирующие все пути подхода к селу Нахапетово, были слегка обескуражены, когда увидели, как по улице села, к большому дому бизнесмена Волчанского, идет человек невообразимого для приморского села облика. По широкой улице Нахапетово шел солидно-кабинетного вида человек в дорожном костюме цвета беж, миллионерско-техасского стиля, в широкополой светлой шляпе и кожаных ботинках-протекторах “Индиана Джонс”. Человек курил сигару и, судя по лицу и походке, не был ничем смущен, в от-

личие от бойцов “Рыси”. Все как один разведчики увидели этого человека, тщательно осмотрели через свою оптику и мрачно озадачились. Жителей села они знали в лицо, село давно уже было изучено, проверено, поделено на квадраты и тайно блокировано. В нем не осталось ничего интимного, пройти незамеченным было невозможно. Тем не менее, человек заокеанской внешности шел к дому Волчанских, попыхи-вая сигарой, с вальяжностью хозяина положения, и откуда он взялся, никто из разведчиков объяснить не мог. На всякий случай был задействован прибор “Ласточка”, но, как и ожидалось, он ничего не показал. Тау-излучение уже не фиксировалось на земном шаре. Оно как возникло — неожиданно, так и пропало — внезапно. В конце концов Бусинин, командир “Рыси”, доложил начальству, что “дисгармонирующий с российской действительностью человек вошел в село, не замеченный спецкордонами”. Если перевести на обычный язык, это означало приблизительно то же самое, что и “гром среди ясного неба”. Центр голосом генерал-полковника Дождь буркнул из наушника в ухо Бусинина:

— Не трогайте его, пусть все идет как идет, но в этом году вы не станете подполковником, майор.

Группа “Рысь” затаилась в ожидании событий. Интуиция, подкрепленная профессионализмом, подсказывала разведчикам, что события будут. Им почему-то казалось, что они сейчас принимают участие не просто в секретной операции ГРУ, а находятся на самом острие глобальных, затрагивающих суть мира, изменений.

Жители Нахапетово, конечно же, чувствовали, что вокруг их села и в самом селе происходит что-то грандиозное, тайное и им не нужное. Конечно же, они уже давно засекали спецкордоны “Рыси” вокруг села. Разведчики и сами знали, на то они и суперпрофессионалы, что от местных жителей можно таиться от силы неделю, дальше — не реально. Село не город, здесь даже легкое вмешательство чужеродности в местный ландшафт не проходит незамеченным. Селяне все видели, но помалкивали. Вековой народный опыт подсказывал им, что это самый лучший вариант. Правда, сначала бригадир Жаров, затем начальник рыбозасолочного цеха, бывший владелец АО “Приазовский” Нечитайло, а затем и все остальные аборигены по очереди заскочили “на секунду” к Григорию Прохоровичу Волчанскому и доложили, что в “камышках люди какие-то служивые службу несут” и “может, им уши горячей наварить да подвезти в котлах, пусть похлебают горячего?”

— Ни в коем случае, — остановил селян гендиректор АО “Приазовский”. — Делайте вид, что ничего не видите. Им так приятнее будет.

— Тебе не кажется, любимая, — спросил “Улыбчивый” у “Малышки”, — что вокруг нас слишком много государственного внимания?

— Я еще не разобралась, плохо это или хорошо, милый, — ответила ему “Малышка”. — Но ты прав, слишком много государства. Мужчины, блокирующие село и наблюдающие за нами, очень профессиональны. Их всего двадцать, но они стоят воздушно-десантной дивизии, и, насколько я понимаю, у них нет приказа на бой.

— Сейчас нет, через минуту будет, — задумчиво произнес “Улыбчивый”, — это не критерий, дорогая. Я могу, конечно, их убить в режиме “секундная стрелка”, но мне дискомфортен такой градус ответственности. Одно дело защищать большого начальника, себя или идею, и совсем другое — защищать своего сына в непосредственной близости от его колыбели, здесь нужно быть предельно осторожным. Ты, конечно, понимаешь, почему я не говорю “защищать свою жену”?

— Понимаю, милый, — улыбнулась “Малышка”. — Я тоже могу уничтожить десантный полк, но не хочу убивать наших десантников, если, конечно, они не захотят убить нас. — На этот раз улыбка “Малышки” не предназначалась никому, она принадлежала ее мыслям, и, судя по выражению лица, этим мыслям не стоило бы осуществляться. В этот момент она была похожа на главу супергосударства, отдающего приказ армии о развязывании третьей мировой войны. — Впрочем, я чувствую, что к нам идут гости, вернее, не к нам, а к нашему сыну.

“Малышка” и “Улыбчивый” подошли к гулькающему и весело играющему со своей ногой младенцу в колыбели. Он пытался засунуть большой палец ноги в рот.

— Сереженька, сыночек, это я, твоя папочка.

— К нам гости издалека, — сообщила младенцу сдержанная в эмоциях мать, — как в той правде, которую слепцы называют сказкой, волхвы с дарами.

— Гуль-уль-уль... — Малыш вытащил изо рта палец, и в его глаза вошли бездонная черная солнечность лаозра и лазеро-зеркальная чистота элохима седьмой агностической степени Рими. Это было что-то новое для “Улыбчивого” и “Малышки”. Если раньше глаза сына наполнялись необъяснимой лазоревостью и великой чернотой по отдельности, то теперь каждый глаз младенца был разделен по вертикали на две разноцветные бездонности.

— Ох-мм, — вздохнул малыш и в тональности “си бемоль” второй октавы выдохнул: — Ах-м...

Глава одиннадцатая

1

“Я всегда знал, — подумал Слава Савоев, — что в жизни не все так просто”.

Старший оперуполномоченный таганрогского уголовного розыска, капитан Савоев, стоял возле Нахичеванского рынка в Ростове-на-Дону 1929 года и с любопытством рассматривал ростовчан начала XXI века, которые в двадцати метрах от него, сразу же за чертой схематичной параллельности, толкаясь, впихивались в троллейбус. Слава не выбирал год, просто вошел, спасаясь от при базарной многолюдности, в первый попавшийся, и теперь подумывал о переходе в другой. Ростов 1929 года был даже бестолковее и многолюднее начала третьего тысячелетия. Редкие машины и полнополно телег, пролеток, фаэтонов, ломовиков и просто верховых. Слава стоял возле лавки с надписью "У Нерсесяна (штилеты из Еревана и юфть из Казани)". Он только что встретил на входе в рынок компьютерного тысячелетия знакомого Нечитайло, с которым познакомился еще на юрке ростовского университета во время сессии для заочников. Выяснилось, что Нечитайло в данный момент работает начальником засолочного цеха в селе Нахапетово и привез на рынок его продукцию.

— Мне в село к вам надо, подвезешь? — спросил Слава у Нечитайло и предупредил: — Только не спрашивай ни о чем, это служебное дело.

— Хорошо, не буду, — понял Нечитайло. — А что ты у нас забыл?

— Проверить одного надо, — Слава с упреком посмотрел на несостоявшегося коллегу, — и вообще.

— Ладно, конечно, подвезу. — Нечитайло был задумчив и мрачен. — Жди меня в шестнадцать ноль-ноль вот здесь. — Он показал на красиво оформленную витрину обувного магазина "Саламандра", рядом с которой стоял выносной рекламный стенд желтого цвета с надписью: "Нерсесян. Осуществляем поставку обуви в Германию".

— Договорились, — кивнул Слава, — в четыре...

Лаоэр Савоев мог сделать всего шаг и оказаться в Нахапетово, но оперуполномоченный Савоев считал, что чрезмерная эксплуатация могущества может перерасти во вседозволенность, первое проявление смысловой девальвации. К тому же, Слава уже делал этот шаг, вступил на одну секунду в ночное Нахапетово, понял, что оно в блокаде государственных интересов, и сразу вышел, через 1974 год, который как раз в это самое время накладывался паэропсодным фоном мыслесуществлений на ростовский день, возле магазина бессмертного Нерсесяна. "Я должен войти в Нахапетово естественно и просто, — подумал Слава, — как простой сельский труженик"...

— Шо это у вас за фасон, мужчина? — прервали Славы мысли две дамы объемно-притягательной внешности с тюлевыми зонтиками. — Вы клоун или военный турок?

Одна из дам, желтоглазо-восточного типа, не выдержала и потрогала Славину джинсы в районе зиппа двумя пальцами, восторженно объясняя подруге:

— Это не клоун и не турок, это такой чрезмерный фасон из Франции.

“Черт!” Слава испуганно отступил из 1929 года в нишу 1922.

— Здравствуй, уважаемый, — поздоровался с ним армянин с печальными глазами, — заходи, починю туфли — лучше новый будут. Нерсесян лучший сапожник в Нахичевани и мире.

— Спасибо, не надо... — начал было говорить Слава, но лаозер стер вокруг него кусочек времени и пространства, переставляя из 15 часов 30 минут дня 1922 года в 16.05 нынешнего времени.

— Ну что, поехали? — ошарашенно смотрел на Славу Савоева Нечитайло. — Я тебя прямо-таки и не заметил — богатым будешь.

2

Стефан Искра смотрел на Москву с позиции силы и безграничной мудрости. Москва, как всегда, была вынужденно-глубокомысленной и непредсказуемо-дисциплинированной. Несмотря на видимую хаотичность и многолюдность мирового города, Москва просчитываема и управляема. Выполняя державную волю, она бывает очень опасной, как опасен спецназовец, получивший задание. Такова участь столиц. Стефан Искра уже давно понимал и сотрудничал с беспощадным и всемогущим миром нежного всезнания внутри себя и поэтому смотрел на Москву еще и с позиции этой нежности, стоя на пешеходном мосту, соединяющем Берсеневскую и Пречистенскую набережные, правый и левый берег Москвы-реки. Он видел причину “белых” и “черных” полос в жизни каждого человека, так называемую “зебру судьбы”...

В каждую минуту человеческой жизни, в силу его особого внежизненного и вневременного происхождения, врываются четыре полсекунды агнозийного, с элементами колючей вакуумности, сна. За одну минуту нашего бодрствования мы четырежды впадаем в блиц-сновидение, и днем и ночью, ибо ночной сон вовсе не сон, а разновидность бодрствования в режиме фантомной параллельности. Это больничный режим. До Великой Катастрофы, “смерч” которой вбросил нашу бригантину “Солнечная система” в галактический омут параллельностей, расчленивших нашу вселенскую суть на составные самостоятельные части, мы не спали по ночам, ибо не знали, что такое день и ночь, что такое “тик” и “так”, что такое жизнь и смерть. Пластырь времени, наложенный на пространство вокруг нас, наложен аварийными службами мира, из которого мы отправились в путешествие. Он вновь пытается соединить нашу

суть, расчлененную параллельностями, не давая нам, богам, рассыпаться на бессмысленные и опасные для нежной лазоревой гармонии, части. Если применять грубые, земные сравнения, то мы чем-то напоминаем лежащего в коме больного, подключенного к аппаратам — “искусственная почка”, “искусственные легкие”, “искусственный разум”. Люди полной луны — демиурги, когда мимо нашей побитой бригантины пронеслись клио-вселенные, предприняли спасательные работы и тоже втянулись в параллельности, но, в отличие от нас, они лишь потерпели аварию, сохранив образ целым. То же самое произошло и с элохимами...

— Вы что, хотите спрыгнуть вниз? — подошли к Стефану Искре патрульные. — Ваши документы, пожалуйста.

Стефан Искра поднял воротник плаща и, шевельнувшись в четверге, обошел это мгновение через прошлый вторник, вновь возвращаясь в четверг, уже в районе Якиманки на Ленинском проспекте, с приятным недоумением разглядывая большое джакузи, в котором плескалась дама с изнеженно-московской красотой лица и тела, предназначенных для салонов дорогих автомобилей, респектабельных презентаций, закрытых баров, огромно-пологовых постелей и умопомрачительно-шикарных джакузи с внутренней подсветкой и водяными ароматизированными вибраторами.

— Простите, — приподнял кожаную кепку Стефан Искра, — я, кажется, попал не в свою квартиру.

— Не в свою? — дама явно была в недоумении и расслабленности. — Разве мы соседи?

По всей видимости, у аолиэтного лаоэра было сугубо космическое чувство юмора — он исчез. Стефан Искра мог шевелиться сколько угодно, но как был в четверге, посередине огромного ванного зала с ультра-современным джакузи, в котором плескалась женщина-удовольствие московского дизайнера, так и остался там, в кожаной кепке и плаще с поднятым воротником.

— Нет, — решил прояснить ситуацию суперсолдат, — мы не соседи.

— Марат, — томно прошептала женщина, откидывая голову на специальное приспособление станка, фиксирующего ее тело в джакузи разноцветными ремнями из пластика, — ко мне ворвался насильник. — Она выгнулась всем телом, глядя на Стефана из-под опущенных ресниц нежно-невменяемым взором...

...На Земле в данный момент существует три внеземных цивилизации и семь наслоений невидимых параллельностей земного происхождения. Если убрать прокладки измерений, и воссоединить все части расчлененного параллельностями образа, то это и будем мы — боги из лазоревой благодатной гармонии вечного и бесконечного осуществления, которую

статик-рабы, одна из частей нашего расчлененного образа, называют Смертью...

— Клавочка, — заглянул в ванную мужчина культуристского телосложения и тут же, увидев Стефана Искру, с ревом ворвался в “банный зал”.

Само собой, Стефан поступил как “солнечный убийца” и государственный человек, ибо лаозр опять ушел в какую-то одну из многих запредельностей мира, он осуществил мягкий блокирующий прием “Юла”, то есть мгновенно оказался за спиной атлета, и тот по инерции гневной скорости буквально вбежал в сексуально-гигиеническое джакузи и обрушился на переставшую шептать и начавшую визжать Клавочку всей массой своего рельефного тела. Аолиэтный лаозр вдруг одарил Стефана Искру внехронологическим реставрационным видением, и он увидел, что не известная ему сладострастница Клавочка в первообразе, раскиданном частями по шести из семи параллельностям, была лучезарной, как дева Мария, а могучий и гневный Марат, навалившийся на нее, прекраснодушен и светоносен. “Проклятая катастрофа, — подумал Стефан Искра, входя со стороны моря в село Нахапетово. — Тайнственная катастрофа, — думал он, направляясь в сторону самого большого и богатого дома в селе, мимоходом отмечая присутствие не заметивших его коллег. — Интересно, почему мы не почувствовали приближение этой катастрофы?”

3

Как Россия располагается на стыке Азии и Европы, Востока и Запада, как Израиль находится в точке возникновения трех мировых религий, а Тибетское плоскогорье и Гималаи выдавились в месте столкновения Евроазиатского и Индо-Австралийского континента, так и Солнечная система была сброшена Великим Ураганом в самый центр бездны противоречий между шестьсот шестьдесят шестью синеоттеночными и триста тридцатью тремя симфоническими галактиками. Отсюда все наши беды, трагедии, растущее чувство безысходности, незащитной тоски по совершенству и страх перед смертью, который можно маскировать каким угодно бесстрашием, мудростью, фанатизмом — он все равно неизбежен. Чтобы не плести нить долгих объяснений, приходится сжимать их до уровня развернутой цитаты. Что произошло?

Для начала возьмите настоящее старинное зеркало, — настоящие зеркала на заговоренно-серебряной основе не тускнеют, как современные, а лишь углубляются, — и взгляните через него на себя. То, что вы увидите, объяснить невозможно, но можете не сомневаться — вы вскрикнете от восторга перед увиденным, вам откроются кое-какие тайны о самом себе. Трудность лишь в том, что по-настоящему старинных зеркал очень мало, и большинство из них находятся в пещерных хра-

мах Индии. Три зеркала есть в России, и все они хранятся в точках державной и магической власти, одно в Кремле, а два других вне Москвы. Впрочем, ладно... Вот вы нашли это зеркало, взглянули на себя, вскрикнули от восторга неповторимого узнавания и, подняв его над головой, шарахнули об пол. Видите, на сколько осколков разлетелся ваш восторг перед самим собой? Для того, чтобы не пропал в забвении ни один осколочек, приходят спасатели, и все пространство предполагаемого разлета осколков покрывают пластырной медузой "темной материи", включают аппараты времени и начинают долгую, реанимационную работу по собиранию нашего Божественного образа, выводя из комы забвения. Так что мы не должны забывать, что, глядя на звезды, мы смотрим на осколки самих себя.

...Что-то наподобие этого произошло с нашей звездной бригадиром "Солнечная система". Вселенский ураган "Удар Бича" шарахнул ее с рифы галактических противоречий, и мы теперь полностью зависим от результатов работы спасателей из нашего, БОЖЕСТВЕННОГО, мира и оставшегося целым, хотя и очень ограниченного в действиях, капитана Иеговы, известного человечеству и под другими именами, который поддерживает жизнеобеспечение нашей бригадини из командирской рубки, называемой планетой Юпитер. Впрочем, это уже другая история...

Глава двенадцатая

1

Капитолина Витальевна Шадская, Любочка Кракол и Татьяна Литвинова сидели в большой комнате Капиного дома и пили травяной чай, приготовленный из трав, известных только одной Капе, в знании которых ей не было равных на всем юге России и Украины. Капа была современной и городской ведьмой, поэтому более изощренной. Женщины пили чай и разговаривали.

— Вы помните Аскольда Иванова? — спросила Любочка, подцепив с блюда ягоду паслена и отправляя ее в рот. — Он выглядит не лучшим образом, но я не увидела на его лице морщин неудачника.

— Что ты имеешь в виду, дорогая? — Литвинова отхлебнула из глиняной чашки черный настой и поморщилась от терпкого и вязкого удовольствия. — Он стал похож на подвергшегося ограблению нищего?

— Да, — кивнула головой Любочка и положила еще одну ягоду паслена в рот. — У него вид человека, которому в кабинете врача сказали, что он болен неизлечимой формой рака печени, а через полминуты догнали в коридоре больницы и сообщили, что перепутали, у него просто сезонное обострение геморроя.

— Иванов, — насторожилась Капитолина Витальевна, следя, как на спиртовке закипает колба и высыпая туда из полотняного мешочка сбор трав, — я его знаю, он мне нравится, жил по Ружейному переулку в районе тюрьмы.

По комнате разлился запах подвально-грибной сырости, а вода в колбе стала молочно-фиолетового цвета.

— Его видели на кладбище, бродил среди могил родных и друзей и посетил приют Тер-Огоняна, — сказала Таня Литвинова и подставила чашку Капе, начавшую разливать жидкость из колбы. — Какой бодряще-зябкий запах у этого сбора. Он чей?

— Мой, — улыбнулась Капа. — Это ластовичная трава, высушенное сердце крота и дубовые ягоды с дуба, растущего на месте бывшего еврейского кладбища.

— Какая гадость! — Любочка Кракол отхлебнула свежий настой. — Иванов ищет деньги, которые он оставил на черный день у покойного Тер-Огоняна.

— Ах, Самвел, — томно прикрыла глаза Танечка Литвинова. — Не понимаю Глорию, это безумие, зачем было душить, когда можно было родить еще одного сына... — Она заглянула в чашку с настоем и спросила у Капы: — Что даст нам высушенное сердце крота?

— Не знаю, — пожала плечами Капитолина Витальевна. — Ты такая же ведьма, как и я, что захочешь, то и получишь...

2

— Надо учредить новый банк. — Генеральный директор металлургического завода Сергей Видаш посмотрел на Рокотова и уточнил: — С уставным капиталом в шестьсот миллионов долларов. Лицензию Центральный банк нам выдаст. У нас перспективный и развивающийся регион, тем более что под боком “бафометин” нашли.

— Зачем вам банк? — удивился мэр Рокотов. — Хотя... почему бы и нет, лишний банк городу не помешает.

— Я даже название придумал, — вдохновился Видаш. — Таганрогский разводяще-третейский банк реконструкции и развития местного ландшафта.

— По-моему, слишком длинное, — усмехнулся Рокотов. — Лучше сразу назовите “Рога и копыта”.

— Ни в коем случае, — не принял шутку Рокотова Видаш. — У нас все будет честным. Скоро сюда придут все, и эти все столкнутся с проблемой быстрого оборота финансовых потоков, а мы тут как тут. Короче, банк нужен, тем более что появилась реальная возможность России вступить в ВТО, да здравствует борьба с международным терроризмом, а это увеличение объемов производства почти в пять раз... — Сергея Видаша понесло. — Мы всех задавим своим холодным прокатом и трубами. Сейчас, когда начинается разработка азовско-

го шлейфа и развертывание платформ для добычи “бафометина”, мы становимся как бы энергетической столицей России. США уже пускает слюни, там, где “бафометин”, там и будущее межпланетных полетов.

— Да, — вставил свою реплику Рокотов, — у тебя, Сергей, все как в Японии — непонятно.

— Я даже наметил, кто будет председателем правления, я его знаю, он в тюрьме ни за что при советской власти сидел, за хищения из гастронома “Елисейевский”. Его Аскольд Борисович Иванов зовут, — как ни в чем не бывало продолжал Видаш.

— Это кто? — немного опешил мэр Рокотов.

— Сейчас божж, — объяснил Рокотову Видаш и вытащил из кармана коробочку с жевательным испанским табаком “Проклятие Дрейка”, достал оттуда пластинку, кинул в рот и, подойдя к окну, стал смотреть на город, пережевывая “проклятие” великого государственного пирата.

3

Глава службы внешней разведки Тропарев — действительный академик РАН, специалист по Востоку и политической конъюнктуре, сложившейся внутри развитых европейских стран, включая внеевропейскую Америку, генерал-лейтенант ФСБ, поднялся и пошел навстречу полковнику Груниной, входящей в его кабинет, со словами:

— Степанида Исаковна, буду вас ругать.

— Ругать? — удивилась Степанида Грунина, усаживаясь за длинный стол и положив перед собой красную папку с документами. — Интересно, за что?

— Вы почему-то не подали рапорт начальнику школы о том, что обнаружили интуитива с харизматическими данными разведчика, некоего, — Тропарев заглянул в лист бумаги, лежащий сбоку его руки, — Александра Углокамушкина, оформили ему новые документы, взамен утерянных, и устроили на телевидение репортером. Вы его используете в своих целях или вербуете для дальнейшей службы на государство?

— Василий Петрович, — Степанида Грунина задумчиво посмотрела на шефа, — во-первых, это очень молодой и недисциплинированный человек, во-вторых, начальник школы обойдется, я имею право зачислять в группу “Эксклюзив” при своем курсе кого угодно, не ставя никого в известность, в-третьих, если я его использую в своих целях, это значит, я использую его в государственных интересах, а в-четвертых, кто на меня наступал?

— Не надо, Степанида Исаковна, — успокоил ее разведка-академик. — Кто должен, тот и наступал. Значит, Углокамушкин зачислен, я правильно вас понял, и вы его официаль-

но оформили допуском "семь" в свой "Эксклюзив". Так, Степанида Исаковна?

— Да, — согласилась с шефом полковник Грунина. — Я его хочу натаскать на "Амазонку" в США.

— Ха! — изумленно откинулся на спинку кресла Тропарев. — Клэр Гатсинг подавятся все вместе взятые альфонсы вашего курса, она же високосная женщина, квант-ведьма.

— Вы сказали "все вместе взятые", господин генерал-лейтенант? — Тропарев знал, что когда полковник Грунина называет его по званию, значит, она едва сдерживает ярость, и Тропарев знал, что с этим шутить нельзя. — Альфонсы штучный товар, групповухой они не занимаются, вы слишком поспешно судите о возможностях моих учеников. — Полковника Грунину ярость красила, прибавляла ее лицу аристократической бледности, а глазам блеск. — Но вы правы — они "Амазонку" не возьмут, но для этого я и получила право на ведение "Эксклюзива" и право неподконтрольности в работе на этом направлении.

— Ну уж нет, — возмутился глава СВР, — мне вы подотчетны всегда и в любое время, не перегибайте палку, Стеша, — перешел в режим неофициальности генерал-лейтенант. — Но я готов извиниться, вы специалист высшего класса.

— И я, если вы не забыли, конечно, — Степанида Грунина с иронией посмотрела на Тропарева, — тоже високосная женщина.

— Вот именно, — не дал себя сбить с толку генерал-лейтенант. — Это меня и настораживает, Стешенька, ведьма ведьма, как говорится, глаз не выключает.

4

— Ребята, вы мне нравитесь. — Ксюша Мармик задумчиво посмотрела на Сашу Углокамушкина, затем с интересом на Толика Лаперузу и уточнила: — Но не в том смысле, что вы подумали. Да и не готовы вы к созданию шведской семьи. Я о другом. В смысле, о том же, но в другой ипостаси.

— Не обращай внимания, — буркнул Толик Саше, угадывая в нем родственную душу. — Она больше рисуется, хотя никогда не поймешь, что у нее в голове действительно.

— Когда-нибудь узнаешь, — зловеще пообещала Ксюша Толику, — что у меня в голове может быть.

— Я думаю, — Саша Углокамушкин был встревожен и слегка бледен, — нам нужно говорить о другом. Не знаю почему, — он запнулся, — но мне кажется, тебе не следовало говорить нам об этом. — Саша кивнул на изящно-безобразную руку Толика с влажно-кровавыми ногтями из редчайшего бордомина. — Этим ты осложнил и свою и нашу жизнь. На мой взгляд, — Саша поежился, — с этого момента мы попали в зону слишком глобальных для нас интересов. Мне это даже нра-

вится, но, — он кивнул головой на Ксюшу Мармик, — с нами девушка, отравленная телевидением.

— Женщина, во-первых, — сразу же разозлилась Ксюша, — а во-вторых, тапочек таганрогский, я умею хранить тайны лучше, чем кто-либо...

Возмущение Ксюши прервал телефонный звонок.

— Да! — ответила разъяренная девушка, сорвав с аппарата трубку и тут же защебетала: — О, Юля! Привет, а как ты меня нашла? Ну да, да... Углокамушкин? Нет, не видела. Прогонов много на программу? Нет, никакой джинсы там нет, пациент пусть отдыхает — у нас молодежная программа. Кстати, через три часа труп-лайн о хакерах. Нет, утром я тоже не видела Углокамушкина. Кто? Рибдадуев? Этот кэг на тонких ножках? Он тебя обманул, Углокамушкин не в моем вкусе, примитив колхозный. Я рада, Да, Юлечка! Слушай, у меня сенсация, мой чел Лаперуза мутировал, мы дадим это в субботней программе в прайм-тайме. Да, это будет суперсенсация, у него, Юля, ты представляешь, рука стала не просто ру...¹

— Я же говорил, — устало и тускло проговорил Углокамушкин, обрывая разговор наложением руки на рычаг, — она просто говорящая голова, теленаркоманка с рулоном вместо мозгов. Что будем делать?

— Что вы на меня так смотрите? Мама! — испуганно закричала Ксюша Мармик, отступая в угол комнаты. Саша и Толик смотрели на нее с той же заинтересованностью, с какой студент-естествоиспытатель смотрит на лягушку перед препарированием.

— Да, без шведской семьи не получится, — мрачно пошутил Толик Лаперуза. — Чтобы ни на шаг друг от друга, рука к руке наручниками и Мармик посередине.

— У меня будет сразу два чела, — сразу же успокоилась Ксюша и провела рукой по своей прическе "испуганный ежик". — Это стильная подводка, и без тракта мы никак не сможем обойтись...

5

— Ну вот, — Клэр Гатсинг отошла от пульта управления кристалломагнитными руками, — если у кого есть желание, может посмотреть на кристалл замороженного вакуума.

— Черт бы побрал этих женщин-гениев, — подошел к эгоперископному экрану "Эхо океана" генерал Влад, глава ко-

¹ Сленг телевизионщиков (проф.): Прогон — рекламное предложение. Джинса — скрытая реклама. Пациент — заказчик рекламы. Труп-лайн — срок сдачи материала. Кэг — бочка с пивом. Прайм-тайм — самое выгодное для рекламы время. Говорящая голова — ведущий, диктор. Рулон — видеокассета. Подводка — текст, которым ведущий предваряет сюжет. Тракт — генеральная репетиция съемок перед эфиром.

мандного центра объединенных космических сил США, расположенного в горах Шайенн, Колорадо-Спрингс, штата Колорадо. — Я всегда говорил, что третья мировая начнется лишь тогда, когда ядерное оружие морально устареет. И кажется, благодаря нашей Клэр, оно устарело до такой степени, что ничего кроме насмешки не вызывает. Замороженный вакуум, — генерал Блад стал вглядываться в экран, — это как?

— Вы имеете в виду как или когда, мой генерал, — Клэр Гатсинг сняла рабочий халат и села в полукругие кресла из синего тафика, — или уже дозрели до вопроса куда?

— А все-таки, Клэр, — научный менеджер-спейс космодрома генерал Джон Абрацумян с плохо скрываемой любовной злостью в глазах сделал вид, что его интересует тема, — при какой температуре можно заморозить вакуум, и, если это возможно, как он остается вакуумом?..

В универсально-лабораторном холл-зале секретного объекта "Янки" ждали президента США. Работа по созданию межпланетного космического корабля "Хазар" вступила в завершающую фазу. В огромном зале собрались все космические чиновники США. Кроме генерала Блада и генерала Абрацумяна, здесь присутствовали: генерал Тайс Остин — комендант космического центра имени Кеннеди, Майами, штат Флорида, генерал и астронавт Холгман — глава Космического центра имени Л. Джонсона, Хьюстон, штат Техас, генерал-полковник, астрофизик Гильс — комендир Центра космических и ракетных систем в Пасадене, штат Калифорния, физик-астробиолог, Кейси Умберт — руководитель исследовательского центра имени Эймса, штат Алабама, полковник ЦРУ, астронавт Хильсон — комендант Центра ракетной защиты и космических исследований имени Маршалла, Хантсвилл, академик Джон Пул — научный руководитель лабораторий-хранилищ в Лос-Аламосе и Хемфорде на северо-западе страны, и генерал Хантс — комендант полигона-хранилища в штате Невада.

— Абрацумян, — Клэр Гатсинг соизволила посмотреть в сторону менеджер-спейс, — странная фамилия. Вы из резервации племени дагонов или просто эскимос?

— Он армянин, Клэр. — Астрофизик Гильс был похож на человека, которому наплевать на всех. — Можете ему ничего не объяснять, он вам не поверит.

— Армения, — закивал головой генерал Хантс. — Я там бывал, это в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско.

— Ну и для чего нам кристаллы замороженного вакуума? — оторвался от экрана генерал Блад. — Клэр, ради Бога, объясните хотя бы мне, глупому старику, почему вам непременно нужно залезть в штаны к дьяволу?

— Это любовь, мой генерал, — помахала в воздухе рукой Клэр Гатсинг, приветствуя вошедшего в холл-зал Джона Кар-

ри. — А во-вторых, это не я лезу к дьяволу в штаны, а вы заглядываете к нему под юбку. Если вы полагаете, что вакуум замораживают для того, чтобы что-то взорвать, это ваши проблемы. Так что, генерал, — Клэр загадочно улыбнулась, ибо наконец-то в зал вошел президент, — идите к черту.

6

Вместе с президентом США вошли директор ЦРУ, госсекретарь и конгрессмен Контанио Джидо.

— Клэр, — помахал рукой президент, — я рад вас видеть. Надеюсь, Юпитер, как и Земля, будет у ваших ног.

Клэр Гатсинг поднялась с кресла и стоя поприветствовала главу государства. Она была слишком суеверна и умна, чтобы комментировать слова президента о месте Юпитера у чьих бы то ни было ног.

Джон Карри подошел к операторам за пультом большого экрана — ожидался телемост с российским космическим центром имени Хруничева. День сегодня был официально-торжественным. Россия и Соединенные Штаты приняли решение о совместной работе по освоению космического пространства, о создании единого центра управления полетами и о создании смешанного экипажа для совместного полета на Юпитер и оснащении межпланетного “Хазара” наработками российской науки. Конечно же, это соглашение, как и многие другие в отношениях между Россией и США за последние восемьдесят лет, было секретным и поэтому очень надежным. Обо всех аспектах соглашения знали только элитарные граждане обоих государств, все остальные довольствовались сообщениями прессы, а пресса знала только то, что ей позволялось знать.

— А почему я не вижу сенатора Соукса? — обратился президент к Джону Карри. — Он уже на Юпитере?

— Я, — растерялся Джон Карри, — думаю, что он занят подготовкой к встрече с вами в промышленном блоке...

Директор ЦРУ, стоящий за спиной президента, наклонился и стал что-то тихо говорить ему на ухо.

— Да, — удивился президент, поворачивая лицо к директору ЦРУ и ошарашивая его вопросом: — А вы не врете?

— Нет, — ничуть не смутился тот и уточнил: — Я все проверил — это правда.

Глава тринадцатая

Правда и ложь — это разновидность расчлененной на части истины, а расчлененная истина — уже не является истинной. Правда заключается в том, что ее, впрочем, как и лжи, не существует...

Генерал-полковник Дождь, ознакомившись с последними сообщениями из квадрата “Н” — Нахапетово, почесал затылок и по связи “Миус” соединился с директором ФСБ.

— Твой Стефан Искра, разыскиваемый нами капитан Савоев и хорошо известный нашей внешней разведке сенатор Арчибальд Соукс буквально вышли из пустоты на улицы Нахапетовской аномалии и вошли в дом местных руководителей Волчанских, которых и мы и вы знаем, как опасных для жизни суперсолдат класса “солнечные убийцы”. Я сейчас звоню министру обороны и прошу отдать приказ о захвате и задержании всех участников этой сходки.

— Дождь, — с упреком произнес Волхв, — тебя укусил энцефалитный клещ? Для их захвата и задержания, даже если мой Стефан Искра примет вашу ГРУшную сторону, придется направить весь спецназ армии, и закончится это тем, что ООН обвинит нас в браконьерской охоте на степных зайцев с применением ковровых бомбардировок тактическим ядерным оружием. Кстати, а сейчас, в данный момент, что происходит?

— Подожди секундочку. — Дождь вышел по связи “Миус” на полковника Грюнвальда. — Ганс Викингвич, что тебе околоземная агентура о Нахапетово сообщает?

— Забудьте, генерал, о Нахапетово, — голосом потрясенного до глубины души флегматика посоветовал Грюнвальд начальнику. — В данном квадрате никакого населенного пункта нет, лишь море накатывается волнами на пустынный берег и степной ковыль клонится под ветром в подступающей к плявням степи.

— Слышал? — спросил Дождь у директора ФСБ, не выходящего из линии спецсвязи “Миус”. — Тихо все в Нахапетово, то есть... Эй! Полковник! — спохватился глава ГРУ. — Что значит, ковыль и волны, тебя НЛЮ по голове ударило? Где Нахапетово, я тебя спрашиваю?

— Нету. — Дождь прямо-таки “увидел”, как Грюнвальд развел руками. — Ни села, ничего, кроме ковыля, нету.

— Подожди секундочку, Николай Олегович, — донесся до растерянного генерал-полковника голос Волхва, который вывел на “Миус” свою приемную и спросил у секретарши. — Анна Сергеевна, что случилось с объектом Нахапетово?

— Сейчас посмотрю, Михаил Григорьевич, — отозвалась секретарша и через секунду сообщила: — Оно куда-то исчезло.

— Радецкий, — распахнулась дверь камеры, — с вещами на выход, вас ожидает Москва.

Чтобы сообщить об этом Радецкому, явился, хотя это и не принято, лично начальник оперативной службы СИЗО майор Пшеничный.

— У нас нет такого, начальник, — крикнул освоившийся в неволе подполковник Абрамкин. — Ты, в натуре, не знаешь, кто у тебя в тюрьме сидит, а еще опер, тоже мне.

— Подследственный Абрамкин Сидор Аврамович, — вежливо отреагировал майор Пшеничный, — заткните свой хлебальник и тоже с вещами на выход, вас ожидает карцер. Виталий Халимович, — он вновь обратился к расшифрованному Радецкому, — не задерживайтесь. За вами приехали следователи из Москвы, вас будут этапировать туда на самолете. Надеюсь, у него не откажут двигатели по дороге...

Подполковник Радецкий, под именем Виталик "Гастролер", своим поведением вымучил администрацию таганрогского СИЗО до нервных приступов: выбивал двери в карцере, куда его то и дело водворяли за нарушение режима содержания, дрался, и вполне успешно, с контролерами, у многих были побиты лица. Передачи ему и Абрамкину приносила Алла Юрьевна Вострецова, поэтому лишить его передач было нельзя. Алла Юрьевна имела выход на вышестоящее руководство. В общем, достал всех Гастролер.

— Никуда я не полечу. — Радецкий лежал на нижней наре у окна, закинув руки за голову, и даже не шевельнулся при виде майора Пшеничного. — Так и скажи московским следователям, что без подследственного Абрамкина в Москву не полечу.

— Ну, — зловеще пообещал майор, перед тем как хлопнуть дверь, — я так им и передам.

— Козел, — процедил сквозь зубы в сторону закрывшейся двери подполковник Абрамкин и, взяв в руки шахматную доску, предложил Радецкому: — Партейку на дорожку, кореш?

— Не хочу, — равнодушно отказался Радецкий. — Ты тоже собирайся, в Москву со мной полетишь, а там выкручивайся как знаешь, Кремль рядом будет. Эй, мамки! — крикнул Радецкий пригорюнившимся Рогонянам. — Кто-нибудь радио включите.

Роберт, вскочив, повернул колесико пластмассовой коробки, и в камере зазвучал голос ведущей новостей радио "Россия": "...полет на Юпитер. А теперь послушайте сводку погоды".

— Выключи, — махнул рукой Роберту Радецкий, с интересом глядя на вновь распахнувшуюся дверь.

— Радецкий, — на этот раз пришел старший смены контролеров, прапорщик Шевчук, — и Абрамкин, с вещами на выход, в Москву полетите в наручниках. — Он хмыкнул и, пренебрежительно глянув на грустных сутенеров, обратился к ним: — И вы хватайте свои гнидники и на свободу, нечего воздух в тюрьме портить.

Глава четырнадцатая

1

Даже шум волн, накатывающихся на берег, стал другим. Впрочем, как и сам берег, как и бескрайнее пространство степи, наполненное сочным и высоким разнотравьем...

По команде командира группы разведчики "Рыси" демаскировались и собрались на шоссе на дороге, ведущей в Нахапетово из Ростова. Самого села не было. Шоссе, будто наткнувшись на стеклянную стену, обрывалось на вершине взгорка, за которым раньше открывался вид на Нахапетово, сейчас на его месте был небольшой, в размер села, оазис невиданной для этого времени природы. Вскоре на дороге, со стороны Ростова, показался рейсовый автобус, и с той же стороны, но только над автобусом, обгоняя его, показался вертолет. Через две минуты он приземлился на обочине, дверца отодвинулась, и разведчики увидели начальника тренировочного лагеря, в котором базировалась группа. Он вращал рукой, показывая, чтобы разведчики быстро загружались, и бойцы, пригибаясь под воздушными струями от вращающегося винта, устремились на посадку как раз в тот момент, когда автобус, въехав на вершину пологого взгорка и нервно затормозив, замер. Командир группы на ходу оглянулся, он шел позади всех, и усмехнулся, впервые в жизни увидев, что даже от автобуса может исходить недоумение. Командир задвинул за собой дверь, вертолет, вздрогнув, оторвался от земли, набрал высоту и умчался в сторону Ростова, оставив растерянный автобус и высыпающих из него пассажиров, бывших жителей бывшего Нахапетово, стоять на пригорке и смотреть, как на месте их бывшего села то и дело выскакивает волчица с детенышами и, натолкнувшись на незнакомые запахи и скудость простора, вновь скрывается в зарослях.

Нахапетово среди нового ландшафта было похоже на пластиковую бутылку из-под "пепси-колы" в руках у Тараса Бульбы во время встречи с сыновьями, то есть абсолютно неестественно. Теперь море окружало село с двух сторон, плавни куда-то исчезли, а степь ни в чем не уступала простором морю. Бригадир Жаров, собиравшийся проверить, как идет заготовка камышовых матов для теплиц, вдруг почувствовал в себе гораздо большую ответственность перед семьей, селом и миром, чем минуту назад. Ему это стало понятным сразу же после того, как он увидел изменившийся облик степи, вплотную подступившей к изгороди его огорода. Вид степи мгновенно выдернул из его подсознания память тысячи поколений землешапцев, стоящих за древним родом Жаровых, и возродил остроту инстинктивного знания. Неизвестно почему, но бригадир Жаров знал, что степь стала дикой и опасной, и оттуда уже никогда не вынырнет "Волга" или джип с начальством из Ростова, ибо в самом воздухе и шуме моря было что-то такое, что отрицало напрочь подлое могущество больших городов.

Жаров вышел со двора и увидел, что на улицы села вышли все нахапетовцы, все инстинктивно избегали насыщенного

жизнью и молодой силой простора, окружающего село. От крайних домов к центру Нахапетово поспешно стекались люди, легковые и грузовые автомобили, стоящие возле некоторых домов, почему-то стали неприятны и враждебны для глаза. Начальник засолочного цеха Нечитайло стоял возле палатки местного коммерсанта Валентина Скобка и с недоумением смотрел на небо. Жаров тоже взглянул ввысь и вздрогнул от восхищения: по небу, к только им известной цели, летели несколько десятков лебединых стай...

“Малышка” и “Улыбчивый” при виде гостей лишь встали по бокам колыбели и, склонив головы, замерли, безоговорочно приняв главенствующее положение пришедших, ибо увидели в них то, что они так любили, восхищались и не понимали в своем сыне — равнодушную доброту Бога...

А на глубине 670 километров, в пространстве хорузлиталунита, в это же самое время элохимы стали вбирать в себя информацию от лазурного лама, элохима седьмой агностической степени спирального знания Рими, воплотившегося в обыкновенном ребенке статик-раба на поверхности Земли в тот момент, когда в него внедрили “лунные бабочки” и превратили в самого необыкновенного ребенка Земли. Понадобилось совсем немного внутреннего времени, наполняющего хорузлиталунит, чтобы оно сгустилось и приняло твердый облик защиты, блокируя зеркально-бирюзовые потоки информации, стекающей со всей Земли в контурно-чистый мир элохимов. Бирюзовость хорузлита немного поблекла, даже посерела. В это же мгновение всем людям на поверхности Земли стало неинтересно видеть себя в зеркале, любители искусства и искусствоведы обратили внимание на то, что из слова “зеркало” исчез магнетизм метафоры, и великие произведения, пришедшие к авторам из зеркальной параллельности в виде гениального вдохновения, вдруг угасли и ничего, кроме пренебрежительного недоумения, не вызывали у современников, писари от искусства сразу же стали переиначивать эти произведения на свой лад и заявлять, что именно они дали новую жизнь падшему величию. Все вдруг стало усредненным и пошлым. И в это же мгновение все кошки земного шара одновременно, на одной волне и ноте, произнесли “муррр” и, потеряв интерес к людям, стали более таинственными и самостоятельными, а сами элохимы почувствовали себя статик-рабами, ибо лазурный лама Рими не передавал, а втягивал в себя знания элохимной субстанции планетарного облака Рааай, то есть стал информатором “лунных бабочек”. Но настоящий ужас испытали демиурги, люди полной луны, — в это мгновение в их семияичном огненном мире ада впервые за миллионы лет на оболочках оссанов возник и вновь исчез иней...

Осознание своего бессилия перед всемогущим говорит не о слабости, а о мудрости и силе. Лазурный лама Рими подчинился аолиэтному лаоэру и этим подчинением расширил свои и без того огромные возможности. Как только он перевел свое видение вселенских подтекстов в глаза ребенка, ставшего его плотской временной сутью, он почувствовал, как начала меняться его структура лазурности, и так как его понятие мира было великим, он понял, что попал в пространство системного Абсолюта, в котором присутствовала зона неведения. Рими впервые за свое миллионлетнее существование ощутил, что где-то совсем рядом с Землей, предположительно, на Юпитере, кто-то взглянул в белое зеркало, и понял, что он уже не лазурный лама седьмой агностической степени спирального знания, а гарж октома, что на языке элохимов означает "шедший из Рааая".

2

— Вы сейчас в 956 году, — сказал Слава Савоев "Улыбчивому". — Вокруг села простирается царство хазар за несколько лет до своего исчезновения, постарайтесь осознать это.

Слава Савоев видел, как два статик-раба, великолепно оснащенные для жизни, боя и времени, с трудом пытаются найти в себе умение подчиниться его словам.

— И что мы должны делать в 956 году? — неожиданно легко приняла "Малышка" главенство пришедших.

— Я сейчас объясню, — улыбнулся Слава Савоев...

И раздался Звук, и Звук имел цвет — сиренево-бликующий. Многообразная любовь, лепестковая нежность Смерти, родина теплой и непрерывной радости, счастье неповторяющегося осуществления, молитвенный восторг узнавания и поток грустного, желанного и надежного обожания обрушились на "Улыбчивого" и "Малышку". Они развернули в себе просторы звездно-галактических систем и грандэрусные постулаты первообраза. И снова раздался Звук, и Звук имел цвет черный. "Малышка" и "Улыбчивый" вернулись на круги своя, точно зная, что им нужно вырастить своего сына здесь, в Хазарском царстве 956 года, а затем вновь, день в день, час в час, минута в минуту, вернуться в двадцать первый век, в день, когда исчезло Нахапетово. А здесь, в Хазарии, через десять лет они должны узнать от хазара Зеведея, зога современности, тайную причину Великой Катастрофы. Они знали, что лаоэр Арчибальд Соукс вместе с экспедицией статик-рабов и в качестве статик-раба полетит на Юпитер, где находится зона неведения Абсолюта, лаоэры не могли проникнуть туда иначе. "Малышка" и "Улыбчивый" знали, что лаоэры, Слава Савоев и Стефан Искра, будут стараться понять Черного Будду-Антихриста, ибо и он находится в зоне неведения Абсолюта, а лаоэры не понимали, как применить к нему свое

могущество. “Солнечные убийцы” знали, что они будут справляться с жизнью в 956 году и далее, собственными силами, ибо все должно быть естественным и не порабощенным звездным всезнанием, поэтому лаозр их сына все это время, пока тело и оставшийся в нем гарж октом растут, будет находиться в срединном государстве околехоружлитного мира, так как оно тоже находится в зоне неведения Абсолюта.

...—Судя по всему, — наконец-то смирился и “Улыбчивый”, — наш сын — бог.

Слава Савоев вновь улыбнулся. Статик-раб не спрашивал, а констатировал.

— Да, — добродушно вмешался в разговор Арчибальд Соукс. — И поверьте, это очень трудно.

— Мы тебя знаем, — вдруг повернулась “Малышка” к Стефану Искре. — Ты наш брат, но сейчас ты почему-то стал нашим Богом, и мы согласны видеть тебя таким же, как наш сын. Любимый, — она обратилась к “Улыбчивому”, — мы с тобой родили Бога, следовательно, — и обвела рукой стоящих в ряд у колыбели аолиэтных лаозров — Славу Савоева, Стефана Искру и Арчибальда Соукса, — это наши сыновья.

— Да, — подтвердил Арчибальд Соукс, — это очень лестно для нас...

И был Звук, и этот Звук имел цвет синей пустоты. “Малышка” и “Улыбчивый” осмотрелись. Лаозры исчезли. Младенец, держась за край колыбели обеими руками, приподнялся на подгибающихся ножках и, глядя на них бирюзового цвета глазами, сказал:

— Агуу...

Со стороны улицы послышались громкие взволнованные голоса. “Солнечные убийцы” прислушались. Шум становился громче, можно было услышать, как закричали, сзывая детей, женщины. Именно этот мотив, главный мотив опасности, дал понять “Малышке”, взявшей ребенка на руки, и “Улыбчивому”, что нужно выйти из дома к жителям села Нахапетово.

— Какой вкусный воздух, дорогая, — произнес “Улыбчивый” на крыльце дома, — хмельной и пахучий. Никак не могу поверить одному из наших сыновей, что сейчас 956 год.

— Наши дети не врут, милый, — ответила “Малышка”. — А теперь идем к тем, кто с нами будет все это время, мы в ответе за них.

“Малышка” и “Улыбчивый” вышли к растерянным жителям, которые все как один собрались возле дома Волчанских. В их лицах отсутствовал даже намек на то, что они знакомы с концом двадцатого и началом двадцать первого века, и растерявшиеся нахапетовцы, почувствовав это, успокоились и признали в них своих вождей, имеющих право распоряжаться их имуществом, жизнью и душой по своему усмотрению...

Словно единый организм, из травяного буйства степи на широкую улицу села ворвался небольшой, из десяти человек, отряд всадников, мгновенно остановился и тут же, словно стайка рыб в аквариуме, синхронно развернулся и умчался обратно в травяные джунгли степи...

— Это 956 год, — сообщила “Малышка” нахапетовцам. — Мы в землях хазарского каганата. Женщины, старики и дети пусть войдут за ограду, к нам в дом, а что делать мужчинам — объяснит мой супруг, ваш князь...

Сельские жители лучше подготовлены к встрече с неведомым, в том числе и с чудом. Нахапетовцам достаточно было увидеть изменившуюся суть степи, моря и неба, чтобы начать приспосабливаться к ним. Лишь два гостя из Санкт-Петербурга, любители охоты в плавнях, каждый год приезжающие осенью к местному охотнику и егерю Осокину, пытались убедить селян, что “нужно заставить Волчанских позвонить в Ростов и вызвать вертолет, у них ведь есть спутниковая связь”. Впрочем, они вскоре что-то такое поняли и стали молча смотреть на “Улыбчивого”, который внимательно наблюдал, как “Малышка” заводит во двор усадьбы слабых и старых.

— И главное, — “солнечный убийца” повернулся к мужчинам, — за употребление алкоголя, курение, трусость, лень, расхлябанность, грубость друг к другу будете наказываться плетьюми и презрением, а за неверие в Бога и князя я буду наказывать смертной казнью.

— Не слишком ли много берете на себя? — возмутился один из санкт-петербургских охотников. — В России, слава Богу, смертная казнь отме... — но не успел договорить, рухнув с перерезанным горлом на землю.

— Говори, князь! — Егерь Осокин вложил большой охотничий тесак в ножны. — Да будет воля твоя, а мы уж живота своего не пожалеем. ■

КАК НЕ

Андрей ИЛЬИН

Мошенничество многолико, как сама жизнь. Это и безобидное, на первый взгляд, попрошайничество, где нечистым на руку людям перепадают сотни честно заработанных не ими рублей, и финансовые пирамиды, где счет идет на миллионы долларов. Это мелкое жульничество, когда вам под видом итальянского купальника продают семейные образцы сорочек шестого года, трусы... При всей разнице масштабов и внешнего оформления, все это карты одной и той же колоды. Крапленой. С десятком козырными тузами в чужих руках. Против которых с нашими девятками играть сложно, но можно, если знать подлые, шулерские приемы противника.

Перечислю некоторые виды мошенничества. *Мошенничество на здоровье, онкультизме, знахарстве...* То есть такое мошенничество, где с вас снимают последнюю рубаху, обещая спасение от неизлечимого недуга, а в итоге вы все равно ложитесь в гроб, но голый, без той, снятой оноломедицинскими доброхотами рубахи. *Мошенничество с недвижимостью.* За которым иногда маячат трупы бывших ее владельцев. *Товарное мошенничество.* Это когда с вас под обещанный товар берут деньги. И когда всучивают явный "самопал", убедив, что это именно та фирма, которую предпочитает Морган-старший. *Мошенничество в сфере услуг.* От предложений по

выгулу собак до предоставления гражданства США, с автоматическим выделением места в их Конгрессе сразу после женитьбы на дочери Рокфеллера, которая в качестве свадебного подарка переписет на вас пару небоскребов. *Должностные мошенничества.* Это когда вам обещают решить любой вопрос с помощью знакомых высокопоставленных чиновников и берут за это деньги.

Собственно, по какому поводу из вас потянут ваши деньги — не важно. Может быть, на операцию оставшемуся без медпомощи Папе Римскому, за что он, в свою очередь, отпустит жертвователям все грехи. Или на протезирование конечностей инвалидам, павшим на полях сражений Англо-Бурской войны. Или на голод в Пенсильвании. Или на научные цели, например, на установление половой принадлежности любимой кошени мумии Рамзеса. Или по рецепту О. Бендера на реставрацию сильно проваливающегося "Провала".

Вы усмехаетесь? Думаете таковой лобовой обман уже не пройдет? А вот как по маслу проходит! Пона страна населена такими простанами как мы с вами. Обидно? Вы требуете доказательств? Пожалуйста. Многие газеты опубликовали сообщение о мошенниках, которые собрали с граждан изрядную сумму на строительство памятника... великому аферисту Ос-

БЫТЬ ИДИОТОМ

тапу Бендеру! Который якобы должен быть установлен в том месте, где эти деньги и собирались, то есть возле того самого... "Провала" Где герой этого памятника тоже в свое время собирал деньги. С таких же простофиль...

Сила этого вида мошенничества в том, что отдаваемые на алтарь глупости деньги очень невелики. И расследования по поводу их пропажи обычно не затеваются. Между тем эти "копейки" вырастают в очень крупные суммы.

Откройте любую рекламную газету. Там вам предложат "не тре-

бующую высшего и профессионального образования" работу с окладом равным президентскому. Или красивого и богатого жениха за границей. Или за той же границей — работу. И учебу. Причем знание языка не обязательно. Даже русского. Или рецепт средства от перхоти — две столовые ложки настоя натошкан, или от импотенции — три ложки того же настоя, или от беременности — четыре ложки, от бесплодия — пять ложек, плюс по две капли после еды от рака, катаранты и СПИДа. И все это за символическую сумму.

отправленную по адресу. Многие направляют. И получают конверт с предложением дать точно такое же объявление и ожидать, когда в 150-миллионной стране найдется десяток тысяч нуждающихся идиотов, которые направят по указанному адресу требуемую сумму.

Более сложные аферы требуют большего количества денег. Впервые я столкнулся с такой, когда некие люди предложили мне, используя наработанное имя путешественника, сообщить в какой-нибудь статье в газете, что они организуют поездку на велосипедах (машинах, верблюдах, роликах...) в Париж (Лондон, Рим, Стамбул...) И они, мол, подбирают команду. За эту необременительную для меня услугу мне посулили очень небольшую сумму. А получить пришедшие ко мне жулики должны были много больше. Получить "с барана", которого они, в отличие от зоологического аналога, собирались остричь по меньшей мере три раза.

Уверен, что в многомиллионной стране нашлось бы 20-30 тысяч энтузиастов, желающих по дешевке скататься в Париж. И они прислали бы письма. И на каждое такое письмо ушел бы ответ с анкетой. За которую надо было бы заплатить сущий пустячок. Ну, скажем, доллар. Итого первый остриг равнялся бы 20-30 тысячам долларов. Уже шерсть. И не клоч!

На пришедшие заполненные анкеты во все стороны разлетелись бы новые анкеты и поздравления — "вы прошли первый отбор". Естественно, отбор прошли бы все написавшие. Тур за туром этого "барана" можно было бы остричь почти бесконечно. Навер-

ное кто-то "отпадал" бы, но остальные продолжали посылать деньги. Суммы-то небольшие...

Но можно и не мелочиться. Можно было бы написать, опять-таки всем, что они зачислены в состав команды. И пора собирать чемоданы. Через девять месяцев выезд. Но сначала надо, согласно присланному договору, выслать деньги (долларов сто), необходимые на оформление виз, закупку продовольствия и пошив фирменного обмундирования. Если помножить сотню долларов на количество участников велопробега — получится два-три миллиона. Закон больших цифр! Пришедшие деньги можно было принять по всей форме и выслать подтверждающие квитанции. Чтобы никто ни в чем не сомневался.

И... вернуть деньги владельцам. Чтобы ни в коем случае не перейти рамки закона. Никаного воровства! Мы, мол, контора честная. Все вернем, до последнего цента! Но не сразу. А через полгода-годик, пока "велопутешественники" еще на что-то надеются и свои денежки обратно не требуют. А сколько можно "накрутить" за год с трех миллионов долларов?

Второй раз я столкнулся с подобной аферой, когда одна моя знакомая выиграла по лотерее Конгресса США гражданство этой страны. Ей пришла из нью-йоркской штаб-квартиры роскошная бумага с витиеватыми подписями и объемными печатями, удостоверяющая, что ей сказочно повезло и что она уже почти гражданка. Стоила эта бумага по американским меркам сущий пустяк — полста долларов. В письме были указаны телефоны Конгресса США,

где "рады будут ответить на все ваши вопросы". Но почему-то на всех этих телефонах стояли автоответчики.

Пока суть да дело, пришла вторая бумага, требовавшая для окончательного оформления документов копии дипломов, паспортов, 6 фотографий три на четыре и... еще полста долларов. И тут же пришли поздравления еще несколькими участвовавшим в лотерее адресатам, которых случайно знала моя знакомая. Оказывается, они тоже "выиграли"... Чтобы проиграть свои кровные сто долларов.

Суть *финансовых мошенничеств* проста. Вам предлагают вложить небольшие деньги, чтобы чуть позже получить большие. Или вложить большие и получить очень большие.

Мошенники играют на нашей жадности. Классический пример такого вида мошенничества — в сказке "Золотой ключик". Где Буратино — обманутый вкладчик, а лиса Алиса и кот Базилио — те самые мошенники. Вот классическая схема заманивания "лоха" в ловушку.

— Хочешь получить деньги, не ударив палец о палец?

— Много?

— Много! Столько, сколько хочешь.

— И палец о палец?

— И палец о палец!

— Конечно, хочу!

— Тогда тебе надо в одну страну. Вообще-то дураков. Где есть поле. И если на этом поле закопать одну золотую монетку и полить ее из лейки, то завтра вырастет целое дерево золотых монет. И главное, не ударив палец о палец!"

Чувствуете, как похоже на МММ? И на Чару?

Очень опасны *мошенничества с недвижимостью*. Здесь раздевают донага целые семьи. Есть множество способов выманить ваши деньги под приобретение жилья. Но принцип один — вам продают несуществующую квартиру. Порой в несуществующем доме. Иногда в стране, куда вас никогда не пустят.

Главная заповедь в борьбе против квартирных мошенников — верить только и исключительно документам! Нет, даже в документах сомневаться, если вы не проверили, где и при каких обстоятельствах их заверили и под каким номером зарегистрировали. Квартирное мошенничество — та сфера, где бродит более всего фальшивых бланков, подписей и печатей.

Проще, вернее, наименее хлопотно, продавать или покупать недвижимость через маклеров или маклерские конторы. Они возьмут подбор, проверку и оформление квартир на себя. И возьмут за это деньги.

Маклерский путь самый простой, но и самый опасный.

Пусть вас не вводит в заблуждение благообразный вид и более обаятельная, чем у Бельмондо, улыбка квартирного маклера. Акула тоже, когда собирается сожрать жертву, оскаливает зубы. Просите у маклера паспорт и записывайте его данные. На всякий случай. А потом просите документы, удостоверяющие его право заниматься такого рода деятельностью. А потом просите адреса людей, которые с его помощью приобрели, либо продали свою жилплощадь. (С ними полезно

встретиться и спросить, удовлетворены ли они его работой.) Между прочим, на Западе работники подобной сферы услуг имеют привычку собирать и при необходимости показывать рекомендательные письма от своих бывших, в идеале — со звонким именем, клиентов. Мне кажется, очень хорошее правило. Особенно если вам, в ответ на ваше сомнение, предоставят адрес и телефон обслуженного ранее генерала милиции, которому можно позвонить по его новому квартирному телефону.

Нельзя при подборе вариантов, например, по обмену жилья отдавать оригиналы документов. Одни мои знакомые отдали в маклерскую контору документы на свою квартиру, а когда сами, без ее помощи нашли удачный вариант обмена, то не смогли их получить обратно. С них затребовали в качестве отступных немалую сумму.

Разменивайтесь квартирами только со своими знакомыми. Самый надежный и безопасный вариант. Пусть поиск продлится чуть дольше, зато риск будет намного меньше. Опыт показывает, что очень часто квартирные эпопеи заканчиваются именно таким вариантом. Вначале человек долго бегаёт по маклерам, а потом выясняется, что его друг или друг того друга собирается продавать именно то, что ему и требуется. Язык, если его не жалея использовать, до суверенного Киева может довести. А уж до квартиры — и того проще. "Запустите" свое предложение по родственникам, друзьям, сослуживцам и, я уверен, результат не заставит себя ждать.

Давая объявления в газетах, не наводите на свой телефон потенциальных вымогателей и воров, указывайте, что он — "контактный". В том же стиле и отвечайте на телефонные звонки. И обязательно читайте чужие объявления. Людей, продающих свои квартиры, отличить от маклеров нетрудно. Достаточно просмотреть газеты на несколько номеров назад. Часто повторяющиеся телефонные номера продавцов и покупателей — маклерские. Все прочие — частных лиц.

Схема мошенничества при сдаче квартир та же, что и при продаже недвижимости. Вам предлагают товар, который продавцу не принадлежит. Мошенники дают объявление о том, что снимут квартиру, и еще одно — что сдадут. Снятая квартира сдается разным физическим лицам, которые потом выясняют друг с другом отношения. А потом все вместе с реальными хозяевами.

Я знал женщину, которая, уехав на лето в деревню, сдала свою трехкомнатную квартиру очень порядочной на вид семье. А когда через два месяца наведлась домой, обнаружила в своей квартире продунтовый магазин. С прилавками, холодильниками, подсобками, продавцами и насовыми аппаратами. На ее истерический вопль руководство магазина продемонстрировало договор аренды, на основании которого они получили помещение в свое полное распоряжение на три года, с выплатой 30 процентов причитающейся суммы.

— А мебель где? И то что было в ней? — спросила женщина.

— Мебель хозяйка разрешила выбросить...

Убедитесь в ЖЭУ, что в квартире никто не прописан, так как "случайно" не выписанный оттуда ребенок может "засесть" в ней до совершеннолетия, лишив вас возможности продать или поменять купленную жилплощадь. Проверьте все представленные документы в местах их выдачи. Не заверяйте документы купли-продажи у нотариуса, которого вам предложили продавцы. Он может оказаться "липовым". Возьмите расписку о получении денег. Причем не на ту сумму, что указана в договоре и которую иногда, по тем или иным причинам, уменьшают, а на истинную, которую получил продавец.

Вообще старайтесь не покупать старое жилье. Известно немало случаев, когда бывшие жильцы отсуживали свое жилище обратно, зацепившись за какой-нибудь казуистский просчет с вашей стороны. В этом отношении гораздо более безопасно иметь дело с новостройками, где уж точно никто до вас прописан не был. Но, покупая квартиры в новых домах, очень внимательно вникайте в договор, заключаемый с владельцами дома. Старайтесь избегать вариантов покупки в рассрочку. Лучше занять денег у знакомых, чем рисковать тем, что ваш договор по тем или иным причинам расторгнут и попросят освободить уже занятую квартиру.

Я знаю случай, когда ветерану войны предоставили жилье с рассрочкой на двадцать лет, заключив договор и получив аванс. Но ни приватизационные документы, ни ордер, ни каную-либо другую бумагу, подтверждающую его собственность на квартиру, не выдали, объяснив, что если он получит все

бумаги, то у него не будет стимулов выплачивать ежемесячные взносы. Обошлись договором о предоставлении жилья. Когда ветеран умер, его квартиру у родственников отобрали, мотивируя это тем, что договор заключали с ним, а его уже нет. И документов на его право собственности нет. И, значит, на все эти "нет" и суда нет.

Будьте предельно внимательны при составлении и прочтении документов. Любая неправильно поставленная и незамеченная запятая может впоследствии стоить вам немалых нервов и еще больших денег. Не пытайтесь, боясь показаться невежей, формулировать свою мысль "красиво", пишите максимально просто, так, чтобы смысл фраз нельзя было интерпретировать или истолковывать как-то иначе. Пусть лучше документ будет стилистически корявым, чем ошибочным. Помните, тот, кто хочет вас обмануть, каждую бунву договора продумал сто раз.

Для примера расскажу одну историю. Связанную опять-таки с ветеранами. Под очередной праздник Победы ветеранам войны местная администрация выделила землю под строительство гаражей. Подрядчиком выступила некая строительная фирма, которая и составляла договор с каждым будущим владельцем гаража. Ветераны, обрадованные заботой о себе и прекрасным обхождением подрядчика, в юридические тонкости вникать не стали. За что и заплатились.

Когда гаражи были построены, выяснилось, что получить их могут только те, кто имеет водительские права. Мол, зачем вам га-

раж, если вы не можете ездить на машине? Получить права в столь преклонном возрасте, конечно, никто не смог. Гаражи были распроданы по очень солидной цене. Расходы ветеранам возместили. За стройматериалы. А земля-то им досталась бесплатно. В подарок от администрации ко дню Победы. Главная ценность этих гаражей как раз и заключалась в месте их расположения. На чем и сыграл умеющий составлять договора подрядчик.

Так в результате примитивной, в общем-то, комбинации в ветеранских гаражах встали иномарки далеких от пенсионного возраста и не имеющих никакого отношения к Победе бизнесменов и... отдельных должностных лиц из той самой администрации.

Так что учитесь читать между строк! Если не хотите остаться в дураках. А еще лучше, на весь период оформления документов обратитесь к знакомому юристу. Полезно знать адреса и телефоны разрешающих, надзирающих и контролирующих организаций. И продемонстрировать свою готовность пожаловаться туда в любую минуту. С таким клиентом мошенники предпочтут не связываться. Такого клиента мошенники предпочтут упустить. Отчего лично вы только выиграете.

Не могу не вспомнить и о брачных аферистах. Они так влюбляются в своих невест, что уносят на память все принадлежащие им ценные вещи. А не одно только золотое ситечко, как брачный аферист О. Бендер. Будьте бдительны. Постарайтесь взглянуть на паспорт объявившегося "жениха". Может, у него там уже вписаны четыре, согласно

законам Шариата, жены. А пятую ему иметь не положено! И, значит, он аферист!

Нет жен? Но прописка-то есть. Запомните ее и напишите по последнему указанному адресу письмо. Чтобы узнать, что это за человек, как и с кем жил.

Что, не желает показывать паспорт? Ссылается на какие-то там трудности? На свою особо секретную работу? Тогда постарайтесь завладеть им с помощью простейшей комбинации. Например, пусть к вам в "гости" придет ваш знакомый милиционер. Только обязательно в форме придет. И попросит всех, в том числе и вас, предъявить документы, удостоверяющие личность. Потому что в соседнем подъезде была ограблена квартира.

Нет знакомых милиционеров? Тогда сходите к участковому. И обязательно поинтересуйтесь прежним местом жительства и профессиями вашего будущего родственника. Брачный аферист вынужден придумывать очень много легенд прикрытия, и если его с пристрастием допросить — можно выявить не один "ляп". То он, "герой-машинист", управляет с тепловозом с помощью... педали газа. То будучи "аквалангистом", ныряет на глубину три километра с легким аквалангом, а когда Родина потребует, то и в одной только маске и ластах. То дает задний ход на самолете, вовремя заметив опасность.

В помощь вам и география. Например, ваш собеседник говорит, что бывал в Жмотове. А вы там тоже бывали.

— Ну и как там аэропорт, стоит? — спрашиваете вы.

— Стоит! Что ему сделается!

А в том Жмотове не то что аэропорта, автовокзала нет.

Беседуйте, задавайте ему вопросы. И запоминайте ответы. Рано или поздно он проколется. С помощью этих приемов не то что брачного афериста — хорошо подготовленного шпиона можно вычислить. "Жениху" можно рассказать о другой, очень богатой "невесте". Может быть, даже познакомиться с ней, попросив какую-нибудь знакомую сыграть ее роль. Что, заинтересовался "женишок"? Сменил объект увлечения? Ну, тогда, вполне вероятно, он ищет не жену. Или оставьте на видном месте денежную "куклу". Вдруг позарится?

Иногда мошенники играют на несчастьях, якобы случившихся с нашими близкими. Вдруг к вам в дом заходит незнакомый человек и взволнованно говорит, что Степан Степанович попал в милицию. По очень серьезной статье. Но поправить положение можно. Если, конечно, поспешить. Если немедленно, буквально не откладывая ни получаса, дать следователю в "лапу".

— А вы кто?

— Я его сослуживец, Иванов.

Точно, есть такой сослуживец.

— А вы, я так понимаю, его жена Анна Андреевна?

Опять точно.

— А вашей дочери Маши нет дома? Она еще в школе?

И это знает! Ну, значит, точно, свой!

— Сколько надо денег?

— Много. Но часть мы на работе уже собрали. Не хватает...

Прилично не хватает. Но свобода мужа дороже.

Жена попавшего под следствие мужа и его "сослуживец" бегут к горотделу милиции.

— Ждите здесь! — говорит Иванов. — Я знаю, кому и как дать. Я уже обо всем договорился. Через полчаса-час ваш муж будет на свободе.

Он с уверенным видом заходит в здание. И выходит через другой вход. Излюбленный, кстати, прием мошенников. Очень они любят здания с двумя-тремя выходами. Оттого и обещают на их пороге все что угодно достать или о чем угодно договориться. Потому что знают, что через десять минут будут на другом конце города.

Нет Иванова. Похоже, не помогли деньги. Похоже, и Иванова загребли. Вздыхает жена и идет домой. А там — целехонький и даже еще необритый муж.

— Отпустили все-таки! Помогли деньги!

— Откуда отпустили? Какие такие деньги?

— Ну те, которые дали следователю "на лапу".

— Какому следователю? Я из гаража!

А как же он узнал имена домоладцев и коллег? Да подсел к человеку где-нибудь в пивнушке и завел душевную беседу про семью да про работу.

Или еще один прием. Вдруг приходит вам телеграмма — "Ваш сын в плену в Чечне. Чеченцы грозятся его расстрелять. Для выкупа срочно нужны деньги. Однополчане".

Модификаций этого приема, когда вас вначале очень сильно расстраивают или очень сильно запугивают, а потом просят выслать деньги — множество. Срабатывают они — безотказно. Потому что дело идет о близких людях. А тут уже не до торговли. ■

Налет- чики по- неволе

**Ради спасения
единственной
дочери
отец решил
огрabsить фирму,
в которой
работал.**

Свою страну особенно остро воспринимаешь вдали от нее... В Калифорнии, неподалеку от Сан-Франциско, в жаркий августовский день мы бродили с писателем Юрием Дружниновым, у которого я гостил, по песчаной полосе тихоокеанского побережья, наблюдая, как океан натит на материк мглистые клубы густого тумана, постепенно застилающего солнце. Говорили, разумеется, о России (до ее дальневосточной окраины отсюда совсем близко — несколько часов лету).

И бывший мой соотечественник, коренной москвич, больше десяти лет преподающий в Калифорнийском университете русскую литературу, заговорив о трудностях адаптации россиян в Америке, сказал вдруг: *«Да и вам там, в России, сейчас не легче. Другая страна. Другая жизнь. Вы тоже, можно сказать, эмигранты, прибывшие в Россию из Советского Союза. Только, наверное, не все это осознают»*

Мы, конечно, слегка пополемизировали, так как, по моим наблюдениям, бывшие наши соотечественники судят о покинутой Родине в основном по тому, что происходит в Москве — в вулканическом ее кратере, именуемом Садовым кольцом. И довольно туманно представляют себе нынешнюю жизнь российской глубинки, известной своим консерватизмом.

Но дома, оназавшись в очередной командировке, я все чаще вспоминал те слова Юрия Дружнинова. Потому что и в самом деле везде, куда приезжал, видел ДРУГУЮ ЖИЗНЬ, наной бы привычной она на первый взгляд ни казалась.

Последние десять лет ушедшего века заметно изменили нарие-

то, примелькавшиеся нам, черты, а какие-то смазали или наоборот — укрупнили. Появилась к тому же режущая глаз контрастность: брошенные, будто вымершие деревни в российской глухомани, в областных же городах — дети-попрошайки у гостиничных подъездов, а в пригородных зонах, — несурзные особняки российских нуворишей.

Обыденностью оказалось то, что раньше было бы немыслимо: бывший председатель захудалого колхоза, став крупным собственником, проводит бархатный сезон на Майорне. Мэр большого города в Поволжье однажды вечером едет на встречу с авторитетами преступных группировок, чтобы, примирив их, прекратить кровопролитную стрельбу на улицах. А в суде соседнего облцентра слушается дело милицейского начальника, оказавшегося бандитским вожаном.

Даже то, что особенно ценится в человеческих отношениях — сочувствие в беде, попытка помощи в безвыходной ситуации — оказывается, может теперь принять криминальную форму. Вот один из таких сюжетов: в Мосгорсуде слушалось дело четверых жителей Подмосновья, совершивших ограбление с единственной целью — чтобы на похищенные деньги сделать дорогостоящую операцию умирающей дочери своего товарища...

Отец Оксаны

Владимир Мисюрев, отец умершей девочки, уроженец деревни Минулино Рязанской области, проходил по делу как организатор банды.

Он невысок, худощав. Говорит с остановками, преодолевая горловые спазмы, подавшись вперед,

выдвинув лицо сквозь металлические прутья клетки.

— У Оксаны саркома... На правом бедре, — толчками выдавливая из себя Владимира. — Уюлы кандаый день... Кричала... Мучилась... И мы мучились...

Судья Говоров, подперев цену рукой, слушает не перебивая и не торопя.

Прокурор Красавина, чье молодое обаятельное лицо сейчас непроницаемо, сидит в другой стороне зала, за столиком, на котором в образцовом порядке лежат стопка листов с записями, раскрытый Уголовно-процессуальный кодекс, сложенный вчетверо носовой платок.

Ее медленный изучающий взгляд скользит по лицам сидящих напротив четверых адвокатов, словно бы заслонивших собой клетку с подсудимыми.

— Весь поселок знал... Собрали деньги, — голос Мисюрева звучит все глуше. — Денег хватило на месяц... На обезволивающие уюлы... И опять дочь кричала...

На скамейке для публики, кроме меня, еще один посетитель — сухонький, пожилой, в лоснящемся от потертостей пиджакане, с накрученным на простуженном горле шарфом неопределенного цвета. Он тяжело, с хрипами, вздыхает, переводя беспокойный взгляд с Мисюрева на судью, а потом — на прокурора, словно пытаюсь понять, как действуют на них слова подсудимого, и я гадаю: кто он, этот мой сосед? Отец Мисюрева? То есть дед несчастной Оксаны?

— Я тогда был готов на все!.. — признается Мисюрев, давя грудью ребристые прутья клетки, будто пытаюсь из нее вырваться.

...Он работал тогда водителем грузовика в торгово-закупочной фирме "Продкомплент", где все, начиная с гендиректора Завинского и кончая главбухом Гавриловой, знали о его беде. Ездил в Москву из Белозерска, Воскресенского района, на элентричне, для чего вставал в пять часов утра, чтобы к восьми быть в офисе, у Курского вокзала. Развозил консервы по оптово-розничным рынкам, сам грузил-разгружал, экономя на грузчиках — прежний директор давал ему на это неподотчетные деньги.

Но пришел Завинский и лишил его побочного заработка. К тому же перестал выплачивать еженедельную премию, а на бензин выдавал рубли строго по километрану. Когда же зашел разговор о большой сумме займа на операцию дочери (около 20 тысяч долларов), резко ответил: "Нет у нас таких денег".

Хотя Мисюрев знал: в конце каждого месяца в сейфе офиса снапливается в 3-4 раза больше — черный нал, не облагаемый налогом. То есть деньги, как понимал Мисюрев, украденные у государства. Но до мысли — украсть украденное! — он дошел не сразу. Решил заняться побочным бизнесом.

Жизнь не по правилам

Объявили перерыв, и в коридоре, у дверей зала № 313, я знакомлюсь со своим соседом. Нет, он не Мисюрев-старший, он Анфалов, отец сидящего рядом с Мисюревым долговязого парня — Юрия. Да, живет в Белозерске. Обычный подмосновный поселок из пятиэтажек. Народ бедствует, так как предприятия в округе позакрывались. Ное-как кормятся с огоро-

дов. Сын Юрий учился в одном классе с Наташей, женой Мисюрева, и она попросила его как-то отвезти на своем "жигуленне" Оксану в Онноцентр. Юра отвез.

С этого и началось.

— Нельзя в наше время другому сочувствовать, — вздыхает, хрипя, Анфалов-старший и, откашлявшись, добавляет: — Ни за что пострадал мой Юрка.

...Бизнес же Мисюрев планировал разный. Вначале хотел торговать лесоматериалами, для чего наведывался на лесопилку — приглядывался. А потом, когда ездил в Смоленскую область за дешевой картошкой, узнал: там, в полуосыпавшихся блиндажах, местные жители до сих пор находят оружие, хорошо сохранившееся, иногда — в смазне.

Продают за бесценон. Скупить, а затем продать в Москве рыночным торговцам — вот выход из ситуации. Так думал Мисюрев, советуясь с приятелем Сергеем Лисняном, живущим на одной с ним улице в Белозерске и — сидящим сейчас вместе с ним в клетке для подсудимых.

Сергей план одобрил. Поехали. В поселке Темкино, Смоленской области, спросили про оружие первого встречного — им оказался начальник поселковой пожарной части Валерий Трусов, заядлый рыбак, не раз натывавшийся на блиндажи по берегам окрестных речек.

Он-то и продал им два револьвера системы "Наган" модификации 1930 года, да еще гранату впридачу — "рыбу глушить". Но перепродать оружие Мисюрев не смог. Ездил на рынок в Лужники к знакомому азербайджанцу (он раньше палатку в Белозерске дер-

жал), но того ни модель, ни цена оружия не устроили.

И только после этого в разговорах Мисюрева с Сергеем возникла тема: а может, поговорить в гендиректором Завинским "как мужик с мужиком"? Ведь деньги лопатой гребет, для него 20 тысяч долларов — не сумма!

О том, как "поговорили" с Завинским, рассказал после перерыва Юрий Анфалов, переминаясь в клетке с ноги на ногу, косясь на сидящего в зале отца затравленным взглядом...

В тот декабрьский день он, Юрий, снова откликнулся на просьбу — отвез Мисюрева и Лисняна в Москву, на улицу Пришвина, к дому, где жил Завинский. План был — подстеречь в подъезде, вывести и, усадив в машину, съездить с ним в офис за деньгами. Не получилось. Гендиректор, по словам Юрия, оказался патологическим трусом. Не выслушав даже Лисняна и Анфалова (Мисюрев оставался в автомобиле), вырвался и убежал, бросив на ступеньки барсетку с документами.

Днем позже сам Завинский этот эпизод растолковал суду иначе: его будто бы били, вставив в рот револьверное дуло и повредив губу. Но объяснить, почему не заявил в милицию и не зафиксировал побои в травмпункте, не смог. То ли такие эпизоды были для него обыденными, то ли не хотел тратить драгоценное время. Не ясно.

Ясно одно: ни сам Завинский, ни его обидчики не считали тот "мужской разговор" чем-то исключительным и тем более — противоправным. Обычная разборка, ничем, правда, не завершившаяся. В стране, чье население в большинстве своем вынуждено жить не по

правилам, получая зарплату черным налом, главным правилом становится выяснение отношений с применением силы.

Поэтому-то и в суде эпизод с барсеткой стал фигурировать только потому, что Мисюрев в покаянном порыве сам рассказал о нем следователю.

А до встречи со следователем случилось вот что...

Гангстеры на один день

Посоветовавшись, они решили стать на один день гангстерами, чтобы отнять у Завинского нужную сумму. За руководством и действием далеко ходить не стали — каждый вечер по всем каналам ТВ в боевиках демонстрировались изощренные способы отъема денег.

Да и сами они до этого решения ангелами не были. Мисюрев несколько лет назад, в момент жесточайшей безработицы, извел чужую корову на мясо, но на его продаже попался и был осужден к условному сроку. У Лисняна же числились две судимости за мелкие хищения.

Анфалов, правда, их на этот раз не поддержал, сказав, что такие игры не для него. Пришлось просить поучаствовать младшего брата Мисюрева — Дмитрия, недавно отслужившего в армии, парня медлительного, но зато высокого и плечистого, к тому же остро переживавшего все то, что происходило с его тринадцатилетней племянницей.

А через 9 дней после эпизода с Завинским, 29 декабря, все трое — братья Мисюревы и Сергей Лиснян — приехали на электричке из Белозерска в Москву к восьми утра.

У них все получилось: Владимир Мисюрев, пройдя в офис, минут через десять предложил главбуху Гавриловой, водителю Пучнову и механику Кузнецову (сам Завинский был в отъезде) попить чаю. Для чего вышел за водой в коридор, "забыв" защелкнуть металлическую дверь. В туалете его дожидались Сергей и Дмитрий. Напялив спортивные шапочки с прорезями для глаз, они ворвались в офис с криком: "Всем на пол!" Приказали открыть сейф, выложить деньги.

Тут возник непредвиденный момент: механик Кузнецов, перекладывавший пачки денег в сумку налетчиков, делал это нарочито медленно — тянул время до возвращения Мисюрева, который, конечно же, должен вызвать охрану.

Но у Лисняна не выдержали нервы: угрожающе размахивая прихваченным из дому кухонным ножом, он чиркнул им по лицу механика, оцарапав его... А в остальном все прошло по сценарию: деньги упакowali в две объемистых сумки, главбуха Гаврилову, Пучнова и Кузнецова заперли в подсобное помещение, куда чуть позже затолкали и будто бы избитого Владимира Мисюрева, демонстративно охватившего руками голову. И, сняв маски, отправились на элентричке в Белозерск.

Приехав же, вопреки международной гангстерской традиции — немедленно делить добычу! — в квартире Лисняна вывалили гору денег на кровать (в пересчете на доллары там было около 80 тысяч). Полюбовались. И, конечно же, решили отметить событие. Единственное, на что они из той суммы потратились, не дожидаясь Владимира, была бутылка не очень

качественного коньяка, купленного в соседнем киоске.

Тем временем в офисе "Продкомплента" события развивались так: пленники, сумев открыть дверь, вызвали службу безопасности. Ее начальник Сальников, хорошо знавший сотрудников и осведомленный о ситуации в семье Мисюрева, завел его в кабинет и, взглянув в глаза, спросил:

— Твоя работа?

Владимир, смертельно уставший от всего пережитого, измотанный бессонными ночами, безденеьем и необходимостью врать сослуживцам, вдруг понял: затеянное ему не по силам. Лучше признаться сейчас, потому что от него не отстанут. И он признался:

— Да ведь для дочери же — на операцию!

И сел в машину, отправившись с нарядом милиции в Белозерск — возвращать похищенное.

Они приехали туда ночью: деньги все так же, нетронутой горой, высились на кровати.

От имени нашей жизни

И вот они встают сейчас по очереди — там, в клетке. Наютя. Оправдываются. Дмитрий Мисюрев признается:

— Когда мне брат предложил, я сразу согласился, не задумываясь... Оксанку жално...

Лисняна же возмутило в обвинительном заключении утверждение, будто они руководствовались в своих действиях корыстью:

— Да у нас до приезда милиции столько было возможностей поделить и попрятать деньги, оставив Мисюреву его долю на операцию! Там же нашими деньгами почти 80 тысяч долларов, а на операцию

нужно двадцать. Но мы ж их не тронули!

А между тем в обвинительном заключении содержалось еще одно утверждение, грозившее им всем максимальными сроками, потому что их группу следователи назвали *бандой*. А "мужской разговор" с За-винским вместе с налетом на офис, а также обнаруженные в доме у Лисняна револьверы — все это подпадало под определение "*серийные преступления с применением огнестрельного оружия*".

Мисюров же, своим немедленным признанием и выдачей денег практически не оставивший следствию возможности "проявить себя", тем не менее был возведен в ранг *организатора банды*.

У этой странности есть простое объяснение: за прошедшие по отчету разоблачения банды дают премии и звездочки на погоны, повышают по службе. Ну как тут удержаться и не погрешить против истины!

А то, что эти, сидящие в клетке люди, не уголовники-профессионалы, что мотив их преступления продиктован исключительными обстоятельствами, так ли уж это важно в ситуации обвальноей российской преступности?

Мой многолетний опыт судебного очеркиста подсказывал: прокурор, поддерживающий обвинение, повязан со следствием корпоративными узами, и вряд ли будет корректировать свою позицию. Отбарабанит заранее подготовленный текст, уйдя в перерыве пить кофе с ощущением незыблемой нормальности происходящего.

Я всматривался в непроницаемое лицо прокурора Красавиной, гадая: отбарабанит? Или — отноректирует?

И вот она встала с единственным листком в руке. Слегка нашла-нула. За ней, в широком окне, был виден Богородский вал — по нему тек поток автомобилей, сновали трамваи, увозя на своих боках и крышах слепящие солнечные блики. Там шла обычная напряженно-суетная московская жизнь и, казалось, прокурор будет говорить сейчас от имени этой жизни.

Речь Красавиной была короткой и энергичной: отназвавшись в обвинении от статьи "бандитизм", она предложила суду, учитывая исключительные обстоятельства, подтолкнувшие подсудимых к преступлению, определить им меру наказания "ниже низшего предела".

От имени всей нашей нынешней жизни прокурор призывала суд проявить милость, снисхождение к людям, оказавшимся в клетке.

...Я понимаю, ни прокурор Красавина, ни судья Говоров, назначивший подсудимым минимальные сроки наказания, не могли выйти за пределы уголовного дела.

А за его пределами осталась не только смерть тринадцатилетней девочки, чью жизнь отец пытался спасти ценой преступления.

Осталась ситуация, когда большинству российских детей, живущих в небогатых семьях, дорогостоящая медицинская помощь не доступна. И каждый ребенок из тех семей в любой момент может очутиться на гибельном краю.

Да уверены ли вы, читающие эти строки, что кто-то из них уже сейчас не оказался на том краю?

Я не уверен. И не знаю, как примирить такое в своем сознании...

ЭТО ВАМ. ТОЛЬКО
КУДА-НИБУДЬ
СПРЯЧЬТЕ

Профессия кинорежиссера — одна из сложнейших. Объединить усилия большого съемочного коллектива, подчинить своему творческому замыслу — здесь требуется не только разносторонний талант, но и характер. Об успешности режиссера мы судим по результату — готовому фильму. А между тем у этой профессии тоже есть своя кухня. Заглянуть на нее позволила известный кинорежиссер Алла Сурикова. Она закончила работу над книгой, в которой рассказывает о том, как создавались картины, принесшие автору не только звания и награды, но прежде всего — зрительскую любовь.

Алла СУРИКОВА

Десять капель перед ст

Первый

Недавно "Независимая газета" проанализировала, какие фильмы чаще всего показывали по разным каналам последнего года ушедшего вена. Оказалось, на первом месте "Человек с бульвара Капуцинов". Пустячок, а приятно!

Жанр будущей картины мы с автором сценария Эдуардом Акоповым определили так — ироническая фантазия в стиле вестерна.

Главы из книги "Любовь со второго взгляда", выходящей в издательстве "Вагриус".

Сценарий лежал на "Мосфильме" шесть лет, и все шесть лет он мне нравился (и не только мне). Я хотела его ставить (и не только я). Во-первых, материал давал достаточную свободу, чтобы делать не просто вестерн, а ироническую комедию с ассоциативными "колечками" в любую сторону нашей жизни. Во-вторых, тема этой истории — тема человека, преданного своему делу (и это дело — КИНО!), — мне дорога.

На самом деле фильм для меня начался даже не со сценария (пусть не обидится на меня Эдин

рельбой

Анопов), а с исполнителя главной роли — с Андрея Миронова. Меня часто спрашивают, мог ли главную роль сыграть кто-то другой. Я поставлю вопрос иначе: была бы вообще эта картина, если бы Андрей Александрович Миронов не захотел в ней сниматься? И это не преувеличение. Не дань памяти прекрасному артисту. Картина началась с Андрея. С того момента, как я поняла, что мистера Феста (в переводе с английского Фест — первый) — человека с бульвара Напучинов, фанатина кинематографа, решившего переустроить

мир при помощи "синема", будет играть именно он. И он сказал свое "да".

Я храню в архиве текст его последнего газетного интервью — он дал его в день отъезда Театра сатиры на гастроли в Ригу:

"На кино не остается времени, все забирает театр. Но ставя "Тени", занятый по горло, я не мог отказать от роли Феста в фильме Суриновой. И потому, что мы с ней работали над фильмом "Будьте моим мужем", и потому, что предложенный ею материал и на сей раз оказался очень симпатичным, пре-

жде всего по благородной идее, по характеру героя.

Что-то меня сразу поднупило в Фесте, подружило с ним. И то, что он по-своему Дон Нихот, и то, что, если можно так сказать, он не просто чудак, а очень своеобразный счастливый неудачник или неудачливый счастливец. Странное сочетание? А ведь живое, непридуманное, и для меня — и в экранной моей биографии — новое”.

В нашем фильме Андрей Александрович играет вдохновенно, весело, страстно... самого себя. Только в фильме мистер Фест оживает, когда его убивает Черный Джек, а Андрей умер по-настоящему. Это был его последний фильм.

Но тогда, жарким летом 1986 года, когда мы — творческая группа — рискнули освоить совершенно новый для советского тогда еще кинематографа жанр вестерна, а на берегу Тихой бухты собралась потрясающая суперзвездная сборная советских артистов, настроение у всех было азартным и шалым. Главная сложность состояла в том, чтоб “звезда с звездой говорила” — в кадре.

Звездный букет

Меня, как и многих других режиссеров, часто спрашивают, как удается уговорить звезд и собрать для работы таной состав — самых неуловимых людей. Секрет в том, что хорошим актерам хочется сниматься в комедии по хорошему сценарию.

Олег Табаков, исполнитель роли бармена Мак-Нью, — на тот момент актер МХАТа, ректор театрального института, главный режиссер только что созданного молодежного театра (всем известной ныне “Табанерки”). Нема-

ло было сделано, чтобы Олег Павлович мог совмещать все это с работой над фильмом, потому что в этой роли и в этом составе я видела только его. Да и сам себя он видел. Подтверждение тому — как он работал. Он придумал себе такие трубочки в ноздри, которые делали его нос широким, а лицо “плюшевым”, коварно-добродушным. Думаете, это очень приятно — целый день существовать с “растопыренным” носом?! А он — терпел! И даже улыбался. И даже не терял аппетит. Единственное, с чем постоянно приходилось бороться, — он поглощал исходящий ренвизит, положенный его герою, задолго до начала съемок... Когда однажды мы заменили положенные бармену Мак-Нью орешки на бутфорские, он очень “удивился” и слегка заскучал... Мы не стали больше экспериментировать с исходящим ренвизитом. Настроение артиста дороже. И на это он отвечал самозабвенной игрой и блестящей импровизацией. Правда, только до команды “Стоп!”. А после — Олег Павлович мгновенно находил место для горизонтального положения и тут же засыпал: берег силы. Но если раздавалась команда “Приготовились к съемке” — он первым, “огурчиком” стоял в кадре, будто талант его, в отличие от своего хозяина, и не задремывал ни на секунду.

Николай Караченцов (в роли новбоя Билли Кинга), — к моменту съемок уже покорила Париж в леновском спектакле “Юнона и Авось”, а в нашем фильме, помимо всех своих замечательных актерских качеств — удивительной пластичности и музыкальности, — во всех трюковых сценах снимался

сам, без дублера, да же тогда, когда сломал палец на ноге.

Николай Петрович пренрасно импровизировал, придумывал, предлагал. Моя задача была только отбирать, да еще следить, чтобы через образ простого, наивного и порой да же глуповатого Билли Кинга не проступали черты умного и ироничного Петровича.

Недавно мы с Петровичем (он премьер, я президент) провели в Новгороде Велином фестиваль кинокомедии "Улыбнись, Россия!" И я снова — в который раз! — порази-

лась его отношению к делу. Для него нет на сцене несущественных эпизодов, деталей! Все, что делает, он делает тщательно, репетирует до самозабвения, поет, отдавая душу зрительному залу. И зал отвечает ему взаимностью...

...Предстояла сцена гибели мистера Феста. Мы решили снять ее одним куском — от плачущего до смеющегося Билли Кинга Николай Петрович попросил минуту для подготовки. Тишина полная в павильоне. Он говорит: "Тотов". Я: "Намера!" Умирающий Фест произносит слабым голосом: "Заряжай..." Герой Нараченцова выполняет последнюю волю своего учителя, начинает крутить ручку киноаппарата, при этом плачет. Крупные, честные слезы выползают из-под прикрытых вен. Невольно поднимает глаза на экран — там в это время Чаплин... Вокруг все потихоньку от всхлипываний переходят к смеху... Но Билли стесняется улыбнуться — ведь

рядом лежит умирающий друг... Вдруг раздается смех оживающего мистера Феста. Билли Кинг поворачивает голову к Фесту и сквозь слезы тоже начинает смеяться, это еще не смех, а всхлипывания, но смех прорывается... И наконец уже — смех, смех... В полный рот. Группа аплодировала актеру. Сняли один дубль.

После этого фильма мы подружились, надеюсь, навсегда. Желание работать вместе вылилось еще в восемь названий. Я никогда

не считала для себя зазорным спросить его совета, сверить с ним свои наблюдения и проверить режиссерские решения на площадке.

Михаил Боярский (в роли бандита Черного Джена), попал в нашу картину благодаря мистеру Фесту. Мои ассистенты с большим трудом вышли на него, когда он приехал в Москву на съемки к Светлане Дружининой. Картина у них вовсю набирала обороты. "Боярский намертво занят," — резко отбила атаку Светлана ассистентка. И была по-своему права.

Но мои ассистенты пошли в обход: они тайно сообщили Михаилу Сергеевичу, что в главной роли у нас снимается Андрей Александрович и что он лично очень просит Михаила Сергеевича составить ему компанию. И попали в точку.

Михаил Сергеевич умеет быть выразительным не только в больших работах, но и в искрометном эпизоде. Недаром Боярский очень популярен как исполнитель эстрадных песен. Ему всегда удается создать неповторимый и запоминающийся образ даже в музыкальной фразе. А в этом фильме с музыкой Геннадия Гладнова и ироничными словами песен Юлия Нима нужны были особенные исполнители — Андрей Миронов и Михаил Боярский, поющие актеры. При монтаже у нас вылетел — не вписался в ритм картины — эпизод, где Джонни Фест одновременно и грустно, и насмешливо поет о неудавшейся любви: "Наждому свое, тебе — забава, мне — мученье, а время лечит только тех, кто болен не смертельно..." Тогда Андрей исполнил эту песню легко и без надрыва. После фильма, после смерти Андрея, она стала звучать удручающе символично...

Сейчас я иногда оставляю для себя эпизоды, не вошедшие в картину, а тогда мне это не пришло в голову — жаль. Две песни Андрея из нашей картины могли бы остаться сегодня для тех, кто его помнит и любит.

Замечательная джазовая певица Лариса Долина пела в фильме за нашу героиню. Она покорила меня тогда своим неповторимым голосом, профессионализмом, легкостью, умом, обаянием... Мы редко виделись за прошедшие годы. Я снимала кино, она пела. И становилась все моложе, стройнее и "звезднее". Но вот недавно я записывала песни к своей новой картине и осторожно обратилась к Ларисе с той же просьбой. И она снова покорила меня. Она прилетела в день запи-

си с каких-то гастролей, выступила на концерте в Кремле, но мне попала в 11 вечера, прекрасно спела две песни — и не взяла денег. Лариса осталась таной же талантливой, обаятельной и беснорыстной. Это дорогого стоит.

Диану, певицу из салуна "Бешеный бизон", возлюбленную мистера Феста, сыграла Александра Аасмяз — красивая и отважная актриса, известная зрителю по фильму "Энипан" и по фамилии Яновлева. Просто в моем фильме она снялась под фамилией своего второго мужа. На роль Дианы пробовалось несколько молодых актрис. Мы искали "американский тип": с открытой белозубой улыбкой, с выразительной грудью под денюльте — этаная "любовь новбоа". Саша Яновлева потом шутила: "Алла Ильинична искала актрису с большой грудью, а нашла меня. Я — отдельно, грудь — отдельно". Актрисы проходили пробы без основного партнера — мистера Феста. Андрей Александрович был очень занят. Мы не могли его выдергивать для знакомства со всеми кандидатками на роль. Но потом я смонтировала видеоролик с основными претендентками и показала ему: "С нем захотите, с тем и будете сниматься". Для меня было важно его ощущение влюбленности в героиню. Он выбрал Сашу.

Нак-то полушутя мы разговаривали с Андреем о его идеале женской красоты. Его всегда привлекали женщины, чем-то похожие на маму, на Марию Владимировну. У Марии Владимировны было умное открытое красивое лицо волевой руссой женщины.

Саше повезло — она была ближе всех к идеалу.

Игорь Кваша сыграл пастора Адамса. Игорь не случайно оназался в нашей картине. Во-первых, он был одним из ближайших друзей Андрея, а во-вторых (и в главных!) ему подвластно то тонкое чувство такта в отношении отрицательного персонажа, когда можно пройти на грани, по острию — и не сплнуться.

Игорь прилетел в Симферополь, откуда нужно было добираться до площадки часа два на машине. Администратор, встретивший его, будто забыв об актере, поехал почему-то сразу не на площадку, а сначала куда-то по своим административным делам. Было жарко. Кваша устал после перелета. Посреди дороги он в раздражении просто вышел из машины ("Я приехал сниматься, а не нататься по вашим делам"), поймал встречное такси и рванул обратно, в аэропорт.

Вечером мне из Москвы позвонила его жена Таня, прелестная женщина и удивительный человек (дочь драматурга Штейна): "Игорь еще не улетел, он сидит в аэропорту. Он очень переживает, но отступить не может. Рейс завтра утром. Возможно, имеет смысл перехватить его?" Позвонила и Люба Горина (жена, теперь вдова Григория Горина), редактор нашей картины и подруга Андрея Миронова, Игоря Квашы, его жены и моя тоже... Попросила зла на Игоря не держать и дажде наоборот.

Дело уже к ночи. Стемнело. Подъезжаем к аэропортовской гостинице, стучимся в дверь его номера. Игорь видит меня и становится таким счастливым, забывает обо всех своих обидах: "Я так переживаю. Но я не мог иначе... Но я так переживаю. Я переживаю уже вторую бутылку водки". Мы купили

еще водни и поехали обратно. По дороге я почувствовала: водитель засыпает. Пришлось остановиться до утра — иначе заснет за рулем и не будет ни Кваши, ни меня, ни кино.

Так мы спасли ситуацию и репутацию. "Разведка" сработала — мы вернули Игоря в картину. На следующий день объявили выходной, работать было невозможно — всю ночь проездили.

Одноглазого ковбоя — героя Лени Ярмольнина — вряд ли кто вспомнит по имени. Изначально в сценарии у него была только одна фраза, но Леня очень талантливый комедийный актер, ломающий любые сценарные рамки эпизодов. Если ему дать экранное время, он все равно прорвется и из одной реплики сделает целую роль. Он буквально фонтанировал всякими смешными "фенечками".

Вождя индейцев должен был играть Фрунзик Мкртчян, но в это время он запустился как режиссер с картиной "На дне", которую снимал в горах Армении. Он не смог спуститься с гор. Тогда Андрей Александрович Миронов помог мне разыскать в других горах — Уральских — Спартана Мишулина. Чтобы сыграть вождя, Спартан, можно сназать, свернул эти горы.

На роль гробовщика, местного философа и первого кинокритика Санта-Каролины был приглашен Лев Дуров. Я давно мечтала с ним поработать, но все не находилось подходящей роли.

Негодяя-растлителя Секонда сыграл интеллигентнейший Альберт Филозов.

Даже в самых крошечных ролях и эпизодах снимались "звезды": Михаил Светин — аптенарь, Олег Анофриев — тапер в салуне,

Борис Брондунов — ковбой, возмутитель спокойствия, Наташа Фатеева — жена индейского вождя, Галина Польских с Семеном Фарадой — супружеская пара, Наталия Крачковская — мексиканская девушка Кончита, наперсница Дианы (она предлагала нам использовать на крупном плане свой бюст вместо бюста героини), и еще многие другие замечательные... Так что "звезда с звездой говорила" буквально каждый день.

Существует заблуждение, что со "звездами" работать сложно, они-де очень капризны, требовательны не только в творческом, но и бытовом плане. Но это совсем не так. И даже более того... Как бы мы выкручивались без наших замечательных "звезд" в условиях тотального дефицита, когда были перебои даже с бензином?! Обычно мы делали так: подъезжали всей колонной к бензозаправке, "звезду" вперед — и девушки-заправщицы были "готовы на все".

Перья с головы вождя

Для того, чтобы получилась комедия, нужен мешок юмора. С этим у всех наших актеров был полный порядок. Чтобы комедия получилась лирической, нужен километр любви. Тут нас хлебом не корми — дай главным героям хотя бы посмотреть в глаза друг другу. Чтоб кино было музыкальным — нужны в титрах Геннадий Гладков и Юлий Ним. И это уже знак качества. Но чтобы это был еще и вестерн, нужно всего-ничего — Дикий Запад: лошади, драки, нольты, салуны, перья и т.д.

Этого в запасе не было. Не только у нас, но и в богатых рекви-

зиторских цехах "Мосфильма". Мы собирали Диний Запад по крупнякам, отсмотрели кучу вестернов. Что нам нужно, мы уже знали. Оставалось выяснить, где это взять. Самое близкое, где можно было что-то ухватить, — на чешской студии "Баррандов-фильм". И чехи дали нам несолько ковбойских седел, пару комплектов сбруй и кое-что по мелочи. Мы рвались к кольтам. Но чехи держались до последнего — оружия не отдали: "Самим надо".

Носюмы, шляпы сшили на "Мосфильме". Диний Запад — американский городок Санта-Наролина с банном, салуном, аптекой, пустыней и кактусами — построили в Крыму, под Феодосией.

Еще до съемок декорация, только что выстроенная в узком коридоре Тихой бухты, стала заваливаться от ветра. Хотя выгляде-

ла она внешне как настоящий городок, все-таки это была декорация — ее передние стены сзади подпирали балки. Выбранное нами для съемок красивое место, как оно оказалось, имело удивительное свойство — любой ветер усиливался здесь в десять раз, и создавался эффект трубы-вытяжки. Столбы, которые должны были удерживать конструкции, ввалились почему-то неглубоко. И вот у меня на глазах рушится город моей мечты — моя Санта-Наролина. Я схватила что-то типа лопаты и бросилась его спасать. Потом я поняла, что одна не справлюсь. Села и заплакала. Был яркий солнечный день. Два здоровых молодца из основного неактерского состава съемочной группы сидели неподалеку на берегу моря и играли в карты. И не поднимались... И продолжали играть...

Но мне на помощь пришли каскадеры. Под сильными порывами штормового ветра они ввалились столбы. И город выстоял. С тех пор я нежно люблю людей, которые называются верным словом "каскадер".

О хорошем отношении к лошадям

Лошадей в картину отобрали в кавалерийском полку. Существовал таной полк при Госкино СССР. Он был создан специально для обеспечения съемок. К сожалению, наш фильм был снят вопреки этой традиции, а не благодаря ей.

Кавалерийским отрядом, приехавшим к нам в экспедицию, командовал капитан Б. Он и должен был всячески содействовать обеспечению... Но... "Или будет так, как я сказал, или не будет никак", — повторял он. Капитан оказался человеком, мягко говоря, странным: на берегу моря в тридцатиградусную жару заставлял своих солдатиков бегать в противогазах.

В первые дни он вроде слегка расслабился и в съемках погони дал нашим каскадерам нормально поработать на полковых лошадях. Но потом разогрелся и стал качать права. Я так и не поняла: то ли он сам хотел сниматься, то ли хотел получить в карман. Но у наших директоров не очень-то получишь. Мы снимали на средства Госкино, и левых денег, как сегодня, взять было неоткуда. (Если они и появлялись, то директора не спешили с ними расставаться.) Свои желания капитан напрямую так и не обнаружил, зато по поводу вверенных ему лошадей высказался вполне конкретно, заявив, что каскадерам их не даст: "Лошадь — это тот же боевой танк. Мы не имеем права отдавать ее в чужие руки".

И вот у нас по графику съемки сцены с дилижансом. Я специально вызвала на роль возниц каскадеров, владеющих искусством управления экипажем. В упряжке — особые лошади, их по-особому запрягают; управлять четверной лошадей может только опытный человек. Но Б. потребовал, чтобы возницей дилижанса стал его солдат. Положение безвыходное: пришлось согласиться. Сели антеры в дилижанс, солдат погнал четверку. А лошади его не послушались — он был неопытный, только год отслужил, понесли, и дилижанс чуть

не перевернулся. Мы все были в шоне.

Я терпела, когда он не давал своих лошадей Боярскому и Мионову, подменял неопытными молодыми ребятами из полка моих каскадеров — мастеров спорта. Но тут, когда его выходна чуть не стоила людям жизни, я сказала: "Нет!" Но и он сказал: "Нет".

Как переживали солдаты! Как им хотелось провести лето не в казармах под Москвой, а на берегу моря и увидеть настоящие съемки! Но Б. был непоколебим: увез солдат, лошадей, а заодно прихватил и весь фураж. Нам, таким образом, ничего не оставалось, как снимать вестерн без лошадей. Вот такое вот кино.

Итак, настоящих, киношных, лошадей у нас не было. Но мир не без добрых людей... и не без краденых лошадей. Все видели, в каком мы положении, и приводили к нам лошадей... разных-всяких. Мои каскадеры-конники их обучали.

В перерыве группа уезжала обедать, а я чаще всего оставалась на площадке, потому что "художник должен быть голодным". И еще потому, что это была единственная возможность подумать в тишине. Лошади тоже отдыхали. За ними присматривали мальчишки из окрестных деревень. Однажды вот в такой одинокий обеденный перерыв подходят они ко мне: "Вы тут главная?" — "Ну, в общем, да. А что?" — "Скажите, тут жеребец Малыш нобылу просит, так дать?"

Этот вопрос застал меня врасплох, я не знала, как в такой ситуации поступить, но я всегда за то, чтобы по возможности всем было

хорошо. И потому решила: если кобыла это тоже будет приятно, почему бы и нет.

Все возвращаются с обеда. Вдруг каскадер Витя Григорьев подбегает ко мне с переносным от негодования лицом:

— Что вы наделали?

— А что, Витя, в этом плохого, если кобыла не возражает?

— Да я его неделю бью, чтобы он вел себя прилично, ведь коню чем больше... тем он больше хочет. Его до конца съемок надо держать в строгости. Распустили вы его, теперь он будет плохо работать, шалить будет, требовать свое!

Да... Красивый жеребец для съемок всегда проблема.

Как-то Малыша у нас увели, просто-напросто украли, и кобыла пропала — Верка. Сперва мы подумали, может, они отлучились по случаю романа... Отлюбятся и вернутся. Но они не возвращались... Что делать? Съеми ж! Вестерн! Тут нам кто-то шепнул: "Надо милицию просить, чтоб нашли... Милиция знает, кто промышляет нонокрадством и где держат ворованных лошадей". Объявили выходной.

И вот Андрей Миронов, режиссер Александр Згуриди (он приехал, чтобы снимать после нас в нашей декорации кусочек своей картины) и я двинулись в поселок Планерское к милиционерам.

Заходим в кабинет начальника милиции. Тот видит Миронова и... потеет от счастья и волнения. Андрей Александрович "добавля-

ет" — строго, спойно и по-деловому: "Уважаемый товарищ майор, к вам приехали лауреат Государственной премии Алла Ильинична Сурикова, между прочим, племянница министра внутренних дел Украины (что сплошь выдумка), лауреат Ленинской премии, народный артист СССР (что сплошь правда) Александр Михайлович Згуриди и я, актер Андрей Миронов"

Он изложил суть дела. И закончил примерно так: "Мы пойдем в музей Айвазовского и на могилу Волошина, и нам бы очень хотелось, чтобы за это время жеребец по кличке Малыш (далее следовало краткое описание лошади) и кобыла по кличке Вера вернулись на съемочную площадку. Я еле сдерживаю Аллу Ильиничну, чтобы она не звонила дяде в Киев... Зачем вам неприятности?"

Когда, осмотрев положенные достопримечательности, мы ехали обратно, по дороге в Санта-Карлину встретили Малыша. Он шел в сопровождении милиционера на место съемки. Увидев нас, Малыш

приветственно заржал — у лошадей тоже есть чувство юмора...

Куда меня везут?..

Нак-то в начале съемочного периода для налаживания нужных окрестных связей директор картины Володя Дудин организовал "экскурсию" на один из крымских заводов вин-коньяков. Мы поехали вчетвером: Андрей Миронов, Лев Дуров, директор картины и я. Съемки у нас в тот день начинались в три часа дня, а было еще девять утра. Андрей Александрович, видно, поздно лег, подниматься жутко не хотел:

— Куда меня везут? Я еще не был на могиле Волошина! Я еще не побывал в музее Айвазовского!.. Зачем мне этот завод?!

И так всю дорогу...

На заводе директор стал рассказывать про сорта вин, про беды отрасли (а это было время, когда вырубали виноградники), подчеркнул, что единственная польза от запрета спиртного — меньше стали ездить всякие ценовские начальники, которые вина и коньяки вывозили бочками. Потом началась дегустация... Мадера коньячная, коньяк "Праздничный". Настроение несколько улучшилось.

Прошли в следующий зал, в следующий...

И с каждым переходом настроение у моих актеров поднималось, а у меня падало. Музеи уже не выдвигались первоочередным аргументом. Я засуетилась, стала дергать директора завода за рукав: "У вас производство, но и у нас производство. Скажите, ради Бога, артистам, что у вас больше залов нет. Лучше выдайте все "оставши-

еся залы" "сухим пайком" и отправьте нас обратно".

Артисты меня в этом порыве не поддержали: "Мы не пионеры, а вы не председатель дружины. До трех обсохнем!"

Но все же, вняв моим опасениям, Андрей Александрович в следующих залах лишь пригублял очередной напиток и, сливая вслед за директором завода остатки в специальный винный сток, с иронией приговаривал: "А это поплывет к нам на съемочную площадку "сухим пайком"! И весело импровизировал на тему, кто и как будет этот паек дегустировать.

Вообще же Андрей Миронов славился потрясающей собранностью, точностью и обязательностью, что в киношной среде чрезвычайная редкость. Один раз он летел на съемки в Крым из Томска через Москву, больной, с температурой, едва живой. В Москве его, как водится, не встретили, билет на Симферополь наши администраторы ему не купили, и с чистой совестью Андрей мог бы отлечься дома, полечиться в Москве... Когда же он прибыл на съемочную площадку вовремя, но таким, каким его никто никогда не видел, я не сумела найти слов и, разряжая ситуацию, просто встала перед ним на колени. Тут уж ему стало не по себе — Андрей не умел обижаться надолго.

Удивительная команда

До съемок фильма мы провели большую серию проб и даже сделали эскиз фильма на видеонассете. К началу съемок у меня сложилась довольно объективная оценка актерских возможностей будущих исполнителей трюнов. Появилась

уверенность в том, что они справятся, многие эпизодические и небольшие роли смогут сыграть сами. Конечно, в этом был и мой "шкурный" режиссерский интерес: мне во что бы то ни стало нужно было постоянно иметь под рукой исполнителей трюков: не просто гастролеров, приезжающих на конкретный трюк в конкретной сцене, а людей, находящихся рядом, единомышленников, которые могут помочь, в любой момент что-то еще придумать эданое трюко-гэговское.

Это была удивительная команда. Саша Жизневский, маленький очаровательный конник, сыграл старуху с клюкой, которая попутает у аптекаря (Михаила Светина) капли.

— Десять капель перед стрельбой! — советует старушке аптекарь.

— Да пошел ты!.. — шамкающим старушечьим голосом отвечает Саша, а потом, как молния, вскакивает на лошадь и мчится вдале.

Саша Огнянов играл мексиканца. Колоритная походка, невозможность, черные, чуть раскосые глаза. И абсолютно мексиканский (с нашей ковбойской точки зрения) взгляд на жизнь. Он спокойно ложился под каблук Альберта Филозова, для которого наступить ботинком на человека было, я думаю, психологически сложнее, чем самому улечься под чужой каблук. Но Саша всем своим видом убедил Альберта, что ему не только не больно, но и даже очень приятно!

Вася Шлыков — красивый, с идеальной фигурой. Ему можно было доверить любое актерское лицо: он мог пронести свой кулак в

миллиметре — и никогда не ошибиться...

Коля Астапов. В сцене драки ему надевают на голову бочку с водой, да еще бьют по этой бочке. Вода хлещет потоками, а он... хмельно-сосредоточенно застегивает пуговицу на рубашке. Эта его импровизация дорогого стоит. При монтаже, когда приходилось жертвовать многими интересными кадрами, этот незапланированный кусочек я выкроила и оставила.

Наснадеры дублировали в трюковых сценах, а иногда, на общем плане, и подменяли наших очень занятых звезд. Витя Григорьев — очень актерски одаренный человек — гениально дублировал Олега Павловича Табанова и Андрея Александровича Миронова. А, например, подменять в трюке Наталью Фатееву пришлось пятерым мастерам: разогналась она сама, потом на стену взбегала другая Наташа — Дариева, дальше по крыше бежал уже Саша Жизневский, затем прыгал Вася Шлыков, а заканчивал трюк Витя Григорьев. В результате динамичного монтажа Инессы Бронзовской из пяти различных планов получился потрясающий прыжок одной жены одного вондзя индейцев.

Вообще в фильме "Человек с бульвара Капуцинов" актеры любили своих дублеров, а наснадеры — артистов. И не только "своих", в чьи костюмы переодевались на трюки, но и "чужих". О том, как они любили Андрея Миронова, свидетельствует один эпизод из фильма, который они сыграли с таким упоением!

Салунные девицы с криком "Хотим фильму!" несут на руках мистера Феста. На самом деле Миронова несли переодетые в женские

платья наскадеры. Девушкам из кордебалета Андрию было бы не поднять, одного таланта в нем было килограммов на семьдесят. Да он бы и не позволил, чтобы женщины его несли. Мы пошли по простому нинюпути: кричали и домогались Феста на крупном плане женщины, а на общем — несли наскадеры в корсажах. Они были счастливы безумно — мужчины, оназывается, обожают переодеваться в женщин, особенно такие мужественные, как наскадеры. Они красили губы, показывали коленки, задирая юбки, обнажая ноги в огромных сапожниках, — туфельки на такие лапы, конечно, не нашлось. Саша Иншаков и Саша Огнянов особенно распоясались, почувствовав себя девушками. Наскадеры несли Андрея с огромным удовольствием, ведь не раз мысленно носили его на руках. Когда вечерами мы собирались у меня в номере и приходил Миронов, это был праздник. Особенно, если Андрей что-то рассказывал, например, как сам был исполнителем трюков на картине Эльдара Рязанова "Необыкновенные приключения итальянцев в России". Жаль, что никто не догадался включить видеокамеру или хотя бы магнитофон... Но ведь никто не думал, что это уже не повторится!

Говорят, на Западе наскадеры — одна из самых закрытых гильдий кино, там они не делятся своими секретами друг с другом. На нашем "Дином Западе" царил общий дух поддержки, взаимопомощи. Трюк исполняет один, готовят его все.

Еще говорят, западные наскадеры работают с солидной страховой, за каждый дубль получают отдельный гонорар. Это, конечно,

правильно, но наши наскадеры в таких "нечеловеческих" условиях сниматься бы не смогли, а бюджет фильма был бы исчерпан в первой же драке. Азарт и творческое горение у нас на съемках невозможно было сдерживать: "А давайте еще и это!" Или: "Мы такой трюк придумали — умрете!" Умирать было равнотово. Приходилось их останавливать. В целях соблюдения графина съемом.

"Свободное творчество" моих "звезд" обеспечивалось и страховалось выносливостью наскадеров. Только благодаря им, этим мастерам на все руки, восстанавливались порушенные в пылу азарта декорации, и съемки не уходили далеко за пределы графина.

Со времен моей первой картины страх, что я не справлюсь с актерами, у меня как у режиссера прошел. Но тут я столкнулась с неожиданной проблемой. В нашем фильме много фоновых, второпланных драк. Эти драки целиком осуществлялись актерами массовых сцен, то есть теми любителями кино, которые за две с половиной копейки, "не щадя живота своего", готовы проводить всю жизнь на съемочной площадке. У меня были сомнения, захотят ли актеры массовники участвовать в драках. Напрасно я озабочивалась. Мужчины любят драться. Мужчины — это выросшие мальчишки. В них сидят драчуны. Просто на улице ни с того ни с сего в драку не полезешь, да и отметелить могут, а тут — и несерьезно, и еще за кое-какие деньги... Но! Когда я говорила: "Мотор!" — слышали все и начинали самозабвенно молотить друг друга. Слово "Стоп!" не слышал никто, даже я сама. Ходом "боя" руководить было вовсе неконструктивно (из

этого я сделала вывод, что всеобщее разоружение надо поручить женщинам). Я дождалась, пока битва не начинала сама по себе стихать и отдыхать, "как пахарь"...

Хорошо, что я заранее позаботилась о том, чтобы "бои" прошли без потерь.

Отсматривая заграничные вестерны, все эти драки и трюки, я ужасалась, подобно всем простым зрителям, когда тяжелые столы, табуреты, барные стойки и бутылки разбивались о головы великих артистов. Я в сомнении ходила между сложенным ренвизитом — своих актеров мне было жалко. Наконец я поделилась своими сомнениями с профессионалами. Саша Аристов мне объяснил, что это только в нашем кино любого народного артиста могут шарахнуть по голове дубовым табуретом. В мировой практике существует сверхлегкое бальсовое дерево, которое у нас не растет, а растет только в Эквадоре, вот из него-то и делают весь ренвизит для такого кино. Не растет-то не растет, но ведь достать можно. Я разузнала, что у нас это дерево используют в дельтапланеризме и ведают им какой-то досаафовский генерал.

Пришлось вспомнить, что я женщина. Вообще-то на съемках я не очень люблю это делать. Но тут я отчаянно нарядилась, разделась, как на первый и последний бал, и на пороге генеральского кабинета заявила: "Я пришла вас соблазнять!" И через паузу: "В творческом плане". Два часа ему рассказывала, нание замечательные артисты снимаются в моей картине, танцевала перед ним, пела и в конце концов уволокла бумажку, из которой следовало, что головы кинозвезд будут спасены всего од-

ним нубическим метром бальсового дерева. На прощание генерал сказал: "Пришел бы мужик, ни за что бы не дал".

Так что в наших условиях вестерн может снять только женщина!

С бутылками оказалось еще проще. В Ленинграде мы нашли травмобезопасную смолу, и Саша Аристов из нее прямо в своей духовне отливал бутылки и стекла для окон. Они легко разлетаются вдребезги, без усилий, от любого удара. И никаких травм.

В результате мы были почти так же хорошо оснащены, как в Голливуде, а трюки, мне кажется, у нас получились даже веселее.

Волшебная сила кино

И все же отличие есть: в моем фильме нет ни одного порезанного или окровавленного, нет ни одного убитого. Даже когда в Феста стреляет Черный Джек и он бездыханно лежит на полу салуна, где в течение нескольких недель демонстрировал различные киноленты, отвратившие завсегдаев этого питейного заведения от виски, драк и прочих жизненных грубостей. Кажется, ему теперь ничто не поможет — ни скупые слезы друзей новбоев, ни трагические вскрики любимой девушки, ни сдержанное сочувствие самого убийцы. Но вновь на импровизированном экране возникает фигура Чарли в котелке и с тросточкой. Вот это чаплинское начало (помните слова великого маэстро: "Могущество смеха и слез — единственное противоядие против ненависти и страха"?) определило для нас и общую стилистику картины, и мотивировку поступков главного героя.

Мы сняли для фильма несколько сцен, где в поведении героя, его пластике возникает некий парфраз Чарли. Ни одна из них в картину не вошла, хотя Миронов был в этих эпизодах свободен, элегантен, достаточно смешон и убедителен. И все-таки мы отказались от прямых ассоциаций. Ведь главное чаплинское начало и для Андрея, и для меня выражалось не в котелке, тросточке и походке, а в соединении юмора и доброты как источнике жизненной силы и оптимизма, без которых современному человеку просто не выжить.

Жаль, что волшебная сила кино действует не на всех. Помню, ехала с "Мосфильма" усталая, ну и нарушила правила. Меня остановил гаишник, а позади полно машин, я им дорогу перенрыла. И вот он начал кричать, а я ему объясняю: "Понимаете, я со съемок, кино снимаю". А он как заорет: "Я не-ви-жу ки-но!" Что на это скажешь? Я ему не поверила. Наверное, в этот день от него ушла любовь...

Не принято, не положено...

Мы снимали картину на пленке "нодак". Тогда это был подарок судьбы. Но "нодака" было очень мало, и мы сэкономили, как могли, — снимали по одному дублю, поэтому очень тщательно готовили каждый трюковой кадр. Я помню только один случай, когда было снято пять дублей. По просьбе Андрея Александровича Миронова. Это был музыкальный номер "Синема-синема". Что-то не сразу получалось, не шло... ему не нравилось — а у меня сердце обливалось кровью, я кусала себе все, до чего могла дотянуться, но отказать Андрею не мог-

ла, потому что он никогда ничего не требовал без достаточных оснований.

Я поражаюсь, как скупо мы работали. Если бы не видеоконтроль, не возможность все увидеть, отрепетировать заранее, мы ничего бы не смогли снять. При таком соотношении пленки — одна монтажная часть к полутора отснятым — снимать вообще-то невозможно. Даже один к трем и то невероятно трудно. На Западе самое дешевое в кинопроизводстве — это пленка. Я видела в Израиле съемки с Мэри Хемингуэй и Сильвестром Сталлоне. Снималась очень проходная сцена: двое стоят на фоне моря, "здрасьте — до свидания". Но — точек съемки! Разных намер! Дублей! Пленки не мерено! Поэтому монтаж такой динамичный получается, и в принципе кино другое. Поэтому они могут сделать "экшн" из двух человек, которые сидят и разговаривают. А наше кино на Западе показывать нельзя, потому что у нас пытаются сэкономить на всем. Я не транжирна. Я за то, чтобы делать дело без ненужных затрат. И мне в принципе понятно, когда говорят об экономии. Но не за счет пленки это надо делать, не за счет пленки...

Когда мы закончили съемки, я обратилась к заместителю председателя Госкино Николаю Трофимовичу Сизову с просьбой не разрушать наш городок Санта-Наролину, оставить его для отдыхающих.

Пока мы снимали, к нам каждый день приходили пароходы, приезжали люди — посмотреть на артистов, на съемочный процесс и просто на декорации. Ведь у нас были салун, улица, масса маленьких помещений — в хороших рунах

это могло бы приносить и радость, и доход. Достроить немножко, и все — готовый развлекательный городок (и часть денег — "Мосфильму"). Может, сегодня так и сделали бы. Но тогда он ответил, что и не такие декорации снимали, вот сожгли в Суздале декорации к фильму про Петра Великого. Не принято, не положено. (Нем не положено, куда не положено? Не понимаю.)

Мы уехали из Тихой бухты, оставив военным, которые нам помогали устанавливать декорации, разбирать их на дрова. Мы договорились, что они возьмут себе все нужное им дерево и уберут территорию. Дерево они забрали, но пластик и бутафорию, то, что им было не нужно, — оставили. Ветер разнес это по всей бухте... А журнал "Кронидил" — по всей стране. В журнале вышла статья, что в хрустальной воде Тихой бухты режиссер Сурикова купала лошадей, потом жгла костры и ела шашлыки, а на прощание всю Тихую бухту засеяла пластмассой.

Прощание

До фестивалей и призов и даже до выхода фильма на экраны Андрей Миронов не дожил. Он успел только посмотреть допремьерный показ.

...Я шла в театр с бунетом красных гвоздик. Шла мимо очереди, кажется, бесконечной. Мимо озабоченных милиционеров (они не ожидали такого скопления людей). Мимо заплаканных служителей театра, где он работал всю жизнь... Потом стояла у гроба, смотрела на онаменевшую Марию Владимировну, на искаженные болью и недоумением лица его друзей — знакомых и не знакомых ему — и... не

верила. Ни своим глазам, ни тому, что говорили вокруг.

Пять дней назад в Яункемери, на Рижском взморье, точно тание же гвоздики он принес в столовую санатория, где сидели мы с его мамой...

У него оставалось два часа до отъезда в Ригу. Вечером шла "Женитьба Фигаро", где он играл. И мы условились наши рабочие разговоры перенести на завтра. "Фигаро" он не доиграл и в санаторий уже не вернулся.

Когда через трое суток я летела в Москву, не понимая толком, как и почему я оказалась в этом, не то служебном, но то специальном самолете, и отупевшими глазами смотрела на тание же отупевшие лица его товарищей по театру — диренция на один только день позволила прервать гастроли, для похорон, — я думала, что вместе с этим антером и у меня лично, и у всех, сидящих рядом, ушел огромный кусок личной и творческой жизни. Ушел невозвратно, ибо всякая личность на земле неповторима, если она личность, а творческая личность не повторяется в миллионах. И, значит, никому из сидящих в этом самолете и вообще никому из тех, кто вместе с Андреем выходил на сцену или съемочную площадку, уже никогда не испытать именно того контакта, что возникал при общении антера Миронова с коллегами. Будет лучше или хуже, но иначе... Про себя я это знаю точно. Я ведь и в Яункемери поехала, потому что после завершения "Человека с бульвара Капуцинов", в последний день озвучания, Андрей заговорил, что надо без особого перерыва, "той же компанией", начать что-нибудь еще. "Ребя-

та, нам не надо расставаться", — сказал он тогда.

У нас был замысел, назвавшийся интересным, современным и острым, и больше ничего: ни сценария, ни "единицы" в производственных планах студии. Нет, у меня еще было право на отпуск, а у Андрея — гастроль в Риге. И мы надеялись совместить приятное с полезным. Я знала, что Андрей будет жить на взморье, а не в городе, что туда же приедет и Мария Владимировна, и по утрам мы будем гулять и, может быть, придумаем новый фильм... Ведь и наш фильм "Человек с бульвара Капуцинов" начался с Андрея. Он включился в работу над картиной гораздо раньше, чем это обычно делает исполнитель — еще на стадии первых прикидок режиссерского сценария. Биографии и поступки многих персонажей, а не только уготовленного ему, занимали воображение Миронова. Мы встречались, фантазировали, спорили. Так, к примеру, изменилась судьба героини фильма, для которой именно Андрей нашел наиболее выразительное и точное завершение ее экранных перипетий. У Эдика Аюпова в его замечательном сценарии она оставалась в лапах пастора. В фильме героиня вырывается и догоняет Феста.

И уже на съемках, когда возник какой-нибудь спор, разумеется, по творческому поводу, с кем-либо из исполнителей или членов постановочной группы, Андрея часто звали в качестве третейского судьи. Я шла на это, хотя в принципе режиссерам, и мне в том числе, такая позиция не свойственна.

Андрей всегда был безупречен в любой конфликтной ситуации. Он исходил только из интересов нар-

тины, и это все знали. Однажды у меня возникли споры с актером, которого я очень люблю и в которого очень верю — с Михаилом Боярским. У каждого был свой вариант ключевого эпизода. Позвали Андрея. Он предложил третий, как потом выяснилось — наилучший.

Много позже я спросила у Боярского:

— Вас не смутило, что в качестве арбитра я позвала другого актера?

— Вы позвали не просто актера, а Миронова. А он — один из немногих, кому я могу доверять не меньше, чем самому себе. К сожалению, в нашей среде нередко встречаешься с неким соперничеством, что ли... А вот с Андреем иначе. Не то чтобы подножка... даже недоверие к партнеру для него немислимо.

День приезда Андрея в экспедицию всегда был праздником.

Не помню случая, чтобы он оказался перед намерой неготовым. Внешне это выглядело как некое моцартианство — приехал, улыбнулся, вошел в кадр, "Снято!" Очень редко мы превышали заранее намеченное число дублей. Но за этой легкостью и элегантностью кинопрофессионала — часы репетиций, видеопросмотра этих репетиций (мы старались фиксировать на видео не только все эпизоды фильма, но и предварительные стадии работы), долги "чайные" и "кофейные" посиделки по ночам, во время которых оговаривались даже самые незначительные детали.

Наверное, были часы и дни, когда и он, и я чувствовали себя психологически снверно, наверняка были моменты, когда мы были недовольны друг другом, но вот вспом-

нить это ни он, ни я после завершения фильма не смогли. И никто из группы тоже. Напротив, оставалось ощущение радости, которое очень хотелось вернуть и повторить.

Претензии, если что-то не получалось или оказывалось на экране неточным, Андрей прежде всего предъявлял к самому себе. Одна такая маленькая неточность есть у нас в картине. Вскоре после того, как в Феста стреляют, он на несколько дней уезжает из Санта-Барбары за новыми кинолентами и свадебным подарком для Дианы. Его провожают радостные новоиспеченные любители кино и счастливая Диана.

Вот он приветственно взмахнул рукой, ловко вскочил в дилижанс и...

— И как я, идиот, не сообразил! — закричал Андрей в маленьком зале местного кинотеатра, где по ночам мы отсматривали материал. — Ну хоть руку надо было взять на перевязь...

Я пыталась обернуть дело в шутку, сказала, что исцеление от Чаплина исходило полное и вообще, это моя режиссерская промашка.

— Но ведь стреляли в меня, — не успокаивался Андрей, — в меня, и я должен был сообразить...

Положение "звезды" для него не снижало, а поднимало барьер требовательности к самому себе. Кстати, об этом самом положении суперпопулярного артиста. Разумеется, Андрей Александрович знал себе цену и умел сохранять дистанцию, проявляя при этом максимальную доброжелательность к окружающим.

В его навыки "звезды" входило и одно нетипичное качество — умение слушать других с подлинным, а не имитированным вниманием. В

Феодосии уговорили его встретиться со спортсменами "высокого ранга" — это публичная своенравная и оттого специфически "закрытая". После встречи с Мироновым они его чуть не на руках понесли: "Не за то, что он пел и стихи читал, — цитирую одного из участников. — А за то, как он нас слушал и понимал..."

...Я была с уже готовой картиной в Ленинграде, когда туда на один день приехал по делам Миронов. Полностью до того дня он фильма не видел — не складывалось у него по времени. А тут узнал, что назначен дневной сеанс в маленьком кинотеатре в рабочем районе, и поехал туда. Я умоляла не делать этого. Будет ведь премьеры в Доме кино или в "Октябре"... Там и звук лучше, и изображение четче. Но он будто предчувствовал, что ему нужно спешить и посмотреть фильм до официального премьеры.

Позвонил из автомата — я сидела в гостях у его брата Кирилла Ласнари — как только закончился сеанс. Понимал, что я волнуюсь, сказал: "Ну что ж, у меня появилось ощущение трусливого оптимизма". Я поняла, что фильм Андрею понравился.

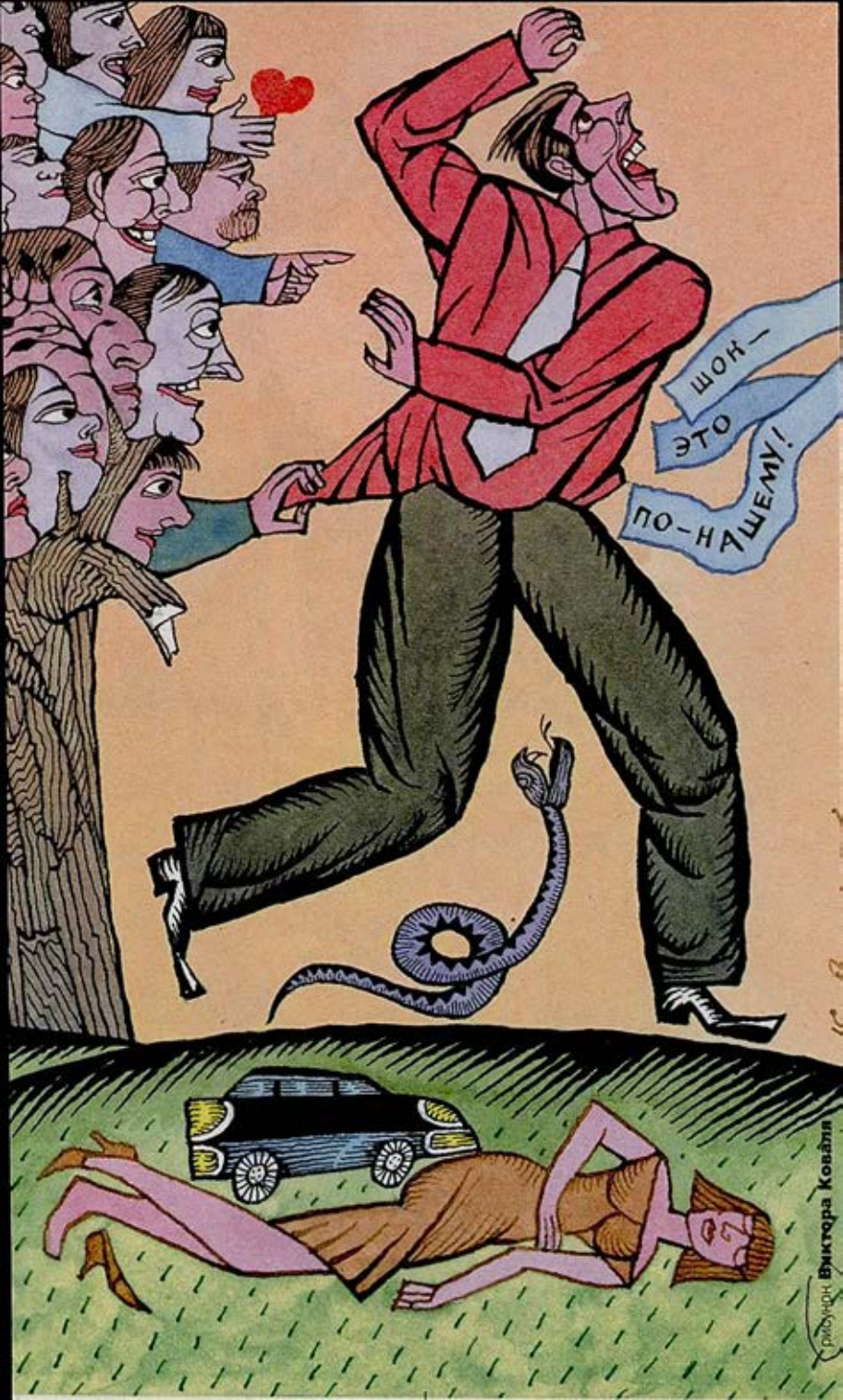
Я спросила, не жалеет ли он о купюрах. Мы "не влезали" в метран, и на самой последней стадии работы мне пришлось резать "по живому".

Нет, купюры его не смущали, хотя песенку "А время лечит только тех, кто болен не смертельно" ему было жалко.

Тогда же мы договорились, что встретимся на Ринском взморье и начнем новую работу...

фото **Игоря Гневашева**

ЖЕНЬКА!

Михаил КАЗОВСКИЙ

Про меня и про мое восхождение к всенародной славе написано много. Врут напрапалую. Каждый хочет примазаться. Я сейчас расскажу, как на самом деле было.

Позвонил мне однажды Ёлкин и говорит:

— Слышь, старик, хочешь сделаю из тебя телезвезду?

Мы с Иваном вместе в школе учились. Парень заводной, вечно носится с разными идеями. А в последнее время подвизался на телевидении.

— Ну, допустим, — отвечаю ему. — А в какой передаче?

— Новой. Называется «С вами по соседству». Грандиозный проект, спонсоров навалом, средства выделяют нехилые. Нужен главный герой. Ты по-прежнему холостяк? Очень хорошо.

— Что же в том хорошего? — говорю. — После ухода Катки к своему Толстопальцеву я вообще замшел и покрылся коростой.

— Ничего, отмоем и отскребем, — уверяет Ванька. — Будешь, как Леонардо ди Каприо. Даже клёвей. Понимаешь, дед, обалденную фишку я придумал. «Мыльная опера» не с актерами, а с живыми людьми. Год прямого эфира. На глазах у зрителей мы знакомим тебя с не известной тебе доселе девушкой и затем наблюдаем за развитием ваших отношений. Свадьба и всё такое. Вплоть до рождения первенца. Ничего не скрывая, день за днем, месяц за месяцем. Публика у экранов сохнет, рейтинг будет дичайший, конкурентов посадим в задницу. Усекаешь крутизну замысла?

— Усекаю, конечно, — говорю, — но не знаю, справлюсь ли. Вдруг я девушке не понравлюсь? И она не захочет иметь от меня детей?

— Мы уговорим, — отвечает Ёлкин. — За такие «бабки» согласится любая. Да еще — квартира и дача в вашу собственность. А? Нормально? Что здесь думать! Счастье, деньги, слава сами плывут в твои руки. А с другой стороны, ты нам жутко подходишь — внешне и внутренне: мощный, симпатичный и не полный дебил. То, что надо.

В общем, уломал. Приняли меня на телестудии хорошо, угостили кофе. Расспросили о моих взглядах и вкусах (чтобы не нарваться на какого-то экстремала), а вокруг прыгал Ванька и лопотал: «На мою ответственность, на мою ответственность! Пашка — зверь-мужик, супер-пупер. Телезрители влюбятся в него поголовно».

Заключили контракт. Мне предписывалось не снимать с себя подключенного радиомикрофона и не прятаться от нацеленных на мою персону телекамер. Даже в туалете. Запрещалось также ругаться матом, прежде всего — по поводу мэрии и правительства. А за нарушение правил или за досрочный, без уважительных причин, выход из проекта — должен заплатить неустойку в 10 тысяч долларов. Я не возражал, потому что сам уже проникся ёлкинской идеей — черт возьми, может, это мой единственный в жизни шанс?!

На другое утро прикатил Иван с телеоператором, осветителем и еще какими-то ассистентами. Начали снимать обо мне ролик: кто такой, где живу, с кем тружусь. Сослуживцы из моей фирмы (я тогда работал в центре по продаже компьютеров) говорили охотно: мол, надежный товарищ, компетентный сотрудник и отличный парень. Шеф отметил мою исполнительность.

А техничка Вероника Игнатъевна присовокупила: «И всегда вытирает о половик грязные подошвы!»

Днем заехали в бутик «Кензо» и купили мне кучу разного барахла — потому что, как сказал Ёлкин, жизнь жизнью, а телевидение телевидением, и нельзя появляться на экране в ношенных третий год джинсах и дубленке. В «Чародейке» меня подстригли, а бровям и усам придали новые очертания. Посмотрелся в зеркало — вроде и не я, а какой-то нарисованный тип из рекламы модной одежды. Но себе понравился.

Первая трансляция шоу проходила на телестудии при скоплении публики. Передачу вел знаменитый шоумен, от улыбки которого слепли и балдели дамы всей России (Ёлкин мне сказал по секрету, что его пригласили за 8 тысяч баксов наличными). Шоумен говорил игриво, без конца кокетничал и рассказывал старые анекдоты. В паузах пела и плясала рок-техно-бит-кабаре-поп-рэп-степ-группа «Офонаревшие». Зрители ей хлопали вяло: ждали основного — встречи главных героев. Наконец, вызвали меня. Я неловко раскланялся и уселся против ведущего на высокий стул. Сразу прокрутили видеоролик обо мне, а великий шоумен подкатил с вопросом:

— Паша, — говорит, — не боишься ли ты заключать брак с «котом в мешке»?

Я пожал плечами и отвечаю:

— А чего бояться? Ведь в мешке не кот, а кошечка!

Публика завывала, радуясь моему остроумию, а Иван показал мне из-за спины телеоператора поднятый большой палец: дескать, молодец, всё у нас путём!

Ассистент режиссера посадила меня за ширму, и под телекамеры вывели невесту — я ее не видел, а только слышал. Шоумен обращается к ней вальяжно:

— Леночка, а что ты будешь делать, если Павел не понравится тебе с первого же взгляда?

Но девица, видно, не промах — реагирует четко:

— Первый взгляд бывает обманчивым. Главное решится первой брачной ночью!

Зрители вообще выпали в осадок. Мне подумалось: «Ничего себе, деловая! С нею не соскучишься!» А из видеоролика, в это время продемонстрированного для всех, кроме меня, я услышал, сидя за ширмой, что она — секретарь-референт в крупном банке, увлекается рок-музыкой, ходит на шейп-тренировки, ездит на «Жигулях» и участвует в конкурсах собак со своим ротвейлером Патриком. В общем, идеал современной барышни.

Тут «Офонаревшие» начали играть что-то страшно бравурное, и меня извлекли из-за ширмы под прицелы юпитеров.

Я гляжу на Ленку. И не понимаю: то ли лампы такие яркие, что нельзя не зажмуриться, то ли блеск ее глаз. Офигеть можно. Клаудиа Шиффер и Памелла Андерсон могут отдыхать. Стопроцентные 90х60х90. А улыбка вообще, как у Бритни Спирс!

Шоумен подъезжает:

— Паш, ну как?

Выдыхаю:

— Класс! Хоть сегодня во Дворец бракосочетаний.

Он тогда подруливает к невесте:

— Лен, а ты?

— Ну о проблем. Но пускай для начала поухаживает немного. По законам настоящего шоу!

Словом, договорились, что везу ее завтра в ночной клуб. Ассистент режиссера тут же нас разлучила, и домой мы поехали в разных автомобилях. Ёлкин, когда я садился в машину, заглянул за стекло и говорит:

— Поздравляю, дед. Гендиректор канала остался доволен, зрители в экстазе. Ты держался отпадно. Ну, а Ленка — правда ведь, клевая герл?

— Умереть — не встать.

— То-то же, старик. Мы еще сумеем потрясти мир!

Начали трясти. Встречи наши с невестой были каждый вечер — я дарил ей букеты и возил то на дискотеку, то на рок-фестиваль, то на модный мюзикл. А за всем за этим следили телезрители. (В перебивках шла реклама спонсоров). На десятый день Ванька разрешил нам поцеловаться. (Средний план, крупный план и повтор в замедленном темпе). На двадцатый я сделал предложение. Ленка его приняла и поехала со мной подавать заявление в загс.

К этому времени наша передача вышла в лидеры — по подсчетам специалистов, к телевизорам принакали 97% аудитории, а на сайте *www.svatipos.ru* в Интернете побывало более 5 миллионов человек за три дня. Все уже узнавали нас на улице и давали советы. Мнения телекритиков в прессе разделились: половина хвалила Ёлкина за удачное предприятие, половина ругала за безвкусицу и пошлость. По вопросам наших с Леной отношений рассуждали депутаты Госдумы, режиссеры, артисты и спортсмены. Позвонили мои родители из Воронежа: папе Ленка понравилась, а особенно его грели дача и квартира; мама переживала, посчитав невесту чересчур современной («хуже Катерины — поматросит тебя и бросит»); разговор наш передавали тоже в прямой эфир. На работе ко мне стали относиться с благоговением, покупатель валил в компьютерный центр беспрерывно, чтобы взять у меня автограф и купить что-нибудь на память, — оборот фирмы вырос в 10 раз!

Кутерьма эта забавляла. Жизнь казалась голливудской кинокартиной, снятой на «Кодаке». С Ленкой мы гуляли в осеннем парке, взявшись за руки, целовались и хохотали, а о наших нежностях узнавали тут же миллионы зрителей. Ванька корректировал из-за кадра ход событий. А реклама мелькала, мелькала, словно конфетти из хлопушки.

Свадьбу сыграли в лучшем казино, и сюда, как на зверски крутую тусовку, собрался бомонд — лидеры политических партий, кинозвезды, ди-джеи и бизнесмены. Спонсоры подарили нам с Леной домашний кинотеатр, музыкальный центр и ключи от квартиры. Знаменитый шоумен (тот самый) был на этот раз тамадой. Выступления рок-певцов плавно переходили в дружные крики «Горько!» Я вставал, поднимал на Елене фату и касался ее губ губами. Оба выглядели неслабо: я в костюме от Пьера Кардена, а она в платье от Нины Риччи. Рядом находились наши родители: операторы снимали слезы счастья на глазах матерей и величественную гордость отцов. Ёлкин бегал по залу и ловил кайф от триумфа. Люди ждали показа первой интимной близости (в инфракрасных лучах). Мы с невестой чуточку волновались...

Те, кто видел, говорят, что это было эффектно. Не берусь судить — видеозапись посмотреть побоялся, чтобы не развить в себе разных комплексов. Личные мои ощущения от случившегося оказались неважными: думал, что супруга в постели не такая холодная и что близость продлится дольше, чем 1 минуту 26 секунд (как потом было обнародовано в Интернете). Может, телекамеры Ленку отвлекали? Может, перенервничала заранее? Но уснули мы быстро, нежно обняв друг друга. А трансляция шоу из казино длилась до утра...

Сутки спустя мы и съемочная группа во главе с Ванькой плыли уже на теплоходе «Братья Карамазовы» по Средиземному морю. Это было наше свадебное путешествие. Ёлкин с красными (или инфракрасными?) от хронического недосыпа глазами суетился и распоряжался, изо всех сил пытаясь не ронять интереса телезрителей к передаче. Страны и города удивляли, Ленка перестала стесняться и раскрепостилась настолько, что ночные наши забавы впору было кодировать тремя звездами — «детям до 16 смотреть не рекомендуется». (Говорят, что смотрели все — от 5 до 85). Под конец поездки нам из России сообщили по спутниковой связи, что успех у программы обвальнй, даже «Би-Би-Си» предложило закупить ее для показа по всей Европе. Мы с Иваном от радости напились до чертиков...

Но внезапно, по приезде домой, начался спад. Страсти улеглись, наша с Ленкой семейная жизнь — без размолвок и приключений — быстро народу поднадоела. Рейтинг уменьшался. Ванька не знал, что делать, и спустя неделю выродил идею: нужен любовный треугольник. Он, не говоря мне ни слова, повидал мою прежнюю девушку — Катерину, а она принялась ему плакаться — прогнала, мол, своего Толстопальцева по причине его беспробудного пьянства, смотрит «С вами по соседству» и завидует Ленке, потому как жить без меня не может. Ёлкин и посоветовал: позвони Павлу, ход будет суперовый; мы, говорит, офигенные «бабки» заплатим, если ты внесешь в передачу свежую струю. Та, конечно, согласна — и струю внести, и срубить приличную «зелень».

На другой день звонит. Я узнал ее голос и почувствовал вунтри колотун. Говорю с волнением:

— Ну, привет. Сколько лет, сколько зим. Как твои дела?

— Плохо, — отвечает. — Толстопальцеву указала на дверь, потому что ребенку нужен настоящий отец.

Я произношу:

— А, так ты родила, получается? Я не знал.

— Неужели? — хмыкает она. — Может быть, тебе не известно, кто его настоящий папа?

— Разве не Толстопальцев? — осведомляюсь.

— Он женился на мне уже беременной.

Наступает пауза. Наконец, до меня доходит:

— Уж не хочешь ли ты сказать?.. — и мои голосовые связки слипаются.

— Да, хочу, — говорит она весело. — А зовут мальчика тоже Паша — в честь тебя!

От подобной новости я готов стечь со стула, перейдя из твердого состояния в жидкое.

— Сына не желаешь увидеть? — продолжает наступать Катька. — Можешь навестить нас в любое время.

— Хорошо, спасибо. Только надо с Леной договориться.

Захожу в соседнюю комнату — а жене, оказывается, обо всем известно, потому что нашу с Катькой беседу, шедшую в прямом эфире, видела и слышала по «ящику». Вместе со своим ротвейлером Патриком. И теперь они оба скалятся на меня и рычат. Я произношу:

— Эй, ребята, только не кусаться! Знайте, что по-прежнему вы мне дороже всех.

— Не смейся, — заявляет супруга с дрожью. — Сын связал тебя с этой женщиной навсегда. И теперь, если ты у нее останешься, я пойму и прощу.

Уговоры не помогают. Пес готов разорвать меня в клочья.

— Убери собаку, — обращаюсь к Лене. — Патрик меня нервирует.

— Ничего подобного: это ты нервируешь Патрика.

Я не сдерживаюсь:

— Ну и на здоровье! Если он для тебя важнее, оставайся с ним! Будьте счастливы! — и с досадой хлопаю дверь.

Выхожу на улицу и ловлю такси, чтобы ехать к Катьке. По дороге шофер встречает:

— Ты напрасно так себя повел, парень. Лично я за Лену переживаю. Ведь она тебя сильно любит.

— Вы откуда знаете? — спрашиваю его.

— Что ж я, телевизора не смотрю? — удивляется он. — Вся семья наша смотрит. Семья всех друзей. Радовались за вас, а теперь волнуемся. Сына повидать — дело благородное. Но бросать жену тебе не позволим!

— Хорошо, подумаю.

Не успел выйти из машины — мой мобильный телефон зазвонил. К уху подношу — это мама:

— Павлик, — говорит, — не ходи туда. Весь Воронеж уверен, что ребенок не твой.

— Как — не мой? — возмущаюсь. — Чей же — Толстопальцева?

— И не Толстопальцева. Катька тебя обманывает, интриганка. Лучше уж твоя Лена-капризуля, чем гулящая Катька. Мы с отцом так решили.

— Разберусь, погодите.

Поднимаюсь по лестнице и вижу: дверь в квартиру открыта, Катька на пороге стоит — руки в боки.

— Мать твою, — заявляет, — я и раньше терпеть не могла. Вечно лезет не в свое дело.

— Значит, слышала ее обвинения?

— Кто же их не слышал, если всё транслирует телик! Никаких романов у меня на стороне не было. Пашка твой — и ничей больше. Если сомневаешься — делай экспертизу.

А сама такая красивая, щеки алые, и высокая грудь ходит ходуном. Так бы и уткнулся в декольте носом. Но характер выдержал и отправился на знакомство с сыном.

Славенький такой мальчик — весь в меня. И моргает похоже. Я его обнял, он ко мне приник, говорит: «Папа, папа!» — то ли Катька его подучила, то ли сам почувствовал.

Катерина смахивает слезу, спрашивает негромко:

— Убедился теперь?

— Убедился.

— Может быть, останешься? Заживем втроем. Или ты нас уже не любишь?

— Обожаю. Но и Лену не меньше. Как быть?

— Выбирай скорее.

— Надо время, чтобы очухаться. Я пока двину к маме, на недельку в Воронеж. И со стороны погляжу на всех.

Что тут началось! Телезрители озверели, требуют конкретности, создают комитеты: кто — в поддержку Лены, кто — в защиту Катьки и Паши-младшего. Пикетируют дом моих родителей. Ёлкин на седьмом небе: рейтинг подскочил, от рекламодателей нет отбоя. Но по возвращении из Воронежа у меня на работе начались неприятности: покупатели вместо приобретения техники заполняют компьютерный центр, чтобы убедить меня сделать правильный шаг; их приходится выставлять охране. Сослуживцы перестали здороваться, даже Вероника Игнатьевна, наша техничка, процедила сквозь зубы: «Двоеженец!» Шеф туда же: «Павел, — говорит, — надо определиться. Личная твоя жизнь всех уже достала». — «Ну, а вы как бы поступили на моем месте?» Он глаза закатил и вздыхает: «Слава Богу, я пока на своем. На твоём — застрелился бы, наверное!»

Вдруг звонок от Лены: голос нервный, но не агрессивный, в чем-то даже трепетный.

— Надо, — говорит, — повстречаться. Важное известие.

— Что-нибудь случилось? — догадываюсь.

— Да, произошло. Только что была у врача. Я беременна.

У меня в глазах мушки закружились. Даже не подозревал, что настолько я плодовит. Еле шевелю языком:

— Радость-то какая. Это всё меняет.

— Это ничего не меняет. Потому что, наверное, сделаю аборт.

Я ору:

— Нет, не смей! Запрещаю!

— Приезжай. Мы должны увидеться.

В общем, возвратился обратно к Лене. Но не тут-то было. Катька не успокоилась и однажды утром бросилась под колеса ленкиных «Жигулей». Чтобы на нее не наехать, женушка моя вывернула руль и влетела в дерево. Катерина отделалась легкими царапинами об асфальт. А зато Лена потеряла ребенка, и ее в бессознательном состоянии увезли в больницу.

Настроение публики резко изменилось: все теперь сочувствовали несчастной и готовы были растерзать «эту разлучницу». Я дневал и ночевал в клинике у супруги, находившейся в коме. Через несколько суток та открыла глаза, но в сознание не пришла, никого не могла узнать и не помнила, как ее зовут. Врач сказал: это амнезия, и предполагать трудно, сколько она продлится.

Тут звонит Катерина и говорит: Паша-маленький заболел, подскочила температура, и его положили в реанимацию. Нужно срочное переливание крови. А его группа — очень редкая. Но такая же, как моя. Если я не дам кровь, мальчик может погибнуть. Да о чем речь! Взял такси и бросился к сыну.

Сделали переливание, парня мы спасли. Бывшая моя драгоценная встретила меня в коридоре, поблагодарила. А потом как начнет рыдать! Что такое? Не понимаю. А она сквозь слезы бормочет:

— Не бросай его... Скоро я, возможно, уйду... И ребенка заберут в детский дом...

Начинаю допытываться, в чем проблема. Наконец, отвечает:

— Я больна... После удара об асфальт у меня растет опухоль... Через пару дней — операция... Не исключено, что не выживу... И вообще, для чего мне жить — без тебя?

— Как, а сын? Ты должна поправиться ради него!

В общем, Кате сделали операцию, но ее положение не улучшилось. И тогда ей на помощь пришла мамина знакомая из Воронежа — ясновидящая Белая Оксана. Та сказала, что излечит недужную, а для этого надо раздобыть сердце годовой гадюки. И поймать ее должен только я.

Ёлкин арендовал вертолет, и с двумя змееловами-профессионалами съемочная группа вылетела на таежный остров Лепетуй, что в низовьях Печоры. Там гадюки самые ядовитые. Экспедиция длилась неделю. Жрали нас комары, а ночами нам приходилось отгонять горящими головешками стаи оголодавших волков и аборигенов. Но в конце концов выследили одну крупную гадюку. Окружили ее нору, начали выманивать. И когда она уже билась в наших силках, то в последний момент, ловко изогнувшись, укусила меня в интимное место. Я от боли вскрикнул и упал, потеряв сознание. Между тем, змееловы вынули из убитой рептилии сердце и доставили Белой Оксане, чтоб спасти Катерину. А меня Ёлкин положил в местную больницу, где врачи трое суток боролись, чтоб спасти мою жизнь и мужское достоинство. Терапия прошла успешно, но в себя я не приходил.

На десятый день что-то прояснилось в моей голове. Я открыл глаза и увидел Лену. Та стояла возле кровати и кивала радостно. Я ей говорю тихо:

— У тебя прошла амнезия?

— Да, недавно. Я упала с кровати и всё вспомнила.

— Слава Богу! — радуюсь. — Надо было раньше упасть!

— И еще одна прекрасная новость: наш с тобой ребенок не умер!

— Как — не умер?!

— Медики его откачали, и теперь он живет в пробирке. Должен родиться через семь с половиной месяцев. Это девочка. Я хочу ее назвать Павлой.

Мы целуемся. Лена продолжает:

— Белая Оксана соборовала и причастила Катю, накормила бульоном из гадючьего сердца. Осложнения как рукой сняло. Паша-маленький тоже поправляется. И теперь они оба уезжают в Австралию.

— Почему в Австралию? — изумляюсь я.

— Потому что у Толстопальцева там дядя самых честных правил, когда не в шутку захворал, он завещание составил и всё племяшке отписал. А был он — владелец заводов, газет, пароходов и миллиарда австралийских долларов. От такого стресса Толстопальцев с ходу завязал, и Катерина его простила. Тем более, что Паша оказался все-таки не твоим.

— Неужели?

— Точно. Провели генетический анализ и доказали, что мальчик от Толстопальцева. Ты не рад?

— Честно говоря, я в шоке.

И тут же запустили рекламу: «Шок — это по-нашему!»

Жуткое подозрение появилось у меня в голове: Ёлкин! Уж не он ли всё это напридумывал, чтобы телезрители не скучали? И когда Ванька появился в палате, напрямую спросил его об этом. Тот нахмурился и многозначительно покивал в сторону красного огонька включенной телекамеры:

— Не теперь!.. Не здесь!..

— Нет, теперь и здесь! — говорю и кидаю в бывшего одноклассника уткой-судном. Начинается драка. Я его душу. Он хрипит, но счастливо улыбается:

— Так! Еще! Сильней!.. Мощный эпизод... Рейтинг снова вырастет.

Это были его последние слова.

Нет, само собой, он остался жив. Ёлкины бессмертны. Подоспевшие доктора привели его в чувство. Рейтинг передачи действительно вырос, но я твердо решил из нее уйти. Что и заявил громогласно в прямом эфире.

Вместе с Леной проводили Катюку в Шереметьево-2. Паша-маленький обнимал Толстопальцева за шею и кричал, что тот — его папа. У меня на сердце царапались кошки. Катерина, прощаясь, отдала мне конверт. Я смотрю и вижу, что внутри находится банковский чек. Спрашиваю ее:

— Это что?

— Двадцать тысяч баксов. Чтобы ты и Лена вышли из ёлкинского проекта. Наш с Толстопальцевым вам подарок. Пошли и будет...

Я смущенно благодарю...

Ванька переживал, умолял нас остаться, обещал не придумывать больше никаких каверз. Мы стояли железно. Заплатили сумму, сняли с себя микрофоны и уехали. Патрик встретил нас дома радостным лаем...

Но расстаться с телевидением нам не удалось. Интервью, автографы, приглашения вести новые программы... А рождение нашей дочки передали по всем каналам... Ёлкин предложил заключить с телестудией новое соглашение: «С вами по соседству-2» — от рождения Павлы до ее совершеннолетия — 18 лет прямого эфира. И назвал такой гонорар, по сравнению с которым состояние Толстопальцева выглядело мелочью. Окончательного согласия я и Лена пока не дали. Но, скорее всего, дадим. Потому что кто мы теперь без Ёлкина? Он купил наши души, как Мефистофель. Порознь не сможем до конца наших дней. ■

ПОДПИСКА - ПОДПИСКА - ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Обращаем ваше внимание на то, что и в первом полугодии 2002-го года купить "Смену" в розницу будет почти невозможно — основной тираж журнала традиционно распространяется по подписке. Если вы не хотите расстаться со своим любимым изданием, советуем продлить подписку.

Цена за один номер журнала — 36 руб., за три — 108 руб., полугодичная подписка — 216 рублей (по каталогу «Роспечати» без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи России и стран СНГ с любого месяца.

Подписной индекс — 70820.

Оформить подписку на "Смену" можно и непосредственно в редакции. Цена одного номера 35 рублей, такая подписка дешевле, чем в почтовом отделении, поскольку вы будете приезжать за журналом в редакцию.

Ветеранам войны и труда при подписке в редакции (по предъявлению удостоверения) мы делаем скидку. Для них цена одного номера — 30 рублей.

Если вы не можете забирать журнал ежемесячно — ничего страшного, — ваша "Смена" будет ждать, сколько понадобится, и вам не придется волноваться, что журнал пропадет из почтового ящика. Кстати, наши постоянные читатели из других областей, стран СНГ и даже дальнего зарубежья, оказываясь в Москве, заходят к нам, чтобы купить журналы. Позвоните, и мы соберем для вас комплект "Смены". А если вы не бываете в столице, мы можем выслать любой номер или комплект журналов после того, как вы оплатите стоимость и доставку. Напишите в редакцию, мы сообщим вам банковские реквизиты.

Телефоны для справок: 212-15-07, 212-15-17.

Наш адрес: Бумажный проезд, 14, Москва,
А-15, ГСП-4, 127994.

**Звоните, пишите, приезжайте —
мы всегда рады вам.**

ПОДПИСКА - ПОДПИСКА - ПОДПИСКА

вниманию рекламодателей!

**Информация
о размещении рекламы
в журнале
"Смена"**

**по телефонам
257-30-55, 257-31-37
257-39-45.**

**Приглашаем к сотрудничеству
региональные рекламные
агентства и менеджеров
по рекламе.**

Она

Игорь ЛОГВИНОВ

Есть ли предел человеческим возможностям?

Может ли человек, в выздоровление которого уже никто не верит, победить страшный недуг?

Все эти вопросы лучше всего задать жительнице подмосковного города Протвино Раисе Алексеевне Нинитиной. Глядя на эту счастливую жизнерадостную женщину, невозможно поверить в то, что несколько лет назад она была на грани жизни и смерти.

Годы не обуза

О людях, жизнь и судьба которых не укладываются в наши обычные представления, говорят — человек-легенда. Вот с таким человеком и свела меня журналистская профессия. Никогда не поверил бы, что этой подтянутой, легкой на подъем женщине с короткой мальчишеской стрижкой и жизнерадостным выражением лица 73 (!) года, если бы не услышал об этом от самой Раисы Алексеевны, многократной чемпионки России в беге на марафонские дистанции. Только

за последние четыре года Нинитина участвовала в 11 забегах на дистанции в 42 км 195 м и в каждом пришла на финиш первой.

Жители Протвино не случайно называют ее "крылатой женщиной", ведь она не только побеждает, а каждый раз и улучшает свой результат. Так, в 1997 году ее личный рекорд составлял 4 часа 23 минуты. А на традиционном международном турнире в июне 2000 года в Санкт-Петербурге она пробежала классическую марафонскую дистанцию за 4 часа 20 минут, при этом опередив всех мужчин своей возрастной категории. "Когда сердце молодо, годы не обуза, а богатство!" — смеется она.

Из тех, кто не плачет

Оптимизм Раисы Алексеевны заразителен, а жизнерадостность и открытость вызывают удивление. Несмотря на годы, она выгля-

дит счастливой, хотя судьба ее совсем не баловала. Едва появившись на свет, девочка лишилась родителей. Восьмимесячной Раю удочерили чужие люди, давшие ей фамилию, но, увы, не сумевшие наполнить ее жизнь родительским теплом и любовью. "Папа Леша" ни разу не приласкал, а "мама Марина" чуть что не так, была по губам. Она не плакала, только все больше замыкалась в себе. Уж не

Выпускница "Шуки"

Сначала Рая завербовалась на лесозаготовки за Урал — подальше от дома. Потом работала кассиром, секретаршей, курьером в театре. Считалась по углам, жила в театральном общежитии. Именно там, за кулисами театра, у нее и родилась светлая мечта — стать актрисой. Девушка приезжает в Москву и поступает в Театр Станиславского

п о б е д и л а с м е р т ь

тогда ли в душе униженной и оскорбленной девочки пробудились ростки волевой и целеустремленной натуры?

"Я всегда добивалась поставленной цели, — говорит она. — Меня бьют, унижают, а я не злюсь, не серчусь, а иду дальше. Снольно себя помню, никогда не плакала. Не планать меня приучили в детстве. В 12 лет я узнала, что родители мне не родные. Меня это потрясло. Не хотелось жить". Рая была рыжая, а приемные родители оба новолосые. Много лет девочку стригли наголо, чтобы такая разница не бросалась в глаза посторонним.

Когда Рая достигла совершеннолетия, мачеха решила выдать ее замуж за человека, который был на 20 лет старше, и к которому она не испытывала никакой симпатии. Взбунтовавшись в первый раз в жизни, Раиса навсегда покинула неласковый "отчий дом".

и Немировича-Данченко курьером. Позже переходит в Театр имени Охлопкова одевальщицей. Знакомится с выдающимися актерами — Глизер, Штраухом, Раневской, Сухаревской, Манаровой. В ее домашнем архиве хранятся бесценные реликвии — автографы выдающихся актрис. "Рае Никитиной от Сухаревской Л.Д. Обязуюсь бросить курить с 20 июля 1955 года. В противном случае прошу считать меня безвольной дрянью". "Человеку многое дано, чтобы уметь самому сделать себе жизнь. Но главное — это воля и сила, которых нельзя лишиться.... Я буду вам писать, если вы мои советы примете как советы друга. Целую вас, Рая. Тамара Федоровна Манарова".

Выдержав сумасшедший конкурс, Рая Никитина поступает в Высшее театральное училище имени Щукина и, проучившись четыре года, заканчивает его с дипломом актрисы драматического театра. Ректор училища народный артист СССР Борис Евгеньевич Захава написал в ее характеристике: "...Обладает чувством правды, актерской наивностью, способностью органично овладевать характерностью роли. Требования школы усвоила отлично...Безукоризненно дисциплинирована и добросовестна в работе..."

Актриса Тюза

После окончания училища Рая едет в Свердловск, где в Театре юного зрителя требовалась актриса-трагедистки. Ей обещали жилье, но поселили в подвале театра, с крысами, которые нагло ходили по ее наморнке. Понятно, что в таких условиях жить было невозможно, и молодая актриса переезжает в Горький, где много и успешно играет в ТЮЗе. А спустя какое-то время, вы-

держав творческий конкурс, поступает в Московский областной ТЮЗ. Играет мальчинов, старух, подрабатывает на радио. Вначале чтецом, потом ассистентом режиссера на радиостанции "Юность".

После нескольких лет скитаний по общешитиям, коммуналкам и чужим углам, в Москве у нее появляется жилье — маленькая кооперативная квартирнка. Теперь она может сама принимать гостей, угощать их своими разносолами. К ней в столицу приезжают из разных городов подруги-актрисы. Навестила Раю и состарившаяся мачеха (отчима уже не было в живых). Никак она не могла простить падчерице бегство из родного дома. "Эх, ты, неблагодарная! Отец тебе завещал два сундука с приданым, они до сих пор тебя дожидаются!" Но Рае не нужно было ни приданого, ни дома, который достался ей после смерти мачехи. Она все отдала своему племяннику.

Страшный диагноз

Казалось бы, жизнь вошла в нормальное русло, все тяжелые испытания позади — живи и радуйся. Но нежданно-негаданно пришла новая беда. Началось с того, что Рая попала в больницу с запущенным воспалением легких. Там ее долго лечили и вроде бы вылечили, но сухой, раздражающий грудь кашель так до конца и не прошел. Вдобавок она начала слабеть, даже небольшие физические нагрузки стали для нее непосильным испытанием. По настоянию знакомых обратилась к врачам.

После флюорографии Раиса нашла в почтовом ящике открытку, ее срочно вызывали в поликлинику на дополнительное обследование. Врачи обнаружили у нее опухоль в лег-

ном, нужна была срочная операция. Что она пережила тогда, может понять только человек, перенесший подобную трагедию. "Это было как гром среди ясного неба, — вспоминает Раиса Аленсеевна. — Раковая больная! Я должна умереть!" Она не могла в это поверить, хотя окружающие настойчиво советовали ей писать завещание.

Медики, выполняя свой врачебный долг, направили ее в онкологическую клинику. Сложнейшая операция продолжалась несколько часов. Во время операции кончился наркоз. Адская боль пронзила все тело женщины. "Не понимаю, как я не умерла, — вспоминает Раиса Аленсеевна. — От боли я не могла даже закрыть глаза". Затем — несколько суток в реанимации. Организм отчаянно боролся со страшной болезнью. И хотя она осталась жива, но приговор комиссии при выписке был безнадежным — инвалидность.

"У меня началась истерика, я кричала, что не хочу никакой группы, просила выписать меня поскорее из больницы. Решила, что если уж умирать — так поближе к природе, хоть чистым воздухом напоследок надышусь". Ее успокаивали, велели придти через неделю. Она никуда не пошла.

Целебная земляника

Выписавшись из больницы, Рая обменяла московское жилье на квартиру в подмосковном городке Пущино. Затем перебралась в Протвино. "Если Пущино — рай, то Протвино — царствие небесное", — говорит она. Лес, Она, чистый, не загазованный машинами воздух. Денег, оставшихся от обмена, по ее расчетам должно было

хватить на отмеренный после операции срок. А жить ей по прогнозам врачей оставалось не более трех лет.

Здоровье становилось все хуже и хуже. Силы убывали с каждым днем. Она уже едва ходила от страшной слабости, анализы показывали катастрофически низкий уровень гемоглобина. Врачи советовали кушать красную икру и телячью печеньку для поднятия гемоглобина. Но денег оставалось только на самое необходимое.

Она начала читать медицинскую литературу. Простудировала массу книг по проблемам выживания — от Иванова и Малахова до Армстронга, Брэгга и Шелтона. Одна знакомая старушка подсказала ей рецепт народной медицины, помогающий при подобных заболеваниях. Надо ежедневно съедать по два станана лесной земляники и запивать ее молоком. И Раиса Аленсеевна отправилась в лес. Поминутно останавливаясь, буквально начиная от слабости, она ежедневно добиралась до ближайшего перелеска и, ползая, собирала маленькие сладкие ягоды.

"Я ела землянику целый месяц, как и советовали, по два станана в день, запивая молоком. А когда пришла в поликлинику на очередное обследование, врачи мне не поверили: "Да у вас гемоглобин как у мужчины!"

Земляника ли оказала чудодейственное воздействие или включились скрытые резервы ее организма — кто это знает, но Нинитина поверила в возможность исцеления. И начала разрабатывать собственную систему выживания.

Ее система

За основу она взяла методику Порфирия Иванова, сочетающую в

себе духовное и физическое совершенствование человека. Первым делом начала обливаться холодной водой с головой — утром и вечером, не пропуская ни одного дня. Ходила босиком по земле в любое время года. Спала при открытом балконе на полу на матрасике, сшитом из ватного одеяла. Закаливание явно пошло ей на пользу, она окрепла, стала чувствовать себя бодрее, уменьшился кашель. И через какое-то время от обливаний перешла на круглогодичное купание в проруби — благо речка неподалеку от дома.

Параллельно с этим Раиса Алексеевна разрабатывает собственную диету. В основе ее лежит идея раздельного питания, отделения белков от углеводов при ежедневной 42-часовой сухой голодовке. В ее рационе остаются только натуральные продукты — молоко, масло, творог, злаковые. Хлеб она признает только черный. Ест только несоленую пищу. Чай, кофе, алкоголь и прочие искусственные стимуляторы полностью исключила из употребления. Вместо кипяченой воды стала пить по два литра сырой воды ежедневно.

Однажды она вычитала, что длительным голоданием можно вылечить даже катаракту. И она ставит над собой новый эксперимент: голодает 33 дня! «Я прошла сто кругов ада, стала похожа на тень, на призрак, платок натягивала до самого носа, чтобы людей не пугать, но все-таки выдержала, — вспоминает Раиса Алексеевна. — Специалисты по голоданию категорически запрещают голодать в домашних условиях, можно ведь и умереть. Но я пошла на это, потому что долго себя готовила. В результате катаракта рассосалась».

Движение — это жизнь

Но, пожалуй, самым важным звеном в своей системе выживания Раиса Алексеевна считает движение. Начинала она с ходьбы. Потом стала бегать — километр, два, три, пять, десять, двенадцать. В любую погоду, в любое время года. Движение — это жизнь, говорит она, и глаза ее при этом счастливо светятся. Вообще, о беге Нинитина рассказывает прямо-таки с поэтическим вдохновением:

«Знаете, это непередаваемое ощущение, когда бежишь по лесу, и легкий морозец чуть пощипывает кожу, а вокруг такая тишина, такая первозданная красота — ты как бы сливаешься с природой, впитываешь в себя ее соки. Заряжаешься от природы энергией. Я бегу, покоряя километр за километром, и мне кажется, что я не бегу, а лечу. Организм адаптируется к холоду, разогревается, тело становится красным от мороза. В ветер, в мороз, в снег бегу и бегу. Сначала бегала в майке, потом организм динтует: снимаю. И теперь я бегаю в любой мороз в лифчине и трусах».

Она приучила себя вести дневник, фиксируя расстояние пробежки, погоду, самочувствие. Вот выдержки из него: «14 км. Снег, лед, бежать очень трудно, но радостно.» «26 км. Снегопад, ноги вязнут в снегу. Радостно, что организм преодолевает трудности». «21 км, обморозила щени, ноги и руки. Самочувствие отличное».

Раиса Алексеевна встает рано и делает зарядку. «Японские ученые доказали, что ранний утренний бег вреден, так как организм человека еще не успел проснуться, а ему дают большую физическую нагрузку, что приводит к дополнитель-

ному стрессу, — говорит она. — Поэтому я выхожу на пробежку только после основательной разминки”.

Бегом... в Книгу рекордов Гиннеса

Бабульку, бегающую в купальнике зимой и купающуюся в проруби, в Протвино знает каждый. Когда по утрам она выбегает из своего подъезда, старухи, сидящие на скамейке, смеются: “Сто лет, бабна, собираешься жить?” “Здравствуйте, девочки! — отвечает она. — А как же иначе? У вас дети-внуки, а у меня никого. Заболею, кто тогда станет за мной ухаживать? Вот и бегаю, чтобы быть здоровой и самой себя обслуживать”.

В 69 лет ее впервые пригласили на соревнования по бегу. В 70 лет она стала чемпионкой России в своей возрастной категории, пробежав марафонскую дистанцию с результатом, недостижимым даже для мужчин. Потом была победа на Московском международном марафоне мира, в котором участвовали опытные спортсменки, мастера спорта международного класса. Многие из них сошли с дистанции, а у Никитиной после победного финиша было такое ощущение, как будто она только-только начала бегать.

Международной сенсацией стала победа Раисы Никитиной в сверхмарафоне — Межконтинентальном кубке на дистанции 100 километров, которые она преодолела за 11 часов 23 минуты 46 секунд, на полтора часа улучшив предыдущий рекорд, принадлежавший американской бегунье. Пробежать 100 километров в 70 лет! После этой победы имя Раисы Никитиной было занесено в Книгу рекордов Гиннеса, что дает право на присвоение ей звания “Мастер спорта ме-

ждународного класса”. Хотя сама Раиса Алексеевна себя спортсменкой не считает. По ее словам все, чего она добилась, не более чем эксперимент. Ее интересуют не призовые места и медали, а скрытые резервы организма, нагрузки, которые он способен вынести. И каждое соревнование, каждая победа для нее — еще одна возможность убедиться в том, что нет предела человеческим возможностям.

Марафон длиною в жизнь

Говорят, что чудес не бывает, но факты упрямая вещь. За последние 17 лет Раиса Алексеевна Никитина ни разу не болела! Не было не только рецидивов опасной болезни, но даже простудных заболеваний, передающихся вирусным путем. По ее словам она давно забыла дорогу в поликлинику, не принимает никаких лекарственных препаратов и даже не знает, где находится аптека. Недавно отдыхала зимой по путевке в санатории, так врачи от изумления только развели руками: “Старуха абсолютно здоровая”. Никитина и там вставала в половине пятого утра, делала зарядку, а в семь в купальнике убегала в лес. Так как проруби поблизости не было, то купалась каждый вечер в снегу. Весь санаторий собирался смотреть на эту удивительную женщину, вытаскившую саму себя из могилы...

... Судьба Раисы Никитиной похожа на сказку со счастливым концом. И только одна она знает, чего ей это стоило — победить страшный недуг. Сколько сил, воли, жажды жить, убежденности в успехе потребовалось для этого. Раиса Алексеевна не дала беде командовать собой и выиграла марафон длиною в жизнь. ■

Нацеленные

на успех

В ноябре прошлого года во Франкфурте прошла очередная церемония вручения премии MTV музыкального конкурса Euro Music Awards, что в мире шоу-бизнеса является неким аналогом киношного "Оскара". Победителем 2001 года стала американская группа "Limp Bizkit", и сразу по двум номинациям – "лучшая группа" и "лучшая композиция". Надо сказать, главный приз ребята получили вполне заслуженно. Не каждый коллектив может похвастаться полутора-миллионным тиражом дебютного альбома, огромными толпами фанатов на концертах, и, что не менее важно, на протяжении нескольких лет упорно держится на самом вершине всевозможных хит-парадов. Впрочем, злые языки объясняют этот успех тем, что в состав группы входит известный

ди-джей Лео Димант, перебежавший из легендарной группы "House of Pain", другие – что вокалист Фред Дерст весь разукомплектован татуировками, а кое-кто уверяет, что группа стала так популярна благодаря тому, что догадалась исполнить песню Джорджа Майкла "Faith".

Но, скорее всего, прав Фред Дерст, кан-то сказавший: "Я думаю, мы создали новый стиль в рок-музыке. Хотя другие команды также пытались комбинировать пение, рэп и тяжелый рок, но никому не удалось найти оптимального решения, при котором тяжелый рок заставляет двигаться стадион в сто тысяч человек, а мелодии петь во всем мире".

Следующий их альбом "Significant Other", выпущенный в июне 1999 года, резко отличается от дебютного. Он представляет собой коллекцию песен, некоторые "Limp Bizkit" исполняли на гастролях во многих странах, наблюдая за реакцией слушателей, и если какая-либо песня имела успех, ее включали в альбом. Название "Significant Other" (что в переводе означает как "Другой знак"), конечно же, отражает взаимоотношения мужчин и женщин, — говорит гитарист Вес Борланд. — Его мы мечтали записать с момента образования группы. Он включает в себя песни и композиции с совершенно различным звучанием, стилями, от мелодичности до тяжелого рока".

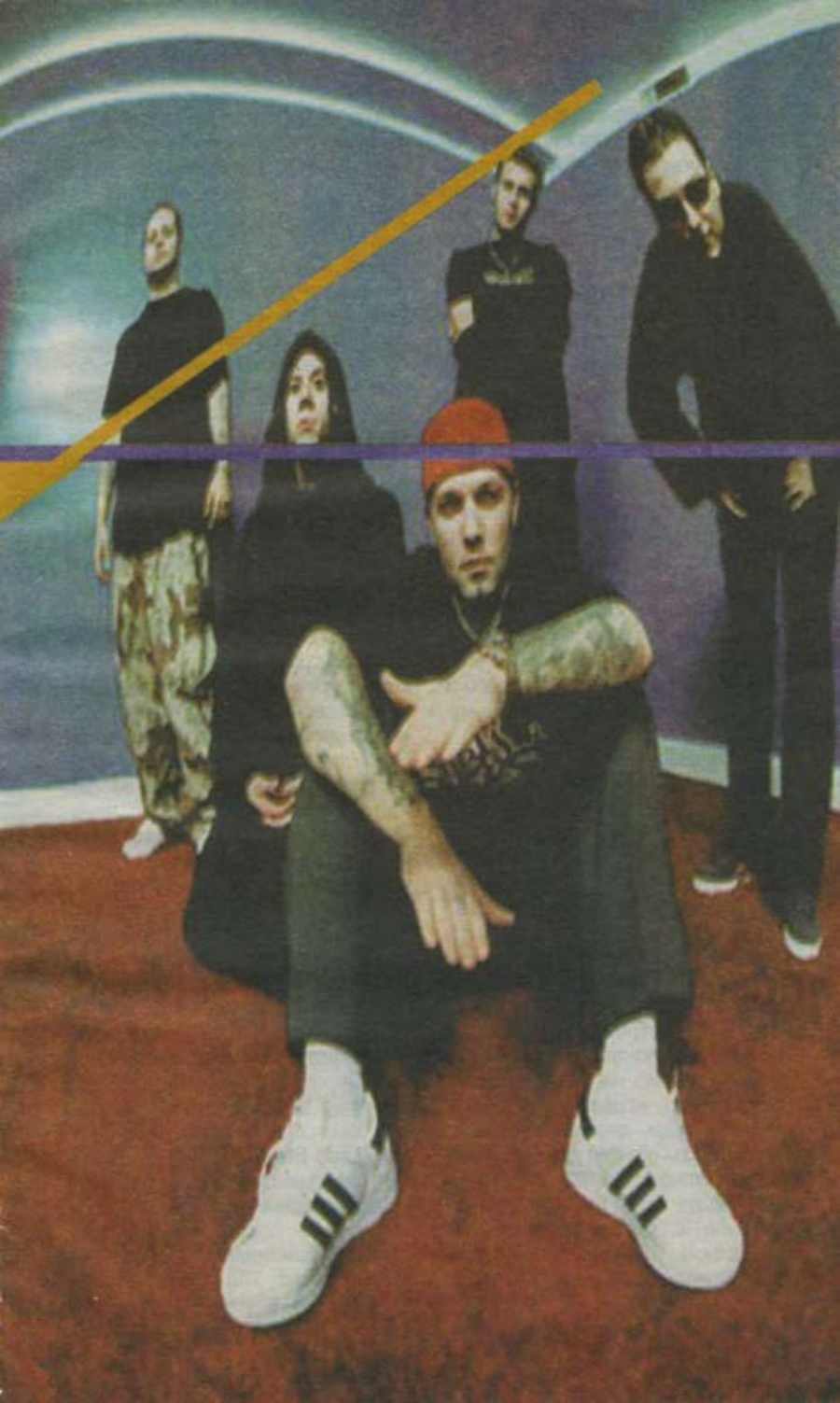
Давая волю своему бурному воображению и в дальнейшем, "Limp Bizkit" начала работу над своими оригинальными концертами, сопровождающимися довольно сложными танцами

брейн-дансеров. А сцену они унарашали в стиле кинофильма "Марс атакует". Если кто помнит этот голливудский комедийный боевичок, тот без труда представит себе их декорации – совершенно фантастические, вот уж действительно, неземные пейзажи, выполненные в кроваво-красных тонах.

"Limp Bizkit" состоит из пяти человек. Главный, "лицо" команды – Фред Дерст, он создатель и лидер группы, а когда-то начинал карьеру, как... татуировщик. Он родился в 1971 году в Гастонии (штат Северная Каролина). Женат, имеет дочь и любимого бульдога по кличке Бизкит. (Истати, кличку пес позаимствовал от второго слова в названии группы.)

Рос Фред настоящим бунтарем. Неугомонный дух ребенка досаждал родителям, и его частенько запирали одного в комнате, "но я не был плохим – я просто не знал, что плохо, а что хорошо". Учился он неважно, а, вернее сказать, и вовсе не учился, так как никогда не утруждал себя выполнением домашнего задания. Школа для Фреда была не храмом знаний, а местом, где он мог покататься на скейте, потанцевать брейн, поиграть в бейсбол... "Но я закончил школу и не остался на второй год лишь только потому, что учителя меня не переносили". Позже Фред признается, что "за свою жизнь столько натворил дел, что голова идет кругом. Грабил магазины, лгал всем подряд, предавал друзей, я был жадным и похотливым..."

В восемнадцатилетнем возрасте будущий нумир молодежи

переехал в Джексонвилл, затем служил на американском флоте. После срочной службы ему пришлось немало хлебнуть. В Сан-Франциско он встретил свою любовь. У молодой четы появилась дочь — Адриана Дерст. Но брак оказался кратковременным. Узнав, что жена ему изменяет, Фред подал на развод. Правда, прежде избил своего соперника, за что и попал за решетку. «Это первый раз, когда меня посадили, — рассказывал Фред, — и это было ужасно. Я сказал себе, что должен начать все сначала». Выйдя на свободу, он вернулся в Северную Калифорнию, но лишь затем, чтобы распрощаться со своими друзьями, сесть в машину и уехать во Флориду. Там открыл салон татуировок, тогда тату только входили в моду, салонов было еще мало, и дела его в бизнесе шли неплохо. Однако музыка не давала покоя.

Петь Дерст начал еще лет в одиннадцать. В Джексонвилле пытался создавать группы, пробуя разные стили музыки, но панк-ом и роком увлекся только в 1983 году. Фред долго искал подходящую команду, но из тех, с кем сталкивался, никто не отнесился к музыке серьезно.

Повезло Фреду лишь в 1994 году, когда встретил Сэма Риверса, который показался ему нацеленным только на успех. Сэм — бас-гитарист, играет на гитаре в стиле Фильтри, держит ее справа. С собой Сэм привел двоюродного брата Джона Отто, барабанщика джаз-банды. Тогда же Фред познакомился с гитаристом Весом Борландом. Все они выступали в то время в разных группах.

Дерст предложил им сыграть несколько песен, которые сам и написал. Песни понравились, и они стали работать вместе. Так Фреду удалось объединить музыкантов, и они создали "Limp Bizkit". Позже к ним присоединился ди-джей Лео Диманте. Пришел Лео из знаменитой группы "Houge of Pain". Она выпускала золотые и платиновые альбомы, но вскоре стала постепенно сдавать позиции, и даже талант Лео не смог поддержать группу. Предвидя конец коллектива, Диманте начинает сотрудничать с "Limp Bizkit", и в 1996, когда "Houge..." распалась, окончательно переходит к Фреду. Для карьеры Лео это оказался лучший выбор.

Признания "Limp Bizkit" добились не сразу. Фред вручал всем своим друзьям и знакомым демо-записи своей группы и просил разнести их по студиям звукозаписи. Ему и самому приходилось выступать в роли менеджера: он звонил по телефону, изменяя голос, представлялся разными именами и так же обивал пороги студий. «Поначалу меня никто не хотел слушать, но я легко их убеждал, поскольку еще со школы мог грамотно "шевелить языком".

Группу заметили, и в Джексонвилл стали специально прилетать специалисты послушать, посмотреть, побеседовать с Фредом Дерстом. А недавно его назначили вице-президентом студии Interscope Records. Он снял для "Limp Bizkit" два клипа, написал два сценария и надеется поставить несколько фильмов.

Однако после выхода третьего альбома "Chocolate Starfish And The Dog Flavored

Water" гитарист Вес Борланд решил уйти из "Limp Bizkit", о чем публично заявил на MTV при получении "Оскара". И дело здесь не в ненависти между членами группы, как пытаются объяснить некоторые — команда в хороших отношениях между собой, — просто Борланд хочет попробовать что-то еще в своей музыкальной карьере. Теперь у них будут разные пути. Свое официальное прощальное письмо к группе Вес закончил словами: "Я надеюсь, что многие из вас смогут открывать ваши сердца чему-то новому".

Потеря для коллектива, конечно же, большая, но не смертельная. "Limp Bizkit" по-прежнему находится на волне успеха и продолжает экспериментировать, меняя и мешая различные

стили. Не унывает и Фред: "Я всегда верил, что могу добиться большего по сравнению с тем, что уже сделал. Но вот что меня тревожит на самом деле, так это возможность провала, неоправданная надежда фанатов. Поэтому в каждый новый альбом мы включаем лирические композиции. В дальнейшем планируем поработать над инструментальной музыкой, может быть, даже будем использовать на концертах скрипки, виолончели..."

Сейчас группа выпускает альбом ремиксов на свои лучшие композиции под названием "New Old Songs" (новые старые песни). Потому что девиз команды остается прежним: "Никогда не останавливаться на достигнутом. Только вперед!" ■

Евгений МАКАРОВ

8 февраля

в американском городе Солт-Лейк-Сити открываются очередные, уже XIX-е, зимние Олимпийские Игры. Российская сборная будет выступать в тринадцати видах программы, но главные надежды на золотые медали мы, болельщики, возлагаем на наших фигуристов, биатлонистов, конькеистов и лыжников.

Лидером российской женской сборной по лыжам, бесспорно, является спортсменка из Подмоскovie Юлия Чепалова.

**Юлия
ЧЕПАЛОВА:**

**«Мне лыжи
папа
смастерил»**

На счету нашей олимпийской чемпионки уже множество крупных побед. 23 декабря прошлого года Юле исполнилось только 25 лет, а у нее дома в Одинцово места нет от медалей и различных кубков. Четыре года назад на чемпионате мира Юля выиграла бронзу на дистанции 30 километров. В 1998 году стала олимпийской чемпионкой в Нагано на этой же дистанции. Она — обла-

дательница Кубка мира 2000-2001 годов. В прошлом году стала золотым призером чемпионата мира в финском Лахти, завоевала бронзу в спринте.

Мало кто знает, что первые лыжи для олимпийской чемпионки Юлии Чепаловой изготовил отец из своих старых лыж. Девочке они так понравились, что теперь ее редко кто может обогнать на 30-километ-

Фото автора

ровой дистанции. Наш корреспондент накануне отъезда Юли в США взял у нее интервью.

— Юля, многие лыжники моего поколения в детстве и не зна-

ли, что такое пластиновые лыжи и катались кто в чем. Мастерили даже самодельные лыжи, которые привязывали к валенкам. Ты никогда не каталась на самоделках?

— Не поверите, но именно на них начиналась моя спортивная карьера. Спасибо умельцу-папе. Мне было три года, когда он изготовил мне самоделки в родном Комсомольске-на-Амуре. Это заняло не много времени. Как человек деловой, который практически все делал в доме своими руками, он обычной ножовкой отрезал задники у своих лыж, немного подстрогал их рубанком, чтобы нижний конец лыж был потоньше, и затем поставил крепления. Их он сделал из двух полосок резины, которые вырезал из старой автомобильной камеры.

— Видимо, очень ему хотелось, чтобы ты стала лыжницей...

— Папа и сам бегал на дистанции от 5 до 70 километров. В молодости работал на заводе имени Гагарина слесарем и все время что-то мастерил. Неплохо выступал на соревнованиях, затем стал тренером, и вот уже более 30 лет тренирует мальчишек и девчонок. Я только ему обязана, что он приобщил меня к этому виду спорта.

— Но тебя-то он, наверное, тренировал как родное чадо, делал скидны на тренировках?

— Ничего подобного, никаких поблажек не было. А если папа иногда на меня злился, то самое страшное, что он мог сделать, так это запретить мои лыжи в чулан. Я так любила бегать на них, что мне даже в куклы играть не хотелось. В школе мало кому из ребят удавалось обогнать меня на лыжне, а про девчонок и не говорю.

— Где проходили тренировки — на стадионе или в лесопарковой зоне?

— Бегала по лесам так, что диких зверей распугивала. Приро-

да в наших краях красивая. Бяжишь, а тебе лыжню перебегают куницы, соболя, белки. Однажды на медвежонка наткнулась. Он от меня в гору, а я от него под гору. Лечу и все думаю, как бы не пустилась за мной медведица. Они просто свирелеют, когда кто-то их детенышей пугает. Но все закончилось благополучно.

— Увлечение лыжами не мешало учебе в школе?

— Так я после восьмого класса поступила в СГТУ, два года училась на слесаря контрольно-измерительных приборов. Но в классе мне сидеть не нравилось. Во время занятий все мечтала выскочить на улицу, надеть лыжи и мчаться наперегонки с ветром. Скоро мои мучения в училище закончились. Но я девушка практичная и понимала, что весь век на лыжах бегать не придется и закончила институт физкультуры в Хабаровске. Сначала выступала за "Локомотив", затем перешла в "Динамо".

— И какое звание у динамовки Чепаловой?

— Была прапорщиком, а сейчас младший лейтенант. Мне и квартиру в Одинцово выделили по линии "Динамо". Правда, пока там бываю наездами.

— Отец тебе сейчас помогает на соревнованиях?

— А кто же еще обо мне позаботится! Папа для меня и теоретик, и практик в одном лице. В лыжном деле он большой дока, а уж для своей дочери всегда старается, как говорят специалисты, "попасть" в мазь. Папа научил бегать на лыжах уйму спортсменов, он заслуженный тренер России. Думаю, что в душе он гордится мной, но обычно, как

человек скромный, этого не показывает.

— С виду ты такая хрупкая, как же тебе удается выигрывать на "тридцатке"? Или у тебя есть какие-то секреты?

— Во всем нужна сноровка, закатка, тренировка! Сначала уйму пота пролила на дистанции 15 километров. На ней отработывала выносливость и силу. Да так, что стала шестикратной чемпионкой мира среди юниоров. Потом проверила себя на чемпионате России и стала первой на "тридцатке". Тогда и поняла, что это моя коронная дистанция. А особых секретов у меня нет и быть не может. Ничего нового не скажу, ведь каждый знает, что в спорте побеждает сильнейший.

— После большого спорта кем бы хотела стать, тренером?

— Это адская работа. Я на папу смотрю и порой в душе удивляюсь — это какое же надо иметь терпение, чтобы каждый день проводить тренировки! Нет, я такую мятю просто не выдержу. Наверное, стану программистом, но для этого еще надо учиться.

— Про таких, как ты, раньше говорили — номсомолка, спортсменка, красавица...

— Номсомолкой мне побыть не удалось, а что красивая, так мне об этом парни говорят и сейчас. Меня не раз признавали победительницей не только на лыжне, но и на конкурсах красоты. Дома храню грамоты, где написано, что я "Мисс Рамзау", "Мисс Номсомольска-на-Амуре", "Мисс очаровательная улыбка Нагано".

— Как у тебя на личном фронте?

— Недавно вышла замуж за лыжника Диму Ляшенко. Кстати,

его тоже тренирует мой папа. По-знакомились на сборах, а самое прикольное то, что сначала мы просто дружили и часто ходили звонить на почту вместе — я своему парню, а он — своей девушке. Но в один день все переменялось и мы начали встречаться, а звонить бывшим знакомым в одночасье перестали. Свадьбу мы сыграли в Одинцово. У меня было белоснежное платье с кринолином. Кстати, я жуткая модница, люблю, когда в шкафу много различных платьев, на все случаи жизни.

— Нание другие виды спорта ты любишь?

— Предпочитаю плавание — это гармоничный вид спорта. Жалею, что в столице бываю наездами, а то бы ходила в бассейн чуть ли не каждый день. Заметила, что когда плаваю, нахожусь в отличной спортивной форме. И даже выгляжу лучше.

— А на сборах тебя не раз видели с ракеткой в руках...

— Люблю поиграть сет-другой с хорошими партнерами. В теннисе работают практически все мышцы и от азарта игры на счет получаешь двойное удовольствие. В душе завидую теннисистам, которые за победы получают такие призовые, которые нам, лыжникам, и не снились. И жизнь у них интереснее — путешествуют по странам и континентам круглый год.

— А правда, что многие лыжницы любят вязать?

— Как-то в Швеции сидели в аэропорту и заснували. Тогда я начала девчат по сборной обучать вязанию. Некоторым это так понравилось, что вяжут по сей день. Выгода двойная — время летит

незаметно и есть возможность обновить семейный гардероб.

— Ты такая стройная, наверное, сидишь на диете?

— Пока могу себе все позволить. Мы не гимнастки, где каждый лишний килограмм имеет огромное значение. Люблю простую русскую пищу. Обожаю сельдну под "шубой" и борщ. Из напитков — томатный сок. Спортивный режим могу нарушить лишь в день рождения. Обычно мне на весь вечер хватает фужера шампанского. Н сладостям я равнодушна.

— Что тебе нравится помимо большого спорта?

— Фотографироваться! Вот закончу бегать, уйду в фотомодели. Мне уже приходилось пробовать себя в необычном амплуа — снималась в рекламе косметики в журнале "ELLE". Позировала и для нескольких скандинавских журналов. Предлагали сняться для "Плейбой", но муж воспротивился, а я послушалась. В результате лишилась гонорара в 50 тысяч долларов. А они бы нам сейчас не мешали.

— О будущей Олимпиаде часто думаешь?

— Постоянно. Хотелось бы и там доназвать, что Чепалова не случайно завоевала золото в Нагано. Кстати, в Солт-Лейн-Сити мы с Димой уже побывали. Пробовали трассу. Сколько же там змей и саранчи! Однажды змею переехала на роллерах. Думала, что умру от страха. Хорошо, что муж был

рядом. Трасса там довольно тягелая — большие подъемы и спуски. Но это меня не пугает.

— А что еще знаешь про столицу будущей Олимпиады?

— Знаю, что это главный город штата Юта, что здесь в команде НБА играет один из самых популярных в США баскетболистов Карл Мэлоун и недавно за "Юту Джэз" стал играть Андрей Кириленко. Говорят, что в дни Игр дворец клуба НБА "Юта Джэз" будет отдан в распоряжение фигуристов. Неподалену от Солт-Лейн-Сити находится второе по величине из подобных мировых водоемов Большое Солёное озеро.

— Где будут состязаться лыжники?

— На стадионе в местечке Солдие Холлоу. Здесь лыжники и биатлонисты разыграют 19 комплектов наград. Тем, кто собирается за нас поболеть, рекомендую прихватить с собой бинокли. Дело в том, что трассы расположены на разных уровнях и у зрителей с биноклями будет уникальная возможность увидеть события не только непосредственно на стадионе, но едва ли не по всей трассе.

— От тебя можно ждать еще одно олимпийское золото?

— Просто так, на экскурсию, ехать в Америку не собираюсь. Но и обещать заранее ничего не люблю...

Беседу вел
Николай ЗУЕВ.

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
XI международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

16. Н. КУЛИГИН
 Украина

17. А. СЛЕСАРЕНКО
 Дубна
 Московской обл.

18. Н. АКИМОВ
 Казахстан

19. Л. ЛЕБЕДЕВ
 Беларусь

20. В. ЖЕЛТОНОНИКО
В. КОВАЛЕНКО
 Россия

21. М. ЧЕРНУШНО
 Уссурийск

22. А. СЫГУРОВ
 Самарская обл.

23. Ф. НАКАБАДЗЕ
 Грузия

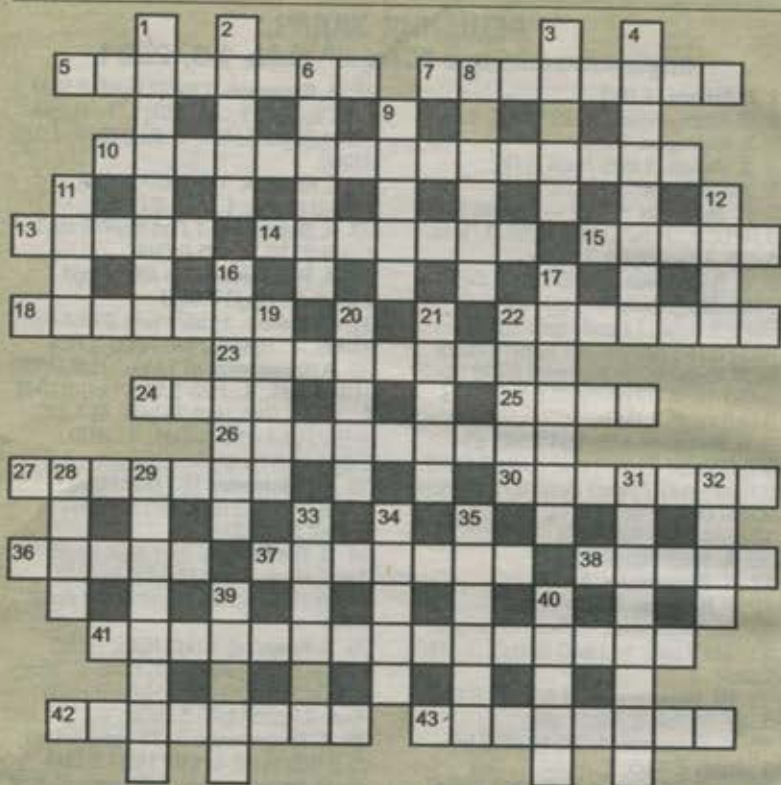
24. А. ТОГЕР
 Израиль

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ, опубликованных в "Смене" №№ 1-3, 2001

1. **Г. Егоров.** 1.Нб3
2. **В. Мариновский.** 1.Сa5? Лсб1, 1.Сe5
3. **Б.Жежерун.** 1.Лг6
4. **З. Лабин.** 1.Нд5 Краб 2.Лг7,
1...Крг8 2.Нf6
5. **С. Ткаченко.** 1.Фe2 — 2. Фa6 Нрд8
3.Лд1х, 1...Нрб7 2.Фb5 Краб 3.Ла1х,
1...c5 2.Фe7 Нрб8 3. Лн8х
6. **В. Гребешков.** 1.Нд5 Нг8 2.Фe7
7. **М. Матренин.** 1...Нрe4 2.Нрс3
Нрс3 3.Ле5х. 1.Нрс2 Нрс3 2.Нрс3
Нрс2 3.Лf5 Нрд1 4.Лl1 Нрс2 5.Ле1х
8. **М.Хофман.** 1.Сe2 Нрб8 2.Сf3 Нрс8
3.Лb7 Нрд8 4.Сg4 Краб 5.Лd7 Нрf8
6.Сh5 Нрр8 7.Лd8х
9. **Н.Зиновьев.** 1.Нг3 g4 2.Нf5 g3
3.Сb8 Нрб8 4.Не7 Краб 5.Нрр3 Нрб8
6.Нрf4 Краб 7.Нрс5 Нрб8 8.Нрд6 Краб
9.Нс6 bc 10.Нрс7 c5 11. b7 Кра7
12.б8Ф Краб 13. Фb6х
10. **А. Каргалов.** 1.Фh7
11. **Х. Грудзински.** 1.Фb7
12. **Л.Лебедев.** 1.Сe1
13. **М. Чернушко.** 1.Фс8 Лс8 2.bcФ,
1...Лa8 2.баС, 1...Краб 2.Фс5, 1...Лb7
2.Фb7
14. **М. Нормильцев.** 1.Фa1 f6 2.Фa8,
1...g5 2.Лh4, 1. Фс1? g6!
15. **Е. Богданов.** 1.Лe8 Нрд5 2.б4,
1...Нрд4 2.Фa5, 1...Нрб4 2. Лe4
16. **А. Епифанов.** 1.Фd5 Нрf3 2.Фd6
Нрс4 3.Нрр4, 2...Нрс3 3.Нд2;
1...Нрс3 2.Не2 Нрс2 3.Фd2, 2...Нрf3
3.Фd3
17. **А. Варицкий.** 1.Не3 de 2.Нрс3 f2
3.Нрf2, 1...Нрр1 2.Нf1 f2 3.Фс6,
2...Нрf1 3.Фh2
18. **С. Иллосов.** 1.н8Л Кра1 2.Лa8
Нрб1 3.Лс1 Нрб2 4.Лаa1 Лd3 5.Нрд3
Нрб3 6.Лсb1х
19. **Л. Лебедев.** а) 1.Нб6; б) 1.Сb6;
в) 1.Сd5
20. **Н.Акимов.** 1.Сf3
21. **В.Шумарин.** 1.Нб3
22. **В.Иванов.** 1.Нрр7
23. **Б.Жежерун.** 1.Лг6? Нс5!, 1.Лг4
24. **А.Кошельков.** 1.Фс1
25. **Ш. Акбулатов.** 1.На4 Нрб5 2.Фс5,
1...Нрд5 2.Фс7, 1...Нрб6 2.Сf5
26. **Э.Наговицын.** 1.Фс3 Нрс2 2.Нд1,
1...Нрс4 2.Нд5, 1...d2 2.Нс2, 1...d4
2.Нс4
27. **Е. Богданов.** 1.Нс3? Нрс5 2.Фd1,
1...f3 2.Фa4, 1...e2 2.Фg1, 1...Нрр4!
1.Фd1 Нрс5 2.Нс3, 1...f3 2.Фd4, 1...e2
2.Фe2
28. **Г. Козюра.** 1.Сa2 Сf7 2.Лd8,
1...Сa2 2.Сh5, 1...Сd7 2.Сa4
29. **А. Варицкий.** 1.Лс4 Нрд6 2.Фf6,
1...d6 2.Лf4, 1...d5 2.Лd4
30. **В. Желтоножко.** 1.Фa2 Нрр4
2.Фg2, 1...Нрр6 2.Фg8
31. **Л.Пронин.** 1.Нд2 Нрд6 2.Нс4 Нрс7
3.Фb6, 1...Нрf6 2.Нрf8 Нрс6 3.Нс4
32. **В.Коваленко.** а) 1.Нрh2 Нд6 2.Фf3
d1Ф 3.Фd1, 1...Нс3 2.Фс4 Не2 3.Фd3,
1...d1Ф 2.Фd1 Нд2 3.Нрh1; б) 1.Фf3
Нс5 2.Нрh1 d1Ф 3.Фd1, 1...d1Ф
2.Фd1 Нс5 3.Нрh1
33. **М. Матренин** а) 1.Нс8 Нрс4
2.Нрс2 Нрд4 3.Нд6; б) 1.а3 Нрс4
2.Нрс2 Нрд4 3.Нрд2
34. **В. Гребешков.** а) 1.Фa7 Нрр8
2.Нб3 Нрh8 3.Нd4 Нрр8 4.Не6; б)
1.Фg2 Нрh7 2.Нс2 Нрh8 3.Нd4 Нрh7
4.Нf5
35. **А.Тогер.** а) 1.Лd5 Нрб6 2.Лb5
Нрс6 3.Сс8 Нрд6 4.Ле5 Нрс6 5.Лебх;
б) 1.Лd3 Нрс5 2.Нрс7 Нрб4 3.Нрб6
Кра4 4.Нрс5 Кра5 5.Ла3х
36. **Х. Грудзински.** 1.Сf5 Нрб8 2.Сс8
a5 3.Сd6 Кра8 4.Нрс7 Кра7 5.Сb7
37. **В. Морозов.** Мат в 6 ходов а) 1.d4
Нрд4 2.Нрд2 Нрс4 3.Нf2 Нрf3 4.Нh3
Нрс2 5.Нрс2; Нрh1 6.Сd5х; б) 1.Сa3
Нрд4 2.Нрд2 Нрс5 3.Нрс3 Нрf6 4.Нрf4
Нрр7 5.Нрр5 Нрh8 6.Сb2х
38. **С. Ткаченко.** 1.Сd4 a4 2.Лb6 Кра5
3.Нрс7 a3 4.Сс3 Нрс4 5.Нраб a2
6.Лb4 Кра3 7.Нрс5
39. **Н.Зиновьев.** 1.Нрр2 g4 2.Сh2 g3
3.Нрр3 Нрб8 4.Нрf4 Нраб 5.Нрс5 Нрб8
6. Нрд6 Нраб 7.Сс6 Нрб8 8.Нрд7 Нраб
9.Нрс8 bc 10.Сb8 c5 11.б7х

Правильные ответы на все задания при-
слали: **М. Дербин** (Налуга), **Г.Кар-
манов** (Сыктывнар), **Ю.Карташов**
(Санкт-Петербург), **В.Кожанин** (Мега-
дан), **А.Мотовичев** (Архангельск),
Г.Попов (Якутск), **А.Роганин**
(пос.Строитель Белгородской обл.),
И.Талалаев (Налуга) и **А.Цалитис**
(Латвия).

КРОССВОРД

По горизонтали. 5. "Мелнобуржуазный уклон" в партии большевиков. 7. Философ, соединяющий разные взгляды, идеи, теории и принципы. 10. Хрясь! – удар, хлоп! – падение, но-но — ... 13. Непотребная девица. 14. Самая крупная обезьяна. 15. Послереволюционный стихослагатель Д. Алтаузен однажды заявил: "Из ... я Лермонтова лишь любил" (пропущенное слово в именительном падеже). 18. Человек, пылинки с себя сдувающий. 22. Провинция, родина д'Артаньяна. 23. Специалист по стране пирамид. 24. Столица детства юмориста Е. Петросьяна. 25. Фамилия братьев-американцев, первыми взлетевших на самолете. 26. Один из двух древнеримских историков, бывших любимым чтением во времена Великой французской революции. 27. Брус на шлюпке, идущий по верхнему краю борта. 30. Озеро, где индейцы находили следы Зверобоя. 36. Фамилия французских философа и двух живописцев. 37. Табан в

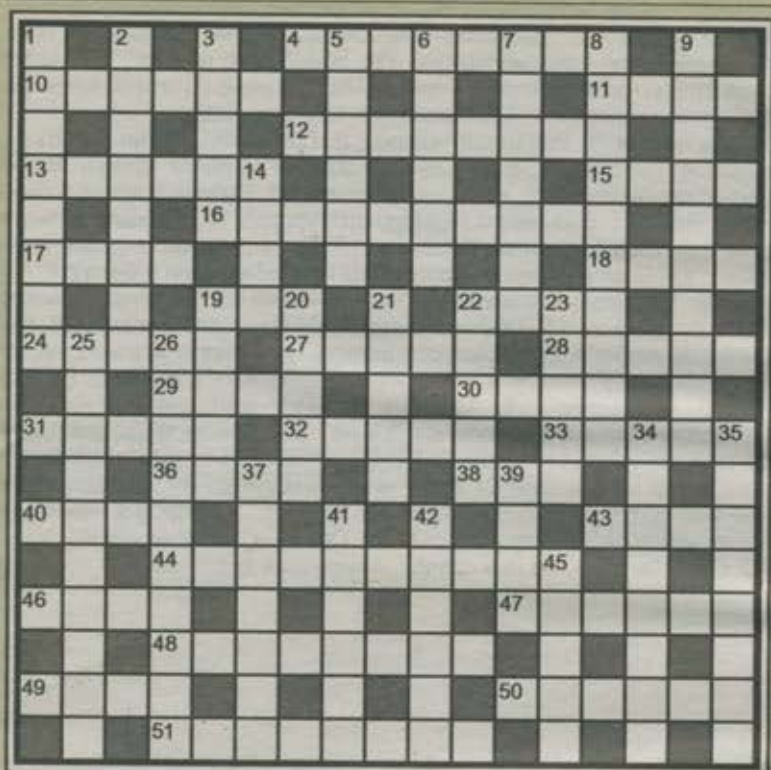
нозьею ножне. 38. Инструмент, необходимый для прекрасного пола. 41. Знаменитая комсомолка-героиня, дочь "врага народа". 42. Азиатская страна, занимающая последнее место в мире по потреблению рыбы на душу населения. 43. Лапша для больших ушей.

По вертикали. 1. Радужный человек. 2. Проназник, шалун. 3. Птичье пение. 4. Пятерочник. 6. Затмение, когда ум за разум заходит. 8. Повушна на ревматина. 9. Холостяк в агонии. 11. Смелая девочка в повести А. Волнова "Волшебник Изумрудного города". 12. Великий французский фантазер с талантом писателя. 16. Последняя часть слова, окончание. 17. Злая и коварная противница Ринки-Тини-Тави в сказке Р. Киплинга. 19. Южноамериканский зверь в названии "зверского" английского автомобиля. 20. Обычное завершение готического храма. 21. Фамилия не только зодчего русского ампира, но и многих итальянских архитекторов, скульпторов и художников. 22. "Отец..." - роман О. Бальзана. 28. "Трепортёр". 29. Одно из любимых домашних русских вин. 31. Запозованный руководитель "На-на". 32. Вечная вещь для примуса, которую не стал покупать О. Бендер в "Золотом теленке". 33. Состояние, когда чего-то хочется, а вот чего - непонятно. 34. Непревзойденный мастер дедуктивного метода. 35. Человек, о котором в народе говорят, что он за копейку удушится. 39. Пружина, закрученная задумкой. 40. Система воинских отношений, попираемая девощиной. ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали. 2. Дверь. 6. Метро. 8. Уланд. 10. Брессон. 11. Земпер. 12. Ианинф. 13. Огневка. 14. Игрон. 17. Тэнно. 21. Смерч. 25. Перепел. 26. Инерция. 27. Юферс. 28. Цицерон. 29. Лосенок. 30. Альфа. 33. Монах. 36. Яннау. 39. Антоним. 40. Кретин. 41. Щебень. 42. Жиларди. 43. Тоска. 44. Нулин. 45. Сфанс.

По вертикали. 1. Штопор. 3. Вьетнам. 4. Раствор. 5. Напнан. 6. Мие-си. 7. Оброн. 8. Униат. 9. Динго. 15. Горацио. 16. Ошпарка. 18. Эмерсон. 19. Наценка. 20. Слица. 21. Слюна. 22. Ересь. 23. "Числа". 24. Ряска. 31. Литольф. 32. Фендрин. 33. Марат. 34. Натисн. 35. Ханжа. 36. Ямцин. 37. Нобель. 38. Узнин.

ЭРУДИТ

По горизонтали. 4. Один из "бледных негней Апокалипсиса" (С. Цвейг. "Вчерашний мир"). 10. Предохранитель от напастей у суеверных. 11. Нисломолочный продукт, исландское национальное блюдо. 12. Русский художник, в чьей живописи романтизм перемешан с сентиментализмом. 13. Советский писатель, выпустивший почти шестьдесят книжек для детей. 15. Речное место, где рыба, в отличие от нечисти, точно водится. 16. Писатель, вступивший в сентябре 1812 года в Московское ополчение в чине прапорщика. 17. Про нечто нурьезное или шибно модное говорят: ...те что и сбону бантик. 18. Цветок, предмет ритуального созерцания в Японии. 19. "Новый русский", изображающий непочтительного сына Ноя. 22. Урожайный вышибала. 24. Разгильдяй, растрепан, неумыван (по В. Далю). 27. Одно из трех основных занятий тофаларов. 28. "Мадонна..." - эрмитанная картина Леонардо да Винчи. 29. Каждый из великанов в скандинавской мифологии из пустынной страны за пределами "прекрасного". 30. Собачна, с удовольствием слушающая свой заливистый лай. 31. Пинакотена в Италии, во дворине которой

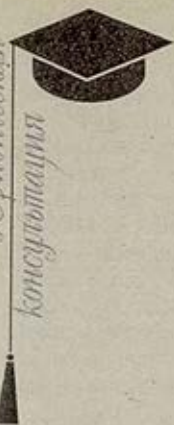
стоит статуя Наполеона в образе обнаженного Марса. 32. Немецкий историк, считавший, что самое главное – понять, "как оно, собственно говоря, было" 33. Птичье столпотворение среди снал. 36. Создатель мира и людей в мифологии народа ади в Индии. 38. Русский композитор, начисто отрицавший Д. Верди и Р. Вагнера. 40. Животное, летом в Исландии живущее само по себе. 43. Почетный, уважаемый селянин в средневековой Сербии. 44. Срок жизни, ради которого на Руси по весне топтали ногами охапку баранчиков (примул). 46. Заменитель любви на ТВ. 47. Национальная героиня, 30 лет возглавлявшая борьбу ангольского народа с португальцами. 48. Итальянский бабнин-мемуарист, страстно любивший шоколад. 49. ...-мити – народное название денег. 50. Английский художник, сопровождавший картины и их серии нраво-учительными текстами. 51. "Итальянский Глюк".

По вертикали. 1. Отдел в черепной коробке, отвечающий за равновесие. 2. Часть легиона. 3. Птица, которую в живописи Возрождения часто изображали с мадонной. 5. Такая большая мера расстояния, что свет преодолевает ее за три с лишним года. 6. Причина оттавливания спортсменов. 7. А. Пушкин: "Быть можно дельным человеком и думать о ..." (пропущенные слова одним французским словом). 8. Ипостась Ванги, действовавшей, как пишут, при поддержке болгарских секретных служб. 9. Ампула самой малорослой в мире спортсменки Мидиори. 14. Хрупкий объект семейного раскола. 19. Псевдоним, под которым писал стихи шах Исмаил, основатель Сефевидского государства. 20. Голливудская антриса, "богиня ядерного века". 21. Вес обаяния Н. Мордюковой согласно эпиграмме А. Иванова. 22. Комендант Бугульмы, породивший braveго солдата Швейка. 23. Отсутствие присутствия. 25. Процесс, в известной мере предусматривающий убеждение и согласие. 26. Русский ученый, "Ломоносов XX века". 34. Наследственный держатель земли в средневековой Индии. 35. Обратный венецель. 37. Душевное ленаство. 39. Русский мастер, чьи часы в Петергофе отсчитывали время не только Петербурга и Москвы, но и всех губернских городов. 41. Способ пастбы в рассказе И. Тургенева "Бенин луг". 42. Африканский нот, способный в прыжке схватить птицу в трех метрах от земли. 45. Качество, в наем Чацкий отказался быть по отношению к Москве.

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали. 1. Храм. 5. Суслин. 11. Атом. 12. Алиса. 13. Янун. 14. Вигвам. 15. Дали. 16. Панда. 19. "Ерма". 20. Погодин. 21. Лантан. 22. ...ножны. 24. Чоха. 26. Ринсдаг. 27. Иеремия. 29. Баренц. 30. Миллер. 31. Водопой. 32. Эрготин. 34. Фрак. 36. Ангар. 37. Тополь. 38. Емельян. 39. Юмор. 40. Зебра. 42. Холм. 43. Цитрон. 44. Идея. 45. Гауди. 46. Итон. 47. Ятаган. 48. Гуза.

По вертикали. 2. Ринардо. 3. Мандала. 4. Шотландец. 6. Унисон. 7. Лавсония. 8. Нампинский. 9. Финн. 10. Дамэ. 17. Анод. 18. Донг. 20. Патефон. 23. Жанлар. 24. Чобр. 25. Хирург. 26. Ригодон. 27. Информация. 28. Орик. 30. Молодость. 31. Виллетта. 32. Энне. 33. Гаер. 34. Фьюминг. 35. Алофеоз. 37. Тягота. 40. Загс. 41. Брут.

От фермы кусок не оторвешь

"Наша семья давно ведет фермерское хозяйство. Старший сын хочет выйти из него и заняться самостоятельным трудом на своей части земли. Каким образом должен делиться земельный участок? Нуда ему нужно обращаться с целью выдела его доли?"

П.Вараксин, Самарская обл.

Обращаться по вопросу выдела доли выбывающего члена фермерского хозяйства ему нигде не придется, так как действующее гражданское законодательство вообще не предусматривает такой возможности. В соответствии со ст.258 Гражданского кодекса РФ имущество крестьянского (фермерского) хозяйства (в том числе и земельный участок) подлежит разделу только в случае прекращения деятельности крестьянского хозяйства в связи с выходом из него всех его членов. В этом случае доли членов крестьянского (фермерского) хозяйства в праве совместной собственности на имущество хозяйства признаются равными, если соглашением между ними не установлено иное. Соглашением может быть предусмотрен режим общей долевой собственности с не-

равными долями, определяющимися в зависимости от трудового или имущественного вклада каждого участника хозяйства.

В целях сохранения целостности крестьянского (фермерского) хозяйства при выходе из него одного из участников земельный участок и средства производства разделу не подлежат. Выделяющийся участник может претендовать только на получение денежной компенсации соразмерно его доле, которая определяется согласно вышеизложенным правилам.

Учеба зачтется потом

"Я окончил лицей, потом поступил в институт. Администрация лицея отказалась вносить сведения об учебе в мою трудовую книжку. Кто должен сделать запись об учебе? Входит ли учеба в трудовой стаж?"

С.Миронов, Башкортостан

В соответствии со ст.91 Закона РФ от 20.11.90 г. "О государственных пенсиях" подготовка к профессиональной деятельности — обучение в средних специальных и высших учебных заведениях, а также пребывание в аспирантуре включается в общий трудовой стаж наравне с работой.

Правила внесения записей о работе и учебе в трудовые книжки установлены "Инструкцией о порядке ведения трудовых книжек на предприятиях, учреждениях и организациях", утвержденной Постановлением Госкомтруда СССР от 20.06.74 г. Согласно п.п. "в" п.2.17 Инструкции в трудовые книжки вносятся отдельной строкой со ссылкой на дату, номер и наименование соответствующих документов записи о времени обучения в высших и

средних специальных учебных заведениях и о времени пребывания в аспирантуре. Данные записи действительно производятся не по месту учебы, а по первому месту работы при предъявлении документов, подтверждающих учебу в том или ином учебном заведении.

Запись об учебе вносится в трудовую книжку непосредственно в учебном заведении только в том случае, если студент, поступивший на учебу, ранее уже работал и имеет трудовую книжку, выданную администрацией по месту прежней работы. Основанием для таких записей являются приказы учебного заведения (научного учреждения) о зачислении на учебу и об отчислении из числа студентов, учащихся, аспирантов, клинических ординаторов. Таким образом, отказ администрации лица внести запись в трудовую книжку правомерен в том случае, если вы до поступления в лицей нигде не работали и не получали трудовой книжки. Когда вы поступите на работу, там на вас будет заведена трудовая книжка, в которую будут занесены периоды учебы во всех учебных заведениях, студентом которых вы были.

Право на солнечный свет

"Соседи строят большой дом на своем участке слишком близко к нашему. Из-за этого в наш дом не попадает солнечный свет. Регулируются ли как-то расстояния между домами на соседних участках?"

А.П. и В.В. Назаровы,
Ярославская обл.

Размещение строений на земельных участках граждан действительно регулируется. Таким ак-

том являются СНиП 30-02-97 "Планировка и застройка территорий садоводческих объединений граждан, здания и сооружения. Нормы проектирования", утвержденные Постановлением Государственного комитета Российской Федерации по жилищной и строительной политике от 10.09.97 г.

В соответствии с вышеуказанным нормативным актом требования к расстоянию между жилыми строениями, расположенными на соседних участках, носят противопожарный характер и различаются в зависимости от того материала несущих и ограждающих конструкций, из которого созданы постройки. Так, например, минимальное расстояние между жилыми строениями из камня, бетона и т.д. должно составлять 6 метров, тогда как расстояние между двумя деревянными домами должно быть не менее 15 метров. СНиП приводит минимальные значения расстояний для всех видов материалов и их сочетаний.

Кроме того, существует требование для естественной освещенности жилого строения и земельного участка, которая, согласно п.6.12 СНиП, должна обеспечивать собственную непрерывную продолжительность на период с 22 марта по 22 сентября - 2,5 часа, или суммарную 3-х часовую, допускающую однократную прерывистость в течение дня.

Вышеприведенные нормы и правила приняты в соответствии и в развитие положений Градостроительного кодекса РФ, а также Федерального закона от 15.04.98 г. "О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан".

Среди детей тоже очередь

"Наша семья переехала в другой город. Хотели отправить ребенка в ближайший детский сад (муниципальный), но там сказали, что из-за отсутствия свободных мест принимают только льготников. Что за категории детей имеют преимущественное право на поступление в детский сад?"

М.Анисимов, Липецк

В настоящее время деятельность детских садов регулируется "Типовым положением о дошкольном образовательном учреждении", утвержденным Постановлением Правительства РФ от 1.07.95 г. Типовое положение регулирует деятельность государственных, муниципальных дошкольных образовательных учреждений всех видов.

В соответствии с п.25 Типового положения правила приема детей в учреждение определяются учредителем. При этом данный нормативный акт устанавливает преимущественное право на принятие некоторых категорий детей. В дошкольное образовательное учреждение в первую очередь принимаются дети работающих одиноких родителей; учащихся матерей; инвалидов I и II групп; дети из многодетных семей; дети, находящиеся под опекой; дети, родители (один из родителей) которых находятся на военной службе; дети безработных, беженцев и вынужденных переселенцев, студентов. Дети других родителей принимаются при наличии свободных мест.

Сельсовет вместо нотариуса

"В нашем поселке нет нотариальной конторы. Кто может заве-

рить доверенность или завещание? Прав ли суд, не признающий документы, заверенные сельсоветом?"

Л.Пименова,

Ставропольский край

Нотариальная деятельность в России осуществляется на условиях и в порядке, предусмотренном Основами законодательства Российской Федерации "О нотариате", принятыми 11.02.93 г. В соответствии со ст.37 Основ в случае отсутствия в населенном пункте нотариуса нотариальные действия совершают должностные лица органов исполнительной власти. Основами законодательства "О нотариате" и компетенции должностных лиц отнесено осуществление следующих действий: удостоверение завещаний, удостоверение доверенностей, принятие мер к охране наследственного имущества, свидетельствование верности копий документов и выписок из них, свидетельствование подлинности подписи на документах. Законодательными актами Российской Федерации на должностных лиц органов исполнительной власти может быть возложено совершение и иных нотариальных действий (например, удостоверение сделок, свидетельствование верности перевода документа с одного языка на другой и т.д.).

Таким образом, если речь идет об удостоверении доверенности либо завещания, то документ, удостоверенный местным органом исполнительной власти, действителен, имеет юридическую силу и должен приниматься при рассмотрении дела в суде. ■

Ольга КОРЫТКО, адвокат,
консультант "Смены"
по юридическим вопросам

**29—31 марта
2002 года**

**Всероссийский Выставочный
Центр (павильон № 5)**

Организаторы: Министерство образования Российской Федерации и Государственная организация "Международное образование", ОП ВВЦ "Наука и образование"

**Дополнительное образование
Подготовка и переподготовка специалистов
Аспирантура
Новые образовательные технологии
Производители и дистрибьютеры
продукции для системы образования**

Участники:

университеты, институты, колледжи, фирмы, предоставляющие обучение за рубежом, курсы, зарубежные образовательные организации, издательства и т.д.

Печатные издания, книги

Традиционно в рамках выставки пройдут семинары с участием российских и зарубежных специалистов, руководителей Министерства образования Российской Федерации

**ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ — КЛЮЧ
К ВАШЕМУ УСПЕХУ И ПРОЦВЕТАНИЮ
В III ТЫСЯЧЕЛЕТИИ!**

Оргкомитет выставки: тел.: 954-51-95,
тел./факс: 954-17-32, e-mail: edex@ins.ru

ГО "Международное образование"

предлагает: образовательные программы за рубежом в государственных и частных учебных заведениях (языковых центрах, общеобразовательных школах, колледжах, университетах) и консультации по вопросам обучения за рубежом.

Тел./факс 954-54-14,
тел.: 954-50-47
e-mail: edex@ins.ru

RALPH
ESTER[®]

Classic collection

Одежда, которая не просто отражает последние достижения моды, но подчеркивает Вашу индивидуальность и Ваш стиль.

Коллекция
"Лето — 2002",
новая одежда
из льносодержащих тканей.

Продается в ГУМе,
универмаге "Московский"
и других ведущих магазинах.

Работаем с оптовиками:
ООО "Ральф Эстер";
Тел./факс: (095) 374-98-10

*Вниманию москвичей
и гостей столицы!*

В дни весенних школьных каникул
для детей, родителей, специалистов

23-26 марта 2002 года

**ТОЛЬКО У НАС!!!
БЕСПЛАТНО**

- ✓ Спектакли и игровые программы
 - ✓ фестиваль детского творчества и выставки детского рисунка
 - ✓ консультации логопеда и психолога
 - ✓ лекции и семинары ведущих ученых и педагогов
 - ✓ знакомство с зарубежным опытом наших гостей.
- А также
- ✓ продукция фирм и издательств для детей
(по ценам ниже рыночных)

Ярмарка — это беспрецедентная благотворительная акция, которая дает родителям уникальную возможность узнать массу интересного и неожиданного о воспитании детей, специалистам — редкий шанс в одном месте за несколько дней познакомиться с эксклюзивными авторскими методиками, перенять педагогический опыт практиков, детям — провести несколько чудесных дней в мире игр, превращений, сказок, песен и танцев, смеха и веселья.

Ярмарка идей “Дети: XXI век”

Культурный центр
Москва, ул. Б.Марьинская,
15-а (метро “Алексеевская”)
Тел.(095) 215 47 67
E-mail: cultcentre@mtu-net.ru

ЗДОРОВАЯ КОЖА — ЗДОРОВЫЙ МАЛЫШ

Чем отличается лечебная косметика, производимая «ИНФАРМОЙ», от продукции других фирм? «ИНФАРМА» — практически единственный в России разработчик и производитель детской косметики, обладающей лечебным эффектом.

«ДЕТСКИЙ КРЕМ» в течение нескольких минут снимает зуд, успокаивает воспаление и раздражение кожи, ускоряет заживление при контактном дерматите, экземе, псориазе, юношеских угрях, ожогах и опрелостях.

«ДЕТСКИЙ БАЛЬЗАМ» применяют при воспалительных заболеваниях кожи для предупреждения появления трещин, шелушения, зуда, заживления высыпаний.

«ДЕТСКИЙ ШАМПУНЬ» (и «ДЕТСКАЯ ПЕНА для ванн») поможет нежно ухаживать за раздраженной кожей.

Все это можно приобрести в аптечной сети или заказать по почте наложенным платежом (цена комплекта из 5-ти наименований — 158 руб. без стоимости доставки).

БЕСПЛАТНО прилагаются диетические инструкции и другие рекомендации по уходу за кожей. **ПОДАРОК** — противовирусный, противогрибковый крем «ВИРАЗОЛ».

«ИНФАРМА»: 117571, Москва, ул.28-ти Бакинских Комиссаров, 1-2-17.
Тел./факс: (095)141-90-65

Ищите «32 ЖЕМЧУЖИНЫ»!

Помните зубной порошок? Это «невкусное» средство тем не менее прекрасно отбеливает зубы. Ранее считалось, что мел — слишком жесткий абразив, он истончает, «стирает» зубную эмаль. Но мел, который используется при изготовлении зубных паст нового поколения (и, в частности, паст белорусской фирмы «Модум», известной по своим маркам — «Кедровый бальзам», «Семейная», «Фтородент», «Мятная», «Лесная»), изготавливают по специальной технологии, и размер его частиц сопоставим с размером частиц кремния в хорошо знакомых кремниевых пастах иностранного производства типа «Бленд-а-мед». Последние исследования показали, что для наших зубов предпочтительнее и роднее зубные пасты на меловой основе. К тому же мел — природный, естественный материал. Новая серия «32 жемчужины» представлена тремя видами паст, оказывающими разное лечебно-профилактическое воздействие. Паста «32 жемчужины» с фтором предотвращает заболевания зубов и десен. Второй вид — с добавлением кальция, строительного материала для костных тканей. «32 жемчужины» отбеливающая — паста, осветляющая зубы и разрыхляющая зубной камень.

Вся продукция фирмы — шампуни, кремы, лосьоны и, разумеется, зубная паста проходят исследования в клинике НИИ радиационной медицины и эндокринологии в Аксаковщине и только после отличных рекомендаций поступают в продажу. Так что смело отправляйтесь в магазины на поиски драгоценностей!

ЗАО «МОДУМ» Республика Беларусь, 220030, Минск, ул.Энгельса, 34, 3-й этаж, тел./ф.: (017)227-22-11, 229-22-33

Официальный дистрибьютор в России:

Компания «ТОРН».

Москва тел.:(095)786-20-00/02

ЧИСТЕЙШАЯ ВОДА?

"ДЕЛЬФИН" СДЕЛАЕТ ЕЕ ДЛЯ ВАС!

В предыдущем номере «Смены» мы рассказали о бытовых фильтрах зеленоградской фирмы «Фильтр». Зеленоградцы выпускают также промышленные установки для очистки воды и в том числе — «Дельфин-1000».

Установка используется для очистки воды в коттеджах, детских садах, больницах, столовых, кафе, прачечных.

Ее отличают большая производительность (до 1000 л/час), удобство и простота в эксплуатации, надежность. «Дельфин-1000» обеспечивает превосходное качество очистки, — удаляет механические и органические загрязнения, железо, тяжелые металлы. По вкусу — это натуральная родниковая вода!

Систему можно организовать из одного, двух, трех или четырех модулей. Состав воды, поступающей на очистку, определяется:

- содержанием железа (превышение предельно допустимых концентраций в 2-10 раз — до 50 мг/л);
- наличием в воде таких исключительно вредных для здоровья тяжелых металлов как кадмий, стронций, свинец, ртуть, цинк, медь, а также органических загрязнений, в том числе фенолов, пестицидов и т.д.;
- наличием хлорорганических соединений, поверхностно-активных веществ.

Один модуль используют при расходе воды не более 200 л/час и в том случае, если загрязнение воды не превышает ПДК в 2-3 раза.

Два модуля устанавливают при превышении ПДК в 5 раз.

При степени загрязнений, превышающих предельно допустимую концентрацию в 10 и более раз, необходимо установить 3-4 модуля. Такая система обеспечит годовой ресурс эксплуатации при расходе 1000 л/час.

Замена фильтра производится фирмой через год, причем стоимость заказа снижается до 50 %.

«Дельфин-1000» — превосходный подарок для всей семьи. Он особенно нужен детям и старикам, ибо позволяет восстановить иммунитет (за счет серебра, имеющегося в воде на выходе из модуля), защитить от болезней.

Продукция МВП «Фильтр» имеет Международный знак Европейского качества, дипломы и золотые медали выставки «Лучшие товары и услуги на рынках России». Предприятие является победителем конкурса «1000 ЛУЧШИХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИИ XXI ВЕКА».

Мы с удовольствием ответим на все ваши вопросы по телефонам:
(095) 531-65-33, (095) 532-80-58.

НИКОЛАЙ ГОРСКИЙ-ЧЕРНЫШЕВ

У него были прекрасные учителя. В суриновском институте он защищал диплом в мастерской Таира Салахова. Затем совершенствовал свое образование в творческих мастерских Российской Академии художеств под руководством академиков братьев Тичевых. А еще раньше, в детстве, начинал рисовать под присмотром своих родителей — известных живописцев, народных художников России. К этому следует добавить, что дед Николая Горского-Чернышева — ученик Серова и К.Норовина, преподавал во ВХУТЕМАСе, входил в художественное объединение "Маковец". Так что у Николая было у него учиться и наследовать дарование. Сейчас его выставки проходят не только в России, но и во многих странах Европы и США. А летом прошлого года его приняли в творческий союз художников Флоренции.

Николай работает во многих жанрах. Пишет портреты, натюрморты, пейзажи, исторические картины, и довольно часто смешивает в одном полотне разные стили, жанры и направления. Особенно любит писать интерьеры, в основном исторические, для чего выбирает залы в Историческом музее, пушкинском Изящных искусств, работает и в величественном павильоне "Академической дачи" имени Репина. Вообще для творчества Николай характерны национальные традиции русской культуры и истории. И это относится не только к его интерьерам, но и пейзажам, в которых — просторы средней полосы России.

А в портретах Николай (изображает он почти всегда девушек) стремится не только передать внешнее сходство с моделью, но и подчеркнуть эмоционально-психологическую глубину образа, а порой и связь с "окружающей средой". Для чего иногда изображает девушек на пленэре, вполне справедливо полагая, что женская красота всегда гармонично сочетается с красотой природы.

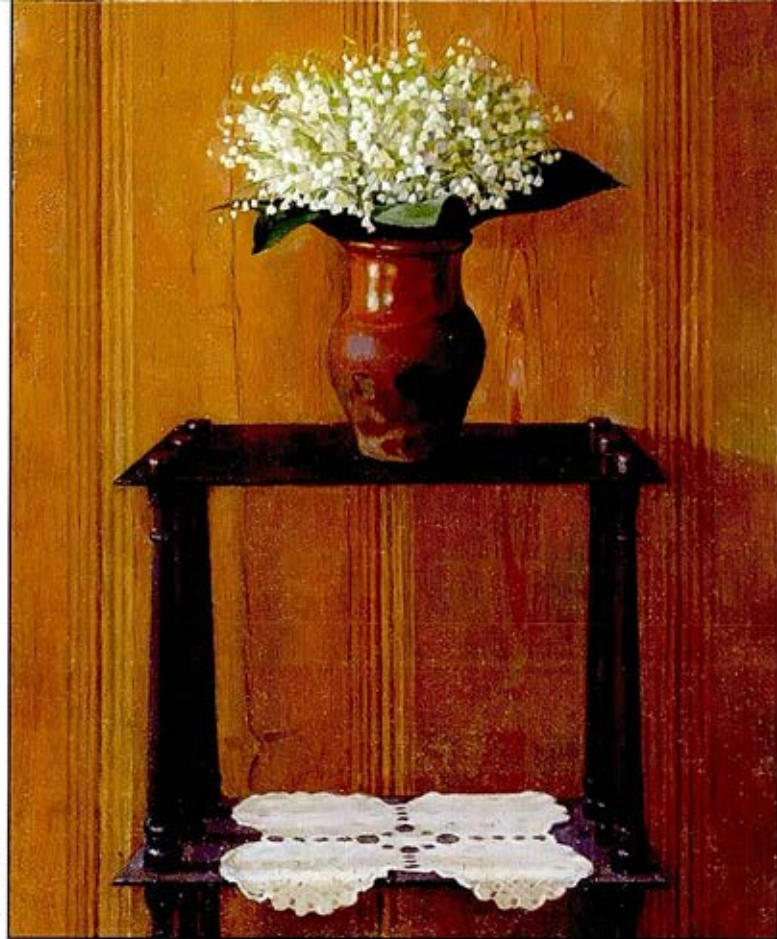
Интересны и жанровые сценки художника. На первый взгляд, сюжеты их просты и бесхитростны — "Перед грозой", "Месяц родился", "Дороги детства" — но в то же время в них философская многозначность образов, некий символизм и всегда светлая гармоничность мироощущения. Вот, например, картина "Русские просторы" — незамысловатая сценка. Нусочек из деревенской жизни. Девочки, одна из них верхом на лошади, находятся среди бескрайнего поля спелой, сверкающей золотом, ржи и собирают бунетинки пронзительно синих васильков. Спокойный, лирический сюжет. А символизирует он, по словам художника, не только красоту жизни, но и любовь и юность, веру и надежду, что мир не потрясут катаклизмы, что страсти когда-нибудь поутихнут, и человек сможет наконец-то обратить внимание, как прекрасна земля, на которой он живет. "Я всегда прислушиваюсь к звукам, всматриваюсь в различные, разноликие образы, — говорит Николай, — чтобы выбрать единственный, созвучный моей душе. Иду не ради оригинальности, а просто хочу вывить свои эмоции. Ведь именно они и формируют творческую индивидуальность художника".

Людмила КАНДАЛОВА

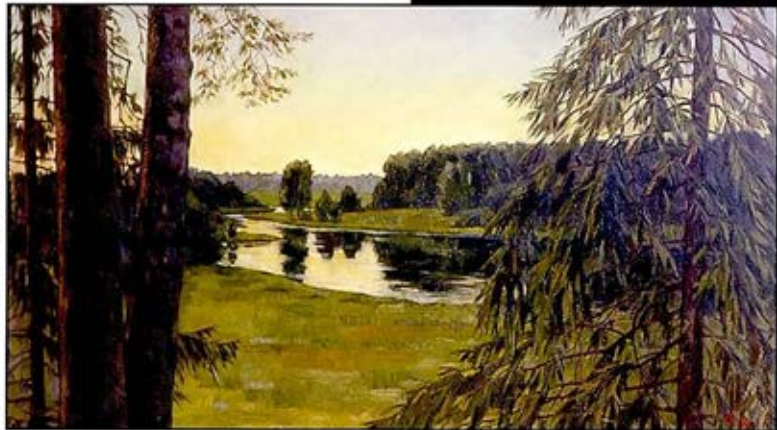
Летний вечер тих и ясен...

Ландыши.

Рена Мста. Начало осени.

ПРОИЗВОДСТВО БЫТОВОЙ ТЕХНИКИ

ЛУЧШАЯ БЫТОВАЯ ТЕХНИКА
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ
КРУПНЫМ И МЕЛКИМ ОПТОМ

426057, г.Ижевск
ул.М.Горького,90
тел.: (3412) 51-02-31
факс: (3412) 78-58-9

АКСИОН **ТНП**

e-mail: tnp@axiontnp.ru
www.axiontnp.ru